

Эдуард Геворкян

ДЕРЕВЯННЫЕ ОБЛАКА

Эдуард
Геворкян

ДЕРЕВЯННЫЕ
ОБЛАКА

З В Е З Д Н Ы Й

Л А Б И Р И Н Т

**Эдуард
Геворкян**

ЛАБИРИНТ

З В Е З Д Н Ы Й

Эдуард Геворкян

**Деревянные
облака**

АСТ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44
Г27

Серия «Звездный лабиринт»

Компьютерный дизайн В. Лебедевой

Геворкян, Эдуард

Г27 Деревянные облака : [сб.] / Эдуард Геворкян. — Москва:
АСТ, 2014. — 414, [2] с. — (Звездный лабиринт).

ISBN 978-5-17-083758-8

В сборнике представлены повести и рассказы мэтра отечественной
фантастики, выходившие ранее только в журналах и альманахах.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84 (2Рос=Рус)6-44

© Э. Геворкян, 1988, 2001, 2002, 2004, 2009, 2012
© ООО «Издательство АСТ», 2014

Деревянные облака*

*Деревянные облака
над морем крови и гноя.
Рвутся кожаные паруса.*

Арнольди,
«Пустыня Гесперид»

Ветер, набухший мокрым снегом, полз над болотами, лесами, глухо постанывал в обгоревших стропилах, вырывался на простор и бил липкими снежинками в черные силуэты печей, тщетно пытаясь их заново выбелить.

По серому насту поляны осторожно кралась волчица. Замерла. Нарастал слабый, поначалу еле слышимый звук. Волчица рывком поднялась и, увязая по самое брюхо в снегу, ушла в чащу.

Стук и лязг приблизились, выкатилась платформа с мешками, ее толкал паровоз. За ним несколько вагонов, обшитых стальными листами, и две платформы, крытые

* Эта повесть должна была выйти в свет в 37-м выпуске сборника «НФ» («Научная фантастика») издательства «Знание» в 1993 году. Однако известные события тех лет остановили выпуск сборников. У меня сохранилась лишь верстка сокращенного варианта, который и предлагается вниманию читателей. Был соблазн переписать, «осовременить» текст, написанный в 1985 году, но мне кажется, что это будет не очень правильно, поскольку может исчезнуть дух времени, а вернее, безвременья, в которое мы были погружены. Исчезнет предчувствие неминуемых перемен, странных и непонятных событий, которые прошли по судьбам моих современников. Читателю судить, верным ли было это решение. — Э. Г.

брезентом. У переезда паровоз зашипел и окутался паром, сухо грохнули буфера. Из вагонов посыпались солдаты, быстро расчехлили машины под брезентом, откинули борта платформ, придвинули брусья, и по ним, стреляя сизым дымом, грузно развернулись и сползли два танка — черные кресты на белой краске и короткое рыло пушки.

Танки взревели и зашлепали гусеницами по еле видимой колее, за ними двинулась колонна солдат.

Анастасия Захаровна охнула и опустила занавеску.

— Принес нечистый на нашу голову!

Ухватилась за кольцо в половице, подняла тяжелую крышку, сдавленным голосом сказала вниз: «Тихо вы там!» Опустила крышку, кинула половик и надвинула скамью. Перевела дыхание и села у окна, слушая рокот гусениц, лай и чужие голоса.

Ближе к вечеру в избу без стука ввалился трезвый и злой Егор Жомов. Прислонил винтовку к столу и попросил воды. Анастасия Захаровна молча смотрела на Жомова.

— Ты, это, не бойся, Настя, — сказал, не дождавшись воды, Егор. — К тебе никого не сунут, я сказал, больная, а они заразы боятся.

— А мне чего бояться? — подала голос Анастасия Захаровна.

— Ладно уж, — махнул рукой Егор. — Я не Чмыхов, душегубства на себя не возьму. Своих-то попрячь, чтоб носа не казали.

— Чего?

— Того... А ну, положь топор! — Егор подскочил к старухе и вырвал из рук колун. — Я про твоих квартирантов давно знаю. Хотел бы — тепленькими взял. Ты Чмыхова бойся, а меня не бойся. Мне эта служба — вот! — Провел ладонью по горлу.

— Что же в лес не уйдешь?

— А я дороги не знаю, — подмигнул Егор. — В лесу меня только и ждали. До первой березки доведут и... смерть предателю! С твоими вот жильцами, глядишь, и дойду. Может, поверят, дадут искупить.

— О чём раньше-то думал? — всплеснула руками старуха. — Голова седая, а ума нет! Тебя что, силой в полиции гнали?

— Силой не силой, а без меня Чмыхов вас всех тут...

— И с Чмыхова спросят.

Егор вдруг захихикал.

— Знал бы Чмыхов... Когда его папашу раскулачивали, я у них патефон прибрал. Хороший. Жаль, пружина лопнула.

— Чмыхов-то душегуб, а вот ты — жулик!

— Ну и ладно. Да, вот еще! Немцы утром в лес пойдут, прочесывать. Предупредить бы, а, Настя?

Анастасия Захаровна пожала плечами.

— Они, это, вроде базу засекли. Окружают. Начальник, герр Хевельт, злой, гадюка. И стеклышко в глазу. Чмыхов трепал, будто ночью самолет упал. Может, летчиков уже подобрали, в лесу, или ховаются где-то.

Егор хотел еще что-то сказать, но не решался, выглянул в сени и, подойдя к старухе, жарко зашептал в лицо:

— Ты сведи меня с ними, Настя! Слыши, не бойся! Я хоть сейчас в лес, да кто поверит. А я... вот те крест.

До того жалкими были глаза Егора и так луком от него несло, что не выдержала Анастасия Захаровна и влепила по небритой щеке. Показала на дверь. Егор лишь покачал головой, хмыкнул «Крепко!» и пошел вон. Через секунду снова возник в избе:

— Так я завтра зайду, ты мне верь, без меня худо будет!

И прикрыл дверь, уворачиваясь от летящей картофелины.

— Плохо, Анастасия Захаровна, по всему видать — плохо! — Голос Лыкова глухо в кромешной тьме подпола: — Значит, так! Бери Валю и пацана, и до лесу. У меня две гранаты. С ногой далеко не уползу. Сунутся — встречу. А там видно будет.

Анастасия Захаровна сидела на старых мешках. Она знала, что Лыков сейчас лежит в углу, на холстине, брошенной на сено. Рядом с ним на бочке сидит племянник Женька, а здесь, на мешках, примостилась и греет ей бок Валентина.

Всех до слез жалко. Кузьму Лыкова отряд месяц назад оставил. Нога все не заживает. Два раза из лесу за ним приходили. Он вставал, делал несколько шагов и падал. Доктора бы, да где взять? В отряде доктором был Колька-коновал, сын соседский, да и тот пропал.

Евгений, племянник, перед войной на каникулы приехал, погостить. Как началась проклятая, так от родителей ни слуху, ни духу. Брата Захара дите, поздний ребенок. Нарадоваться не могли родители. Женька весь в мать, в Елену Моисеевну. Когда немцы пришли, невесть откуда Чмыхов возник, старостой заделался. Женьку как увидел, обрадовался нехорошо, все приставал, когда, мол, мамка за ним приедет? Анастасия Захаровна его спрятала в подпол. Чмыхов потом ходил, спрашивал, где племянник, щурился и вроде не поверил, что в город ушел. Пару раз наведывался, на миски-ложки смотрел, но в подпол не лазил. А полез бы, ничего и не нашел: хитрый погреб соорудил покойник Михаил, большой был умелец.

И Валентину жаль. Осенью партизаны состав рванули, а немцы, оказалось, другой эшелон пустили. Наших в неметчину угоняли. Народ разбежался, кто до партизан добрел, кто в лесу пропал, а Валентина ночью к избе Анастасии Захаровны вышла. Ее бабка жалела больше всех — девушка на выданье, а тут света божьего не видит и воздуху разве что из отдушины.

Вот еще и каратели нагрянули. И Жомов, прохиндей, языком чешет.

— Что он насчет летчика трепал? — спросил Лыков.

— Наш самолет, говорит, подбили, в лесу упал.

— А летчик?

— Вроде ищут.

— Может, немцы из-за него?.. — подала голос Валентина.

— С танками-то? — сердито буркнул Лыков.

— Базу окружить хотят, — вздохнула старуха.

Лыков засопел. То, что Анастасия Захаровна называла базой, — несколько землянок, наспех вырытых в мокрой глинистой земле прошлой осенью, когда отряд с трудом оторвался от преследования и ушел болотами. Ни рации, ни явок в городе. Хорошо, по дороге взяли грузовик с боеприпасами, воевать есть чем. Облава — ерунда, за единственной грунтовкой следят, а уж танки заметят!

— Вот что, — сказал он после раздумья, — если полицай снова придет, ты мне его покажи. Только... — помолчал, — значит, я в соседний погреб переберусь. Полицая туда веди. Посмотрим. Если что, живьем не выпустим.

— У меня нож есть, — раздался ломающийся голос Жени.

— Молодежь может пока помолчать, — сердито ответил Лыков. — Нож есть, а двенадцати еще нет.

Утром Жомов не пришел. Днем тоже. С утра танки просекой уползли в лес. Весь день Анастасия Захаровна настороженно прислушивалась к далекой пальбе, глухим взрывам. А вечером снова заплюхали гусеницы. Позже объявился и Егор.

— Уходить надо, Настя, — сказал с порога. — Хевельт лютиует. Он чуть на мине не подорвался. Может деревню спалить.

Анастасия Захаровна долго всматривалась в испуганные глаза полицая, но ничего, кроме страха, не видела в них.

— Вот что, — решилась она, — ты выдь, погуляй немножко, потом зайди.

Жомов послушно кивнул и вышел.

Старуха кинулась к половицам у печи, замерла, медленно подошла к окну и минуту-две взглядалась в темноту. Вздохнула, отпихнула половик и взялась за кольцо...

— Давно в полицаях?

— Год. Год всего. Вот баба Настя не даст соврать.

Рука Жомова дернулась ко лбу, но повисла в воздухе.

Лыков сидел на скамье, вытянув простреленную ногу. На полицая он не смотрел, спрашивал будто нехотя, время от времени вскидывая на него глаза. Тогда Жомов ежился, начинал тараторить, валить все на судьбу, на Чмыхова...

— Раскаялся, значит, как немцев прижали?

— Да я... — Жомов привстал, но под взглядом Кузьмы осекся и севшим голосом сказал: — Что ж, мне теперь прощения нет?

— В лес-то есть дорога, были б только ноги. А то походи в полицаях, свои люди везде нужны.

Жомов перевел дыхание, слегкотнул, махнул рукой.

— Не могу. Завтра велено с немцами в Поддубки идти. Карать. Не хочу крови на себя брать. Это Чмыхову все равно. А я не хочу!

— Вот, значит, как, — протянул Лыков. — А что народ погубят, тебя, значит, не касается?

В избе стало тихо. За окном стонал, свистел ветер.

— Шесть верст до Поддубок, — негромко сказала старуха. Лыков посмотрел на нее, перевел взгляд на полицая, тот привстал, но снова сел.

— Часовых понаставили, — сказал он. — Меня и Петра у дальнего колодца Чмыхов определил, за полночь.

— Кто это — Петр?

— Чмыхова прихвостень, — махнул рукой Жомов. — Они вместе сидели. Уголовная харя! Он ведь, гад такой, у меня кисет спер...

— Кхм, — произнес Лыков, и Егор замолчал.

— Пешком не дойдем, не успеем, — сказала Анастасия Захаровна. — Сани нужны. Сани у Савелия есть, у соседа.

— У него и лошадка есть, — вставил Жомов, — на вид дохлятина, а так крепкая.

— Савелий — мужик хороший, но даст ли лошадь? — покачала головой Анастасия Захаровна.

— Даст, — уверенно сказал Жомов. — Куда денется! Лыков вопросительно посмотрел на него.

— Я так думаю, Савелий у себя летчика прячет, — и самодовольно добавил: — Сам догадался! Ни одна душа не знает, а я знаю!

— Ну-ка, ну-ка, — дернулся с места Лыков и зашипел от боли.

— Третьего дня упал, так! Савелий тогда к Чмыхову приходил, в лес отпрашивался, за валежником. Утром. А к полудню вернулся. Я к нему в сарай заглянул, случайно, а валежнику там — смех один! Савелий из избы носу не кажет и старуха его тоже.

— Мало ли что... — начала было Анастасия Захаровна.

— Мало-немало, а лошадку даст. Скоро начнут по избам шарить. Хевельт, собака, злой. Значит, как я в охранение пойду, сразу к Савке надо.

— Помолчи, — оборвал его Лыков, — голоса у тебя пока нет. Затем повернулся к старухе.

— Савелий этот далеко живет?

— Плетень общий.

— Как бы разузнать?

— Схожу, — кивнула Анастасия Захаровна.

— Как же его в лес выпустили? — спросил Лыков.

— Так немцев еще не было! — удивился Жомов. — Они ведь когда приперлись?!

Анастасия Захаровна вышла. Жомов тоже поднялся.

— Идти мне надо, — просительно сказал он. — Чмыхов хватится, Петра пошлет. Я попозже заскочу.

И тихо закрыл за собой дверь.

Лыков сполз на пол и лег, тихо постанывая. Так он лежал недолго, боль постепенно отпускала, он стал подумывать, как бы обратно на лавку влезть. В избу вошла Анастасия Захаровна. Увидев Лыкова на полу, кинулась к нему, ухватила за плечи.

— Порядок, мамаша, — бодро сказал Лыков.

Анастасия Захаровна скинула с себя драную телогрейку, стянула ушанку, подула на озябшие руки и подсела к нему.

— Слыши, Кузьма, а ведь летчик и впрямь у Савелия.

Женя, худой долговязый подросток, помогал Лыкову напяливать на ногу разбитый старый валенок. Валентина закуталась в бабкино старье и стояла у двери, прислушиваясь.

— Идет кто-то, — тихо сказала она.

Лыков вытащил револьвер и откинулся к печке. Женя достал из кармана самодельный нож на деревянной ручке и шагнул вперед.

— Брысь! — грозно прошипел Лыков.

Мальчик обиженно дернул плечом и подошел к Валентине. Анастасия Захаровна переглянулась с Лыковым и откинула засов. Ввалился Жомов, весь в снегу, тяжело дыша.

— Чего расселись? Где сани-то? Хватятся меня...

— Не шуми, Егор, — прервала его старуха. — Сейчас летчика Савелий к нам перетащит, а сани к огородам выведет.

— Надо было его сразу в сани класть. Пока его туда-сюда, у Петра терпение лопнет. Летчик ранен, что ли?

— Вроде нет, а в чувство не приходит.

— Контужен, значит, — сказал Лыков.

В сенях хлопнула дверь, донесся сдавленный голос: «Держи, держи». В комнату, пятясь, влез мужчина в затянутой овчине, из сеней послышался тот же голос: «Ну, чего же ты?»

— Вот и Савелий, — сказал Жомов. — Давай, давай, скорее.

— А ты подсоби, указчик! — огрызнулся Савелий.

Жомов подскочил к нему, и они втащили большой закутанный в холстину сверток. С другого конца сверток держала жена Савелия — сгорбленная высохшая баба Клава.

Сверток уложили на большой стол. Савелий осторожно распеленал его. Лыков привстал с места и покачал головой.

Молодой парень. Длинные черные волосы. Глаза закрыты. Странный комбинезон — в обтяжку, блестящий, словно из серого шелка. Бляшки поблескивают. И шлемофон вроде не наш; со всех сторон стеклышики небольшие. На левой руке широченный браслет с металлическими полосами.

— Летчик, говоришь? — с сомнением протянул Лыков.

— Вот и я раскинул, вроде не похож, — закивал дед Савелий. — Говорили, летчик, мол, спрыгнул, а никто самолета не видел. Я его у Гнилой балки подобрал. Лежит и бормочет что-то. Меня увидел, сказал только «Ну, вот» и глаза закрыл. С тех пор никак не оклемается.

Лыков кивнул Женьке: «Пособи-ка», — оперся на его плечо и доковылял до стола. К нему подошла Валя, испуганно посмотрела на летчика.

— Ладно, потом разберемся, — сказал Лыков.

— Верно, — подхватил Егор. — Не ровен час, у Петра...

Дверь с грохотом ударила в стену. В проеме вырос солдат, за ним второй. В долгополых шинелях, с автома-

тами наперевес, они ворвались в комнату, за ними вошел невысокий рябой человек в полушибке с полицейской повязкой и следом офицер.

— Все здесь, герр Хевельт! — ощерился рябой. — Чмыхова провести — это ни-ни! Чмыхов на сто верст измену чует.

Офицер поднял указательный палец, и полицай замолчал.

Анастасия Захаровна окаменела у окна, а Савелий как присел на скамью, так и остался сидеть, положив руку на топорище.

Лыков стоял, держась за плечо Женьки, а Валентина прижалась к нему, глядя застывшими глазами на солдат.

Хевельт подошел к столу, мельком глянул на лежащего, сказал: «Вундербар», — и засунул пистолет в кобуру.

— Я-то думал, она только щенка прячет, — махнул полицай стволом винтовки в сторону Анастасии Захаровны, — а тут, выходит, вот оно что! Говорил мне Петро про Жомова...

— Иехх!

Бледнеющий на глазах Жомов, не размахивая, въехал прикладом в подбородок Чмыхова. Чмыхов грохнулся об пол. Дед Савелий привстал, и в тот же миг топор, описав короткую дугу в воздухе, хрястнул о грудь солдата у двери, тот перегнулся пополам и, вогнав короткую очередь в пол, свалился.

Второй успел полоснуть очередью деда Савелия, и тот упал лицом вниз. Жомов выстрелил солдату в живот, а когда немец схватился за рану, полицай выстрелил снова.

Хевельт выдral из кобуры пистолет, и тут в спину ему бабахнул револьвер Лыкова. Офицер извернулся ужом, вскинул парабеллум, но выстрелить не успел.

Вторую пулю Кузьма всадил ему в лоб. Фуражка, сдвинутая на затылок, отлетела к стене. Хевельт взмахнул руками и упал на спину, оскалившись в зверской улыбке.

Раненый пошевелился на столе, медленно раскрыл глаза, со стоном поднял правую руку и, дотянувшись до браслета, коснулся его.

С громким щелчком, похожим на сухой треск ломающегося льда, в комнате возник и тут же исчез черный шар. Вместе с ним исчезли Лыков, Женька, Валентина и тот, кто лежал на столе — я...

Глава первая

Четырнадцать лет мне исполнилось, когда я вместе с родителями переехал из Алтайской промзоны в Базмашен. Отец тогда работал старшим наладчиком грузовых линий, мать занималась химией гафнийорганики и носилась между институтом и промзоной. Дома мы ее видели с четверга по воскресенье. Утром в понедельник она успевала быстро проинструктировать и перецеловать всех и исчезала под вой и слезы младшей моей сестры. Впрочем, через несколько минут сестра спокойно говорила: «А мамка наша опять ускакала», — и шла на первый этаж, в детский комплекс.

Ситуация была простая: отец подписал контракт на два года, работа затянулась, и четыре раза пришлось продлевать контракт. Два года обернулись десятью, школу я закончил в промзоне, а сестра доучивалась в Базмашене. Старшая сестра, Кнарик, жила с матерью в Москве. Повзрослев и слегка разобравшись в делах взрослых, как-то я спросил у отца, не развелись ли мы с ними? Отец молча покрутил пальцем у виска.

— Не помните, сколько было окон у вашего дома в Базмашене? — спросил мужчина в светлой рубашке, рассеянно перебирающий пластинки инфоров.

— Десять—двенадцать... — Я пожал плечами.

* * *

В Базмашене нас ждали бабушкин дом и сама бабушка. Она сразу же принялась хлопотать, окружила плотной заботой.

Потом был большой семейный совет, и меня долго пытали насчет планов на будущее. Будущее для меня было в туманной дымке, сквозь которую проступали всяческие картинки романтического свойства. После того как тесты развеяли дымку, романтики поубавилось. Выяснилось, что к химии склонности у меня никакой, хотя мать к ней подталкивала, напирая на семейные традиции. Мне нравилось возиться с красками, но два спаленных экрана привели к мысли, что живопись не для меня. На математических играх я часто попадал во вторую десятку. Неплохо справлялся с агробионикой во время летних отработок учебного кредита. Но сказать, что мечтаю работать на гидропонных плантациях, не могу. Куда хотелось, так это в освоенцы — пиф-паф-трах-бум, трудности и геройизм, приключения каждый день. Но на конкурс освоенцев подают с двадцати одного года, да и то, если овладел двумя профессиями.

Ждать семь лет? Вечность! Я поддался уговорам бабушки и записался на четырехлетний цикл в Базмашенский политехникум, благо тесты. «Конструирование и эксплуатация обучающих систем» — так назывался цикл.

Выпускную тему защитил по высшему баллу и получил открытый сертификат. После недолгого раздумья выбрал специальность «испытатель обучающих машин». Меня направили в Ереванский учебный центр на полугодовую стажировку. Потом или просто повезло, или маманя пустила в ход связи, но вдруг образовался контракт в Мытищинский институт экспериментальной педагогики. Отец был недоволен, зато мать откровенно радовалась — из Подмосковья до нее всего десять минут без пересадки.

Два года в Институте. Одна командировка в Тихо. Там никак не могли разобраться после монтажа с тренажерами, а все наши наладчики сидели на Проекте. Вот и по-просили меня быстренько слетать туда-обратно. На Луне время провел весело. Систему я им наладил, правда, всю неделю слегка мучило. Народ там гостеприимный, но никто не предупредил, что при пониженной гравитации некоторые напитки домашнего изготовления из организма выводятся медленно.

На Проекте из нашего сектора было трое — Глеб Карамышев, Райнер Клюге — испытатель Европейского учцентра, и я. К тому моменту, когда Проект выходил на финиш, Карамышев вывихнул ногу, у Клюге родилась дочь, и он взял недельный отпуск. Тут выяснилось, что в монтаже напутали коммуникации, потом вдруг скисла элорганика, и пришлось менять транспьютерные блоки. Испытания грозили завершиться провалом, прогон за прогоном кончался неудачей, ну а чем кончилась восьмая проба, вы, наверное, знаете лучше меня.

Директор Института переглянулся с человеком в светлой рубашке, задававшим странные вопросы. Тот кивнул и подошел к столу.

— Извините за назойливость еще раз! Моя фамилия Прокеш, я, можно сказать, эксперт.

Я привстал и кивнул.

— Собственно, — добавил Прокеш, — экспертом я стал позавчера, почти сразу после вашего... происшествия. У меня одна просьба. Повторите все подробности — цвет глаз ваших уважаемых родителей, сколько комнат в доме вашей бабушки — словом, все!

Директор с интересом посмотрел на Прокеша.

— Вы полагаете, это настолько серьезно? — спросил он.

— Не знаю! Но у меня есть маленькие сомнения, а как эксперт я обязан их рассеять или... Наоборот. Даже

самые невероятные предположения. В первую очередь — самые невероятные.

— Вы думаете, — директор пожевал губами, — рокировка?

— Ничего я не думаю, — улыбнулся Прокеш, сел в кресло и сцепил пальцы на большом животе, — ничего не предполагаю, подвергаю все сомнению, в том числе и гипотезу рокировки. Покровский, конечно, большой ученый и великий физик, но у его учеников необузданная фантазия. Это хорошо, но...

Эксперт покрутил пальцами в воздухе.

Директор молча смотрел на него, а я на директора. Что касается гипотез, то довелось мне в эти дни услышать разное. За три дня нафонтанировали столько, что экспертом расхлебывать много недель, если не месяцев.

Месяцев! Большим я тогда был оптимистом.

Между тем директор протянул руку и взял со стола прозрачный конверт с пластинкой инфора. Там же, в конверте, находился служебный сертификат. Судя по цвету полос — мой!

— Ну что ж, — сказал директор, — рекомендации Совета Попечителей для меня закон. Отдаю его вам. Испытатель Барсегян, вы командируетесь в Европейский учебный центр. Есть возражения?

Я не успел ответить, как заговорил Прокеш.

— Все это формальности, — сказал он. — Вы можете находиться, где вам будет удобно. Под Прагой прекрасные лаборатории, а поскольку Центр в Праге, то проще все решить на месте.

Он говорил чисто, с мягким, еле заметным акцентом. Возражений у меня не было. Сейчас больше всего хотелось выснуться — лечь прямо на ворсистый пол в директорском кабинете, и часиков шесть чтоб меня не трогали.

— А пока, с вашего позволения, — Прокеш взял конверт, — давайте немного отдохнем.

— Давайте! — невольно воскликнул я.

По коридору я шел, плохо соображая, что он говорит. Он довел до лифта, поднялся в медсектор к моей комнате. Я успел ему вежливо что-то промямлить, вошел, упал на диван и заснул.

В просмотровом зале Института я второй или третий раз. На меня не обратили внимания. Непривычно как-то. Обычно покажешься на людях — вроде бы пальцем не тычут, но напряженное любопытство повисает в воздухе, руками можно потрогать. За неделю я насытился славой, плотно наелся.

Директор и Прокеш сидели рядышком и, склонив головы друг к другу, тихо беседовали. Глеб Карамышев и незнакомый наладчик вводили инфоры. Были еще двое — один молодой, с длинными усами, а второй — с могучей лысиной, тоже усатый, но усы короткие, жесткие. Знакомое лицо. Он внимательно оглядел меня с ног до головы, хмыкнул. Молодой глянул мельком и перевел взгляд на монитор.

Делать мне здесь нечего. Все, что мог сказать, я уже сказал. Может, пригласили из вежливости? Уйти, что ли? Карамышев поднял голову, увидел меня, махнул рукой и, сказав: «Привет, Арам!», уткнулся в монитор.

Директор и Прокеш обернулись, чуть не стукнувшись носами. Прокеш сделал приглашающий жест и негромко сказал:

— Давайте к нам!

Я сел рядом. Наладчик буркнул «готово» и притушил свет.

— Ну, в общем, я повторю, — скороговоркой начал Карамышев. — В шестнадцать двадцать четыре пошла восьмая проба, в шестнадцать двадцать шесть и четыре зафиксирован контакт, в шестнадцать двадцать семь и

три испытатель Барсегян исчез из кабины двенадцатой модели экспериментальной обучающей системы на две, точнее две и одна, секунды. Затем испытатель Барсегян был обнаружен в кабине лежащим на полу, а рядом находились трое. Через несколько минут испытатель Барсегян пришел в себя. Ну... — Глеб замялся, — поговорили, выяснилось — из 1943 года. Позапрошлый век. Вернее, это они так заявили.

— А вы? — перебил его тот, что с большой лысиной.

— Что — я? — удивился Глеб.

— А как вы считаете?

Карамышев пожал плечами и посмотрел на директора.

— Вот именно, — назидательно сказал лысый. — Все это попахивает... Впрочем, посмотрим, что еще у вас там?

Глеб снова пожал плечами и включил монитор.

Цеграфии хорошие, резкие, по краям немного размытые. Я опасался, что вылезут сцены со дня рождения Сими, но обошлось.

Молодой, с усами, подошел ближе. «Эксперт Трифонов, — шепнул мне Прокеш, — а другой — мотиватор Миронов».

Я дернулся, но Прокеш удержал меня за локоть. Первый вживе мотиватор, которого я вижу. Любопытно.

Трифонов молча разглядывал цеграфии, попросил задержать одну — там, на мой взгляд, ничего интересного не было — снег и ветка ели, а на ней опять снег.

— Не пойму, — сказал Трифонов, — вроде звезды пролгядывают.

— Объекты идентифицированы, — негромко сказал Прокеш, — со всеми поправками. Полное совпадение. Звезды наши.

Последнюю цеграфию Трифонов разглядывал долго.

— Да, — наконец заключил он, — все как полагается. Как в хрониках. Шинели, каски и «шмайсеры» наперевес.

— Где это вы «шмайсеры» видите? — иронично спросил Миронов.

Трифонов несколько растерянно ткнул перед собой пальцем.

— Нет! То, на что вы сейчас пальцем указываете, пистолет-пулемет МП-38 фирмы «Ерма», калибр девять миллиметров, тридцать два патрона и прямой, как видите, рожок. А то, что называется «шмайсером», — это штурмовое ружье МК-542, калибр 7,92, тридцать патронов, а рожок, напротив, изогнутый. Конструктор, да, Шмайсер. На вооружение взят в 1944 году. Так ошибаться нельзя, на таких ошибках можно построить одну или несколько роскошных теорий. Я знаю любителей таких построений!

— Да мне то что, — огрызнулся Трифонов и сел в ближайшее кресло.

— Что там у вас с... прибывшими? — спросил Миронов. Директор развернулся к нему с креслом.

— Вы получите все материалы. Восприняли они проишествие спокойно. Кузьма Лыков спросил, можем ли мы вылечить раненую ногу. Валентина Громова вспомнила Уэллса и еще какие-то рассказы о машинах времени, а подросток Евгений Коробов долго не понимал, что произошло. Лыков интересовался, можем ли мы вернуть его обратно. Громова и Коробов этим не интересовались.

— А чем они интересовались? Очевидно, задавали вопросы?

— Да, много вопросов. Но им посоветовали немногого подождать, пока не будет решен вопрос об их возвращении.

— Неплохая шутка!

— То есть как? — поднял брови директор. Мотиватор Миронов подошел к нему и навис над креслом.

— Вы всерьез полагаете, что их можно вернуть?

— Мое мнение здесь несущественно, — веско сказал директор. — Я не специалист в этом вопросе. Я сейчас выступаю как администратор. Решение примут специалисты, эксперты и, наконец, мотиваторы. Мое дело — обеспечить реализацию принятого решения.

— И вы так хладнокровно об этом говорите! — всплеснул руками мотиватор. — Вы спокойно отправите их обратно на смерть после того, как они побывали здесь? А этическая сторона вопроса?

По-моему, он издевался. Мы ему не понравились, вот он и резвился. Мотиваторам, говорят, это на пользу, они, как и все интуитивисты, люди настроения.

— Этическая сторона вопроса меня, разумеется, волнует, — ответил директор. — Как, впрочем, и вас. Когда надо будет принимать решение, тогда и поговорим об этике. А пока все это — колебания воздуха. Вы сначала объясните, что произошло, как и почему, а тогда посмотрим, обратимо ли это... происшествие.

— Вы можете построить машину времени?

— Нет. Не уверен, что такая в принципе возможна.

— Как же вы могли обещать?!

— Во-первых, не я лично обещал, во-вторых, как бы вы повели себя, если на вас вдруг, извините, валятся люди, не являющиеся сотрудниками Института, и вообще непонятно откуда?

— А Лыков парень крепкий, — вмешался в разговор Карамышев, — когда, говорит, возвращать будете, оружия подкиньте.

— Да-да! — подхватил Миронов. — Оружие, то-се, парадоксы со временем, хронопетли, расслоение пространства и прочие красоты воспаленного ума. Темпоральная шизофrenия — вот что это такое! Никаких перемещений времени не было и быть не могло!

— А как же они? — спросил Глеб и выпятил нижнюю губу.

— Кто? Ах да... не знаю, не знаю, — пробормотал мотиватор. — Думать надо, надо думать.

— Я их успокоить хотел, — сказал Карамышев. — Поэтому и сказал, что вернем... Только вот как возвращать? Убьют их там!

— Фантастика! — донесся сердитый голос Миронова.

— Лыков просил их сразу в Клинцы закинуть — это город рядом, у них там свои люди есть. — Карамышев виновато посмотрел на директора. — Может, действительно...

— Глеб Николаевич, — устало произнес директор, — я абсолютно не разбираюсь в темпоральной физике. При всем моем уважении к вам, полагаю, что вы разбираетесь не больше моего. Да и сама темпоральная физика существует всего три дня. Я не знаю специалистов. И академик Покровский, выпустивший, кстати, из бутылки этот термин — «темпоральная физика», не уверен, можно ли считать его специалистом в этой более чем новорожденной сфере научных интересов.

Карамышев почтительно выслушал тираду директора, а потом негромко спросил у наладчика: «При чем тут бутылка?»

Мотиватор засопел, а я с интересом наблюдал за ним. Может быть, прямо сейчас хлоп — и ответит на все вопросы! Помню, смотрел года два назад передачу о мотиваторах. Парень моих лет гулял себе, щепки в воду сыпал, а потом — рраз! — и готово. Новый принцип самоконтроля транспьютеров. Правда, у него было шесть специальностей в семнадцать лет. Вот тебе и прогулочка у воды!

— Так я только чтобы успокоить их, — сказал Глеб. — С Клинцами ничего бы не вышло. Парнишка сказал, что там партизаны состав взорвали на станции. А в составе —

бомбы. Полгорода снесло, и все вокруг заражено. Пока радиация спадет...

Карамышев запнулся, потому что рядом с ним оказался мотиватор Миронов.

— Что, что здесь происходит?! — вскричал он фальцетом. — Почему об этом я узнаю между прочим, случайно?

— Мы только начинаем работать, — сказал Прокеш извиняющимся голосом. — Вся информация будет проверяться и перепроверяться. Нам еще много предстоит узнать о деталях той войны. Стоит ли сейчас так волноваться из-за каждой партизанской акции?

— Вы полагаете, не стоит, Вацлав? — спросил Миронов.

— Я думаю, у нас еще будут поводы для волнения.

— Вы тоже так считаете? — обратился мотиватор к директору.

— Я не историк, я биолог. Но не вижу причин для эмоций.

— Прекрасно! — Миронов вперил взгляд во второго эксперта. Эксперт молчал.

— Следовательно, вы все здесь считаете, — вкрадчиво сказал Миронов, — что атомная бомба у фашистской Германии в 1943 году — событие, недостойное эмоций?

— Что вы имеете в виду? — безмятежно спросил директор. — Я вообще-то не историк...

Глава вторая

С утра начались неполадки у проходчиков; сцепка развернулась не тем боком и срезала два метра силового кабеля, потом на четвертом горизонте просела порода, а почти весь крепеж забрал Гуртан на проходку. Пока сты-

ковались со складом, пока дергали туда-сюда платформы, убился час.

Второй месяц всех монтажников держали на шахте — людей не хватало. Нас сняли с монтажа на месяц, не больше. Месяц перешел во второй, теперь поговаривают о третьем.

Я краем глаза поглядывал на терминал, следя за перемещениями сцепки. Головная доползла до штрека, развернулась, встала. Связался с Гуртаном. Он сказал, что все в порядке, но течет гидравлика, немного, но течет. «Ага!» — вмешался Марченко, и начался большой разговор.

К концу смены я ошелел от вежливой ругани и криков. Был момент, когда сам чуть не сорвался и не наговорил ерунды, но вовремя сообразил, что уже третий день, как начался сезон теплых ветров. Народ слегка шалеет, когда с гор тугие струи воздуха несут запахи джунглей. Дышать одно удовольствие, но возбудимость повышается, молчуны становятся говорунами, а говоруны-то, говоруны!..

Мы приехали сюда в тихий сезон. Месяца через три я уже чувствовал себя матерым освоенцем. Предупреждали меня о теплых пряных ветрах, не раз и не два предупреждали — к новичкам отношение здесь внимательное, бережное. Я выслушал и забыл. А когда задуло, не обратил внимания и надышался. Потом я обнаружил, что распеваю во все горло, а меня тащит за руку Миша Танеев. Мы пришли в жилсектор, я несколько угомонился, только время от времени с идиотским смехом тыкал Мише в грудь пальцем, вопрошая, что он здесь делает. А Миша в свою очередь удивлялся, как я сюда попал и почему до сих пор мы не встретились — он-то четвертый год тут работает. Пришла жена. К этому времени, кажется, я был в норме. Правда, несколько раз подробно рас-

сказал ей, как неожиданно мы встретились и как это здорово, что встретились школьные друзья, не видевшие друг друга столько лет, а вот встретились, и здорово! Валентина долго разглядывала меня, присматривалась к Мише, а когда я попытался в шестой или девятый раз пересказать все сначала, ущипнула за руку, и я замолчал. Мише сказала, что таким веселым видит меня впервые.

Танееву я был рад до невозможности. Мы учились с ним в одной группе почти три года, до очередного переезда отца. Толстый, добродушный и фантастически спокойный Миша был для меня воплощенной стабильностью, надежностью — частая смена учебных групп давалась мне нелегко, каждый раз надо было врастать, вернее, каждый раз по-новому отстаивать свое право не врастать.

С Мишой было проще. Мы сдружились мгновенно, и через день нам уже давали прокрут за срыв занятий. Моя идея и Мишино исполнение привели к тому, что в школе неделю заниматься было невозможно — несколько безобидных реактивов, смешанных в должной последовательности, дали такой вонючий выхлоп, что слабый тошнотворный запах ощущался еще почти месяц.

Отец сердился, а мать откровенно возликовала: она была уверена, что срабатывают гены предка-химика. Ну а Мише домашний вздрюк надолго отбил охоту к химии.

Сперва я его не узнал: круглый мягкий увалень вырос в огромного парня, вполне способного завязать длинный шарнирный болт на два узла. Он на Марсе обжился плотно и стал большим знатоком местных традиций, забавных и не очень.

Мой жилсектор на втором ярусе. По пути зашел в душевые. Вода была чуть теплой. В соседней кабине кто-то громко клял жмотов и скопидомов. Я уже обсыпал, когда из кабины вылез Марченко, прошелепал под раструб сушилки и сказал:

— Каково, а? Мы уголек колупаем, а на нас тепла жалеют!

Разговора я не поддержал. Во-первых, я с детства не люблю горячей воды. Во-вторых, начни сейчас разговор, не остановишься. Третье — какой же это уголек? Неорганика структурированная. Невыясненного происхождения. Прекрасный катализатор для пищевых синтезаторов. И насчет того, что тепла жалеют, он погорячился. Энергии хватает с избытком, но с трубами вечно происшествия — то протекают, то засоряются.

Так, оживленно беседуя сам с собой, я вышел к своему сектору. На повороте, у блока внутренней связи, остановился. В это время, когда после смены народ расходится по ярусам и секторам, и на этом месте Арчи Драйден ждет своего отца. Он из группы Лены Рычковой, в прошлом году Валентина у них вела историю и риторику. Обычно он стоял под «почтовым ящиком» — маленький, веснушчатый, совершенно разбойного вида ребенок. Мы с ним большие приятели.

С монтажа я приносил ему всякую блестящую мелочь, а однажды приволок дефектный шарнирный болт. Арчи в восторге ухватил его, взвалил на плечо и ускакал домой, не дождавшись отца.

Мне нравилось с ним беседовать, я узнавал иногда поразительные вещи. Например, из сердцевины расщепленного местного репейника после недолгой сушки получается вкуснейшая тянучка, а вот если растереть сухие листья полосатика да подсыпать кому-нибудь в компот, то этот кто-нибудь весь день будет ходить в зеленых пятнах. Я рассказал об этом Валентине, она отмахнулась, ей хватало забот в группе. Через полгода случайно услышал в новостях, что из клеточки полосатика выделили новый биопигмент, очень стойкий.

Сегодня Арчи на месте не было, наверно, уже встретил отца. Ну и ладно. Я не сентиментален. Приятно,

конечно, когда тебя дожидается сын, ты осторожно подхватываешь его на руки: осторожно, так как потолки здесь невысокие, потом вы идете рядом — себе на радость, другим на умиление. Что характерно — на Земле редко встретишь детей или подростков вне школьных городков. Там без взрослых он или заблудился, или сбежал из детской зоны. Здесь проще. Никому не возбраняется лезть куда попало, путаться под ногами, встревать в дела взрослых.

Дети на Марсе всем в радость. Ну а если нет детей, то ничего не поделаешь. Мне доводилось слышать о трагедиях некоторых бездетных семей, и я, признаться, не понимал, как можно сознательно идти на генетический риск, обрекая себя и других на ужасы страшнее, чем муки одиночества. Как-то я сказал об этом Валентине, она пожала плечами и ничего не ответила.

В прихожей я боком развернулся к нише, стянул комбинезон. Из комнаты донесся смех жены и чей-то голос. Голос мужской. «Когда же она смеялась в последний раз? — задумался я. — Кажется, на той неделе, когда я облился чаем».

За столом сидел очень полный мужчина и ел из моей любимой тарелки окрошку. Валентина увидела меня и сказала:

— У нас гость!

Словно я сам не видел.

Мужчина поднял голову, положил ложку, встал, подошел ко мне, тряхнул за плечи и провозгласил:

— А ты вырос, Арам, тебя не узнать! Здравствуй!

— О! — радостно сказал я. — Здравствуйте и вы!

Пять с лишним лет прошло с тех пор, как я в последний раз видел его. Он раздался вширь, лоб пошел еле заметными морщинами.

Было время, когда мы встречались почти каждый день. Он знал массу историй и невероятных случаев, лю-

был поговорить, а я любил слушать. Потом я устроился на курсы освоенцев, чудом проскочив через конкурс. Видеться стали редко, потом еще реже, и наконец, контакты свелись к праздничным поздравлениям.

— С вашего позволения, друзья мои, я даем эту окрошку, и если вы меня не прогоните, то проведем вечер воспоминаний.

Жена нахмурилась и придвинула к гостю блюдо с лимонными ягодами. Прокеш взял ягоду, положил на язык и скривился:

— Кисло. В такую, значит, мелочь выродился здесь лимон?

Потом гость ходил по комнате — пять шагов в ширину, восемь в длину, заглянул в спальню нишу, в санкуб, сочувственно повздыхал, но тут же сказал, что слухи о невозможных бытовых условиях освоенцев сильно преувеличены. Развернуться, конечно, негде, но ведь вы и не собираетесь здесь разворачиваться?

Не собираемся, успокоил я его. Жена только хмыкнула.

Откинули диван и два кресла. Прокеш посетовал на малоподвижный образ жизни и пообещал записаться в освоенцы, чтобы сбросить вес ровно наполовину и быть достойным местной мебели. Я слушал его и думал: не для того же он здесь, чтобы потрепаться в нашей компании! Хотя чем это не причина?

Он вдруг замолчал, затем негромко спросил:

— Как долго, Арам, ты собираешься тут работать?

Я замялся. Два года отработал и могу хоть завтра улететь. Заработал столько, что могу позволить домик у моря. Но что такое море? Очень много сырой воды. И что такое два года!? Из тридцати четырех станций смонтировано только девять. Скоро трасса пойдет через джунгли, стражи обещают небывалую охоту. Ну, охоту я не люблю, но работа интересная, тем более что должны прийти но-

вые манипуляторы. Ночами, после смены, когда сон не идет, бывало, задумаешься, что я здесь потерял, но цветовые пятна, плавающие по потолку и складывающиеся в причудливые узоры, и еле слышное бормотание релаксатора обращали мысли к высоким целям, наполняли работу смыслом...

— Пока работаю, — ответил я. — А надо возвращаться? Что случилось?

— Нет-нет, все в порядке, — быстро ответил он. — Никакой спешки! Не сегодня и не завтра. Возможно, и не через год. — Для убедительности он приложил руки к груди. — Собственно, мы могли бы сотрудничать и так, у меня неограниченный терминалный актив, но и у тебя, по всей видимости, широкая линия. Можно добиться прямой связи, мне по средствам, но это не очень этично, понимаешь? — Он пошевелил пальцами.

Этот жест напомнил мне времена, когда я, ничего не понимающий сопляк, трясясь от возбуждения и с секунды на секунду лихорадочно ждал озарений, открытый и мощных прорывов в неведомое. А Прокеш, вот так шевеля пальцами, ядовито комментировал бредовые идеи рабочей группы. Потом говорил сам Покровский, при этом Прокеш молчал, но пальцами шевелил... События пятилетней давности опять всплывают на поверхность.

— Что ж, если нет спешки, давайте выпьем чаю!

— Вот и славно! — сказал Прокеш.

Напившись чаю, вздохнул, откинулся на диван и благодушно сказал:

— Хорошо у вас! И легко. Приятно немного сбросить вес, не ограничивая себя в питании. Кстати, я недавно инфор смотрел, назывался «Прогулка по Марсу». Такой контраст!

Он принял пересказывать содержание инфора. Неудобно было его перебивать, но инфор этот сидел у нас

в печенках. Месяца не проходило, чтобы его полностью или частично не давали по местному видео. Впечатляет, когда вместо пустыни с жалкой атмосферкой возникают переплетения цитрусовых джунглей или бескрайние папоротниковые степи. Потом в дневных вестях показывают новенький промкомбинат или возводимый с лязгом и грохотом синтезатор-десятитысячник, а вокруг на несколько километров все снова превращают в пустыню, в целях безопасности.

За сто пятьдесят лет освоения земная флора и фауна дали неожиданные мутации. Неизвестно кому завезенные ядовитые змеи, например, утратили агрессивность и ядовитость и превратились в огромные добродушные колбасины на потеху местной детворе. А вот встретиться с кроликом ночью в джунглях без оружия... Да и с оружием еще неизвестно, кто доберется раньше — вы до спусковой клавиши или кролик до вас!

Вот и выжигают все вокруг, а Валлон и его экологисты с похвальной регулярностью раз в неделю затевають на видео диспуты, неизбежно переходящие в скандалы. Неплохой парень Валлон, освоенец шестого года, но когда дело касается природы, совершенно теряет чувство юмора и звереет на глазах.

Недавно ставили очередной синтезатор, и он снова устроил шум. Я при встрече спросил его: если не выжигать полосу безопасности и вообще не ставить синтезатор, а вместо того заняться массовым отстрелом кроликов и другой живности на мясо?

Вопреки моим ожиданиям он не обиделся и даже обрадовался. Взял меня за ремень и долго объяснял, что разумная охота вполне может прокормить все население, синтезаторы же при всех своих достоинствах дают побочко немало токсичных отходов: пока на Марсе нет грунтовых вод в изобилии — это терпимо, но кто поручится за следующие столетия?

Экологисты любят пугать будущим. Меня в тот момент будущие столетия не интересовали, и поэтому я заявил Валлону, что на его «разумную охоту» для прокорма придется вывести все население.

Прокеш посетовал на недостаток времени. Я так понял, что это приглашение к «вечеру воспоминаний».

— Так вот, друзья мои, — начал он, сцепив пальцы на животе, — блестящий тупик, в который мы дружными рядами зашли много лет назад, стал тесен, и кое-кто собирается перелезть через стену. Возможно, будет принято решение о расконсервации двенадцатой модели экспериментальной обучающей системы.

— Что это даст? — пожал плечами я. — Ее же перебрали до последнего вкладыша! И вы тогда, помню, смеялись.

— Возможно, ничего не даст, — согласился Прокеш. — Она и не должна была давать ничего сверх того, для чего была предназначена. Несколько модифицированная система наглядного обучения, а никакая не машина времени, что бы там ни кричали горячие головы из компании Покровского. Правда, — на секунду он замялся, — есть у меня маленькие сомнения по поводу, как ты говоришь, последнего вкладыша, но именно маленькие!

Я не спорил. ОС-12 была одной из плановых разработок Института. Не больше. Правда, директор на ученом совете заявил, что она приведет к рывку в подготовке преподавателей, но ряд отделов к этому отнесся скептически, а нас, испытателей и наладчиков, их педагогический экстаз не воспламениял. Конечно, наше мнение учитывалось. Клюге, помню, с большим сомнением относился к этой идее. «Фантоматы, — шипел он сморщившись, как от кислого. — Имитаторы! Все эти фокусы добром не кончатся!»

Идея была богатая. Метод наглядного обучения. На столько наглядного, что обучаемый становился как бы

участником событий или явлений, составляющих предмет обучения. Лет двадцать назад активаторы нейротглии — фантоматы, как их прозвали в быту, — широко использовали в игротеках. Но после нескольких случаев помешательства, одно из которых со смертельным исходом, начались региональные скандалы, они, в свою очередь, привели к референдуму, а референдум — к запрету.

Карамышев вспоминал, что в детстве несколько раз подключался к игре «вторжение», а однажды пролез со старшеклассниками на многоходовую «катастрофу» для взрослых. «Это страшно, Арам, — рассказывал он, — когда вроде бы игра кончилась и ты идешь домой, вдруг земля трескается и вылезают огненные змеи с огромными зелеными глазами. Я долго потом гадал, в игре я или наяву».

Тем не менее яд в малых дозах был сочен лекарством.

Фантоматы создавали полный эффект присутствия. Это несложно. У нас же, наоборот, работа велась на ограничение эффекта для выхода с позиции «соучастник» на позицию «наблюдатель-соучастник». Первоначально казалось, что все упирается в доводку активатора, потом доводка выросла в известную проблему Кольцова — Рихтера.

Одна из первых моих проб — имитация работы термоядерного блока. Я должен был ощущать себя сгустком плазмы. Проба неудачная, я чувствовал себя зрителем не очень качественной мультиплексии. Четвертая проба — функционирование Т-лимфоцитов — прошла удачнее. Опять я наблюдал все со стороны, но при этом присутствовало ощущение опасности, постоянное ожидание нападения. Я был чужеродным белком.

Дальше — лучше. Гуманитарная серия сразу пошла, восьмую пробу наметили калибровочной. Пролет над партизанским краем, выброс контейнеров с оружием.

Я был водителем непрочного сооружения из ткани и фанеры. В момент пробы я уже знал, что это, где, когда и зачем. Замерялись медленные потенциалы коры. И вдруг я очутился на снегу, в мертвенно оцепенении. Что-то происходило, рядом шевелились тени, как в тумане или тяжелом сне, и ни звука, только долгий тихий хруст, слабый треск, потом на секунду — комната, люди, грохот, и тут же я оказался в класс-кабине, а рядом бородатый дяденька с пистолетом в руках, парень и девушка...

— Происшедшее не могло произойти, однако произошло, — продолжал между тем наш гость. — Мы слишком увлеклись фактами, сразу начали строить модели и считать варианты. Ладно, я — всего лишь эксперт, случайно вляпавшийся по самые уши в эту чертовщину. Ладно, Покровский, он всего лишь физик и всего лишь дважды лауреат премии своего имени за научную смелость, и он всегда готов поверить в любую чертовщину, лишь бы создать под нее одну или две красивые теории. Но почему историки отнеслись спокойно?

— Они просто не поверили, — сказала жена. — Я сама историк, и я бы на их месте не поверила.

— Возможно, — кивнул головой Прокеш, — но никто не обратил внимания на то, что факты не увязываются между собой.

— Какие факты? — спросила жена.

Прокеш достал конверт, выбрал оттуда несколько пластинок и подошел к терминалу. «Где тут у вас... ага!»

В комнате повисла знакомая, однажды приснившаяся мне картина: темная комната, в углу под темными портретами масляный светильник, в руке у Лыкова пистолет, а человек в длинной шинели, оскалившись, замер в падении на спину.

— Картина восстановлена по цеографии Лыкова и частично твоей. Коробов несовершеннолетний был тогда, а

Валентина Максимовна, как вы знаете, отказалась «мозги высвечивать». Или я ошибаюсь?

Молчание. Прокеш кашлянул и продолжал:

— Поведение немцев странно. Вместо того чтобы, войдя, обыскать, поставить всех лицом к стене, разоружить, начать пальбу, наконец, они словно чего-то ждут. Судя по рассказу Лыкова, вот этот, — Прокеш указал на лежащего у стены человека со свернутой набок челюстью, — выслеживал племянника хозяйки, Евгения Коробова. Непонятно, почему в такой обстановке офицер держит оружие в кобуре. Непонятно, почему, обнаружив столько людей в комнате, они ведут себя так неосторожно. Все это внушает сомнения.

— Сомнения в чем?

— Грмм, — отозвался Прокеш, — если бы я знал! Что-то неладное в этой истории, но что? Не понимаю! Испытывали бы физики или энергетики свои устройства — тогда бредни Покровского можно было бы принять за исходную точку для размышлений. А с офицером, с Хевельтом, еще более странная история. Раскопали мерзавца этого! Миронов раскопал, неугомонный дед. У мотиваторов хоть и ресурс на инфор неограниченный, но региональная служба выла от него. Вот, полюбуйтесь.

Он достал из сумки обернутую в раппер голограмму. Развернул, включил подсветку — возникла обложка книги. Черные острые буквы. Щелчок: нечеткое изображение мужчины — неприятное лицо, шрам у виска, бесцветные глаза.

— Бумажная книга вышла в позапрошлом веке, лет через двадцать после той войны. На сто четырнадцатой странице есть несколько строк о карательной операции, во время которой он был ранен в голову. Остался шрам — вот он. Лыков же стрелял дважды — в спину и в лоб. На цеографии дырка во лбу и головной убор, извините, с мозгами отлетает.

— Может, как это, — параллельные миры? — пробормотал я.

— Свежая, оригинальная мысль, — прикрыл глаза Прокеш. — С нее, кстати, начали и быстренько зашли в очередной тупик. Но самое странное даже не эти воспоминания. Миронов раскопал в забытых архивах списки личного состава части Хевельта, где точно указано, что Хевельт погиб во время карательной операции от рук террористов, сброшенных на парашютах.

— Ничего не понимаю, — помотал я головой.

— Я тоже.

— Может, это другой Хевельт?

— Который из них? Не получается с параллельными мирами. В нашем мире убивают Хевельта, и в нашем он отсиживается в Парагвае и пишет мемуары. И фамилия странная, скорее шведская. Впрочем, достоверность старых документов — вещь очень тонкая, никогда не знаешь, где объективная реальность, а где игра интересов. Миронов вообще считает, что все это обман, но что он под этим подразумевает, объяснить не может. Мотиватор!

— Хорошо, он объяснить не может. А остальные?

— Кто — остальные?

— Как же, девять самостоятельных групп, и с ними лично Покровский...

— Да, да, да! Девять и сам Покровский! Полгода они с большим вкусом прожигали неограниченный сертификат. Потом выложили на стол девять, не скрою, остроумных концепций, одна исключающая другую. Покровский прихлопнул их десятой, отметающей все, но столь же умозрительной. Очень изящный математический аппарат и все такое. А потом у каждого свои дела, свои проблемы. Вот ты, например, через год ушел из Центра.

— Через два.

— Хорошо. Но ушел. Тебе было неинтересно?

— Я не специалист.

Он поднялся с места, убрал инфор и снова опустился на диван.

— Ничего не поделаешь. — Он грустно улыбнулся. — Любопытство стало вещью редкостной. Недавно мой большой друг Семен Нечипоренко долго пытался объяснить, как здорово, когда разброс частот виртуальных спектров превышает параметр Гольбаха, а я пытался понять, что такое виртуальный спектр, и, честно говоря, мне не было интересно. Однако тогда и сейчас, ты понимаешь, речь шла и идет не о виртуальных спектрах, а о живых людях. О людях из прошлого! Конечно, тактичность не позволяла...

— Кстати, о тактичности, — вмешалась жена. — Зачем вам все-таки понадобился Арам?

Прокеш с любопытством посмотрел на нее. Мне не понравился взгляд. Была в нем холодная отрешенность: смотрит и прикидывает, сравнивает и вычисляет.

— Извините, Валентина Максимовна, но я и сам не могу сказать сейчас, зачем Арам нужен на Земле.

— Интуиция, — понимающе протянула жена. — Мне вот интуиция подсказывает, что он нужен здесь. А я пока отсюда никуда не собираюсь!

Я кашлянул. Надо разряжать обстановку.

— Сказано ведь — не сегодня. А через год посмотрим.

— Через год?

Жена плотно сжала губы и подняла на меня глаза.

Прокеш пообещал зайти завтра вечером и ушел. Только за ним затянулась перепонка, как интерком щелкнул, и на терминале после прерывистых гудков и зеленого мигания общего вызова появилось лицо управителя Галайды.

— Извините за беспокойство. У кого сейчас гостят Митя Танеев и Арчи Драйден? Просьба немедленно сообщить мне или родителям. Арчи Драйден и Митя Танеев.

Опять дети заигрались, подумал я. Раз в месяц обязательно начинается паника, объявляется тревога и всеобщий поиск. Потом озорника ловят в безопасном месте, на терриконах или в Каньоне. Одного трехлетку, правда, поймали на полпути к джунглям, с игрушечной «лейкой» наперевес. Шел поохотиться на кроликов.

Жена побледнела и кинулась к терминалу. Пока она набирала номер, я подошел, взял за плечи.

— Лена, что случилось? — спросила Валентина. Рычкова озабоченно кивнула, посмотрела куда-то вбок.

— После занятий они остались в кабинете, а потом ушли. Из моих никто не видел. Может, твои?

— Хорошо, подожди! — С этими словами жена отключилась от Рычковой, вывела на экран список класса, набрала вызов.

— Извините, ребята, если кто-нибудь знает, где Танеев и Драйден из пятого «гамма», сообщите мне или управителю.

Она повернулась ко мне:

— Лене только этого не хватало! Могут лишить сертификата, а у нее мать больна.

Мигнул вызов.

— Валентина Максимовна, — возникла на экране испуганная детскская физиономия. — Митька у меня вчера ночнушку взял.

— Зачем?

— Не знаю, я спрашивала, он не сказал.

— Спасибо, Отоми.

Я быстро пошел к двери.

— Ты куда? — спросила жена, набирая вызов.

— К управителю. Они в джунгли сбежали.

Она повернулась было ко мне, но тут возник Галайда. Валентина сказала ему про ночнушку, старик мрачно пошевелил усами и, буркнув: «Ладно», исчез, но тут же появился снова на зеленой полосе общего вызова.

— Спасателей и свободных от работы прошу немедленно в мой кабинет. Повторяю...

Последние слова застали меня в коридоре. Услышав про очки ночного видения, я понял, что ребята решили уйти в джунгли. Без ночнушки там нечего делать в любое время суток — полумрак, дымка, влажная паутина.

К кабинету Галайды я пришел одним из первых. У него сидела Эмма Драйден. В глазах слезы. Танеев рядом молча теребил рукав комбинезона. Там же находились трое спасателей и, к моему удивлению, Прокеш. Заметив меня, подошел и сел рядом.

За несколько минут в кабинет набилось много людей, наконец Галайда попросил заблокировать вход.

— Вот что, хлопцы, — сказал он. — Дело плохо. Тут два пацана, — он покосился на Эмму, — прогуляться решили. По периметру людей надо расставить и к Центру идти. Может, где играют? По просекам немного пошучать. На периметр людей хватит, а вот в лес, — он замялся, — свободных машин мало. Человек полста на лес можем. Водитель и двое в кузов.

— Кто пойдет? — спросил мужчина в робе спасателя.

— Кто первым пришел, тот и к лесу!

— «Лейки» брат?

— Пожалуй. Мало ли что. — Галайда пожевал ус и обратился к своему заместителю: — Питер, выдай ребятам оружие.

Из соседнего помещения приволокли квадратные пластиковые ящики с металлической окантовкой. Там оказались тупорылые «лейки» с инфракрасной оптикой.

— Так! — объявил Галайда. — Они ушли часа три-четыре назад. До ближайших зарослей километров двадцать. Скорее всего еще бродят в степи. В лес далеко не заходить, пошарьте по опушкам и в степи зигзагом. Темнеет уже, дождь сильный ожидается.

— Дождь — это хорошо, — сказал кто-то из спасателей.

Кролики в дождь прячутся в свои норы-пещеры. Если не провалишься к ним сквозь рыхлую почву, то в дождь можешь прогуляться по джунглям в поисках острых ощущений. То, что Галайда называл степью, представляло собой поросшую травой, папоротником и худосочными кустиками плоскую равнину. После выжига зоны безопасности несколько лет ничего не росло, а потом лишь хилая трава и мелкий кустарник. Хищные кролики не любят степь — там их мохнатые туши на виду.

Прокеш попросился в мою тройку. Галайда посмотрел на него, перевел взгляд на меня, потрогал ус и лишь спросил, есть ли у него страховка. Я не понимал, зачем Прокешу это рискованное предприятие. В его годы... Вон сколько крепких ребят в коридоре топчутся!

— Вы с «лейкой» умеете обращаться? — спросил я.

— Доводилось, — кивнул он.

«Где это вам доводилось?» — чуть не брякнул я, но тут Галайда поднялся и гаркнул:

— По машинам!

Через несколько минут с крыши поднялись и пошли в разные стороны платформы, развозя людей по периметру. Наши вездеходы стояли внизу. Водители, не дожидаясь лифтов, побежали к лестницам, я хотел последовать за ними, но взглянул на фигуру Прокеша и передумал. Пока мы спускались вниз, часть машин уже снялась с места. Водителем у нас был спасатель, спрашивающий про оружие. «Романенко», — буркнул он и полез в кабину. Мы с Прокешем разместились в кузове.

— Купол закройте, — сказал водитель, — пыль набьется. Машина рывком встала на подушку и пошла, набирая скорость.

— Минут через десять доберемся, — сказал я Прокешу. Он молча кивнул.

Старожилы рассказывали, что лет пятьдесят назад в этих местах на поверхности было трудно передвигаться. За горами, километрах в двухстах, атмосферный реактор. Сейчас реакторы, опоясывающие планету по экватору, работают через один, да и то в четверть мощности. Тогда же атмосферные потоки могли сбить с ног.

Валентине здесь сначала не очень понравилось, но незаметно она стала патриоткой Марса. Неудивительно, что визит Прокеша и его предложение ее насторожили. Да и я не рвусь отсюда, хотя наши отношения с женой сейчас не самые лучшие.

Она очень изменилась за эти пять или шесть лет. Тогда в нее, как и во всех нас, после того как сняли карантин, мертвой хваткой вцепились историки. От Валентины ничего не добились, она молчала, хмурилась, в общем, не желала выступать в роли реликта.

Этим она мне и понравилась. Я бы так не смог. Попади в будущее, века на два, уж я бы изобразил памятник эпохи. А что, есть о чем порассказать! Одно освоение Марса чего стоит! Лет через двести здесь курорты будут. Кроликов приручат.

С Валентиной мы встречались каждый день в Институте, потом в Центре. В Базмашен я летал редко, пропускал воскресенье за воскресеньем. Потом ко мне прилетела Римма, младшая сестра, и сказала, что обижается Зара, моя знакомая, и если нет времени ее повидать, то есть же видео! Я что-то рассеянно ответил, сестра сунула мне гостинцы из дома, попросила связаться с отцом и убежала смотреть старую Прагу.

Я стал чем-то вроде гида при Валентине. Водил, показывал, хвастал. Один раз без ведома руководства взял двухместную платформу и устроил гранд-вояж по Евро-

пе. Валя смотрела, кивала, молчала. Ни вопросов, ни удивления! А однажды сказала со странной интонацией: «Хорошо живете, сыто».

Потом мне влетело за самовольную экскурсию, потом меня жалели за то, что влетело, — словом, все завертелось.

Отец отнесся к нашему браку сдержанно, мать одобрила и улетела на региональную конференцию. Кнарик и Римма косились сперва на Валентину, потом успокоились. Бабушка была недовольна. «Ваше дело, ваше дело», — только и сказала она. Когда она говорит с такой интонацией «ваше дело», это означает одно — ничего путного из затеи не выйдет, но она не желает вмешиваться.

Помню разговор с Зарой, хорошей знакомой, можно сказать, почти подругой. Она искренне, даже слишком искренне поздравила, а под конец — ехидный прищур и улыбка: «Тебя всегда тянуло на экзотику».

Она была не права. Валентина во всем не похожи на Зару. Зара — большая крупная женщина, от нее прямо исходило ощущение доверия, теплое чувство уюта и надежности. Она даже подушку взбивала, как моя мать, — двумя сильными точными ударами. И вместе с тем — подспудное состояние зависимости. Хотелось вырваться из-под мягкой, но неизбежной опеки.

С Валентиной иначе — мне льстила ее беззащитность. В большом и незнакомом мире она могла рассчитывать на помочь любого человека, но рядом с ней оказался я и стал для нее опорой. Потом она привыкла, даже слишком быстро.

Иногда я ловил себя на мысли, что уговорил ее рвануть на Марс только для того, чтобы продлить крошечное свое превосходство. Но уже тогда что-то пошло не в лад.

Воспоминания были прерваны сильным толчком. Двигатель запел, машину кинуло вперед. Я отлетел к зад-

нему борту. Прокеш, держась за поручень, протянул свободную руку и помог встать.

— Кажется, приехали, — сказал он.

Темная стена леса надвинулась почти вплотную, но мы еще не были в джунглях. Остановились на опушке, в нескольких метрах от переплетения стволов, лиан и ветвей.

— Что случилось? — спросил я Романенко. Водитель поднял машину и повел ее вдоль зарослей.

— Чуть в нору не провалились, — наконец сказал водитель, — продавили свод, еле успел поднять.

Прокеш поднес к глазам ночной прицел.

— Что это за кузнечики? — спросил он.

Я взял с пола свою «лейку» и посмотрел на дисплей. На темном фоне еле заметные тонкие черточки деревьев, а вот еще белые точки, подскакивая, быстро вырастают в размерах. За нами гонятся.

— Внимание, — сказал Романенко, — в случае чего бейте сразу. Купол не поднимать! Купол не под...

Одна из догоняющих белых теней прыгнула и обрушилась на машину. В какое-то мгновение я успел разглядеть жуткие красные глаза и огромные зубы. Машину кинуло в сторону, завертело. «Шпок, шпок» — дважды полыхнула «лейка» Прокеша. Я поймал в прицел выскочившую из-под машины тушу, нажал на кнопку. Еще несколько раз выстрелил Прокеш, я тоже один раз. Кажется, попал. Через минуту наша платформа была завалена грудами дымящегося мяса. Купол похож на решето из-за дыр с оплавленными краями.

— Валлона бы сюда, — вдруг сказал Романенко.

— Да, неаппетитно.

— Что это за монстры? — спросил Прокеш.

— Кролики.

Прокеш недоверчиво посмотрел на меня.

— Это что-то вроде анекдота?

— Попадете ему на зуб — сжует быстрее, чем успеете произнести слово «анекдот», — обрадовал его водитель. — Вот у нас однажды...

Он не успел договорить, как на пульте мигнул вызов и голос Галайды произнес: «Отбой, всем отбой. Нашлись».

— Вот так! — наставительно сказал Романенко. — Затягались, наверно, на терриконах. Там в глыбах можно весь день прятаться, не найдет никто. А родители седеют!

Узоры на потолке струились, обтекали выступы кондиционера, перемешивались, усыпляли, навевая приятные мысли о том, что все хорошо...

— Уговорил он тебя возвращаться? — спросила Валентина. Я думал, она давно спит.

— Не до разговоров было.

— Да-а? — недоверчиво протянула она. — Темная личность!

— Кто? — удивился я.

— Прокеш твой — темная личность!

— Не понимаю.

— И я не понимаю. Вот ты — монтажник. Я преподаю историю. А он? Чем он занимается?

— Ах, вот оно что! — выдохнул я. — Он же эксперт.

— В какой области?

«Действительно», — подумал я и тут вспомнил его слова: «Экспертом учцентра я стал позавчера, после ваншего возвращения». Или что-то в этом роде. Где же он работал до происшествия? Спросить прямо — неудобно и неэтично.

— Он и психолог, и историк, и физик. Как он тогда разделал Покровского! Знаем мы таких экспертов!

— Что ты имеешь в виду? — Я удивился неприязни, прозвучавшей в ее голосе.

— Сыщик он!

- Э-э...
- Ну, следит за нами, за мной...
- Не понимаю!

— Зато я понимаю! У нас в общежитии однажды белье пропало, приходил такой один добрый, тоже шутил, улыбался, а через день Шуру Мирошниченко в угро повели. А потом узнали, что кастелянша сама белье украла и продала на толкучке.

Некоторое время я не соображал, о чем говорит моя жена. Потом дошло, что ее не очень приятные воспоминания ассоциируются с Прокешем, кого-то он ей напоминает. Из тех времен.

— Вряд ли Прокеш имеет отношение к пропаже белья, — осторожно пошутил я, но она уже отвернулась к стене.

Поговорили! Лучше бы молчали. Нехорошие слова она говорила, отдавали они какой-то духотой, спрятостью и пылью.

Светящиеся линии на потолке медленно таяли, а я все не засыпал. Валентина в последнее время все чаще и чаще молчит, и все дольше тянутся полосы молчания. С Прокешем действительно странно получается. Столько лет знакомы, а практически ничего о нем не знаю.

Был у нас небольшой разговор после рейда. Он спросил, не связывались ли со мной из Института, приезжали ли на Красную Лыков или Коробов, а как насчет видеоконтактов, часто ли, и все это с многочисленными извинениями. Не люблю неясности. Не люблю бес tactности, причем больше, чем неясности. Если можно промолчать, лучше промолчу. Но все-таки завтра обязательно спрошу его.

С этими мыслями я заснул.

Утром жену не застал — учебный ярус начинает работу рано.

Вроде бы я выспался, но самочувствие неважное. И сны какие-то странные. Я шел по коридору и вспоминал сон. Будто я нахожусь в огромном помещении, обшитом длинными, широкими, плохо обструганными досками. Я бегу по наклонному полу к дверям, спотыкаюсь о неровности, падаю, снова бегу. Вдоль стен громоздкие машины, устройства, соединенные друг с другом трубами, на длинном ряду стульев сидят люди. Среди них Прокеш, он и указывает мне на свободное место рядом с ним. Но под сиденьем в темноте светятся волчьи глаза, и я не понимаю, существуют ли эти странные машины, или они сняты наяву волчице. Бегу к выходу, там стоит Валентина и подзывает меня, а в открытую дверь видно голубое небо, белые облака, зеленая листва, я бегу к ней, спотыкаюсь, падаю на спину и не могу подняться. Потолок огромного зала мне кажется небом — воздух, облака, птицы. Но вот я замечаю, что это такие же доски, что и на полу, аляповато раскрашенные облака, видны рейки, которыми они сбиты, а на вырезанных из досок облаках грубо намалеваны птицы. Я вскакиваю и снова бегу.

Проснулся я с болью в ногах, словно всю ночь действительно бежал по деревянному полу.

В шахте все было в порядке, то есть в пятьдесят шестом штреке опять просела порода, где-то исчезла сцепка, до сих пор ищут, и так далее.

Марченко попросил усилить вентиляцию второго горизонта. Потом мрачно сказал, что Танеев решил отправить сына на Землю к родственникам. Сын ревет, мать кричит, что в таком случае и она собирает вещи, а Михаил рычит на нее, что живой сын на ЗеленоЙ лучше, чем съеденный кроликами здесь, что касается сбора вещей, то и славно, всей семьей и отчаят, хватит, накопили добра на всю жизнь, а сертификат и внукам не вычерпать. Они пригласили Марченко рассудить их. Рассуждали до утра.

— Где прятались-то детишки? — спросил кто-то.

— В терриконах заигрались, — зевнув, сообщил Марченко. Потянулся и замер в кресле, глядя на верхний ряд терминалов.

— Мендоса, давай продувку, — сипло сказал он, — перегрев!

Начинался рабочий день. Нет, на монтаже все-таки проще. Ведешь потихоньку стаю манипуляторов, следишь, чтоб тебя случайно не задели, монтируешь фермы и балки, варишь пластины, а из смежного сегмента сосед помигает, а ты ему помигаешь в ответ, чтоб не забивать рабочую частоту посторонними разговорами. Хорошо... Скорее бы вернуться на монтаж!

После работы, не заходя домой, я пошел в Управление, Прокеш ждал меня у Галайды. Старик кивнул на кресло и предложил чайку, но я развел руками и показал на часы.

— Валентина женщина серьезная! — сказал Галайда Прокешу. — Ну, перед отъездом зайди, я Карелу ягод обещал, возьми коробку.

В коридоре Прокеш повертел головой, глянул на указательные транспаранты и спросил:

— Где бы нам присесть?

— Можно ко мне.

Он покачал головой.

— Я обязательно зайду попрощаться с Валентиной Максимовной. Но сейчас мне хотелось бы поговорить с тобой.

— Тогда наверх.

У лифтов толпился народ. Пять кабин с трудом вмещали идущих на смену. Мы переглянулись и пошли по винтовому пандусу. Минут через десять оказались наверху.

В Каньон идти неблизко, да и там много гуляющих, дети катаются на змеях, парочки... Я провел его тропин-

кой к ближайшему террикону. Уселся на глыбу, а Прокеш сел рядом.

Раньше измельченную породу просто высypали на поверхность, ветры разносили ее по всей планете. Лет тридцать назад, рассказывают, экологисты подняли большой шум, и теперь эту труху опрыскивают адгезиантами. Со временем порода цементируется, разваливается на большие глыбы, и аккуратные пирамиды превращаются в кошмар геометра. Сплошные сечения.

Ветер тихо выл разными голосами в щелях и трещинах. Прокеш молча смотрел себе под ноги.

— Вы давно знакомы с управителем? — спросил я.

— Десять лет, — ответил он и снова замолчал.

— Вы знаете, — сказал я, пытаясь улыбнуться, — жена интересовалась вашей специальностью, а я не сумел ей объяснить.

— Да-да, — покачал он головой, — со специальностью у меня все в порядке.

Наконец он поднял глаза и улыбнулся:

— Ее у меня просто нет. В твоем понимании. Лет пять назад я был писателем. Почему ты так смотришь? Писателем! Довольно известным. Я и сейчас писатель, хотя за пять лет ничего... Ну, не важно.

— Но вы же эксперт!

— Правильно! В Сеть пришел запрос на эксперта по известной ситуации. В одной из групп были названы трое: Миронов, я и тот, с усами. Критерии Сети мне неизвестны.

— Я... Я не знал.

— А ты не спрашивал. Хочешь, дам список моих текстов?

— Спасибо.

Мы сидели молча. Ветер усилился, теплая плотная масса воздуха давила, спихивала с камня, запахи лимонов, яблок и еще чего-то приятного иногда сменялись

йодистым запахом гниющих водорослей, правда, ненадолго. Я хотел сказать Прокешу, что засиживаться сейчас не стоит: час-два на воздухе — и превращаешься в разложенный речевой генератор.

И еще хотелось сказать ему, что здесь мне хорошо. А с женой уладится, когда нам разрешат ребенка, если не в этом году, то в будущем обязательно. Генконтроль советует подождать, окончательного запрета нет, но у аллергологов какие-то сомнения. И еще — проблемы проблемами, но Валентине сильно надоело ненавязчивое любопытство и тактичный интерес к ее персоне. А здесь наконец она почувствовала себя равной среди равных, без скидок. Слишком много на Земле было встреч с разными людьми, и каждый раз тщательно скрываемое любопытство легко читалось в глазах и раздражало.

Но я молчал — все эти позывы к откровенности из-за пряного ветра. Что мне делать на Земле? Если почти за шесть лет ничего не смогли понять и разобраться, то к чему заново перебирать версии, предположения, гипотезы? Помню, я захлебывался от восторга! Как же, такая честь! Тогда возникло почти забытое сейчас тайное ощущение, что я не просто в эпицентре событий, но сам являюсь их причиной.

Казалось, вот-вот — откроются небывалые горизонты, начнутся немного жутковатые, но веселые приключения... Но ничего не произошло. Разошлись, разъехались, группы распались, кто женился, у кого пошли дети, у кого не пошли.

Загадки, правда, остались! Но если специалисты не разобрались, что могу я? Хотя, конечно, обидно. То Событие оставил во мне глубокий след. Я понимал, что соваться не в свои дела — значит наносить вред и себе, и делам. Вот, скажем, придет ко мне Покровский и начнет советовать, как вести монтаж релейных отражателей. При всем уважении к нему я приму советы к сведению лишь

в том случае, если буду знать, что он, Покровский, окончил курсы монтажников не далее чем два или три года назад. Я же помалкивал, когда он на моих глазах лепил темпоральную физику, хотя, не будь меня, еще неизвестно, произошло бы Событие с кем-либо другим.

Прокеш рассеянно водил пальцем по темной глыбе. Посмотрел на палец, привстал и оглядел себя.

— Не пачкает, — сказал я, — если не ерзать. Он хмыкнул и снова сел.

— Ты меня так и не спросил, зачем я прилетел на Марс.

«Зачем спрашивать, если сам скажет», — подумал я.

— Отвечаю, — продолжил он, — из-за тебя. Ты нужен на Земле. Покровский создал новую группу и возится с большими энергиями. Но не они меня беспокоят.

— При чем здесь я?

— Не знаю, честно — не знаю! Мне кажется, твоё место там, а не здесь. Кому, как не тебе, надо быть в курсе всех дел, связанных с происшествием!

— Мало ли кто чем занимается. Вам-то какая забота?

Он схватился за виски, застонал, опустил руки.

— Ты знаешь, — сказал он, — я еще остаюсь экспертом по всему этому. — Он пошевелил пальцами, точь-в-точь как в те времена. — Статус эксперта до сих пор не элиминирован. Таким образом, мой интерес оправдан. Но дело не в этом. Я стараюсь не упускать из виду всех участников происшествия. Это не просто интерес писателя. Меня не покидает ощущение, что события продолжают развиваться, а внезапным и необъяснимым появлением этой тройки происшествие не исчерпывается. Непонятен смысл происшествия. Опять голова начинает болеть...

— Это релаксатор с непривычки так действует.

— Да, меня предупреждали. И ведь не выключишь никак.

Он замолчал надолго.

— Как поживает Лыков? — спросил я.

— Неплохо. Занимается видеопластикой, есть очень интересные композиции. Я рад, что Валентина Максимовна акклиматизировалась. А Коробов молодец! За два года сдал школьную программу, за три — высшую и теперь занимается физикой виртуальных спектров. С группой Покровского не связан, работает самостоятельно. Рассказывал мне о своих занятиях, показывал забавные вещи. Он-то меня и беспокоит больше всех. Коробов грозился превратить темпоральную физику из свалки умозрительных концепций в точную науку. У него лаборатория в Кедровске, я там частенько бываю. Кстати, мой друг Сема Нечипоренко тоже там работает. Красивые места — горы, тайга, реки, никакой кролик не опасен.

Он долго расписывал красоты тех мест. Постепенно я стал понимать, что все эти годы он пристальное внимание уделял Жене Коробову, а теперь ему вдруг понадобился помощник. Но какая ему нужна помощь, в чем? Судя по всему, он и сам не знал.

— Ну и пусть себе Женя занимается темпоральной физикой. Что в этом плохого?

— Возможно, ничего плохого, — отозвался Прокеш. — Но мне почему-то страшно.

Глава третья

От Еревана до Базмашена две минуты на воздушке, но я сел на колесный рейсовик и вскоре любовался цветущими абрикосовыми садами на террасах, опоясывающими склоны. Местами тянулись длинные каменистые проплешины, до сих пор невозделанные.

Рейсовик начал притормаживать. Сидящий рядом мужчина развернул кресло от окна и спросил:

— Вы не знаете, как добраться до Заповедника?

— Сразу после Базмашена. Я сойду, а вы минут через пять, на развилке. Остановка «Памятник».

— Спасибо! — Он придержал сползающий с колен пакет.

Его ладони и запястья были в мелких порезах — еле заметных и свежих. Он заметил мое удивление и улыбнулся.

— Недавно у меня был день рождения, — пояснил он, — я хотел котенка завести. Вот теща и подарила.

— Сердитый котенок?

— Котенок! — вздохнул он. — Теща у меня человек добрый, щедрый. Если уж дарит, то не меньше дюжины. И все пищат, царапаются, извините, гадят! Хотел часть раздарить, но жена взвилась — мама, говорит, обидится.

Собеседник махнул рукой и замолчал.

Я предложил любителю кошек ответить теще сотней попугайчиков или канареек, он рассмеялся.

Показались розовые и серые дома Базмашена, окутанные белой дымкой цветущих садов.

Отца дома не было. Мать тоже еще не прилетела. Бабушка чмокнула в щеку и заторопилась в детскую, к младшему правнучку. Я пошел за ней. Завидев меня, малыш загукал. Я достал мигающую разноцветными огоньками погремушку и вручил племяннику.

Другой племянник, Саркис, в гостиной жевал сырные палочки. Рядом сидела Кнарик. Она кивнула мне, поднялась и пошла наверх. «Что-то случилось», — подумал я, идя следом.

Наверху она села на подоконник, вздохнула и сказала: — Саркис не попал в третий разряд. С математикой плохо.

— Он же прекрасно сдавал все тесты! — удивился я.

— Да... его даже похвалили, но реакции замедленные. Сказали, в старших классах переаттестуют. Только не верю я.

— Ну, четвертый разряд тоже неплохо. Я учился в четвертом разряде и, как видишь, ничего.

Сама она училась в школе третьего разряда и была гордостью семьи. Ей прочили блестящее будущее, и она с блеском оправдывала ожидания. Сейчас она ведущий специалист сектора, мать уверяет, что через пять-шесть лет она станет координатором отрасли, если не будет торопиться с третьим ребенком.

Хоть меня и помотало по школам, в своем разряде я сидел плотно. В высшие разряды не тянулся, а низших не боялся. Слабо представлял, что делается в других разрядах: круг общения замыкался на свою классную компанию, а до остальных и дела нет! Школьные городки так хитро разбросаны по всем управительствам, что разряды редко пересекаются, разве что случайно во время каникул. А в старших классах мы уже понимали, что каждому — свое место, иначе начнется некомпетентная чехарда и вселенский микст, да такой, что за сто лет не разгребешь!

Находились и любители транспьютерных розыгрышей. В старших классах у девочек считалось хорошим тоном завязывать трансконтакт, обмениваться посланиями, а потом гадать, кто с кем контактирует. Ну а мы, младшеклассники, ревились и мешали старшим. Я, помнится, составил несколько роскошных смерш-программ, а однажды случайно вывел из строя школьный транс на сутки.

Учитель тогда настойчиво выпытывал, давно ли я увлекаюсь деструктивным программированием и не со стою ли в движении «2+2». Я не понял, что он имел в виду, и он оставил меня в покое.

Много лет спустя я узнал, что Совет Попечителей тогда весьма был обеспокоен антисетевыми увлечениями среди младших разрядов. Вскоре это рассосалось, в низших разрядах просто сняли обязательные курсы по транс-

пьютерике и оставили только факультативы. И те, кому трансы были не по душе или не по способностям, перестали комплексовать.

Досада Кнарик была не из-за того, что Саркис попал в четвертый разряд, в «золотую норму», а то, что туда попал именно ее сын.

Римма, например, ходила в школу пятого разряда и ущербной себя не чувствовала. Мать пыталась в свое время устроить ей переаттестацию, но Римму невозможно убедить в чем-либо, если она упрется. В те годы она часто прилетала в Прагу. Однажды, гуляя по Карлову мосту, я затеял разговор о будущем. Ее не огорчало, что высшие курсы практически недоступны. «Кашляла я на курсы», — заявила она, а на мою тираду о смысле жизни ответила, что все эти разговорчики есть толчение воды в ступе и ловля ветра в кармане, а смысл ее жизни в том, чтобы через три года выйти замуж за одноклассника Багратса и родить столько детей, сколько разрешат. Так оно и вышло.

Бабушка позвала к столу. Отец молча хлопнул меня по плечу и сел за стол. Потом я и Кнарик. Саркиса бабушка отослала в детскую, она не любила, когда дети сидели за столом со взрослыми.

После обеда мы с отцом вышли в сад. Я заметил, что у большой яблони врыта новая скамейка с резной спинкой. Отец в свободное время немного резал по дереву. Правда, свободного времени у него было всегда мало. Иногда, по праздникам и воскресеньям, он вдруг доставал инструмент, выбирал на чердаке сухую деревяшку и корпел над ней с утра до вечера. И никогда не успевал довести до конца. Я любил смотреть, как он работает, как вьется тонкая стружка, но и у меня было много забот, я так и не научился резать по дереву.

— Вчера тебя искала Валентина. Два раза на связь выходила. В городе не застала.

— Ага-а, — протянул я, садясь рядом. — Ну, как она там?

— Ты меня спрашиваешь? — кротко удивился отец.

— Э-э... — замялся я, — давно не видел, все дела...

Отец нагнулся, подобрал с земли щепку, повертел в руке. Я смотрел на его не очень гладко выбритый подбородок, сетку морщин у глаз и седые виски. В каждый приезд я приглядываюсь к нему.

Стареет отец. Если раньше месяц или год для меня пролетали незамеченными, то сейчас начал замечать движение времени.

— Вы бы решили, как дальше жить будете, — сказал он.

Я пожал плечами, что было не очень тактично.

Много я мог ему сказать, но не хотел. Не получилось у нас с Валентиной и не получится уже теперь. После визита Прокеша на Марс я проработал там еще два года. Характер Валентины менялся, все реже и реже я видел ее веселой, она болезненно воспринимала любое замечание в свой адрес. Ссор и скандалов не было, она нагло застыкалась. Общение сводилось к односложным ответам.

Но первый большой разговор у нас состоялся только через год после отлета Прокеша.

К этому времени монтажников снова вернули настройку. А на меня вдруг навалилась усталость. Она сидела во мне и лениво шевелила пальчиками. Ничего не хотелось делать. Ходил на работу, ел, спал.

Словно из бумаги вырезанный, плоский, скучный, к стеклу приплюснутый. Сказал об этом как-то Валентине, а в ответ услышал, что все мы усталые. Потом добавила, что «все вы запутались» и теперь «тупо перевариваете пищу». И что давно она не видела в людях энтузиазма, все спокойные и рассудительные до отвращения, словно релаксатор промыл нам мозги. На это я спокойно и рассудительно возразил, что специалистам энтузиазм про-

тивопоказан. Кроме, разумеется, мотиваторов, этих профессиональных энтузиастов. Неспециалисту энтузиазм уместен в личных делах, а то, скажем, придешь ты ко мне на площадку и с ходу поведешь десятка два манипуляторов на третьем ярусе — метрах в двухстах от поверхности. Или я ввалиюсь к тебе на урок, отодвину в сторону и начну излагать ученикам свои соображения о всяких там скифах. Валентина за скифов обиделась — еще одна причина для долгого молчания.

Стал чаще выходить на связь Прокеш. После моих излияний он сказал, что и ему иногда хочется бросить все и тупо валяться на траве, попивая в меру охлажденное пивко. Вполне меня понимает, добавил он, у него бывали творческие ступоры, тогда спасала перемена обстановки. Однажды с сыном махнул в Калахари... Он тогда замолк, а я удивился. Я не знал, что у него есть сын. «Был», — тихо ответил он и свернул разговор на другую тему.

Время шло, и я постепенно созревал для возвращения. Сертификат освоенца я давно отработал, и на счету у меня было столько, что и пятерым за сто лет не проесть. Многие знакомые разъехались. На их места рвались сотни добровольцев. Жена, узнав, что на наши места выстроилась очередь, рассказала мне древнюю историю о каких-то вербовщиках, но я не понял, к чему это.

Как-то Миша Танеев предложил мне встряхнуться. И мы устроили небольшой вояж на свободной машине до Гранитного массива. С канистрой слабенького местного пива.

Темно-серые скалы чем-то напомнили мне столбчатые базальты. Скальная гряда заворачивала к пустоши Веллера. Отсюда были видны темные проемы в сером камне — входные шлюзы. Там, глубоко внизу, неутомимо трудятся батареи калифорниевых накопителей. Раз в неделю приходят топливные платформы и развозят груз по реакторам и стартовым площадкам.

Разговор с Мишой был долгим. У него что-то не ладилось с сыном, да и в бригаде возникли трения. Я заговорил о возвращении. Он не удивился. Покивал головой, хмыкнул раз, хмыкнул два, спросил, что думает по этому поводу Валентина. Тогда уже хмыкнул я. На мой осторожный вопрос, собирается ли он когда-либо вернуться на Зеленую, Миша хлопнул могучей рукой по колену и засмеялся: «Да никогда!»

А потом добавил: «Здесь я человек!»

Валентина отказалась наотрез. И мне, сказала она, следовало бы остаться на Красной.

Так что теперь она там, а я нет.

На веранду вышла бабушка, приложила ладонь к глазам. Увидела меня и позвала к терминалу. «Валентина!» — екнуло под сердцем. Но у терминала я разочарованно вздохнул — меня вызывал Прокеш. У него было осунувшееся лицо, усталое.

— Ты не можешь вылететь в Кедровск? — спросил он вместо приветствия.

— Вот так сразу и вылететь? — буркнул я и тут же сообразил, что Кедровск — это Институт фундаментальных исследований, а Институт — это Коробов. — Что-то стряслось?

— Стряслось, — кивнул Прокеш. — Ты нужен здесь и сейчас.

— Хорошо. Через полчаса.

Изображение дернулось и пропало. Дом плавно качнуло, где-то тонко зазвенело стекло.

Землетрясение балла на четыре. Раз в год да тряхнет. Изображение снова появилось.

— У нас тут небольшое землетрясение. Если задержусь, то ненадолго.

Он кивнул и отключился. Ладно, подумал я, через час буду там, все узнаю.

Через час я не был в Кедровске, не был и через два. Я встал и в тот же миг услышал далекий гул и треск. Повторный сейсм? Но дом стоял неподвижно. Вышел на веранду. Там бабушка разговаривала с отцом.

— Балла четыре, — сказал отец. — Или чуть больше.

— Я не почувствовала, — ответила бабушка. — Меня и так каждый час качает, в ногах силы уже нет.

— Грохот слышали? — спросил я.

— Похоже, обвал в горах... — начал было отец, но вдруг настороженно замер. — Экстренный вызов, — пробормотал он и заторопился в дом. Я последовал за ним к терминалу.

Начальник спасателей, высокий седой мужчина, держал в руках планшет с картой Заповедника. На карте ползли огоньки, пересекались светящиеся линии. Начальник водил по карте пальцем и что-то негромко объяснял спасателю в ребристом черном комбинезоне. Затем поднял глаза и оглядел нас.

— Большое спасибо вам, — сказал он. — Есть среди вас водители манипуляторов?

Я подошел к нему.

— Горные работы? Зангезур?

— Марс. Монтаж.

Он кивнул.

— Ситуация сложная. Здесь была одна трещина... В общем, на дорогу ссыпалось несколько «карандашей».

Я поморщился — назвать базальтовые шестигранные многометровой толщины стволы карандашами! Раньше я часто наведывался в заповедник столбчатых базальтов, и, хоть был юношей веселого нрава, вид гигантских, на сотни метров тянувшихся ввысь призм настраивал на серьезный лад. Казалось, что они неплотно при gnаны друг к другу, и достаточно малейшего звука, чтобы эти камен-

ные персты скользнули вниз и вбили осквернителя тишины в прах.

— Пострадавших нет, — продолжал спасатель. — Сейчас зондируют обвал. Повалена энергомачта, обесточена зона отдыха. — Он замолчал и поднес коммуникатор к уху.

— Плохо, — сказал он. — Одного завалило. Посмотрите машины. Метров через десять, за поворотом, оказался трейлер со знакомыми сотовыми контейнерами. На боку выбит индекс и номер.

— Ага, — сказал я, — МГ-12. Горные манипуляторы.

— Справитесь? — тревожно спросил начальник спасателей. Ничего не говоря, я подошел к головному блоку и принял свинчивать крышку гнезда ключей.

— Как они здесь оказались?

— Случайно, — ответил спасатель. — Их перевозили в Управление горных разработок. Перехватили на развалке, повезло.

Стержни ключей мягко вышли из гнезда, я один за другим ввел их соответственно номерам в размыкающие блоки контейнеров. Последний, самый длинный ключ я повертел на пальце и спросил, куда сваливать камни.

— К обочине, — ответил спасатель. — Не в реку же!

Я активизировал ведущий манипулятор. Приземистая длинная машина выползла из контейнера и мягко перебралась с трейлера на дорогу, поочередно раскрывая суставчатые конечности. Горные манипуляторы в отличие от наших «гекконов» имели другой набор насадок, и кабина в середине корпуса, а не на носу. Я влез в прозрачную полусферу, надвинул колпак и поочередно ввел пальцы в кольца сенсоров.

Люки контейнеров беззвучно распахнулись, одна за другой выбросились манипуляторы, развернулись и пошли за головной машиной. В экране заднего обзора — лобовые щитки ритмично перебирающих конечностями

манипуляторов. Со стороны, наверно, впечатляет — темно-матовые, чуть приплюснутые уродины скользят по дороге жуткими ящерами. Мне они кажутся красивыми.

Через минуту мы оказались у завала. При виде нашей процессии кто-то из спасателей шарахнулся к обочине. Я подвел головную машину к глыбам. Манипулятор ухватил большую призму, оттащил и приставил к скале. Повторив два раза, я отвел машину в сторону. Манипуляторы несколько секунд координировались, разошлись веером и дружно набросились на груду камней! Я не вмешивался, только иногда, если какая-то из машин хватала неподъемный камень, помогал. Завал таял на глазах. Без манипуляторов здесь работы часа на два, а мы за двадцать минут растащили.

Показалось светлое пятно. Откинув колпак, я медленно вылез из кабины. Мимо пробежал врач, я пошел за ним. С трудом заставил себя взглянуть на пятно. Это была рука, зажатая двумя глыбами. Врач сидел на корточках и трогал ее. Я нагнулся. Странно. Белая как бумага ладонь, а чуть выше кисти — следы мелких порезов. Вспомнил попутчика, любителя кошек. «Теперь кошки останутся без хозяина», — подумал я. Какое невезение — оказаться в этом месте в этот миг.

— Ты все-таки уезжаешь? — спросила бабушка.

— Ненадолго. Может, завтра вернусь.

Хотя если Прокеш зовет приехать в выходной день, то вряд ли для того, чтобы поболтать о всякой всячине. Когда ему хочется общения, он возникает сам.

Отец проводил до остановки, спросил, были ли жертвы.

— Одного раздавило.

Он помрачнел. Из-за поворота выплыл рейсовик. Отец пробормотал: «Сообщи, если задержишься», — и пошел к дому. Я смотрел ему вслед. Мне захотелось вер-

нуться. Давно у нас с отцом не было долгого, спокойного разговора. То он занят, то я молчу. Но был ли вообще у нас долгий разговор? Не помню...

Рейсовик зашипел и остановился, я влез и сел в свободное кресло. В ереванском узле взял маршрутку до Кедровска.

На месте я оказался утром следующего дня.

Красивое место. Лесистые горы. Цепь озер. Я хотел немного походить по городу, но тут со мной связался Прокеш и попросил, если нетрудно, прибыть в Институт как можно скорее.

Я понимал, что вызвал он из-за Коробова. Что-то произошло! Возможно, создана машина времени. Но я тут при чем? С удовольствием выслушаю еще несколько гипотез. Но оттого, что меня причастят к таинствам темпоральной физики, помянутой физике лучше не станет. Мне, впрочем, тоже. Возможно, приглашают из вежливости — как-никак непосредственный свидетель и участник. А вдруг меня опять забросят в прошлое? Круг замкнется. Впрочем, рано или поздно все объяснится, оборванные концы свяжут, разбитое склеят. За небольшим исключением — Валентина. Наши отношения никакая машина времени не упростит. Все идет к тому, что я ее потеряю. Или уже потерял...

Коридоры в Институте прикладной фундаменталистики похожи на штреки — широкие, низкие, а ко всему еще через каждые десять метров вентиляционные колонки, похожие на крепеж.

Прокеш ждал меня на скамье у входа в сектор, рядом с вертушкой и мрачным мужчиной за пультом. Завидев меня, он встал, хлопнул по плечу и толкнул вертушку. Турникет не шевельнулся.

— Он со мной, — мягко сказал Прокеш, указывая на меня.

— Очень приятно, — отозвался мужчина. — А вы, извините, кто?

— Вы же меня знаете! Эксперт Прокеш.

Мужчина потыкал пальцем в сенсор.

— Сожалею, но вас нет в списке комиссии.

— Вчера еще я здесь свободно проходил, — вполголоса сказал Прокеш. — Странно. Сейчас у Нечипоренко выясним, в чем дело.

В коридорах было пусто. Суббота. Прокеш быстро шагал, поглядывая на указатели. Вдруг резко остановился, и я чуть не уперся носом ему в спину.

— Ты свободно вошел в Институт? Тебя никто не останавливал?

— Никто.

Он нахмурился и двинулся дальше. Вскоре мы оказались во внутреннем дворе, пересекли его и прошли сквозь перепонку со светящейся надписью «Отдел 264».

В узкой длинной комнате одну стену составляли зашторенные стеллажи. За столом сидел немолодой мужчина с бритой головой.

— Семен, — обратился к нему Прокеш, — почему меня непускают в третий сектор?

Бритоголовый Семен посмотрел на меня, перевел взгляд на Прокеша и ласково спросил:

— А почему, Вацлав, тебя должныпускать? Ты же знаешь — при чрезвычайных обстоятельствах допуск некомпетентных лиц ограничивается до решения экспертизы комиссии.

— Вот и прекрасно, друг мой. Я как раз эксперт.

— Нет.

— Что — нет?

— Вот уже... — Нечипоренко посмотрел на часы, — вот уже двадцать шесть минут, как ты не являешься экспертом.

— Интересно, очень интересно! — Прокеш не выглядел растерянным или огорченным. — В экспертах я действительно засиделся. До сих пор не пойму, как это Сеть выбрала меня среди прочих. Но почему не элиминировали сертификат эксперта, скажем, год назад? Или два?

Нечипоренко погладил свою голову, но ничего не сказал.

— Ну, теперь можно заниматься своими делами. Миссия эксперта меня, признаться, утомила, хотя я и не вполне представлял свои функции.

Он говорил, чуть скосив на меня глаза.

— Правда, я не понимаю, почему это случилось сейчас?

— Состав экспертной комиссии проводился по Сети. Ты не утвержден, экспертный сертификат элиминирован, и это все, что я знаю. Если хочешь, запроси региональный «базис». Через две-три недели выдадут обоснование.

По дороге в гостевой ярус Прокеш молчал. В комнате он предложил кресло, а сам уселся на диван.

— Вчера погиб Евгений Коробов, — сказал он.

Прокеш сцепил руки на животе и смотрел на меня.

«Первый», — мелькнула странная мысль. Евгения я помнил подростком. С тех пор не видел. Прокеш сказал, что в последний раз они встречались на прошлой неделе.

— Женя мне показался усталым, я бы сказал, напуганным. Он сам не понимал, каким образом добился переноса информации.

— Как он погиб?

— Упал с обрыва. Напоролся на ржавый прут. Пока хватились, пока нашли, в общем, было поздно! А я его уговаривал приехать к тебе, и Лыкова вытащили бы... Женя согласился, спрашивал, как до тебя добраться. Да-да. Я видел его установку и...

— У него осталась семья?

— Что? А, нет! Так, знакомые, а семьи не было. Кстати, почему ты не спрашиваешь, зачем я тебя вызвал?

И снова я промолчал. Почему я откладываю свои дела и лечу, мчусь по первому зову? В разговоре с ним свои дела кажутся малозначимыми, хотя он вроде ничего особенного не говорит. Когда-то я думал, что это отдушина от привычной работы, так сказать, прикосновение к великим делам. Работа у меня не рутинная, да и очарование тайнами и загадками прошло, но доверие к нему осталось. Даже сейчас, когда его выставили из экспертов, доверие он мне внушал большое. Он старше меня на двадцать лет, но не это главное.

— Не сегодня, так завтра меня попросят рассказать комиссии, что я знаю о несчастном случае, — сказал он и поднялся с места. — После этого заниматься выяснением обстоятельств будет неэтично. Вызовут обязатель но, я одним из последних видел его. Я и Коновалов. Коновалов говорил... — Прокеш задумался.

— Ко-но-ва-лов! — раздельно произнес он. — Вот с кем мне нужно поговорить сейчас. Извини, минуточку!

Он прошел, вскоре вернулся и постучал пальцем по лбу:

— Очень быстро старею. Надо соображать сразу. Коновалова нет, вернется завтра или послезавтра. Уехал по делам.

— Можно подождать, — утешил я.

— Бессмысленно. Либо комиссия ухватится за него раньше, чем я, либо они вызовут меня. И то и другое плохо. Коновалов — спарринг-разработчик Евгения. Возможно, он знает... м-м...

Он замычал как от зубной боли.

Я плохо соображал, что происходит. Все-таки погиб человек. Тактичность, выдержка — все это уместно, конечно, но коробило, что Прокеша больше занимают ка-

кие-то проблемы, а не судьба юноши, глупо погибшего от ржавой железки. Исполнилось ли ему двадцать?

Междутем Прокеш все ходил по комнате, мурлыкал, причмокивал и, кажется, пару раз тихонько хрюкнул.

— Поговорю еще раз с Нечипоренко. Завтра или послезавтра. Понимаешь, Арам, нужно задать один вопрос. Вернее, два. Когда они задействовали эту проклятую ОС-12 и подключена ли она к единой сети? А знаешь, — он остановился и глаза его остекленели, — кажется, я знаю ответ! Коробов в конце концов добился, чтобы систему отдали ему. Причем с активаторами нейроглии. Он мне рассказывал. Новая концепция времени, вернее, новая интерпретация. Или, наоборот, старая концепция. Не знаю. На страшные сказки похоже. Половину я не понял, а в остальное не поверил. Проект «Дважды приснувшийся». Красиво звучит! Зондирование «сквозь мглу веков», как он говорил. А вот происшествие с тобой и остальными так и не смог объяснить. Обещал познакомить со своими записями. Запись меня сейчас очень интересует.

Он нахмурился, потрогал щеки.

— Не сообразил спросить, куда уехал Коновалов.

Прокеш набрал вызов.

— Извините за беспокойство тысячу раз, Ольга Ивановна. — Неожиданно у Прокеша прорезался сильный акцент. — Не смогли бы вы сказать, куда отправилсяуважаемый Алексей Маркович?

— Ну что вы! — заулыбалась Ольга Ивановна. — Какое беспокойство! Обещал вечером вернуться, но это вряд ли. Однажды вышел на минутку, а вернулся через неделю из Австралии.

— А где он сейчас? — спросил Прокеш без акцента.

— Ой, не знаю! — улыбнулась она. — Брысь вы! — прикрикнула она на кого-то внизу. Послышался разноголосый писк.

Прокеш поднял брови, а жена Коновалова рассмеялась.

— Котята шалят. Ходить боюсь, раздавлю случайно.

— Котята?

— Ага. Целых двенадцать штук!

В животе у меня екнуло, я подался вперед и спросил:

— Простите, Ольга Ивановна, котят подарила ваша мать?

— Ага! Только не мне, а Леше. Это он вам жаловался?

Я попятился и сел в кресло. Прокеш отключил связь и обернулся ко мне. Лицо его было мрачно.

— Ну, говори! — сказал он.

Глава четвертая

Дорога уходила в ложбину, а затем шла по холму. Узкая полоса тумана пересекала дорогу. От пассажирской площадки до Раменъя километров пять. Или немного больше, сообщил юноша с удочкой, обосновавшийся у большого зацветшего пруда. На мокрой от росы траве рядом с ним лежал рюкзак. Рыболов внимательно следил не за поплавком, а за дорогой.

Очень хотелось спать, время — семь утра. Так рано, да еще в субботу, я не поднимался даже в освоенцах!

Всю эту неделю Прокеш гостил у нас в Базмашене. Он долго лазил по ущелью в районе обвала. Спускался по реке, теребил спасателей. Ничего! Пакета, который вез Коновалов, так и не нашел. Любой из обломков мог стереть инфоры в пыль. Потом предложил навестить Лыкова, и мы отправились к верховьям Волги.

С вершины холма открылся вид на Раменъе. На взгорье неподалеку друг от друга стояли дома, собранные «под избу». Полукругом блестела внизу река, чуть дальше раз-

ливалось неширокое озеро, теряющееся в лесистых берегах.

— Красиво здесь, — вздохнул Прокеш.

— Красиво, — вежливо согласился я.

Мне город нравится больше. Наелся природы на Красной. Когда выжигали джунгли под ретрансляторы, только и ждали: сейчас или через минуту выпрыгнет или выползет на тебя зубастое, шипастое. Нет, в городе лучше. Идешь себе, никто с разговорами не лезет, и никаких теплых ветров, превращающих человека в разболтанную говорилку. В городе можно молчать, никого не обижая.

У третьего дома Прокеш остановился, пробормотал: «Кажется, здесь», — и несколько раз бухнул кулаком в дверь. Дверь беззвучно открылась.

В доме никого не было.

В первой комнате рядом с дверью к стене был прикреплен сук, толстый такой, с обрезками веток. На обрезках висела одежда. Вдоль стены громоздились ящики. Один из них был раскрыт, на полу лежали стопки инфоров. Во второй комнате у окна стоял терминал, рядом ощетинился сенсорами модулятор. Большой модулятор, не любительский. Лыков всерьез занялся виdeo пластикой.

Прокеш придвигнул к себе керамический сосуд.

— Молоко, — сказал он. — Интересно, что у них еще есть?

Я сел на диван. Неудобно хозяйничать в доме, если нет хозяина. Дверь открыта — значит, скоро придет. Прокеш влез в настенный фризер, достал банку без этикетки, повертел и сунул обратно.

— Говорил ему, что будем на выходные! Далеко он не ушел. — Прокеш задумался и добавил: — Надеюсь.

Вскоре на крыльце послышались голоса, хлопнула входная дверь.

В комнату вошли двое. Лыкова я узнал сразу: без бороды и усов, но острые глаза те же. Шрам над бровью. Второго я сначала не узнал, неказистый такой дед в зеленой куртке и в сапогах. Вспомнил, услышав пронзительный голос:

— Здравствуйте, гости!

Мотиватор Миронов собственной персоной. Я приободрился. Одно дело, когда идет непонятная кутерьма, и совершенно другое, если в ней крутятся лица значительные. От этого, правда, понятнее не становится, но все же приятно. Душу греет, как говорил Амаяк. Встречу, например, завтра на проспекте моего старого знакомого Амаяка с девушками и, между прочим, расскажу: ловили, мол, рыбу с одним мотиватором. Впрочем, если и встречу, то скорее всего буду отмалчиваться. Девушкам это нравится. Амаяк за двоих наговорит. Лыков пожал нам руки, скинул мокрый мешок в угол. Мешок зашелвился. Миронов отцепил от пояса связку больших рыбин.

— Уход кормить буду! — пообещал Кузьма.

Прокеш плотоядно облизнулся.

Пока чистили рыбу, он рассказал о последних событиях. Узнав о смерти Коробова, Лыков наступился и спросил:

— А что, мне сообщить не могли?

Прокеш опустил глаза. Я не понял, в чем дело. Заметив мое недоумение, Миронов нагнулся ко мне и тихо сказал:

— Видите ли, молодой человек, не так давно было принято оповещать о смерти не только членов семьи, но и всех знакомых. Теперь это считается нетактичным. Ох уж эта корректность!

Миронов явно сердился. Зря. Спешить с черной весстью — это слишком!

Уха получилась вкусная. На что я рыбу не люблю — и то попробовал из вежливости литку-другую — не заметил, как съел две тарелки. Прокеш ел и говорил синхронно.

— Мне кое-что удалось выяснить! — вещал он. — Я успел поговорить с соседями Коробова по ярусу. Тут меня пригласили на комиссию, и моя активность в Кедровске увяла.

Это точно. Вел он себя там безобразно. Все-таки трагедия, даже две трагедии, а он бегал по всему городу и выспрашивал.

— Я выяснил, что Евгений отдал записи Коновалову с просьбой передать их мне. В случае если не найдет меня — через Арама. — Прокеш ткнул в мою сторону литкой: — Меня он не нашел. Ни в лаборатории, ни дома у Коробова регистрационные инфоры не были обнаружены.

— Вам это ничего не напоминает? — спросил Миронов.

— Пока нет, — отозвался Прокеш.

— Сорок лет назад Томас Финлеттер был найден в своей лаборатории мертвым. Все записи и протокольные материалы исчезли.

— Точно! — вскинул руки Прокеш. — Я знаком с историей великих открытий в биологии. Но Финлеттер был тяжело и неизлечимо болен, он уничтожил материалы и себя в остром приступе депрессии. Полоса неудач и так далее... Действительно, у Евгения было подавленное настроение, но неудачи ни при чем. У него как раз получалось!

— Тогда почему он обратился не в ученый совет, а к вам?

— Не знаю. Мало того, совершенно непонятно, почему коммуникации транспьютерных блоков разъедине-

ны. Серьезное нарушение правил и инструкций, но, очевидно, у Коробова были основания.

— Основания? — саркастически произнес Миронов. — Мне хотелось бы знать, а какие у вас основания возиться с этим происшествием столько лет? И кстати, как вы стали экспертом?

— В самом деле, странно! — сказал Лыков, протягивая руку за хлебом. — Есть же компетентные органы. Если каждый будет заниматься не своим делом...

Миронов засмеялся.

— Какие органы ты имеешь в виду?

— Ну, как это — какие? — развел руками Лыков. — Кто-то должен ведь расследовать и предотвращать. Я знаю, сейчас нет милиции и тому подобного, но есть, по-видимому, организации, учреждения, где занимаются всем этим.

— Чем? — спросил Прокеш.

— Знаете, — рассердился Кузьма, — я вам не какой-нибудь неандерталец! В структуре общества более-менее разбираюсь и в истории покопался. Но в такой толще лет мог и проглядеть.

— Извини, Кузьма. — Миронов вздохнул и потрогал короткие жесткие усы. — Все не так просто. Я имею в виду не органы, — хмыкнул он, — их действительно нет, в том смысле, который ты подразумеваешь. Общество достаточно организовано и самоуправляемо, чтобы не допустить эксцессов. А после Большого Этического Конкордата... В общем, если что-то происходит, возникают комиссии и назначаются эксперты. Принимаются решения, а управители разных уровней их приводят в исполнение.

— В наше время тоже приводили в исполнение, — хмыкнул Кузьма. — Правда, экспертов вроде не было.

— Сейчас экспертов хватает. Вроде этого! — И Миронов ткнул пальцем в сторону Прокеша.

Прокеша неприличный жест мотиватора не обидел. Добродушно рассмеявшись, он привычно сцепил пальцы на животе.

— Вот вы и ошиблись, Виктор Тимофеевич, — сказал он. — Я уже неделю как не эксперт.

— Тем более не вижу причин для вашей суэты!

Прокеш только улыбнулся в ответ.

Доели уху. Я помог Лыкову собрать посуду. Подошел к окну — отсюда была видна дорога в лес. За моей спиной Миронов и Прокеш долго и однообразно рассуждали о дилетантах, сующих не в меру длинный и сопливый нос в высоковольтный распределитель. С сомнением отзывались о системе перекрестной координации экспертных комиссий, поминали к месту и не к месту Конкордат, а Прокеш с надрывом говорил о своем уважении к основам Конкордата.

Потом Миронов вдруг раздраженно спросил, почему во все эти сомнительные с научной и этической стороны игры ума и утехи воображения втягивается молодой человек? Тут за моей спиной раздался грохот. Обернувшись, я увидел расстроенного Прокеша, разглядывающего обломки керамического блюда.

— Какой я неловкий, — сказал он.

— Ничего, — успокоил его Лыков, — глины много. Еще сделаю.

Мы собрали осколки и вышли во двор. Ссыпали чепреки в металлический бак и уселись на скамейку.

Во времена Происшествия Лыков носил растрепанную рыжую бороду. Он старше меня на год или на два, но тогда показался стариком. Мы частенько встречались на комиссиях, эксперты терзали нас порознь и вместе, а после очередной попытки воспроизвести Происшествие он сбрил бороду. Потом я стал больше времени проводить с Валентиной, Кузьма воспринял это без восторга, хотя и откровенного неудовольствия не проявил. Однако на

свадьбу не приехал, сослался на болезнь, поздравил и прислал видеопласт «Падение кленовых листьев в лесное озеро». Видеопласт мне понравился, Валентине не очень. А Римма пришла в восторг и ходила кругами до тех пор, пока Валентина не отдала ей пласт.

— Ты все там же работаешь, в Институте педагогики?

— Нет, в Учебном Центре. К своим ближе, да и... вообще.

— Эх, выберусь я как-нибудь в Ереван, — мечтательно произнес Лыков. — Ни разу не был!

— Почему «как-нибудь»? — удивился я. — Махнули сейчас!

Я принял расписывать Кузьме, как роскошно мы проведем остаток выходных дней. Лыков чесал подбородок, крякал, причмокивал, потом виновато сказал, что он бы с удовольствием, но не может сразу взять и сорваться с места.

— Понимаешь, никак не привыкну к скоростям. Слишком все быстро, ничего не разглядишь.

Хороший человек Кузьма Лыков. Симпатичный. И я не люблю суматошного метания и прыжков с континента на континент, и мне нравится бездумно разглядывать медленную смену гор, долин и рек, нравится спокойное чередование красок.

Не люблю переездов. Мне три или четыре года было, когда из одной промзоны мы перебирались в другую. Транспорт должен был прийти ночью. Вещи уже собраны, а в это время мне полагалось спать. В углу расстелили что-то мягкое, повесили на шнуре одежду, чтобы свет не бил в глаза, и уложили меня. Я знал, что, если засну, меня неминуемо забудут, и я проснусь один в пустой страшной квартире. И когда снаружи донесся гул грузовоза, я вскочил, оборвал шнур и с ревом вцепился в отца. Детские страхи забылись, но осталось досадное чувство непонятной оставленности.

Из окна доносились голоса Прокеша и Миронова, потом они вдруг замолчали, неожиданно донесся еще один голос, и затренькали звоночки новостей часа.

— Терминал включили, — сказал Лыков, встал, потянулся и снова сел. — Знаешь, Арам, я сначала долго маялся, думал, дезертир я, ну, понимаешь, сбежал вроде от своих. Они там, понимаешь, а я здесь прохлаждаюсь. С другой стороны, из избы никто бы не ушел, а я уж точно. Выходит, я вроде не пропал без вести, а пал в бою. Геройски погиб. А здесь я вроде на том свете. В раю. Хотя на рай совсем непохоже. Недавно стыд меня прошиб. Предложи мне сейчас назад вернуться — ох, затряслись бы поджилочки! Там не боялся: один не уйду, за собой фашиста уволоку, а сейчас страшно стало. Знать, что после меня случится, и снова назад? Я ведь себя беречь начну, лихости не будет, а без лихости первая же пуля найдет!

Он немного помолчал.

— И с недобитком этим, Хевельтом, запутались. Я же ему мозги напрочь вышиб, а получается — выжил, стервец, мемуары кропает. Как же так, а? Недавно Тимофеич раскопал списки моего отряда, нашел воспоминания нашего комиссара. Глубоко копнул Тимофеич, архив большой перерыл, вон, копии инфоров в ящиках, видел? И значусь я там пропавшим без вести, вот так! Все же был я на самом деле!

Вдали из-за поворота на дороге появилась медленно движущаяся точка. Кто-то шел к домам.

— Где вы там? — высунулся в окно Миронов. — Быстро сюда!

Прокеш сидел перед терминалом, а Виктор Тимофеевич за столом, барабаня по столешнице всеми пальцами. На экране сияющий Управитель Тоноян размахивал инфором с зеленой каймой глобальных разработок.

— Абсолютное большинство в Совете Управителей за проект! — Возбужденный голос комментатора бил по

ушам. — Первый шаг в Большой Космос! Самый грандиозный проект за всю историю человечества!

Комментатор исходил восклицательными знаками. Утвердили проект экваториального фазоинвертора на Марсе. Теперь завертится карусель, пойдет работа. Впопу обратно в монтажники.

Замелькали схемы, макеты. Перед нами закружилось светящееся кольцо, наложенное на контурный рельеф Красной.

— Это старые песни, — заявил Виктор Тимофеевич. — И начались они тридцать четыре года назад.

Прокеш с большим интересом посмотрел на него. Я подошел к окну — точка на дороге превратилась в черточку. Если свернет на развилке, значит, сюда.

— Корабль назывался «Шубников». Первая комплексная экспедиция на Сатурн. Исследование спутников, колец и атмосферы. Обнаружили в кольцах огромный черный сфероид — автоматический зонд неземного происхождения. Естественно — приключения, риск. У них был системщиком Михайлов, один из первых мотиваторов. Редкой интуиции человек. Он и еще двое проникли в эту черную машину, разобрались в управлении и привели... как же его тогда называли? Да! «Темный»! Вывели на лунную орбиту. Через месяц умер Михайлов, остальные почти сразу же после него. Подозревали, что они наглотались какой-то отравы. Так и не выяснили, впрочем. Тогда же и на всякий случай приостановили исследования планет-гигантов и дальше Марса решили пока не выдвигаться.

— Что-то такое я в программе по истории видел, — пробормотал Лыков, — но не помню, чем это кончилось.

— Ничем не кончилось, — сказал Миронов. — Как видишь, продолжается. А тогда ты глотал инфоры с двух концов. Хорошо помню, как ты по годам скакал, хватался за голову, потом опять подряд шел по годам.

— Было дело, — согласился Кузьма. — Я тогда от все-го очумел. Мы-то просто жили, без хитростей, а тут выясняется, что времечко наше, ох, непростое было. Очумеешь от чехарды: перегиб, макияж, Конкордат, а то еще кракелюры эти...

— Кракелюры возникли после Конкордата, — возразил Миронов. — Ты путаешь глобальные и региональные проблемы. И вообще Конкордат всего лишь социально-экономическое взаимодействие многокомпонентных структур на этической основе. А после того как слегка разоружились и на пробу устранили границы, вышел конфуз. Населенные пункты, от столицы до какой-нибудь занюханной и богом забытой деревеньки, страшно заволновались и приняли ряд указов, постановлений, рескриптов и деклараций, ограничивающих, контролирующих, пресекающих и все в таком прелестном духе. Вместо границ государственных возникли сотни тысяч местных граничек. Начались игры с имуществом движимым-недвижимым, миграционный кошмар и половецкие пляски в экономике. Региональный феодализм — был такой взбульк в истории. К счастью, весьма краткий. Кракелюры — мелкие, невидимые трещины на старой картине. Вот чуть по мелким трещинам все и не расползлось. Потом ввели управительства, потом был контакт.

Миронов замолчал и почесал переносицу.

Историю космонавтики мы проходили давно, в шестом классе. Память у меня плохая, никак не мог запомнить, когда летели, как далеко, в каком году начинали освоение. Что-то еще рассказывали про сигналы, которые, кажется, до сих пор не декодированы.

— Шарик разобрали на маленькие кусочки, — продолжал Виктор Тимофеевич. — Совершенно случайно мотиватор Лиссарга, изучая эти самые кусочки, вывел принцип создания гипердвигателя. Построили экспериментальный корабль...

— Вспомнил! — хлопнул ладонями Прокеш. — Референдум Энесси.

— Верно, — кивнул Миронов. — Корабль пытались угнать, одним словом, он исчез.

— Да, какие-то эксцессы с фанатиками. Старая история.

— Для вас старая! — с неудовольствием возразил Миронов. — Именно в то время был разработан первый вариант проекта «Кольцо». Правда, репер-массой предлагалась Луна. Решили не размениваться на корабли, а строить большой фазоинвертор. Ну а потом Марс потребовал людей. А людей не хватало. Две пандемии вырубили широкие просеки в населении и ресурсах.

Прислушиваясь к разговору, я время от времени поглядывал на дорогу. Почему-то я решил, что это странный рыболов, встреченный утром. Поведал об этом Кузьме, тот спросил, не у моста ли сидел рыболов; получив утвердительный ответ, рассмеялся.

— Они Никифора видели? — поднял брови Миронов.

— Кого же еще! Никифор караулит Татьяну. Большая любовь! — уважительно отозвался Лыков и вздохнул.

Кузьма пересек комнату и подошел ко мне. Идущий по дороге свернул и подходил к первому дому.

— Это не Никифор, — сказал Лыков.

Теперь и я разглядел, что это не рыболов.

— Это женщина, — через минуту сказал Лыков.

— Более того, — сказал я в ответ. — Это моя жена.

Прокеш надул щеки и издал звук «пфф».

Пока Валентина ела уху, все почему-то сидели тихо, время от времени значительно переглядываясь. Мне стало смешно. Я догадывался, от кого они узнали о моих семейных делах. Лыков был слишком весел, Прокеш выглядел немного испуганным, словно ждал скандала, а Виктор Тимофеевич мрачнел на глазах. Кто был спокоен — так это я.

Напрасно я избегал встреч, будто несколько минут связи могли поставить меня в глупое положение. В результате вот оно — глупое положение — я в роли отлавливаемого мужа.

— Сто лет не ела такой ухи, — сказала Валентина.

— Так уж и сто, — странно улыбаясь, отозвался Лыков. — Чуть подольше будет.

Валентина строго посмотрела на него, перевела взгляд на Прокеша. Прокеш мягко улыбнулся.

— Давненько вы на Земле не были, Валентина Максимовна.

— Нет времени. Если бы не конференция...

— Конференция?

— Да. Завтра в Саппоро.

— Интересно. Надо будет выбрать денек.

— Не думаю, что это вас заинтересует, — сказала Валентина. — Хотя если вы эксперт и в новых концепциях обучения, тогда приезжайте.

— Какие же они новые? — вдруг вмешался Миронов. — Мой племянник, учитель, давно увлекается тезисами Диадаскала.

— Ах, вот оно что, — протянул задумчиво Прокеш. — Слышал я про концепции новой этики. Но разве это настолько серьезно, что становится предметом обсуждения?

Валентина еле заметно дернула плечом, что означало у нее высшую степень раздражения.

— Если интересуетесь, то приезжайте, — сказала она. — Заодно и Арама прихватите. Он, я вижу, без вас никуда.

Лыков нахмурился и вышел из комнаты. Виктор Тимофеевич последовал за ним. Прокеш тоже ушел. Валентина поднялась со стула. Солнце было в окно, ее фигура темнела и расплывалась в ослепительном прямоугольнике.

— Что будем делать? — спросила она ровным голосом.

— Ты остаешься на Красной?

— Там я нужна. Почему бы тебе не вернуться?

— Может, я так и сделаю. Будет большой набор...

— Позволь, что за набор?

Я рассказал о фазоинверторе.

— Странно, — сказал она. — Почему у нас не было обсуждения?

— Решение принимал Совет Управителей. Следовательно...

— Галайда болен, — перебила Валентина. — Недавно приезжал Краузе, но он ничего не говорил об этом.

— Почему тебя это так волнует?

— Вы здесь за нас решаете, а нам не волноваться?

Взгляд ее неожиданно стал жестким, злым. Такой довелось ее видеть только раз. В первые дни нашего знакомства. Мы гуляли по Праге, она невнимательно слушала меня, потом вдруг спросила: «Вы можете в прошлое смотреть?» Я легкомысленно провозгласил что-то о всемогуществе разума, она уставилась такими вот глазами и процедила: «Выходит, там стреляют и вешают, а вы, все-могущие, нас как в кино разглядываете!»

С трудом убедил ее, что я шутил и ничего мы не разглядываем и разглядеть не можем. Она успокоилась, я же, чтобы успокоить окончательно, заявил, что скоро все проблемы будут решены и они смогут вернуться назад. Она рассвирепела и закричала: «Куда это назад! Под пули, что ли? Лучше сразу здесь кончайте!» В общем, поговорили.

Через года два она вспомнила этот разговор, посмеялась, сказала, что ничего не понимала, иногда ей казалось, что все — сон. Боялась проснуться — и снова теплушка, стук колес, тряска и прижавшиеся друг к другу тела...

— Не вернешься ты, — прервала молчание Валентина.

Я промолчал.

— Раз молчишь, значит, не вернешься, — спокойно повторила она. — Так продолжаться не может. Надо решать.

Нырять так нырять, подумал я и вдохнул побольше воздуха.

— Надо решать!

Слова сказаны.

К моему легкому разочарованию, ничего не произошло. Может, я давно смылся с мыслью о неизбежности расставания и поэтому испытал даже небольшое облегчение. Но и досаду — Валентина ждала этих слов и заметно обрадовалась...

— Все равно тебе придется прилететь. Ненадолго. У меня здесь времени нет, а там... Сам понимаешь!

Еще бы не понимать! Процедура расставания — долгая, мучительная, тысячу раз подумаешь, прежде чем пойдешь на это, и очень разными дорогами должны были идти люди, чтобы в итоге идти в одиночку. Впрочем, если бы у нас были дети...

— Все было бы иначе, будь у нас дети, — с горечью сказала Валентина.

Что я мог ей ответить? Служба генетического контроля учитывает все, кроме эмоций. Претензии к моему предку-химику. С чем он там работал, какие мутагены виноваты — теперь уже поздно разбираться. Индекс генетического риска на семь единиц выше нормы — это приговор.

* * *

Когда Лыков с термосом в виде старинного самовара вернулся в комнату, за ним потянулись и остальные. Раз-

говор ни о чем перешел в спор о системах обучения, и Валентина оживилась.

— Все это звучные слова, — сказала она Прокешу, — а как быть с людьми? Утром я разговаривала с сестрой Арама, так она места себе не находит из-за того, что собирались в одну школу, а попали в другую.

«Ясно, как меня нашла, — сообразил я. — Кнарик разболтала».

Валентину было не узнать. Она стала вроде выше, стройнее, но и суще. В голосе появилась сила, убежденность, но мне показалось, что она не считается с доводами собеседника.

— Какая несправедливость! — говорила она. — Не так мы себе представляли равенство. Все мои ученики обладают большими способностями, чем любой земной школьник из высших разрядов. Но марсианские школы выше четвертого разряда не индексируются! Разделять школьников на лучших и худших — что может быть омерзительнее?

— Вы меня удивляете, уважаемая Валентина Максимовна! — ответил Прокеш. — Вам известно, что одинаковая нагрузка на сильного и слабого гораздо хуже, чем разделение. Огромное количество труда, материальных и духовных затрат истратят впустую, если ребенка во время не сориентировали, и он оказался не на своем месте. В вашем же случае я вижу длинную цепочку стоящих друг другу в затылок неплохих людей, но скверных специалистов. Да, можно потерять в одном или десяти миллионах одного или двух мотиваторов. Но система отбора пока работает надежно — гораздо хуже обнадежить человека несбыточными надеждами.

— Экономисты! — холодно сказала Валентина. — Нет желания возиться с детьми, искать к каждому ключ. Кстати, родители детей высших разрядов, как правило, тоже из высших.

— Вы что же, Валентина Максимовна, — прищурил один глаз Миронов, — обвиняете наше общество в социальном неравенстве?

— Куда уж мне, — скривила губы Валентина. — Но любое общество не идеально и находится в развитии. И всегда есть факторы, мешающие развитию. А с самого начала отрезать человеку какие-то пути — значит, ограничивать развитие общества.

— Кому же это отрезали? — спросил Лыков.

Валентина искоса глянула на него, еле заметно вздохнула.

— Да хоть племяннику Арама! Он не поступит на Высшие курсы.

— Не думаю! — вмешался я. — В конце концов, занимается пару лет после школы и поступит. Четвертый разряд — это совсем неплохо. Он же не дебил из шестого разряда!

Прокеш закашлялся, замахал руками, кашель перешел в смех. Отсмеявшись, он утер слезы и сказал мне:

— От имени всех дебилов шестого разряда благодарю тебя за лестные слова. Мои лучшие годы прошли именно в школе-шестерке.

— Я не знал. Извините.

Он великодушно махнул рукой — пустяки, мол, но Валентина остро посмотрела на него и спросила:

— А ты, Арам, вообще что-нибудь о нем знаешь?

Прокеш слабо улыбнулся и обратился к Лыкову:

— Вот, Кузьма, случай фатального предубеждения. Насколько я понимаю, Валентина Максимовна считает меня представителем тех самых органов, о которых мы сегодня беседовали.

В комнате стало тихо.

— Не дури, Валентина! — резко сказал Кузьма. — Со школами даже мне все ясно, хотя это вроде ты учитель.

Но не нам обсуждать и осуждать. Кашу-то они расхлебывают, что мы заварили.

— Не понимаю, — сухо и надменно заявила Валентина.

— Природа не зла, но злопамятна! Вот и дети наши попадают в разные школы, потому что генконтроль не всесилен, — сказал Миронов. — Отцы и деды шалили, а у детей...

— Дети, отвечающие за отцов? — подняла бровь Валентина. — Яблоко, недалеко падающее от яблони? Слышили. В свое время.

— Мне кажется, вы на нас сердитесь, — мягко сказал Миронов.

— Ну что вы! — рассмеялась Валентина. — Однако мне пора.

Я поднялся с места.

— Меня не надо провожать. Мы обо всем договорились?

— Договорились.

— Жду тебя, скажем, месяцев через пять-шесть. Тебе удобно?

— Вполне. Возьму месяц отпуска.

— Ну, всем всего хорошего. Нет, провожать не надо, — опять сказала она, заметив движение Кузьмы к двери.

Она шла мимо домов, потом исчезла за кустами, и вот она уже на дороге. Уходит, ни разу не оглянулась, а у меня ни одной серьезной мысли, только вертится в голове обрывок детского стишка: «Дом, как видите, сгорел, но зато весь город цел».

— Не выпить ли нам еще чаю? — спросил Кузьма.

— Хорошо бы, — отозвался Прокеш и подсел ко мне. — Сейчас на Марсе люди будут нужны. Зря я уговорил тебя вернуться.

— Разобрались с семейными делами? — сердито спросил Миронов. — Тогда к делу, и коротко! Пусть говорит

Вацлав. Что тебе от меня надо, хитрый человек? Думал, вывалишь старому Миронову ворох фактов, а он тебе все объяснит? Где же факты?

Прокеш сложил губы дудочкой и причмокнул.

— Все факты я вам изложил.

— Ты мне сказки рассказывал! Два несчастных случая. Скверно, но и не такое бывает. Пропали инфоры — ну и что?

— Мне непонятно! — сказал Прокеш. — Почему Коробов демонтировал установку? Почему изъял инфоры? Чего он добился?

— Демонтировал, потому что ничего не получилось.

— В прошлом году он работал с генераторами виртуальных спектров и одновременно с фантоматами. Он мне показал кое-что...

Прокеш замолчал.

Миронов вопросительно посмотрел на него.

— Он не знал, как интерпретировать один эффект, и предложил мне принять участие в эксперименте. Всего несколько секунд, но того, что я увидел, мне хватило.

— Что ты увидел?

— Сына. Он умер во время Второй Пандемии, ему не было еще и девяти лет. Утром я торопился к жене в больницу, у нее было небольшое воспаление легких. Он проводил меня до выхода, я обычно пожимал ему руку, а тогда очень спешил, махнул на прощание и убежал. Вечером его увезли в больницу, но было поздно, опоздали на несколько часов. Если бы утром я обратил внимание на вздувшиеся суставы пальцев, то сейчас он был бы жив. А я спешил.

Прокеш замолчал, поморгал глазами и снова заговорил спокойно, ровным голосом:

— И вот увидел, как я ухожу, а он остается.

— Автосуггестия. Резонанс ментальных уровней, — пробормотал Виктор Тимофеевич.

— Нет. Я видел то, чего не мог видеть. Секунду или две после моего ухода он стоял в прихожей, потом упал.

Миронов потрогал усы, покачал головой.

— Не нравится мне эта история.

Снова молчание. Мне стало душно в помещении, я вышел во двор. Через минуту вышел и Кузьма.

— Слушай, у него и жена умерла?

— Да.

— Жалко мужика. Много тогда людей умерло?

— Много.

* * *

Внизу мелькали зеленые пятна лесов, время от времени огненными нитями полыхало отраженное в реках солнце. Шелест двигателей почти не слышен. Кроме нас, в кабине было несколько человек. И семья с ребенком. Ребенок — неутомонный мальчик, скакал по пустым креслам под умиленными взглядами родителей. У обзорного колпака сидел молодой человек в светлой куртке. Лицо показалось знакомым. Точно — странный рыболов. Как там его Кузьма называл? Никифор. Да, Никифор и Татьяна.

— Все-таки я поговорю с Семеном, — сказал Прокеш.

Рядом с Никифором сидела девушка. Она внимательно смотрела вниз, прижав нос к колпаку. Никифор же внимательно смотрел на ее затылок. Возможно, девушка и есть Татьяна.

— Потом я махну с тобой на Марс. Нет, пока не буду. Валентина Максимовна меня очень не любит.

Никифор медленно приближался к затылку Татьяны. На мгновение коснулся губами высокой шеи. Тут же отшатнулся и посмотрел вверх, вбок, назад, словно высматривал, кто, так сказать, посмел нанести поцелуй. Татьяна не реагировала.

— Сейчас на Марсе начнется бурление. А за старушку Землю я особенно рад! Слишком у нас тихо, спокойно. Теперь и у нас закипит! Такая цель! Арам, ты меня слышишь?

Я кивнул и повернулся к нему. Прокеш отвалился на спинку кресла и, как всегда, сложил руки на животе. Симпатичный человек. Сейчас он мне чем-то напоминал большого толстого благодушного паука, медленно, обстоятельно и со вкусом сплетающего густую паутину. Мне нравятся пауки, они такие же целеустремленные, как муравьи. Паук, плетущий сеть свою, достоин такого же уважения, как трудяга-муравей. Но над чем трудится Прокеш?

Стоило на минуту отвести взгляд, как ситуация в кабине изменилась. Никифор сидел у стекла, но Татьяны рядом не было. Я обнаружил ее рядом с родителями неугомонного ребенка. Ребенок же топтался у решетки кондиционера и пытался засунуть туда руку. Я задумался: а Татьяна ли это?

— Ночью, когда ты с Кузьмой верши ставил, у меня был с Мироновым большой разговор. Миронов отдает головы на отсечение, свою и Кузьмы в придачу, что фашистская Германия не могла иметь атомного оружия в 1943 году. Лыков тоже клянется, что ничего не слышал о взрыве и радиоактивном заражении в Клинцах. Полный мрак.

— Но есть же учебники истории, энциклопедии, справочники.

— Много чего есть. Знал бы ты, сколько всего наврано в этих справочниках! Зря я ввязался в это дело.

— Но вы же были экспертом...

— Я знаю, как стал экспертом! Спроси ты меня, чем я конкретно занимаюсь, — многое для тебя стало бы ясно. Но ты тактичен и нелюбопытен сверх меры.

— Вы писатель.

— Писатель, но какой? Во-первых, я книжник...

— Да-а? — откровенно удивился я. — А разве они еще есть?

— Сохранились, представь себе! И книги издают. Со страницами. Немного, но издают. Очень малыми тиражами для немногих любителей. Впрочем, писатели- книжники вымирают. Нас сотен пять осталось, не больше. Я работаю в редкой и почти схлопнувшейся сфере фантастики. Здесь печатное слово не выдержало конкуренции видеоформных красот и чудес объемной развертки. Да это и закономерно — легче показать, чем описать. Мой сынишка любил книги, он с трех лет читать начал. Сейчас он был бы твоих лет. В общем, мое творчество довольно известно среди любителей.

— Я не любитель.

— Знаю, поэтому не подсовываю свои труды. Ну, так вот — фантастическая ситуация потребовала фантастического эксперта. Не знаю, что там щелкнуло или булькнуло в недрах профтранспьютера, но выяснил одно точно — среди всех моих коллег один я зарегистрирован как писатель-фантаст. Остальные, от самого Поллока до бездарнейшего Хуареса, индексировались как угодно — видеоформистами-интерпретаторами, видеопластерами, реализаторами свободных форм. Не из кого было выбирать, понимаешь! Пришлось мне стать экспертом. А что из этого вышло — сам видишь! Запутался, запутал других, а смысла никакого! Словно расписываешь сюжет, а он не идет.

«Какое же мне место в вашем сюжете?» — хотел спросить я, но не стал спрашивать. Мелькнула одна простенькая до жути мысль.

— А не казалось ли вам, что это все... — Я растопырил ладони, словно пытался охватить ими резвого мальчика у кондиционера, прильнувшего к стеклу Никифора, и очутившуюся рядом Татьяну, и всех в кабине, — не кажется ли вам, что все это — фантограмма?

Прокеш слегка поднял брови, хмыкнул, потер пальцем переносицу. меланхолично ответил:

— Ты еще спроси, кто ее смотрит? Но если это и фантограмма, то до ужаса бездарная и до отвращения затянувшаяся.

У смотрового колпака притихший ребенок, раскрыв рот, смотрел, как Никифор и Татьяна осторожно целовались.

Глава пятая

Перемены я заметил сразу. Небо стало светлей, неизменные полосы воздушных потоков еще тянутся над головой, но они уже слабее, тоньше. А вечные густые сумерки превратились в затянувшееся раннее утро. Утро, правда, отдавало желтизной.

Городок сильно вырос. Ну а черные терриконы превратились в приятные глазу холмы, поросшие невысоким кустарником.

Изменилось многое, но все равно — я здесь свой. И если я пройдусь по нешироким коридорам секторов, то не раз и не два остановят окликом «Привет, Арам!», а Марченко вцепится мертвой хваткой и уговорит, непременно уговорит хотя бы месяц поработать с ним: людей, естественно, не хватает, на кольцо фазоинвертора народ уходит как в прорву. Земля сняла квоту на освоенцев, но все равно — пока их подготовят да пока переподготовят...

— Да, — помотал головой Кузьма. — Надо же, Марс!

Лыков жадно озирался по сторонам, переводил взгляд с корпусов на хилую траву под ногами, с белесых линий воздушных потоков в несветлом небе на обрывки упаковок, шелестящих вдоль стен, пятнистых из-за осыпавшегося эмалита.

Он нагнулся, сорвал травинку, растер в пальцах, понюхал.

— Ма-а-рс? — повторил он с большим сомнением. — А пахнет как у нас! Стоило три недели трястись!

Я улыбнулся. Это пройдет. У каждого новичка неизбежная реакция — ну где тут неизвестность и опасности, а потом, буквально через несколько минут, — разочарование — та же Земля, но в иной упаковке. Через день-два постепенно, но неотвратимо придет ощущение другого места. У меня это пришло, когда я пнул по небольшому камешку, а он улетел неожиданно далеко и с треском врезался в стену склада, отбив кусок покрытия. Из шлюза тут же выскочили несколько человек с термосами в руках. Увидев мое ошарашенное лицо, они заулыбались, а через несколько минут я потягивал крепчайший чай с лимонными ягодами: к новичкам на Марсе великолужны.

— Ладно, — решил Кузьма. — Пусть будет Марс. Куда пойдем?

— Григория Викторовича надо навестить. Стариk болен.

В комнате у Галайды я никого из знакомых не застал. Два монтажника рассказывали ему что-то веселое. Стариk довольно хмыкал, но глядел устало и время от времени заходился кашлем.

Монтажники наконец выложились, попрощались с Григорием Викторовичем, кивнули нам и вышли. Я подсел к нему. Кузьма остался на диване у входа.

— Это Кузьма Лыков, — сказал я Галайде.

Галайда благосклонно покивал Лыкову.

— Вам от Прокеша привет и вот еще! — Я положил рядом с ним большой пакет, обернутый в раппер глубокого тиснения.

— Спасибо, Вацлаву тоже от меня передавай. — Он зашелся слабым кашлем. — Боюсь, через неделю меня отсюда выставят. Так что Вацлава я увижу раньше тебя.

Отработал я свое. Теперь врачи за меня возьмутся, долго они на меня иглу точили. Он поднял палец.

— А ты не глупи, Арам! Валентина, конечно, женщина с характером, но и тебе не мешало бы характер проявить. Рявкни разок, кулаком по столу хлопни. Сам удивишься потом...

Галайда прервал себя на полуслове, хитро посмотрел на меня, потрогал ус, другой.

— Ну, умного учить — дураков веселить! Делай как знаешь. У нас в последнее время не все хорошо. Народу много нового, люди разные. Не вовремя я свалился. Валлон в управители рвется.

Последнюю фразу он произнес тихо. Я удивился:

— Ему же тридцать один. Ну, может, тридцать два. Кто же его до сорока лет будет выдвигать на референдум?

Старый управитель вздохнул:

— Меняются времена, меняются люди. К тому же законы для людей, а не люди для законов. Да и где эти законы? Вот до Конкордата были законы! А Валлон своего добьется. Парень неплохой, хотя и честолюбец. И экологисты его — тоже, знаешь ли, компания! Зря он головы им кружит. Ты бы с ним поговорил, а еще лучше — с Валентиной, он ее уважает очень.

За моей спиной хмыкнул Лыков.

— А почему юноша у входа сидит? — спросил Галайда.

Кузьма взял стоявший у стены стул и сел рядом. Галайда взглянул на него, пожевал ус и сказал:

— Вы, кажется, были одним из троих? Лыков кивнул.

— Там еще мальчик был. У него как дела?

— Умер Коробов, — сказал я. — Несчастный случай.

Галайда вздохнул и снова закашлялся. Из соседней комнаты выглянула полная седоволосая женщина в белом халате и сердито махнула нам рукой в сторону двери. Я и Лыков поднялись.

— Что? — спросил Галайда, оглядываясь на дверь.

— Нам пора. — Я виновато развел руками.
— Ладно, — просипел стариk. — На Земле заходи.
В коридоре Лыков сказал, что он немного погуляет.
— В джунгли не иди. Кролики съедят.
— Подавятся! — отмахнулся Кузьма. — Хотя пусть лучше меня на Земле медведь задерет, чем здесь ваша пушистая погань.

— Медведь? Где ты его найдешь, в зоопарке?
— Поишу, — улыбнулся Кузьма, а потом спросил: — Я не понял — экологисты — это что, экологи? Чем они занимаются?

— Как тебе сказать... Экологи тихо и спокойно занимаются экологией, а экологисты заняты тем, что будоражат общественность и всячески провоцируют ее на необдуманные поступки, тем самым мешая экологам тихо и спокойно заниматься экологией.

— Ага! Активисты-общественники, значит!
— Можно назвать и так.
В этот миг бегущий по коридору подросток чуть не влетел головой мне в живот.

— Ох, извините! — Он поднял голову и расплылся в улыбке:

— Дядя Арам? Вот здорово! Вернулись?
— О, Арчибалд Драйден собственной персоной! Рад встрече!

Узнал я его сразу. Такой же рыжий, и веснушки по всему лицу.

Но вырос как! И вид решительный.
— Как твои дела, Арчи?
— Уровень! В этом году заканчиваю. Отец хочет на Зеленую возвращаться, а я, наверное, останусь. Вы к нам зайдете? Папа будет рад. Я побегу, ребята ждут, в джунгли надо сходить, сезон ягод начался.

— Постой, — успел схватить я его за рукав, — как это вы собираетесь сходить?!

- Ногами, — ответил Арчи.
- Не спеши, — придержал я его. — Не пойму, здесь что, всех кроликов истребили?
- Ну да, этих истребишь!
- Та-ак, опять эксперименты с родительской психикой?

Он непонимающе посмотрел на меня, на Лыкова. Я спросил у Арчи, знают ли учителя и родители, куда он собирается? «Так я же старшеклассник, — ответил Арчи. — Что же они, будут за мной с платком носовым бегать?» Я начал сердиться и попросил, чтобы он провел меня к отцу или в школьный ярус. Арчи немного растерялся, потом хлопнул себя по лбу и извинился. Он забыл, что меня здесь не было несколько лет. Маленьких — да, одних в лес непускают, но старшеклассники могут ходить, конечно, вдвоем, в одиночку не всякий решится. А если втроем, так можно еще кого-нибудь из младших классов взять, приучать постепенно. Они сегодня как раз втроем идут.

— Извини, что вмешиваюсь в ваш разговор, — сказал вдруг Кузьма. — Вам какое разрешают оружие брать? «Лейки»?

— «Лейки» — старье, — объяснил Арчи. — Сейчас «гранды» у спасателей. «Гранд» — это машина! Только кто же нам даст боевое оружие? Мы его только в инфоре и видели.

— Ну а если кролики на вас, упаси боже, нападут, — продолжал Кузьма, странно поглядывая на подростка, — вы их носовыми платками отгонять будете? Кыш-кыш?!

— Почему платками? — удивился Арчи. — А это на что?

С этими словами он вынул из оттопыренного кармана куртки металлический, тускло поблескивающий шар, усеянный шипами. Шар был на крепкой стальной цепочке, заканчивающейся браслетом.

— Э-э... — протянул Кузьма.

— Это брызгалка, — объяснил Арчи. — Когда кролик на тебя летит, надо присесть и брызгалкой по носу. Он сразу лапы кверху. Теперь они хитрые стали, от насбегают, боятся.

— Ну а если не попадешь по носу? — спросил я.

— Так он сверху проскочит. Пока развернется, пока снова прыгнет, сто раз его достанешь. Сзади они тоже слабые. Они только на полянах прыгучие, а в чаще не полезут. Ох, мне пора!

И убежал. Кузьма цокнул языком и сказал:

— Что же ты меня пугал кроликами? На них школьники с кистенями ходят.

— С чем?

— Ну, с этими, на цепке.

— Не понимаю, — признался я. — Может, пошутил парень?

— Шуточки у вас, — недоверчиво прищурился Лыков.

До шлюзов мы шли молча. У любого старожила упоминание о джунглях вызывало легкую, но вполне уместную дрожь в коленях. В памяти еще свежо избиение зубастых туш, когда я и Прокеш разыскивали Арчи с другом. Что здесь могло так быстро измениться? Может, кролики присмирили?

У шлюзовой Лыков постоял, помолчал, затем спросил, когда мы с Валентиной начнем свой обход и надо ли ему присутствовать.

— Тебе-то зачем? — удивился я.

— Ну, может, надо при свидетеле?

— А-а, — понял я, — нет, все в порядке. Я и она. Только.

— Ничего не понимаю! Вот человек умер, а никто не спешит о его смерти сообщать. А тут развод — и на тебе! Всех знакомых обойти, всем рассказать, всех выслушать. Личное ведь дело!

— Как это — личное? — возразил я. — Вот умереть — личное. А если распадается семья — ох, не личное. Принятного мало, наслушаешься всякого, и жалеть будут очень, это хуже всего. Хорошо, у нас еще здесь знакомых много, брачный сертификат быстро элиминируют. К посторонним неприятно обращаться, рассказывать, объяснять. Да еще не всякий согласие дает. Выслушает и не даст.

— Д-да, — протянул Лыков, — всем миром, значит, решаете.

Кто-то хлопнул меня по плечу со словами: «Привет, Арам!»

В желтом комбинезоне с квадратной блок-сумкой монтажника через плечо Михаил Танеев возвышался надо мной могучей громадой. После рукопожатий он спросил, надолго ли я сюда, а если надолго, то не пойду ли к нему в бригаду — людей не хватает, шлют сюда недоучившихся энтузиастов, и возись с ними!

— Вы тоже к нам? — спросил он Лыкова.

Кузьма медленно покачал головой. Он смотрел на Танеева с уважительным любопытством. В пути я успел порассказать Лыкову о моей жизни здесь, на Красной. Рассказы были посвящены в основном приключениям и происшествиям на монтаже. О Мише Танееве можно было сложить видеофильм, и не один! Как-то из-за сейсма обрушилась башня недостроенного синтезатора и погребла под обломками манипуляторы Валлона вместе с Валлоном. Танеев, не успевший после смены уйти домой, в одиночку прорвался один через костоломные на-громождения эмалитовых плит. Вытащил из раздавленного манипулятора Валлона и успел выбраться с ним на поверхность за несколько минут до второго сейсма, окончательно добившего стены синтезатора. Потом заново возводили девяностометровые стены, разгребали мусор. Чуть не сорвали пуск, но все же успели к сроку.

— Как сын? — спросил я Мишу.

— Уровень! — ответил он и показал большой палец. —

У Митьки математика хорошо идет, если б не жена, давно бы отправил на Зеленую на перетест. Он на третий разряд спокойно вытянет. А у вас все по-прежнему? — осторожно спросил он.

Я пожал плечами.

— Мы к вам на днях зайдем с Валентиной.

Танеев помрачнел, положил тяжелую ладонь мне на плечо.

— Значит, все-таки решили! Смотрите. Поговорим, может, еще передумаете. Андрэ хорошо бы позвать. Или сами к нему зайдете?

— При чем здесь Валлон? — удивился я.

— Ну, не знаю, — почему-то смущился Танеев. — Он выдвигает себя в управители. Толковый мужик. Впрочем, тебе виднее.

Забавное зрелище — смущенный Михаил. Насколько я помню, он смущался, только когда его сын устраивал в учебных ярусах очередную каверзу.

— Слушай, — перебил я бормотание Танеева, — я тут Арчи Драйдена видел, так он в джунгли собрался. Не с твоим случайно?

— Может, и с моим, — спокойно отозвался Танеев.

Вот так-так! Времена быстро меняются.

— А что, кроликов укротили?

— Кролики — ерунда! — махнул рукой Танеев. — Это мы от них бегали, а сейчас они от ребятни спасаются. Как ввели в школе естественное воспитание, так никто теперь и не дрожит над ними.

— Естественное воспитание? — спросил Лыков.

— Так называют. Ну, мне пора! А вы куда? Если не заняты, приходите к нам на площадку, сорок девятый квадрат.

Танеев скрылся в шлюзовой.

Из коридора в зал пошли один за другим монтажники: менялась смена. Стало тесно. Мы с Лыковым отошли в сторону.

— Ну что же, пошли на площадку? — спросил Лыков. — Покажешь, где тут сорок девятый квадрат. От кроликов защитишь. У меня, понимаешь, нет, хм, естественного воспитания.

— У меня, знаешь, с ним тоже... — Я пошевелил пальцами, а потом сообразил, что повторил жест Прокеша.

Мы пристроились к колонне грузовых колесников, идущих на сорок девятый. Водитель головной машины выехал на просеку, скоординировал ведомые и развернулся в кресле к нам, время от времени поглядывая на трассу. Приняв меня за свежего освоенца, со вкусом стал навешивать дежурные истории. Я слушал его с большим интересом — репертуар значительно обновился. Историю о Сумасшедшем Женихе я, к примеру, в этом варианте не слышал, а про Трех Освоенцев вообще узнал впервые. Кузьма минут десять воспринимал эту жуть всерьез и охал, потом уставился на водителя, крякнул и отвернулся к окну разглядывать джунгли.

Там было на что смотреть. Все оттенки зеленого, голубого и желтого, фантастическое переплетение воздушных корней, гибкие, усеянные мелкими листьями ветви, похожие на лианы; толстые, все в трещинах лианы, похожие на стволы, и ни на что не похожие стволы — нагромождение арок, колонн и торчащих во все стороны метровых вздувшихся наростов, покрытых голубым мхом.

— Ты смотри! — вдруг воскликнул Лыков.

Водитель мгновенно развернулся и кинул ладонь на сенсоры. Через две-три секунды перевел дыхание, сердито сказал Кузьме: «Напугал!» — и снова повернулся ко мне.

Я чуть приподнялся. Впереди, метрах в двухстах, по обочине шли навстречу три подростка. Поравнявшись с

медленно ползущей тяжелогруженой машиной, они помахали нам.

Лыков ухватился за поручень, встал, открыл верхний люк, высунул голову и некоторое время смотрел назад. Потом шумно сел на место, хлопнул себя по коленям.

— Они в лес свернули!

— Ну, значит, решили полянами напрямик, — отозвался водитель. — Полянами, говорят, километров на десять ближе.

— И не страшно одних в лес отпускать? — спросил Лыков.

— Не знаю, у меня нет детей. У сменщика дочь, так они ничего, вроде не боятся. Да что им будет, здоровые, крепкие...

Кузьма задумался, а потом сказал, что он вообще мало видел детей. Здесь еще куда ни шло, а на Земле в каком-нибудь городе за день, бывало, ни одного ребенка не увидишь.

— Чего на них смотреть? — удивился водитель. — Они раскассированы по яслям-садам-школам-вузам и копошатся там потихоньку. А мы живем сами по себе, и вдруг рядом возникают невесть откуда прыщавые юнцы и юнцы и вещают что-то несусветное.

— А вы что? — поинтересовался я.

— Что я! Гадаю — откуда они взялись? Забыл, что сам вламывался в мир, пугая окружающих своей глупостью и прыщами.

— Дались вам эти прыщи! — сказал Кузьма. — Где вы их видели? Вон, какие все гладкие.

— Это в переносном смысле, — пояснил водитель.

На строительной площадке машины ушли к складам, а мы соскочили у горы пустых капсул с блицkleem.

— Да-а.... — протянул Лыков.

Действительно, впечатляло. До конца монтажа еще далеко, но трехсотметровая полусферическая конструк-

ция, местами уже с восьмигранными пластинами, утыканными короткими трубками, перекрывала почти все поле зрения. Манипуляторы отсюда казались еле заметными черточками, вспыхивали зеленые огоньки резаков, тяжелые платформы кругами ходили над стойкой, время от времени на невидимых тросах повисали разлапистые крепежи. Красиво!

Я поймал себя на мысли, что всерьез думаю, как бы оформить переезд, и вздохнул. Начинать в очередной раз новую жизнь на старом пепелище! Что же у меня все так неладно идет? И работа хорошая, и с людьми хорошими встречаюсь, даже вот мотиватор знакомый есть, а семья не получилась. Были бы дети! Но бездетные семьи живут, и ничего живут. Однажды Прокеш мне сказал, что я отправлен Происшествием. Теперь буду всю жизнь ждать продолжения, и пресным будет казаться все.

«А вы чего ждете?» — помню, спросил я тогда. Как ни странно, он отмолчался. Удивил меня: обычно спрашивал он и отвечал себе же. Я иногда поддакивал, но редко влезал в разговор. Потом я задумался над его словами. Отправлен? Во мне не было напряженного ожидания необычайных и занимательных событий, но после долгого размышления я все-таки понял, что тогда, несколько суматошных дней после Происшествия, я действительно жил в напряженном ожидании событий. И когда все тихо рассосалось, разочарование, загнанное глубоко и надежно, время от времени всплывало. В эти минуты мир если и не тускнел, то, по крайней мере, не веселил.

Позже я понял, что еще глубже во мне таилась обида — будучи непосредственным участником Происшествия, я сам ничего не видел и только потом, по мозаике голографии и рассказов, восстановил более или менее, что с кем происходило. С ними, но не со мной.

Тогда я валялся без сознания, а теперь уже вряд ли со мной что-то произойдет необычное, хотя я честно старал-

ся влезать во все авантюры, в которые втягивал Прокеш. Если можно назвать авантюрами его кружение по городам и людям, сбор по крохам противоречивой информации, запутывание себя и других в паутине неясных опасений. «Хронофобия», — однажды сказал ему Миронов, и Прокеш немедленно влез в терминологический спор.

Я вздрогнул от громкого крика:

— Ты что же это наделал, трава ты этакая! — безобразно перекосив рот, размахивал кулаками монтажник.

С покосившейся ручной платформы на песок скатились длинные шарнирные болты. Ползая по песку на коленях, молодой парень в полосатом комбинезоне вспомогательных работ собирал их и складывал на мятое, поцарапанное дно платформы.

— Ты мне каждый шарнир переберешь! — надрывался монтажник. — Каждую песчинку вылижешь! Своим длинным болтливым языком!

Некрасивое и неприятное зрелище! Лыков двинулся было к ним, но я придержал его за руку и подошел сам.

— Помощь не требуется? — спросил я вежливо.

— Помощнички! — с отвращением произнес монтажник.

Странно. По-моему, он на самом деле был неконтактен, а не шутил! Болен? Тогда почему второй не вызывает дежурного врача? Так разволноваться из-за ерунды! Неприятно, если в болты попал песок, но из-за этого, м-м... оскорблять?

Коммутатор на поясе у монтажника сказал голосом Танеева:

— Где там болты, Гастон?

Монтажник сорвал комм с пояса и обрушил в него поток обвинений и угроз в адрес всякой зелени, которую ему дают в напарники. Из-за всяких косоруких теперь надо перебирать шарниры, и будь его воля, он бы всякую там зелень сопливую и близко к монтажной не подпускал.

Мало своих проблем, а тут еще строй им эти идиотские, никому не нужные колпаки.

О колпаках он распространялся долго, наконец я понял, что имеются в виду станции фазоинвертора. Я ожидал, что Танеев мягко, но твердо осадит не в меру разгорячившегося монтажника, но Миша буркнул что-то вроде: «Скорее давайте» — и отключился.

Монтажник засопел, рыкнул на молодого парня и, вместо того чтобы помочь ему, пошел к складским помещениям.

— Что с ним? — спросил я парня.

Он ничего не ответил, только коротко глянул на меня и пожал плечами. В глазах его были слезы. Только этого не хватало! В следующий миг я узнал его — это был рыболов Никифор.

* * *

Валентина пришла после занятий. Она выдвинула стол и несколько минут молча сидела за ним, положив руки на столешницу.

Лыков посмотрел на нее, потом на меня, не выдержал и фыркнул, а когда Валентина строго подняла палец, он расхохотался.

— С пальцем у тебя хорошо получилось, — сквозь смех выдавил он. — У меня в отряде случай был. Приставал к поварихе, а она палец подняла, вроде как ты, подержала, да как пальцем по носу с размаху! Я даже взывал от обиды!

Улыбка медленно сползла с его лица.

— Она погибла? — спросил я.

— Не знаю. При мне — нет, — сухо ответил Кузьма, повернулся к Валентине и спросил: — Слушай, почему тебя все Валентиной зовут, даже за глаза? Нет, чтобы Валей или Валькой!

Она немного растерялась, но тут же постучала пальцем по столу и прочла Кузьме небольшую лекцию о том, как люди воспитанные и вежливые должны именовать друг друга, какое обращение уместно и в какой обстановке.

Лыков вспыхнул и заявил, что она тут одичала.

— Порядочки тут у вас, понимаешь, располагают к этому. Детей одних в лес не боитесь отпускать!

Валентина снисходительно улыбнулась.

— Наши дети — это не ваши изнеженные баловни. У нас хоть и дикая, но все-таки природа, а не стриженые газоны на Земле. Здесь дерево — это дерево, воздух — воздух, а облака...

— Деревянные, — вставил я, улыбнувшись.

— Что? — растерялась она.

— Так, сон вспомнил, — засмеялся я и рассказал ей давний сон.

Она вдруг обрадовалась:

— Прекрасный символ! У нас облака настоящие, а у вас — деревянные. Земную природу изуродовали, теперь за нашу взялись.

— Слышу знакомый голос Валлона!

Валентина порозовела, отвела взор, но продолжала:

— Пусть наша природа создана людьми, но она настоящая. И ничего в ней страшного нет. Мои ученики за себя постоять умеют. Нам не все равно, кем они вырастут, в них произрастает наше будущее, а свое будущее мы будем растить сами!

— Красиво говоришь, — прищурнул глаза Лыков. — А что на стройке у вас люди плачут — это тоже будущее?

— Не понимаю, — пожала плечами Валентина.

Кузьма рассказал ей про инцидент на монтажной площадке.

— Ну и что? — спокойно ответила она. — Монтажник, конечно, был не прав, но и зе... то есть подсобник, тоже

виноват. Прежде чем прилетать сюда на расширенный сертификат, надо овладеть специальностью. Здесь не зона отдыха. То, что мы недоделаем сейчас, аукнется через годы или десятилетия. Это на Зеленой можно благодушествовать, людей и ресурсов хватает, чтобы исправить любую недоделку, а мы закладываем будущее планеты, и мы должны быть единым целым, одним организмом. Любое инородное тело, увы, отторгается. Каждый вновь прибывший сразу же становится своим или чужим, у нас нет времени возиться со взрослыми людьми, мы...

— Кто это — «мы»? — резко перебил Лыков. — И кто — «вы»? Земляне, значит, не люди, а вы — пуп Вселенной?

— Может быть, наоборот, — спросила Валентина. — Вы, земляне, — пуп, а мы здесь так себе, второсортные?

— Бред какой-то, — растерялся Кузьма и посмотрел на меня.

— Я сама объясню, — терпеливо сказала Валентина. — Если вы нас считаете равными себе, то почему сюда шлете либо зелень косорукую, извини за слово, либо наставников? Да и раньше сколько сказок на рассказали про освоенцев! Мы с тобой, Арам, думали, что посылают лучших из лучших: ах, отбор, ах, конкурс! Лучших сюда не пускают, лучшие нужны Земле, а здесь сойдет и так. А чтобы не было обидно — конкурсы, отбор и все такое прочее! Освоенцы — не высший сорт с земной точки зрения. Но лучший способ набрать людей — это устроить конкурс, честолюбцев во все времена хватало. Вспомни, мы с тобой далеко не во всем подходили по критериям отбора, но тем не менее попали в освоенцы.

— Ну и что? — спросил Лыков.

— Мало? Хорошо. Вопрос о строительстве инвертора решался без нас. Конечно, что такое триста тысяч по сравнению с шестью миллиардами, но строить-то приходится нам, и нашими руками вы будете осуществлять блестящий прорыв в Большой Космос. Нас обвиняете в

зазнайстве, а дети наши, — ее голос зазвенел, — а дети наши, невзирая на способности, выше четвертого разряда не классифицируются. Это справедливо?

— Ты, Валентина, говоришь красиво и умно, — вмешался я, но что касается образования, то извини! Оснащение марсианских школ и отработка учебных программ...

— Эти песни я уже слышала в Саппоро! — гневно оборвала она. — Кто виноват, что у нас не самое новое оборудование? Почему мы не имеем права разрабатывать фундаментальные программы?

— Кто их будет разрабатывать? Учителей на Марсе не больше трехсот, ты же сама жаловалась, что нет времени на науку.

Валентина что-то возразила, ей ответил Лыков, а я потерял нить разговора. Иногда, в редкие минуты раздражения, нападает что-то вроде глухоты: слышишь, но не понимаешь смысла — шум голосов, и все.

Наконец Кузьма и Валентина замолчали. Лыков взял со стола литку, согнул, разогнул, сломал и аккуратно положил две половинки на стол. Валентина смотрела на него с иронией.

«Надо сворачивать разговор, — подумал я, — время идет, прошло уже два дня».

— Как твой доклад в Саппоро?

Она вдруг подскочила ко мне и, тыча пальцем мне в грудь, закричала неприятным дребезжащим голосом:

— Сочувствуешь? Соболезнуешь? Изdevаешься?!

Я попятился и, наткнувшись на кресло, сел в него. Лыков, склонив голову, сел рядом.

Она уткнула лицо в ладони и отвернулась к стене.

— Если у тебя неприятности, — веско сказал Кузьма, — то не устраивай истерик, объясни спокойно и членораздельно.

— Неприятности? — прошипела она. — Неприятности!

Я даже вздрогнул от ее свистящего шепота. Это было неожиданно — увидеть ее такой.

— Мало того, что вы вмешиваетесь в наши дела и наезываете нам свои проекты, вы мешаете нам работать! Мы работаем, а вы насыпаете комиссии! То, чего мы с большим трудом добились в последнее время, вы объявляете вредным и ненужным!

— Что «вредным» и что «ненужным»? — спросил Лыков.

Все-таки недаром Валентина была учителем, и учителем хорошим. Буквально за секунду она заметным усилием воли погасила свою вспышку и, приветливо улыбнувшись, извинилась за срыв. Нервы, усталость и все такое... И вообще нам пора! По коридору мы шли молча, но рядом.

— К Танеевым? — спросила она.

— Миша на монтаже. Может, к Хургину?

— Хургины перебрались на Литий-Юг. Валлон сейчас дома.

— А что — Валлон? В последнее время я только и слышу — Валлон, Валлон! Голоса нарабатывает? Галайда еще не ушел. Пусть Валлон лучше кроликов защищает от твоих учеников. Так скоро всех кроликов перебьют, брызгалками. Или это входит в задачи естественного воспитания?

— Во-первых, не всех, — ответила Валентина, — во-вторых, это самозащита, а не истребление. Валлон, если хочешь знать, один из разработчиков программы естественного воспитания.

— Даже так! Я помню, он был отличным водителем манипуляторов. Теперь решил сменить специальность?

Она не ответила. Мы шли по пустынному ярусу. До пересмены еще много времени. За нами послышались быстрые, тающие в мягком линолите шаги. Я обернулся. Нас догонял Лыков.

— Слушай, — сказал он озабоченно, — ты вышел, а тебя сразу же запросили с этой, ну, почты, одним словом. Просили связаться, тебе с Земли какая-то информация.

— Спасибо! — Я огляделся и заметил впереди метрах в десяти терминал для личных сообщений. Сообщение было очень коротким, но до меня не сразу дошел его смысл.

— Опять твой Прокеш? — желчно спросила Валентина, потом взглянула на мое лицо и спросила тихо: «Кто? Бабушка?»

— Отец, — ответил я, покачнулся и, кажется, завыл.

* * *

Мать сидела за длинным семейным столом и говорила о том, что ее постоянное отсутствие, работа в такой дали, не могли не сказаться на здоровье отца, а в последние годы у него пошаливало сердце. Лучше бы ей перевестись поближе, но тогда срывалась многолетняя научная программа.

— Он боялся, что ты останешься там, не вернешься, но я знала, чувствовала! Все плохо, да? Лучше бы вы остались здесь, работы хватает, и ей легче. Я понимаю, хочется жить самостоятельно, вот и мы жили, — неделями иногда не виделись, а теперь его нет, а я не помню цвета его глаз!

Недавно, перед самым отъездом на Красную, отец подарил мне шкатулку. Он был очень доволен своей работой, мне даже показалось, что он немного удивлен — по-моему, это была первая, кажется, его самоделка, доведенная до конца. Плоская деревянная шкатулка с нехитрой резьбой завитками.

Мать не плакала. Мерно, сухо рассказывала, вспоминала. О том, как отец беспокоился о внуках, о том, как он долго и заботливо ухаживал за ней после родов,

когда мой брат-близнец родился мертвым... Я впервые услышал о брате, но тогда даже не удивился. Хотя мелькнула мысль — может, там родился мертвым я. Где там — я не знал.

Слова падали тяжело, давили, отзывались головной болью. Шкаф, огромный, расползшийся по всей стене, надоедливо заполнял поле зрения. На его фоне маленькая фигура матери казалась еще меньше, таяла, исчезала... Очень болела голова! Три недели полета я находился в лихорадочном состоянии, не сводил глаз с часов, как будто я мог успеть. При этом меня ни на секунду не покидала мысль, что все это недоразумение и, очутившись дома, я застану всех. Всех. Всех...

Одна из створок прадедовского шкафа была слегка приоткрыта. Темная полоса тянулась от потолка до нижних секций. Я резко поднялся с места, мать замолчала на полуслове. Захлопнув створку, я вернулся, сел. Провел ладонью по гладкой, темневшей поверхности стола, не глядя, нашел выбоину, расковырянную давно гвоздем. Я хотел проверить, настояще ли это дерево. Дерево оказалось настоящим, но попало от отца. Он повел меня в мастерскую, разложил рубанки, стамески, какие-то незнакомые еще инструменты и предложил смастерить хотя бы подставку для ног бабушке. Я взял рубанок, повертел в руках и заплакал.

Вдруг я почувствовал, как на глаза накатываются слезы: только сейчас меня пронзила мысль, что я окончу свои дни сыном своего отца, но не отцом своего сына. Впервые усомнился я в необходимости генконтроля, впервые мне остро захотелось, чтобы у меня был сорванец, за которым нужно присматривать и воспитывать. Как, наверно, должна была страдать Валентина!

Вечером к нам спустилась бабушка. Она с трудом переставляла ноги, но держалась молодцом. Со мной почти не разговаривала. Да и не только со мной, когда к

ней подошел Саркис и что-то негромко спросил, она только пожала плечами.

Тихо было в доме. Время от времени поскрипывали двери, потрескивали половицы в коридоре.

Через несколько дней я стал подумывать о том, что пора заканчивать дела, скоро конец отпуска, придется брать дополнительные недели. Вначале эти мысли казались неуместными, потом я осторожно сказал матери, что мне придется ненадолго покинуть их, закончить все дела на Марсе и сразу же назад. Мать отнеслась к этому спокойно, и я заказал место на ближайший рейс. В моем распоряжении оставалось три дня.

А утром, выйдя во двор, увидел идущего по тропинке к дому Прокеша.

После приветствий он коротко сказал, что сейчас наконец возникла ситуация, когда я ему позарез нужен, и нужен не вообще, а конкретно.

— Кажется, я связал концы с концами, — монотонно говорил он. — Картина получилась достаточно убедительная и мрачная. Рассчитываю на твою помощь.

Таким я его еще не видел. Мертвый голос, весь он серый, глаза нехорошо блестят.

— У вас что-то произошло? — спросил я. — Неприятности?

— Неприятности! — через силу усмехнулся он. — Мне рекомендовали свернуть свою деятельность по... Происшествию. Но это еще не самое плохое.

— Кто рекомендовал? — перебил я его.

— Этическая комиссия. Самое плохое, что я подвел Семена Нечипоренко. У него на год отобрали служебный сертификат. Но все-таки, — тут его глаза блеснули, — я достал записи Коробова. Достал! Теперь надо действовать!

— Что я могу сделать?

— Кузьма бы сказал — что я должен сделать! — ответил он. — Но все равно спасибо!

Глава шестая

В Базмашене ждал Прокеш, но я не торопился домой.

Во время последнего нашего разговора он возбужденно метался по комнате, садился на стул, вскакивал, размахивая руками, похожий на большую толстую птицу.

Снова и снова рассказывал тягостную историю о том, как он похитил записи Коробова. Семен Нечипоренко не устоял перед его напором — это его удручало — так подвел человека! Он говорил о том, как они вдвоем прорывались немыслимыми коридорами, переходами и труботрассами в обход почему-то не срабатывавших мембран, как он проник в помещение комиссии и, перебирая инфоры, обнаружил записи.

Он вынес их, сделал копии, а когда возвращали на место, то его и Нечипоренко застал в помещении случайно вернувшийся эксперт следственной комиссии. На этом месте его лицо каменело. Он вспоминал эту позорную сцену. А потом он повеселел и неожиданно спросил, нет ли у меня знакомого сетевика, способного переступить Конкордат?

Я уставился на него. Прокеш, не смущаясь, заявил, что жизнь несколько продолжается, а терять ему нечего. Единственное, что остается, — довести дело до конца. Тогда хоть можно героически идти ко дну с чувством исполненного долга. И снова спросил, кто из моих друзей мог бы слегка нарушить правила.

Видя мое недоумение, он начал сердиться.

— Вообще у тебя есть хоть один друг?

— Кажется, есть, — ответил я. — Но он уже немного нарушил правила, а что касается Конкордата, так он просто ноги об него вытер.

Прокеш на секунду застыл, потом качнул головой и расхохотался.

— Хорошо, — сказал он, — найди мне любого сетевика, я с ним сам поговорю!

На остановке несколько человек вяло ругали опаздывающую платформу. С утра немного побаливала голова. Я хотел отлежаться в ереванской квартире. Там тихо, хорошо, никого нет. Лечь на диван, закрыть глаза. Можно включить релакс и поспать часок-другой под его тихое мурлыканье.

Зачем Прокешу понадобился сетевик, я не знал. Где я его найду? Вот сейчас запрошу профтранс — требуется, мол, сетевик с задатками авантюриста. Обращаться по адресу. «Ищите по всем адресам — не найдете!» Чьи это были слова? Из песни какой-то! Глеб ее пел, Глеб Карамышев! Где же он теперь? Я даже не знаю, остался ли он в Институте. У него были какие-то неприятности с семьей, кажется, скандальные. Глеб у нас работал наладчиком, потом вместе со мной испытателем, а до этого... Точно! Работал в Сети, куда неоднократно грозился вернуться из нашего скучного заведения. Итак, Глеб!

Опустилась платформа с двумя зелеными полосами. Мой маршрут. Сидя на скамейке, я безучастно смотрел, как выходят, входят, рассаживаются. Опустился прозрачный колпак, платформа снялась и ушла за крыши. Мчатся, суетятся, ищут.

А я чем занят? Вроде бы ничем, но при этом, с утра перебирая в голове знакомых и полузнакомых, вспоминал, кто из них имел отношение к Единой Сети. И Глеба вспомнил не случайно. Умеет Прокеш заводить людей.

Он изменился на глазах. Не так давно боялся вызова в комиссию, чтобы не оказаться нарушителем этики. А сейчас попрал Конкордат, да еще других подбивает. Не помню, встречал я когда-либо таких остервеневших энтузиастов.

Я пропустил две платформы, вздохнул и поднялся со скамейки.

Можно разругаться с Прокешем. А что дальше? Исчезнет Прокеш, исчезнет ожидание... Чего? Разгадки тайны? Нет! Какой тайны? Действительно, имело место необъяснимое Происшествие. Но есть специалисты, а если они не справляются, то эксперты свой сертификат честно отработают. Эксперты, правда, не всемогущи, но на самый крайний случай есть мотиваторы. А вот если все синхронно разводят руками, то тем более не надо размахивать ими, лезть не в свои дела, ломать дрова и мутить воду. Что-то еще было... Да — не надо еще садиться не в свои сани. Прокеш умеет замечательно лезть, ломать и мутить, вовлекая при этом людей посторонних в смутные догадки, неясные подозрения и расплывчатые страхи. Прижимая пухлые руки к своему животу, взволнованным шепотом излагает он заурядные вещи, и вдруг они приобретают новый зловещий смысл. Правда, не очень понятно — какой! Как он умеет связывать явления, предметы и людей в одну паутину! На глазах возникают неожиданные соединения, и затылок леденеет от предвкушения, что вот сейчас, сию минуту такое начнется! Приключения духа и тела, развязка и апофеоз. Но ничего не происходит, и вряд ли что-нибудь произойдет.

Остается ожидание. Смазанное, рыхлое, пополам с досадой, тщательно забываемое, но ожидание...

С площадки хорошо просматривалась улица. У перекрестка я заметил кабину городского терминала. Обрадую Прокеша сетевиком!

В городе жарко. Прохожих почти нет. Изредка медленно проплывает открытая туристическая платформа.

Я шагал по плитам, а когда до терминала оставалось несколько шагов, из-за угла появилась высокая, чуть расположившая Зара и с неизбежностью судьбы пошла мне навстречу.

— Хорош! — сказал она, критически оглядев меня после приветствий. — Уходя, ты обещал позвонить завтра утром. Сейчас почти утро, а «завтра» растянулось на годы.

— Отлетает тополиный пух, — начал я улыбаясь.

— Ожидая, испустила дух! — подхватила она. — В отпуск?

— Нет. Работаю я здесь. — Кивок в сторону счетверенных коробок Института.

— Ах ты, мерзавчик! — подняла голос Зара. — В двух шагах от меня, и ни разу не возник! Впрочем, — она прищурила глаза, — говорят, у тебя жена строгая. Где ты ее прячешь?

— Она там, на Марсе.

— А ты здесь, — констатировала она. — И давно?

— Давно.

«Вот оно что!» — означало выражение ее поджатых губ.

— Вот оно что! — сказала она. — Ну, пошли!

— Куда?

— Сюда! — Она ткнула пальцем в дом напротив. — Или ты забыл?

Квартиру Зары я узнал не сразу. В прихожей появился толстый ворсистый ковер, вместо желтой зеркальной стены — сиреневая. Большая комната стала еще больше. На одной стене висело большое перо, наверно, страусиное. На другой мерцал и переливался видеопласт, судя по темной кайме — первая запись. Один за другим бегали зеленые овалы, время от времени тонкие, разноцветные пунктиры пересекали их в разных направлениях, тогда овалы распухали, распадались багровыми кляксами, кляксы вздувались в перламутровые желваки. Желваки расползались по стене, частью таяли, а некоторые возвращались и с чмоканьем впрыгивали в овалы. Что-то новомодное.

— Бояджян! — гордо сказала Зара.

— Поздравляю, — ответил я. — Очень рад. Ничего не понимаю!

— Одичал ты на Марсе. Это же «Опровержение гаммы номер два»! Знаменитая вещь!

— Ну, если номер два, тогда конечно! Тогда все понятно.

Она фыркнула и ушла переодеваться.

С Зарой всегда хорошо, весело, просто. В ее присутствии хочется быть легкомысленным, говорить и делать глупости. Ее добродушные глаза, крупный нос и могучая грива черных волос радуют глаз и веселят сердце — так сказал однажды Амаяк. Он, кстати, нас и познакомил.

— Чем кончилось твое увлечение экзотикой? — доносился голос Зары из-за стены. — Молчишь? Ну, молчи!

Я осмотрел комнату. Терминал в углу, рядом с окном. Присев на длинный тюфяк, я мазнул по сенсору спрашивающей. Возникла пожилая женщина с седой косой, аккуратно уложенной на затылке. Назвал фамилию и имя Глеба, вспомнил отчество — Николаевич, предположительное место работы и жительства. Код сертификата, естественно, не знал. Рабочий номер связи не помнил. Женщина неодобрительно вздела брови, попросила не отключаться и исчезла. Был бы я мотиватором, поиск длился бы несколько секунд, без всяких посредников. Просто набрал бы имя-фамилию, и получил бы все, что есть о Глебе.

С третьего яруса был виден скверик перед домом. Дом большой дугой огибал десятка два деревьев, кусты, скамейки и поблескивающую сквозь листву воду.

На одной из скамеек сидела собака. К ней с веревкой в руке подкрадывалась девочка в синем сарафане. Когда она оказалась у скамейки, собака лениво плюхнулась на землю и перебралась на другую. Прячась за деревьями, девочка последовала за ней.

Странная, очень странная картина.

Включилась справочная. Со строгой пожилой женщины случилась метаморфоза — коса потемнела, сбились набок, лицо удлинилось. Явно барабанил видеоформ. Знакомое дело — пока отладишь, уплывает несущая полоса, и на тебя скалится, допустим, жутко сформированная вампирская морда.

Охрипшим голосом женщина назвала мне вызов-код Глеба.

В комнату вошла Зара в домашнем бутоне. Она явно попыталась привести в порядок волосы, но от этого они распустились больше и черным сиянием струились во все стороны.

— Есть хочешь? — спросила она.

Я помотал головой и откровенно залюбовался ее фигурой. Мне всегда нравились нехудые женщины. Вообще к полным людям я испытывал необъяснимое доверие. Мать и отец, правда, полнотой не отличались, мать вообще была худой, подтянутой, Валентина тоже. Впрочем, как я сейчас понимаю, на Валентине была печать необычного. Вот это необычное и притянуло к ней.

Зара улыбнулась. Я кашлянул и отвел глаза.

За окном все тот же сквер. Девочка в синем сарафане набросила на собаку веревку, петля охватила животину поперек туловища. Девочка тянула веревку за собой, собака вроде бы сопротивлялась, но слабо — била лапами, поднимая пыль, дергалась в стороны, но тащилась за ней.

— Странно! — наконец сообразил я. — Откуда здесь собака? И почему ребенок не в школе?

— А, это Жанна с собакой играет, — ответила Зара.

— У вас здесь что, филиал Биоцентра?

— Нет, не филиал, — серьезно ответила Зара. — На первом этаже Манасяны живут, кто-то из них щенка нашел в горах, больного. Выходили вот, бегает.

— А разве можно собак дома держать? — удивился я.

— Не знаю, — пожала она плечами. — Кажется, нельзя, но попробуй забери, они такой крик поднимут! Из Санитарии недавно приезжали. Посмотрели, махнули рукой и ушли. Биоцентр просил подарить им собаку, обещали ничего плохого не делать, но Жанна кричала так, что весь дом сбежался, думали, ей опять плохо.

Последний раз я видел собак в Лорийском заповеднике несколько лет назад. Бабушка рассказывала, что до Второй Пандемии они были почти в каждой семье. В инфорах и видео тоже приходилось об этом видеть и слышать, но как-то не верилось.

— О чём задумался? — спросила Зара и потерла мои уши.

Кажется, я покраснел. Она рассмеялась. Мне стало неловко, но приятно. Сколько лет прошло!

Я снова взглянул в окно, но тут Зара выключила его...

* * *

Зара отсыпала немного растворимого кофе на ладонь, лизнула, одобрительно кивнула, пробормотав: «Нормальный, а не труха из синтезатора», — насыпала в чашечки, добавила сахара, несколько крупинок соли, растерла ложкой до почти белой кашицы и залила кипятком.

Очень хорошо — пенка аж до dna!

Я отхлебнул, причмокнул и закрыл глаза.

— Ты нашел, кого искал?

— Нашел как будто, — ответил я.

Меня охватило раскаяние. В Базмашене ждет Прокеш со своими загадками и тайнами, на Красной — Валентина, а я здесь пью кофе!

Не вставая с ковра, я перекатился к терминалу, развернул его к стене, пригладил волосы и вызвал Глеба. Дома его не оказалось, ответчик дал новый код-вызов.

Я попал в веселое место: недалеко звенела клавиола, высокий женский голос пел, кажется, «Тринадцать дюжин», в глубине мелькали чьи-то белые одежды. К терминалу подошел толстощекий растрепанный парень, несколько раз переспросил, кто мне нужен, потом надолго пропал. Я решил, что ошибся вызовом, но тут появился Глеб. Ничуть не изменился, такой же обаятельный и веселый. Глаза блестят.

Он явно ждал не меня, поэтому вроде растерялся. На секунду.

— Рад тебя видеть, Арам! — вскричал он. — Давай к нам!

— Сейчас, — отозвался я, слегка подаваясь вперед.

Он засмеялся. В двух словах я попытался объяснить, что Прокеш («Помнишь такого?» — «А как же!») остро желает пообщаться с сетевиком («О Происшествии...» — «Фью!»).

Глеб задумывается, потом бодро говорит, что мне повезло — он и есть сетевик. В Институте не работает, обстоятельства. В общем, сейчас он в Сети. Приезжайте с Прокешем, буду рад.

— Не мог бы ты к нам? Мне через пару дней улетать, а ты, по-моему, в наших краях не был.

— Не был, — согласился он и оживился. — А что, у меня есть несколько личных дней, приеду! — Он замялся, глянул вбок, глаза его потеплели, и он нерешительно спросил: — Можно, не один?

— Разумеется!

Пока я разговаривал с Глебом, Зара собрала кофейную снасть на тележку и укатила ее. Краем глаза я следил, как вязнут колеса в длинном ворсе. Чашки тонко дzonкали друг о друга.

— Прекрасно! — заключил Глеб. — Я часа через два отсюда выберусь. Тебе не трудно меня встретить? Отлично!

Включил окно. Пустой сквер, скамейки. Над соседним домом одна за другой прошли две платформы.

— Зара, — громко сказал я, — почему девочка в городе одна?

— Какая девочка? — спросила Зара, появляясь в проеме.

— С собакой.

— Дочка Манасяна? Разве я не говорила? Понимаешь, — замялась она, — им вообще-то не разрешено иметь детей, а они... Ну, когда родилась, поздно было что-то делать. Она больна, очень плохая память, в школе учиться не может, даже в безразрядной.

— А... — начал я, но осекся.

Что я мог сказать? Несколько расхожих истин о том, что начнется, если все вдруг станут топтать Конкордат? Да она лучше меня это знает.

— А что врачи? — наконец спросил я.

— Наведывались несколько раз, а сейчас как бы не обращают внимания. Когда надо — оказывают помощь, а надо часто. Из Совета Попечителей приходила тут одна! Шумела, кричала, потом исчезла и больше не появлялась. Что они сделают?

Мне и в голову не приходило, что люди могут решиться на такое. Когда Валентина узнала, что наш генрик большой, она реагировала спокойно. Да и я не расстраивался. Молодой был, юный. Интересно, как у нас пошли бы дела, решись мы плонуть на запрет? Да нет, это никому в голову не придет! А кому придет, тот пожалеет. Крепка еще в памяти боль потерю Великих Пандемий. Но Манасяны все-таки молодцы, не побоялись всеобщее «надо» прихлопнуть своим «хочу»!

— И никаких последствий? — продолжал выспрашивать я.

— Не знаю, — с досадой отвечала Зара, она явно рассчитывала на другой разговор, — какие еще последствия!

Живут себе люди, никого не трогают, ну и пусть их не беспокоят. Они и так наказаны.

Потом мы говорили о каких-то пустяках. Разговор увядал. Зара сняла со стены большое страусиное перо, обмахнулась, обмахнула меня.

Я поднялся и пошел к двери.

На улице меня остановил ее громкий голос.

— Привет Валентине! — крикнула она с балкона.
Я обернулся, она помахала пером.

На скамейке у входного пандуса сидела девочка в синем сарафане и смотрела на меня большими чистыми глазами без малейшего проблеска мысли. Красивое лицо, короткие мелкие зубы выступают из-под отвисшей нижней губы, и слегка тряется голова. Собака пристроилась у ее ног. Вблизи это была безобразная животина с ключковатой шерстью, кривыми лапами и тусклыми, гноящимися глазами. Завидев меня, она с трудом приподняла голову, издала сиплый звук и несколько раз царапнула лапой плиту.

В приемный створ вплыла длинная платформа с тремя девятками на борту. Я подошел к перилам. Платформа медленно опустилась на причал, гул двигателей смолк. Она легла на амортизаторы, пол слабо вздрогнул. Борт откинулся, перила ушли в причал. Седоволосый мужчина, опирающийся на них, качнулся, удержал равновесие и что-то невнятно пробормотал.

Пассажиров было немного, и Глеба я увидел сразу. Он шел между кресел, одной рукой придерживая хлопающую по бедру сумку, а другой галантно держал за локоть молодую симпатичную негритянку.

Они вышли на причал. Глеб тряхнул мне руку, а девушка с любопытством посмотрела на меня.

— Знакомьтесь, — сказал Глеб. — Это Арам, а это Дуня.

— Евдокия, — поправила его девушка. — Мне Глеб о вас много успел по дороге рассказать.

Пока мы шли к выходу, Глеб громогласно заявил, что давно мечтал поудить рыбу в горных речках, но дела одолевали. И я тоже хорош, попрекнул он, забываю старых друзей. И так далее. В паузы между его словоизвержениями Дуня-Евдокия вставляла ехидные комментарии. Из этого я сделал вывод, что знакомы они давно, и еще через несколько минут понял, что вместе работают. Глеб говорил, говорил, и вот я уже знал, что он до сих пор не женат, а отношения со старой семьей запутаны до головокружения.

В Центре мы прогулялись по улицам, затем я предложил отправиться в Базмашен — перекусить, отдохнуть. Глеб сказал, что он еще бы походил, но Дуня захотела пить и пожаловалась, что ее немного укачало. Мы зашли в ближайший «отдых». Заняв свободный столик у окна и усадив Дуню, мы с Глебом подошли к раздатчику. Набрав соков, я провел карточкой сертификата по сканеру и вернулся к столику, а Глеб задержался у кондитерской секции.

Случайно я посмотрел в окно и даже не удивился, обнаружив, что на тротуаре стоит Зара и с восхищением смотрит на меня. Губы ее шевельнулись. Сквозь толстое стекло ничего не слышно, но я мог поклясться, что сказанное ею слово было: «Экзотика!»

В Базмашен мы добрались быстро. Сосед Гарсеван, возвившийся во дворе с обрезком большой трубы, неделикатно осмотрел в упор нашу троицу, что-то про себя решил, а когда мы проходили рядом, приветливо кивнул и спросил громким шепотом по-армянски:

— Откуда вы ее умыкнули?

Дома никого, кроме бабушки и Прокеша, не было. Мы застали их в саду, за врытым в землю столом. Прокеш терзал зубами бртуч — свернутый в трубку кусок лаваша,

из которого выбивалась зелень и торчал шмат брынзы. Завидев нас, он рванул брутч, замычал набитым ртом и помахал свободной рукой. Бабушка поздоровалась, сказала: «Потерпите немного, скоро обед», — и ушла в дом.

Прокеш, Глеб и я сидели за столом и перекидывались общими фразами о том, что, да, встречаться надо бы почаще, что, нет, годы решительно не красят человека и даже наоборот, а с женщинами всегда проблемы. При этих словах Глеб осторожно посмотрел на Дуню, которая бродила по саду, трогая листья на ветках и подбиравая упавшие яблоки. Яблоки она складывала аккуратной горкой перед нами на столе.

После обеда приехала Римма с племянницей. Они сразу вцепились в Дуню и повели смотреть Заповедник.

Из окна моей комнаты на втором этаже были видны их фигуры.

Глеб шумно вздохнул и пересел на стул. Прокеш копался в дорожной сумке, извлек инфор, другой, положил их обратно и достал плоский небольшой прямоугольник, завернутый в синий раппер. Положил его на стол, прихлопнул ладонью и сказал:

— Ну вот!

Вчера вечером я просмотрел эту копию. Ничего не понял. Записи сделаны от руки, почерк корявый. Отдельные слова разобрал — имена и названия, обведенные красной чертой. Прокеш долго читал записи вслух, но яснее они не стали.

Меня поразили фрагменты о радужном змее Кунмантуре, который в другом месте назывался Айдо-Хведо, а потом Фафниром, который, впрочем, оказался уже не змеем, а драконом, а змеем стал некий Ёрмунганд. Несколько раз упоминалось дерево Игграсиль, в местах других именуемое Фусан. Все эти непроизносимые имена я начал записывать на листе. Прокеш, читая, время от времени поднимал на меня глаза, а когда я в третий раз

спросил, как пишется «Текукизтекаитль», он достал из нагрудного кармана карточку, на которой были напечатаны все имена.

Впрочем, это мало помогло. Отдельные фрагменты более или менее были понятны. Речь шла о жутких катализмах, грандиозных битвах и разрушении великих городов. Коробов записывал для себя; очевидно, это имело смысл. Кое-какие имена были мне знакомы, я даже позволил себе улыбнуться, услышав про вишапов. Потом меня поразила одна мысль, и я перестал улыбаться. Что, если он все это видел сам? Но тут же эту мысль прогнал.

Прокеш закончил чтение и посмотрел на меня. Я раскрыл рот, чтобы спросить, стоило ли все это скандала в Кедровске и знаком ли Нечипоренко с этим сводом странных сведений? Но как раскрыл рот, так и закрыл. Прокеш вскочил с места и заметался по комнате, грозя снести животом стеллажный выступ.

— Ты понимаешь?! — закричал он.

Я честно признался, что ничего не понимаю. Он успокоился, сел на место и жалобно сказал, что вот-вот все встанет на место.

— Что — все? — спросил я.

Но он не рассыпал. Снова вскочил и зашагал большиими шагами по комнате. Живот его мерно колыхался, он постукивал костяшками пальцев по стенам, мебели, терминалу. Заново принял излагать свои похождения: как он добывал записи Коробова, как потел во время разговора с комиссией и страшно боялся, что копия, засунутая под рубашку, соскользнет и выпадет через штанину. И только после всех этих историй он и спросил меня о сетевике.

Это было вчера вечером.

Так вот он — сетевик, сидит и ждет, что скажет Прокеш.

Глебу я успел в общих чертах рассказать, что к чему. Он теперь знал, что Прокеш все эти годы занимался Происшествием, пытался связать концы с концами, поддерживал тесный контакт с непосредственными участниками и вроде что-то раскопал. Глеб мог задать резонный вопрос — зачем Прокешу понадобились такие раскопки, но он не задал.

Сегодня Прокеш был спокоен, взгляд его тих и светел. Он посматривал на нас с удовлетворением человека, сделавшего дела свои хорошо и имеющего право на похвалу.

— Ну, так я начну, — сказал он.

И начал.

Он напомнил Глебу о казусах Происшествия, с некоторым злорадством поведал о блистательных неудачах исследовательских групп. Упомянул о смерти Коробова и трагической гибели его напарника — Коновалова.

У Глеба слегка отвисла челюсть. В изложении Прокеша хорошо известные события вновь обрели зловещую окраску.

— Не раз и не два встречаясь с Евгением, — продолжал Прокеш, — я убедил себя, что только в нем сосредоточены загадка и разгадка Происшествия. Судите сами: к нам при невыясненных обстоятельствах попадает человек из прошлого. И вдруг после болезни начинает заниматься темпоральной физикой, причем в тот момент, когда она практически свернулась из-за отсутствия какого-либо прогресса. Мне стало интересно: что это за болезнь? Непонятная простуда с осложнением на глаза. Анализы, процедуры — я перерыл все инфоры, но ничего серьезного врачи не обнаружили. Зрение у него быстро восстановилось. Болезнь эта мне очень не понравилась. Были у меня тогда мыслишки, я связывал Происшествие с увлечением Коробова темпоральной физикой. Болезнь я

взял исходной позицией и попытался смоделировать темпоральную петлю.

— То есть? — спросил я.

— Да пустая оказалась мысль! Я предположил, что Коробов рано или поздно добьется успеха и какой-либо его эксперимент вызовет Происшествие. А потом снова и снова. Но несчастный случай все перечеркнул! Впрочем, таких версий было множество, не я один упражнялся. Помню, в одной из гипотез, выдвинутых кем-то из группы Покровского и Покровским же лично осмеянная, говорилось, что Происшествие — продукт деятельности хозяев Темного, которые незримо вмешиваются в наши дела.

— Чьих хозяев? — привстал с места Глеб.

Прокеш напомнил ему о спутнике-зонде.

— А-а, — протянул Глеб, — вспомнил. В школе проходили.

— Можно и не вспоминать. Все эти домыслы о чужаках, лелеющих коварные планы, остались домыслами. Ну, о том, что последние годы пытались дешифровать сигналы из какого-то созвездия, или то, что принимают за сигналы на нестабильных частотах, вы знаете. Недавно, впрочем, было сообщение, якобы удалось выделить группу значимых символов.

Глеб покачал головой. Я тоже об этом не слышал. Смотрю новости не каждый день. Впрочем, велика ли потеря? Темный был обнаружен давным-давно, неединственность разума стала фактом школьных программ и трепета не вызывала. И что сигналы давно идут — тоже всем известно. Одной из главных мотивировок строительства фазоинвертора — огромной антенны — и была необходимость точного определения источника сигналов. И не только. Без точной ориентации в пространстве строящиеся «дыроколы» годятся разве что для экскурсий по ближним планетам.

— Версия вмешательства отмерла сама собой, — продолжал Прокеш, — и я был только рад. Не могу представить себе диалога на равных с существами, манипулирующими временем. А когда Коробов сказал мне, что зафиксировал микросдвиги, я про них и вовсе забыл. Евгений много работал с активаторами нейроглии, то есть с фантоматами. Он несколько раз пытался рассказать о своей интерпретации базисной сигнумляр-теории, но я ничего не понял. Записывать он не разрешал. Он пытался говорить доступно, но я запомнил только отдельные фразы, слова. Очень впечатляло название разработки — «Дважды проснувшийся». Честно говоря, познаний моих не хватило понять, о чем идет речь.

— Странное название для разработки, — задумался Глеб.

— Согласен, — отозвался Прокеш, поглядывая на меня. — Это что-то из древних философий. Тогда это любили. Однажды он предложил мне самому заглянуть, как он выразился, немного назад. Ни о какой точной дате не могло идти речи. «Как повезет», — шутил Евгений. Он гарантировал, что увиденное будет иметь отношение ко мне. Разумеется, если сдвиг состоится, вероятность, насколько я понял, была не очень высока. Я действительно увидел то, чего видеть не мог никто, а я хотел бы забыть об этом. Арам знает...

Он недолго замолчал, посопел.

— Это либо сдвиг, либо же возможность видеть прошлое. Была ли его смерть случайной — не знаю. Надеюсь, что вы, — он поднялся и поклонился Глебу, — поможете с этим разобраться.

— Я... пожалуйста, — испуганно проговорил Глеб.

— Рад, — коротко сказал Прокеш, снова уселся и положил руки на стол. — Ключ к отгадке мне дали записи Коробова. Попали они ко мне не очень этичным спосо-

бом. — Он вздохнул и потер ладонями щеки. — Да что там говорить, совершенно неэтичным!

Я видел, как он борется с болезненным желанием каяться и снова пережить унизительную историю. Но на этот раз удержался.

— Перечень имен в заметках Евгения мне помог. Вначале я полагал, что он собирается зондировать глубокое прошлое на предмет анализа истоков мифов и преданий. Но вот описание камней, из которых был сложен Асгард.

Прокеш содрал раппер и перелистал распечатку.

— Вот здесь: «...литой, весь в пупырышках газовых включений, базальт, блок к блоку, плита к плите, оплетен черной паутиной ядовитого плюща...» Вот еще о чешуйках дерева Жо, цветы которого испускают красноватое сияние... Ну, таких деталей много. Я перерыл много тематических инфоров, но реальных аналогов не обнаружил. Возможно, в Сети удастся нащупать что-либо. Однако интуиция мне подсказывает — из прошлого была получена информация. Вопрос — кем получена?

— Как — кем? — удивился Глеб. — Коробовым.

— Темно и холодно, — вздохнул Прокеш. — Коробов действительно обнаружил нечто. Первоначально мне показалось, что он, так сказать, развивает метафору. Потом сообразил, что он имеет в виду под третьей генерацией богов. Сообразил не сразу. Вначале не обратил внимания на один раз мелькнувший у Коробова термин — «параэволюция». Стойная картина у меня сложилась позднее...

И он нарисовал нам эту картину.

По его словам, выходило, что эволюция природы имела двоякий характер. С одной стороны, медленное переливание из одной формы в другую, накапливание микротолчков, шагки по микроступенькам, словом,

классический естественный отбор во всей его жующей, чавкающей и грызущей прелести. Но одновременно с этим — здесь Прокеш воздел палец, призывая к вниманию, — хаотическое метание из одной крайности в другую за эволюционно ничтожные промежутки времени. Например, динозавры и всякая мелкая ерунда существовали одновременно. «Осцилляция параметров вдоль морфологической оси!» — торжественно провозгласил он и тут же признался, что это выражение позаимствовал у Миронова, который, естественно, в курсе его поисков и время от времени помогает ему сформулировать мысли. Если, конечно, в настроении.

— Ясно, что экстремальные формы эволюционно нестабильны. Однако непонятно, почему разум должен был возникнуть в результате только долгого и унылого копошения примата в сырых пещерах и в кровавых играх с палкой и камнем.

Он заявил, что в свое время разум уже возникал в природе. Возможно, и не раз. Сейчас трудно сказать, кто был его первоначальным носителем. Но единожды возникнув, он тоже обязан был пройти через полярные состояния — от элементарных логических структур до необычайного могущества. И вот на этой высшей стадии разум перестает нуждаться в специфическом носителе и может воплощаться в любую форму. Но миллионы и десятки миллионов лет — срок очень большой для любого разума. «Не исключаю, что начало блестящей карьеры приматов пришлось на закат тех, Первых, — сказал он, потом подумал и добавил: — Или того, Первого».

Он был готов допустить и существование единого или объединенного разума, имеющего, конечно, вполне материальные носители. И все эсхатологические мифы, жуткие истории о конце света, о битвах богов и их гибели, — возможно, отголоски невообразимо древней битвы Разума с Природой. Но целое всегда превыше части, и

поэтому природа неумолимо вернула в свое лоно отторгнутое детище. Разум сопротивлялся, воплощался, трансформировался, но энтропийные процессы неизбежно вели его к вырождению. Тщетно! Природа — это тюрьма, очень большая, просторная, но тюрьма. И побег невозможен. Любой разум-беглец рано или поздно будет превозведен обратно. То же самое рано или поздно случится и с нами.

Потом он еще немного поупражнялся в мрачных пророчествах, итог которых сводился к одному: человек не есть наследник и последнее воплощение Того Разума, он продукт естественной, «правильной» эволюции, а не экстремальное состояние синхронии. С чем он, Прокеш, готов согласиться, так это с наложением на временную ось конца старых времен и начала новых. Отсюда и своеобразная переработка человеческим разумом Увиденного Непонятного в Неувиденное Понятное, то есть в предания, мифы, обрастание плотью и кровью языка, а вместе с языком и неизбежная антропоморфизация.

Я постепенно соображал, о чем он говорит, но не понимал, при чем здесь мы. Судя по необычайно умным глазам Глеба, он понимал не больше моего.

— К чему стремится любая форма существования? — спросил Прокеш и тут же ответил: — Банально, но естественно — к наибольшей сохраняемости, к выживанию в любых условиях. И вот вам еще одна банальность — старое никогда не уступает место новому без борьбы. Борьба может вестись не только грубо, но и коварно, принимать не дикие и безобразные формы, а, наоборот, внешне заманчивые и красивые. Недаром даже лучшие умы в свое время иногда восклицали в тоске: да есть ли вообще новое, не старое ли это, только в ином обличье?

— Позвольте, — нахмурился Глеб, — что вы имеете в виду?

— Я не говорю о социальных структурах, — поднял руки Прокеш. — Речь идет о временах настолько давних, что не было еще и первых доплеменных общностей. Но это не могло не отложиться в сознании...

— Что «это»? — не выдержав, перебил я его.

Пора бы ему объяснить — какое отношение имеют его рассуждения ко мне, Глебу Коробову, да и ко всем остальным.

— Не знаю, — коротко ответил Прокеш. — Не знаю, как назвать «это». Остатки форм праразума? Или остатки воздействия или взаимодействия праразума и разума человеческого? Я представляю это как нечто находящееся в прошлом. Вернее, прошлое для него — единственная среда обитания. А еще точнее — это материализованное и персонифицированное воплощение прошлого.

— Вы так говорите, словно прошлое существует, — поднял брови Глеб.

— Возможно, я упрощаю. Мне легче представить прошлое в виде конкретного существа. Не злоказненного, но отнюдь не собирающегося уступать свое место и поэтому способного на все. Для него любое изменение состояния, в том числе или в первую очередь нашего с вами состояния, — зло. Его цель — сохранить себя в неизменности, его стремление — включить человека в себя, как муравья в янтарь. И поэтому оно для нас — зло!

— Ага! — сказал Глеб. — Кажется, я понял. Вы считаете, что в прошлом затаилось нечто, несущее нам зло? Этакий старый дьявол?

— Почти так, — кивнул Прокеш, — только небольшое уточнение: прошлое — оно и есть само зло!

— Ну-у... — протянул Глеб, но Прокеш перебил его:

— Прошлое, а не история! Прошлое, а не память! Прошлое, а не опыт! Дальше продолжать?

— Подумать надо, — ответил Глеб.

— Надо, — согласился Прокеш.

— Вот я думаю и одного не пойму, — начал я, а когда Прокеш вопросительно на меня посмотрел, продолжал: — Не пойму, когда вы все успели так основательно изучить?

— Так это еще не все! — вскричал Прокеш. — Если бы не Миронов, я бы и до десятой доли всего недодумал. Три дня и две бессонные ночи. Он мне очень помог. Великая вещь — эйдитическая память, лучше, чем сто транспьютеров.

— Он тоже согласился с вашей концепцией прошлого?

— Раster в пыль и развеял по водам! Как он меня обзывал, нет, как он меня обзыва! Феерия! Я рад, что вас там не было, молодые люди. Очень роскошное, но в высшей степени непедагогическое зрелище.

— Значит, Миронов не согласился, — осторожно сказал я. — Что из этого следует?

— Ничего не следует! Спросите у Виктора Тимофеевича, сколько раз ему приходилось ошибаться в выводах и оценках? Если он будет отпираться, шепните ему на ухо два слова: «Хрустальная затычка!» Мало ли с чем он не согласен!

— А что дальше? — нетерпеливо спросил Глеб.

— Дальше? Представьте, что вдруг у вас больше не будет никакого «дальше». И не только у вас, но и у всего человечества. Генофонд исчерпан или исчезли стимулы существования. Да мало ли что! Процесс будет длиться долго, очень долго. Вот вы уже видите, как вас с трона царя природы медленно, но неотвратимо выпихивают не млекопитающие, не птицы и даже не рыбы, а, скажем, насекомые или микроорганизмы. Что вы предпримете: достойно встретите свой конец или постараитесь оттянуть его, продлить агонию, продлиться самому как можно дольше? Неужели не будет обидно, что вашими наследниками станут какие-то вонючие козявки? Неужели не

будет досадно, что от всего великолепия останутся даже не тени, а следы теней на тающем снегу?

— Мне — нет! — ответил Глеб.

— Прекрасно, — обрадовался Прокеш. — А почему?

— Трудно так сразу сформулировать. Если после нас останется хоть какой-то разум — и то хорошо.

Прокеш показал мне большой палец. Я попытался улыбнуться, но не смог. Вот сейчас, чувствовал я, он скажет главное. Я боялся разочарования, и было немного обидно, что Прокеш не рассказал об этом мне вчера. Я прекрасно отношусь к Глебу, но мог же он сказать еще вчера! Или только сейчас все додумал?

— Человечество не эгоистично! Интересы коллектива, как правило, доминируют в сознании его членов. Раньше это были интересы племени или рода, потом своего класса, ну а сейчас, хвала разуму, человеческой общности. В нас существует потребность думать не только о себе, потребность заботы. Но что, если праразум считает единственно достойным существования себя и только себя, если для него нет понятия несуществования и любой переход от существующего к возникающему для него есть зло и единственно приемлемое состояние для него — абсолютный гомеостаз. Остановка или локализация времени, бессмертие. Что всего страшнее богам? Время! Самая могучая сила, олицетворяющая природу. Возможно, праразум смог победить время. Он потерял смерть, но приобрел судьбу.

— Хорошо, а что дальше? — спросил я. — Вы, я, Глеб готовы благородно передать эстафету разума. А что сделал праразум?

— Он передал себя, — тихо ответил Прокеш.

Глеб вежливо покачивал головой, ожидая продолжения, а у меня от взгляда Прокеша почему-то заледенели пальцы. Прокеш отвел глаза и негромко заговорил. От его возбуждения не осталось и следа, он размеренно,

скучным голосом ронял, нанизывал слова, вязал хитрое свое кружево. Естественно для любого разума, говорил он, бороться за существование. И как бы мы ни расписывались в своем альтруизме и любви к разуму вообще, если человечеству будет предъявлен выбор — или оно, или козявки, то выбор будет один, и он, Прокеш, знает, каким он будет. Но если выбора не будет и природа, так сказать, попросит сдать дела и удалиться на покой — неужели разум человеческий смирится? Да, можно прямо сейчас составить хороший каталог громких слов и приличествующих моменту деклараций. Но что, кроме этого, оставит человечество в наследство? Знание? Память о себе? Предметы материальной культуры? Поймут ли когда-либо козявки, что все оставленное — память, знания, предметы? А если тому, перворазуму, нечего оставить, кроме самого себя? У него нет предметов материальной культуры, поскольку он воплощаем в любой предмет! Если нет знаний, поскольку мир постигается им непосредственно? Если, наконец, нет памяти о себе, поскольку разум и есть память?

Прокеш еще немного порассуждал о природе разума, о разуме и природе, о том, что природа, может, и есть предмет материальной культуры праразума, но версию эту быстро отмел. И наконец, он заявил, что практически любой разум должен сделать попытку законсервировать, закапсулировать себя, превратиться в спору, чтобы при первом же удобном случае возродиться. Как, в какой форме может существовать такая спора, он, Прокеш, не знает. Но предполагает, что это может быть некая матрица, своего рода полимодулятор, инфорэнергетический либо метампсихический....

Он говорил, обволакивал, терминология не всегда была ясна, но общий смысл я уловил. Судя по тому, как Глеб чуть подался вперед и напрягся, — он тоже.

Красивая получается картиночка: из тьмы времен передается от человека к человеку, от существа к существу матрица-спора, в какой-то критический момент она раскрывается — и что?

— Хорошо, — снова перебил я Прокеша. — Вот матрица прошлого разума добралась до человечества. Что произойдет?

— Что происходит, когда в организм попадает вирус? По всей видимости, матрица-спора начнет модулировать носителя с определенной целью. А цель только одна — мультилицировать, размножиться настолько, чтобы не подлаживаться под среду обитания, а стать средой обитания. Для этого нужна унификация особей носителей, полное их подчинение матрице, отказ от своих приоритетных или естественных структур. Это — с одной стороны. Что-то вроде муравейника, образующего сверхразум, но без малейшего проблеска разума в каждом члене.

— Вот пусть в муравейник и вселяется! — заявил Глеб.

— Пусть, — согласился Прокеш. — Но рано или поздно настанет очередь других. Муравьи надежное, но грубое сырье.

— Мы, значит, тоже сырье? — вскинулся Глеб.

— Подожди, Глеб, — остановил я его. — Все это, вы сказали, с одной стороны. А с другой?

— А с другой — наоборот. Полная индивидуализация, распад связей, оголтелый эгоизм и дискоммуникабельность.

— Зачем, зачем все это нужно? — вскричал Глеб.

— Возможно, реализуется двойная программа — возродиться либо, как говорили в старину, хлопнуть, уходя, дверью.

Глеб с сомнением покачал головой.

— Мне почему-то кажется, — начал я, дождался, пока он посмотрит на меня, — что если мы поговорим еще час

или два, то у вас возникнут более интересные идеи и гипотезы. Профессиональные навыки, так ведь?

Глаза у Прокеша заблестели, он несколько раз беззвучно хлопнул в ладоши.

— Браво! Я не раз говорил Миронову, чтобы он присмотрелся к тебе. Из тебя точно выйдет толк!

Я даже не моргнул.

Прокеш тяжело поднялся с места, взялся за спинку кресла.

— Если хотите, я построю вам еще несколько изящных гипотез. Но одно будет повторяться в них с удручающей монотонностью — из прошлого к нам идет некое зло. Зло для нас. Опасность. Скользит черная тень, идет черная эстафета от века к веку. Возможно, ей мы обязаны худшими страницами нашей истории. Возможно, что нет. Возможно, человеческий прогресс — лучший заслон против этой тени. Возможно, наоборот. Не знаю.

— Как это зло могло попасть в наши благополучные времена? — спросил я и тут же прикусил губу.

Ответ был единственным.

Прокеш печально посмотрел на меня.

— Ты что, не понимаешь? — возбужденно и громко зашептал Глеб. — Он намекает на Происшествие!

— Нет, почему же, — спокойно ответил я, — понимаю. Эта тень, матрица или вирус воспользовалась благоприятными стечениями обстоятельств и скользнула к нам. Не зря Коробов переправлял свои записи мне, возможно, он меня и считал «дважды проснувшимся». Но я не понимаю одного, вернее, двух. Первое — как ваше построение объясняет собранные за эти годы странности и противоречия всей этой истории? Второе — кто конкретно из участников является носителем матрицы-споры? Все или кто-то один?

— Ну что ж, ты спросил — я отвечу. Причина, смысл Происшествия не имеют никакого значения! Как хочешь,

так и назови: хроноклазмом, темпоральной флюктуацией, а хочешь — дискриминацией оператора энтропии не в смысле Пригожина, и не спрашивай меня, что все это значит. За справками — к Покровскому. Что-то случилось — вот отправная точка! А все являются носителем или один? Ты знаешь, как внимательно я присматривался ко всем вам. Больше всех — к Коробову. Но теперь, после долгих лет тыканья вслепую, я могу точно сказать, что и кто носитель матрицы. Вернее, носительница...

— А-а, — протянул я, — вы имеете в виду Валентину?

— Нет, — резко ответил он, — я имею в виду обучающую систему ОС-12.

Глава седьмая

Пожаловавшись на головную боль, Прокеш взобрался на свое место и, кряхтя, лег. У меня тоже побаливала голова. Один из двигателей был в десинхроне. Сбивчивый, слабый гул проникал к пассажирским гирляндам и очень раздражал. В пультовой меня сочувственно выслушали, посетовали на старость корабля — еще несколько рейсов, и их переведут на грузопотоки, а пока, сами понимаете, сколько народу надо переправить на Марс, строительство идет полным ходом...

Я вернулся пешком — лифты гоняли между багажными секциями, пытались сместить центрковку и немного сбить десинхрон.

Мои слова Прокеш воспринял равнодушно.

Он сильно сдал за последние дни. Постарел. Прорезались морщины, ранее незаметные, глаза потускнели, а живот опал.

Скоро выйдем на орбиту Фобоса. Начнется толчения на местных «лайбах». Обычно я последние часы провожу спокойно, зуда нетерпения нет, стараюсь больше спать

и ни о чем не думать. Но сейчас это не удавалось. Наоборот, снова и снова вспоминались слова и дела последних дней на Земле...

После того как Прокеш обвинил во всем ОС-12, произошел маленький взрыв. На миг стало тихо, Глеб странно сжал губы, но щеки его все раздувались, набухали, и вдруг он грохнул оглушительным хохотом. Он смеялся взахлеб, утирал слезы и снова ржал. Глядя на него, засмеялся и я, но тут же замолчал, испугавшись злого смеха.

Я злился на Прокеша, на Валентину, на весь мир, меня распирало от злости, словно кто-то сидел, запертый во мне, и пытался выбраться, но ему удавалось лишь изйти смехом.

Злился на себя — уже четвертый десяток, а я все еще никто, и если бы не странное событие много лет назад, то так бы и остался никем. Интерес ко мне экспертов, мотиваторов и прочих — это интерес холодных экспериментаторов. Следующая мысль — ну и что? Кем я был и чем становился, какие у меня были планы, замыслы? Да никаких! Работал, жил, гулял и веселился, и так с большим удовольствием провеселился бы всю жизнь, если бы не Происшествие, внесшее в эту самую жизнь затравку необычного, закваску тайны. Но тайна прокисла, необычное оказалось досужими вымыслами писателя-фантаста.

Я собрался вывалить ворох злых мыслей на Прокеша, но Глеб неожиданно утих и, отдуваясь, еле произнес:

— В-в-вы меня убьете... В-вашу носительницу матрицы собирал и налаживал мой друг Йорг Лаутербах, а транспьютерные блоки один за другим испытывал и коммутировал я своими руками. Йорг сейчас в Москве, а руки могу предъявить, вот они, ручки... — Он повертел растопыренными пальцами перед лицом Прокеша.

— Обучающая система двенадцатой модели — самая заурядная, — медленно произнес я и позволил себе под-

нять вверх палец — жест Валентины, — и для перемещений во времени она так же приспособлена, как, скажем... — я огляделся, — вот этот стол для полета на Марс. Причем у стола шансов больше.

— Что мы знаем о перемещениях во времени? — еле слышно пробормотал Прокеш и с опасливым интересом глянул на стол.

— Кроме того, — продолжал я, — именно вы очень убедительно высмеяли домыслы кого-то из группы Покровского о том, что ОС-12 — машина времени. Помните, «вечер воспоминаний» на Марсе?

— Мало ли что я высмеивал тогда? К тому же разве я назвал ОС-12 машиной времени? Ну, ладно! Молодежь имеет право немного поиздеваться над старым глупым Прокешем. Но старый Прокеш не так глуп, как вы надеетесь. И глупый Прокеш не так стар, как вам кажется. Кто из вас скажет, была ли подключена ОС-12 к Сети во время тестового прогона?

Глеб выпятил нижнюю губу и посмотрел орлом.

— Зачем это ей? Вводится оперативный массив, в крайнем случае подключается модульная база.

— А был ли подключен дислокативный блок?

— М-да, возможно. Сложная программа, исторические массивы, мегареалии... — Глеб все еще глядел орлом, но я насторожился.

— Послушайте, — спохватился Глеб, — вы-то откуда все это знаете, вы же не сетевик!

— Я любопытен. И недавно листал распечатку режима дислокативного блока. Не отключали!

— Ну и что? — Глеб отвел глаза.

— Значит, ОС-12 могла иметь выход в Сеть.

— И что дальше?

— А дальше... — Прокеш подошел к окну. — Что-то пить захотелось, — сообщил он мне, — пересохло в горле от разговоров.

Пить он явно не хотел, но я понял, что он дразнит Глеба. Пока он пил, Глеб извертеся на месте.

— Что, интересно? — спросил Прокеш.

— Не тяните! При чем здесь Сеть?

— А это вы мне объясните! Что есть Сеть? В первую очередь — всеобщая система коммуникаций, во вторую — эффекторы, транспьютеры, терминалы, комплексы, большие и малые. Но самое главное — это, так сказать, негенетическая память человечества. Чудовищный массив информации о прошлом, и единицы этого массива в достаточно обширный промежуток времени комбинируются в разнообразнейших сочетаниях. Не знаю, в Сети или в модульной базе ОС-12 возникла необходимость моделирования некой ситуации, в которой ингредиентом, компонентом, участником... ну, не знаю, было смоделировано некое зло. Разумеется, модель зла. Но кто мне докажет, что модель зла не есть зло? — Засопев, Глеб почесал нос.

— Дальше!

— А дальше выдумывайте сами — все, что угодно! Начинайте с резонанса модели и матрицы, вызвавшего темпоральный кунштюк. Можете предположить, что Сеть и презентировала нашу троицу. Кстати, вдруг действительно не было никакого переноса, а? Представляете — ничего не было! Наша троица — фантом!

Красиво, подумал я. Если он сумеет обосновать свое мыслеизвержение, то поверю, что меня тоже не было.

— Вы меня извините, Вацлав, — начал я и сообразил, что впервые назвал его по имени, — но что же получается: я несколько лет был женат на фантоме? И расстаюсь сейчас с фантомом?

— Нет, Миронов тебя напрасно хвалит, — рассердился Прокеш, — раньше ты хоть молчал, но выслушивал до конца. Заговорил... Да, фантомы! Фантомы в том смысле, что не было таких людей в действительности. Исто-

рически не было. Они созданы программой на одном из уровней ее реализации, а на каком-то этапе ее прогона через Сеть могло возникнуть... — Он на миг задумался, замялся. — Ну, как бы это сказать, материализация, что ли, дубликация в предметном мире. В конце концов, достаточно сложная информация может самоорганизовываться!

— Точно! Я про это слышал, — сказал Глеб. — У меня дед был забавный старик. Частенько говорил: в начале было слово. Присказка у него такая была...

— У вас действительно любопытный дед, — со странной интонацией произнес Прокеш.

— Значит, вам нравится такая версия?

— Не нравится.

— Мне тоже, — сказал я. — Хотелось бы посмотреть на того, кто скажет Валентине, что она фантом.

Прокеш улыбнулся.

— Я не рискнул бы. Пока я о другом. Не забудьте, что Коробов работал с ОС-12. Я надеюсь, что его смерть и гибель Коновалова — действительно несчастные случаи. Человек не мог пойти на такое, да и никто не мог рассчитать, где нужно поскользнуться, а где возможен сейсм. Человек не мог!

— Вот вы что имеете в виду... — протянул Глеб.

— Это только предположение. И цепь моих неприятностей после того, как я заинтересовался ОС-12, возможно, тоже совпадение. Но почему член комиссии вошел в комнату тогда, когда я находился там?

— Ну не система же его привела? — поднял брови Глеб.

— Нет! Но мы с Семеном почти час возились с блокировками мембранны, а иногда приходилось идти в обход. Это можно было рассчитать и привести нас к нужному месту в нужное время!

Последние слова он как бы впечатал кулаком в стол.

Глеб на минуту задумался. Вид у него был растерянный.

— Постойте, — вдруг вскричал он, — что это я уши развесил! В Сети ни один байт не пропадет. За пять минут я прозвоню любой массив на автостопе! Ни одна матрица-спора не уйдет! Вместо того чтобы строить тут гипотезы, надо пойти и проверить!

Улыбка на лице Прокеша стала благостной, как у статуэтки Будды.

— Именно поэтому, — мягко, осторожно начал он, — я необычайно рад, просто счастлив, что среди нас такой великолепный сетевик, как вы, Глеб Николаевич.

Поймал! Я испытал искреннее восхищение! Бабочка сама прилетела к паутине, сама завернулась в клейкие нити, а теперь ждет, что еще придумает паук. Красивая работа.

Собственно, чему я удивлялся? Меня он держал в напряжении столько лет. Ждал я продолжения событий, приключений и подвигов. А дождался нескольких фантастических сюжетов. Неплохо закрученных, но, кажется, что-то подобное я видел. Обижаться глупо, но тогда откуда злость?

— Где у вас ближайшая РТУ? — спросил Глеб.

— Недалеко, — ответил я.

— А как мы попадем в Региональный транспьютерный узел? — озабоченно спросил Прокеш.

Глеб глянул на него орлом.

— Замечательно, — сказал Прокеш. — Но как вы собираетесь прозванивать? У вас есть с собой щуп?

Глеб длинно свистнул и уважительно посмотрел на Прокеша.

— А про щуп вы откуда знаете?

— Говорил я вам, что любопытен.

Я ничего не понял. После расспросов Глеб неохотно пояснил, что сетевики часто упрощают поисковые за-

дачии, используя универсальный шинный трансцессор. После небольшой перекоммутации валентностей он позволяет выходить на любой массив и подмассив в абсолютном приоритете без ограничения по сертификату. Сетевики называют шуп отмычкой, это, добавил Глеб, устаревшее название дубликата размыкающего блока.

Прокеш хмыкнул, но ничего не сказал. Он деловито поинтересовался, не следует ли подождать темноты, на что Глеб наконец выпятил нижнюю губу и спросил, с чего это он должен идти в РТУ ночью. Днем, и немедленно!

— Отлично! — согласился Прокеш и вышел из комнаты.

* * *

Дело близилось к вечеру, но еще было светло. Прокеш бодро шагал, весело поглядывая по сторонам, Глеб шел рядом и что-то объяснял, размахивая руками. Я немного отстал и догнал их у перекрестка, они остановились, не зная, куда сворачивать. Пошли вместе.

— Ты улетаешь завтра? — спросил Глеб.

Я кивнул.

— Жаль! Ничего не успели посмотреть.

— Почему? — удивился я. — Кто вас торопит? Поживите здесь, а можете в моей ереванской квартире. Куда спешить?

— И то верно, — согласился Глеб, помялся, взял меня за локоть: — Слушай, у тебя с женой неприятности?

— Расстаемся, — коротко ответил я.

— Ага, ну, тогда прими мои... по обстоятельствам. Если надо, я тебе на брачном сертификате отмечусь.

— А разве ты не...

— Куда там! — махнул рукой Глеб. — Моя за кадык держит крепко. Вздохнуть не дает, понимаешь!

Я вспомнил, что скандальная история с Глебом действительно была из-за его жены. Она прислала в Институт какую-то декларацию, координаторы растерялись, не зная, что делать, а Глеб принял много и неэтично кричать. Впрочем, как человек семейный, Глеб может отметитьсь на моем сертификате.

Здание РТУ недалеко от ущелья — невысокий, метров десять, корпус из голубых эмалитовых блоков без окон. Поверху его опоясывали темные ромбы вентиляционных выводов. На крыше торчала мачта с конусом орбитальной связи. Одна дверь. Не мембрана, а дверь. Металлическая. Рядом в стене выступ с сенсорами.

Прокеш подергал ручку.

— Как мы сюда войдем? — спросил он Глеба.

— Ногами, — невежливо отозвался тот и несколько раз мазнул пальцем по контактам сенсора. Дверь ушла в сторону.

— Прошу, — сделал широкий жест Глеб и шагнул вперед.

За ним Прокеш. Я осмотрелся: на площадке перед РТУ никого не было, из-за ограды поблизости доносилось кудахтанье, детский голос обещал повыдергать кому-то перья... Войдя, я потянул за собой дверь.

Длинный коридор еле освещала люксполоска.

— Вы что же, кодовые номера всех РТУ знаете? — донесся до меня голос Прокеша.

Они стояли за выступом стены, сразу я их не разглядел.

— Нет, — ответил Глеб, — я не знаю. Нет у них кодовых номеров. Надо день и номер месяца набрать и последнюю цифру года. Это чтобы дети не лезли, ну и мало ли еще зачем...

— Остроумно! — восхитился Прокеш.

— Послушайте, — сказал я, подходя, — а если нас здесь застанут?

Глеб разглядывал отверстия в металлической шторке.

— Застанут, застанут, — рассеянно забормотал он, потом вскинул глаза: — Кто это нас застанет? Здесь никого нет, и не бывает! Разве что ежемесячная профилактика, да и то — знаю я, как идет профилактика. Одним глазом посмотришь, и назад. Трансы либо работают, либо сразу летят со всеми потрохами, а тогда никакая профилактика не поможет. Ага! — С этими словами он сунул палец в отверстие. Раздался щелчок. Он выдернул палец и, присев, взялся за ручки на шторке.

Сказав: «Р-раз!» — поднял ее.

Открылся вход в темное помещение. Ничего не видно. Я принюхался — знакомый специфический запах элорганики — пахло корицей и рыбой одновременно. Глеб провел рукой по стене изнутри — на потолке затлели люксполоски.

Небольшой зал и транспьютерные кубы в шахматном порядке. Сверху прохладный ветерок — в нашу жару без кондиционера элорганика быстро скиснет. И ни звука. Тишина, словно в этих ящиках песок, а не кошмарное количество информации, связей с такими же ящиками рядом, с такими же ящиками в других РТУ, региональных службах, центральных и периферийных архивах и прочих хранилищах и перерабатывающих устройствах, составляющих неимоверно сложную структуру Панинформа, или попросту — Сети.

Глеб прошелся между транспьютерными кубами — они были ему по пояс, — подошел к противоположной стене... И пропал.

В стене был проход в соседний зал. Мы вошли. Та же картина: Глеб идет, глядя себе под ноги, доходит до стены, исчезает. Теперь я уже разглядел в полумраке темный прямоугольник.

— Что он ищет? — почему-то шепотом спросил я у Прокеша.

— Не знаю, — ответил Прокеш. — Во времена моего детства было проще, любой имел неограниченный доступ, но тогда и сети были другие.

В третьем зале Глеб наконец остановился, нагнулся к кубу и, подняв небольшой ящик, негромко сказал: «Вот оно!»

Пластиковая коробка, заклеенная липучкой. Глеб вскрыл ее.

Прокеш нагнулся, чуть не касаясь носом, и внимательно оглядел содержимое коробки. Пожал плечами и отошел. Два твердотелых инфора с гребенкой разъема и две гибкие ленты с полупрозрачными пластинами на них. Такие инфоры, насколько мне известно, применялись для наладки видеоформов. Я пригляделся: некоторые зубья контактной гребенки были аккуратно спилены. Пластины на ленте показались знакомыми. Я взял ленту, повертел в руках.

— Да, — сказал Глеб, — раньше шлемы использовали. Говорят, неудобно было прятать. Эти ничего. Ну, тебе они знакомы, в Институте такие же активаторы были.

— Ну-ка, ну-ка! — Прокеш схватил другую ленту. — Да, действительно! Как же я сразу не понял?

— Это и есть щуп! — гордо сказал Глеб. — Прозвоним любой массив в любом режиме.

— Прекрасно! Нет слов! — довольно потер руки Прокеш. Он трогал себя за нос, уши — одним словом, нервничал.

— Ну, давай! — чуть не закричал он, увидев, что Глеб складывает щуп в коробку.

— Не спешите, — сказал Глеб. — Сначала надо найти отвод, а это потруднее, чем щуп искать. Где-то здесь... — С этими словами он принялся один за другим осматривать кубы.

Прокеш нетерпеливо постукивал кончиками пальцев по животу. Посмотрел на меня и рассмеялся.

— Старею, — сказал он. — Тороплюсь. Завтра улетаешь?

— Улетаю.

— Валентине Максимовне приветы и извинения. Ее я тоже подозревал, так сказать. Впрочем, и к Кузьме присматривался.

— А меня не подозревали?

— Тебя? — весело переспросил он. — О тебе разговор особый!

— Здесь нет, — сказал подошедший Глеб. — Пошли дальше.

В соседнем зале он принялся так же методично осматривать транспьютерные кубы. Я и Прокеш остановились у прохода.

— У Валентины Максимовны было плохое настроение.

— Почему вы так решили?

— Разве она не рассказала? — Я помотал головой.

— У нее были неприятности в Саппоро. Скандал!

После ее выступления поднялся большой шум.

— А вы откуда знаете?

— Там был племянник Миронова, он рассказал Виктору Тимофеевичу, тот при встрече — мне. Ну а я запростили материалы. Действительно, конференция проходила бурно. Стариk Гильом кричал дурным голосом, что он обленился и мышь не ловит, что пора его гнать на бережок рыбку ловить и что его вина — давно надо было присмотреться, что за авантюры затеяли на Марсе с детьми. И так далее... Кое-кто поддержал некоторые пункты доклада Громовой, но ту часть, в которой говорилось о «естественному воспитании», просто высмеяли. Когда же она рассказала об использовании фантоматов для закрепления навыков, тут и самые спокойные взмыли. Создали комиссию. Ну, это, я думаю, долгая история. Пока раскачиваются, пока прилетят...

— Да нет, — сказал я, — Валентина как раз жаловалась, что комиссия уже там и мешает работать.

— Идите сюда! — громко позвал Глеб.

К основанию куба прилепился еле заметный небольшой выступ.

Глеб достал ленты с активаторами, инфоры, вытянул из разъема тонкую соединительную нить с несколькими отводами, аккуратно подключил и протянул ленту Прокешу.

Прокеш вопросительно посмотрел на Глеба.

— Значит, так, — сказал Глеб. — Наденьте на голову и ждите, когда я подключусь. Увидите белое поле — я вышел на массив адресов. Четко назовите про себя индекс связи Базмашена. — Тут он повернулся ко мне и спросил: — Какой у вас индекс?

— Я знаю, — ответил за меня Прокеш.

— Ладно. Назовите индекс, он возникнет на белом поле. Страйтесь удержать его несколько секунд, а я пойду от центрального ствола. Теперь пароль... Как только индекс сменится... Ну, назовите любое число!

— Шестьсот шестьдесят шесть, — сказал Прокеш, криво улыбаясь.

— Хорошо. Как только появятся три шестерки, значит, я вышел на вас, тогда думайте о чем угодно, будет прямой контакт, и вы меня услышите. Выдем на РТУ Кедровска и прощупаем ОС-12, если она еще в Сети. Можем в принципе пройтись и по всей Сети, если голова не лопнет. Тут уже вы пострайтесь ограничить ваши реперы.

— Давайте Кедровск... и Сеть, если можно.

— Можно. Правда, голова болеть потом будет, да и в Сети застрянем на час, а час сетевого времени... Ох и умный я буду, если все не забуду!

— Что?

— Это поговорка такая у сетевиков. Поехали?

— А как насчет меня? — спросил я.

— Извини, Арам, — сокрушенno сказал Глеб, — но всего две ленты, без меня он потеряется, а без него я не знаю, что искать.

— Ладно, — успокоил я Глеба, — как-нибудь потом. Вы мне расскажете. Я вас снаружи подожду.

— Верно, — обрадовался Глеб, а Прокеш старался на меня не смотреть. — Выходя, защелкни дверь.

Я кивнул и пошел к проходу.

— Не туда, — сказал Глеб. — Налево.

В темноте я с трудом нашел выход в коридор. Люкс-полосы едва тлели. Я пошел не в ту сторону и уперся в стену. Рядом лестница на второй этаж. Развернулся и вскоре подошел к двери. Потянул за скобу и зажмурился от света.

Теперь буду ждать. Привычная роль. Даже сейчас, когда вроде бы решается загадка, я опять тупо жду. Нужели судьба определила мне только слепое шествие за поводырем? Впрочем, еще неизвестно, зряч ли сам поводырь!

— А что это вы здесь делаете? — Я услышал знакомый голос.

— Действительно, а где Вацлав и Глеб? — Это уже Римма.

Я обернулся. Римма смотрела на меня с подозрением, переводя взгляд с меня на раскрытую дверь. Рядом с ней стояла Дуня, держа на плечах мою племянницу. Я медленно потянул дверь, довел до щелчка и спокойно ответил:

— Да вот, вышел погулять.

— Ах так! — сказала Римма, ухватилась за ручку, подергала, мазнула несколько раз наугад по сенсору, засмеялась и дернула меня за ухо.

Племяшка потянулась с плеч Дуни к моим ушам. Я присел и показал ей язык, она засмеялась.

Римма сняла дочку с Дуни и, не дождавшись от меня объяснений, увела ее домой. Дуня осталась.

Разговор не получился. Я ни с того ни с сего начал описывать достоинства армянской кухни и то, какой роскошный ужин нам предстоит, а завтра, к сожалению, мне надо улетать... Она слушала, а потом скучно сказала, что все очень интересно, помахала рукой и пошла через площадку. Она шла, слегка покачиваясь из стороны в сторону, а не прямо, как ходила в городе или у нас дома. Шла и шла себе, а у меня почему-то пересохло во рту.

Она исчезла за поворотом.

Время тянулось медленно. Наконец я не выдержал и вошел в здание. Отыскал зал.

Прокеш и Глеб сидели на полу, прислонившись к кубам транспьютеров. Глаза закрыты, на лице Прокеша крупный пот, а Глеб дышит сипло и громко. Минут через пять я забеспокоился, но тут Глеб издал громкое «уфф» и содрал с себя ленту. Посмотрел на меня дикими глазами, помотал головой, изобразил руками, как у него распухли мозги, и поднялся с места. Он несколько раз присел, разминая затекшие ноги. Прокеш отключался медленнее. Стянул с себя ленту, вцепился, не открывая глаз, в ребро куба и попытался встать. Я и Глеб помогли ему. Он открыл глаза, посмотрел на меня и торжественно спросил:

— Кто я?

С перепугу я чуть не заорал, у Глеба же отвисла челюсть. «Память смыло!» — первая мысль. «Однако говорит!» — вторая. Тут он снова вопросил: «Кто я?» — и незамедлительно ответил:

— Старый глупый козел, вот кого вы видите перед собой в этом мраке. Тебе, Арам, я еще долго буду приносить извинения, так что здесь их не имеет смысла начинать. А вы, Глеб Николаевич, если в состоянии простить старого болвана за потерянное время, то я буду весьма признателен.

Я вздохнул с облегчением — все нормально, а Глеб растерялся.

— Ну что вы, — забормотал он, — очень интересно было...

— Да, очень, — горько повторил Прокеш, — очень интересно было убедиться, что я вол фиолетовый и мозги куриные.

— Ну не-ет, — протянул Глеб. — Красиво было! Особенно этот корабль с мертвецами. Как его? Хрингхорни! Завтра уже не выговорю! Красиво плыл! А разрушение Асгарда?..

— Да, — закивал Прокеш, — я слышал ваш восторг, особенно когда со страшным ревом воздел над миром свои рога Донн Куальнге...

— Как он с Аписом дрался! — восхищенно произнес Глеб, а Прокеш насторожился.

— Постойте, здесь какая-то путаница. Когда это было?

— Вы шли по массиву заточенных в скале, а я немногого расширил створ...

— А-а, это вы захватили литературные и прочие деривации. Не то, все не то... И с ОС-12 такой провал!

— М-м... — развел руками Глеб и вдруг спохватился: — Получается, что ничего не было?!

— Не было.

— И зла, из века в век идущего?

— И зла.

— А что же было?

— Ничего не было! — сердито ответил Прокеш.

— А этот? — упер в меня палец Глеб.

— Что «этот»?

— И с ним ничего не было?

— С ним было.

— Что???

— Не знаю.

— А... а... — Глеб чуть не задохнулся от возмущения, но Прокеш, не отвечая, двинулся к выходу.

— Нет, подождите! — крикнул Глеб и бросился за ним. — Вы что, меня за дурака принимаете?

Он осекся и с беспокойством понюхал воздух. Опустил шторку и пошел по коридору. Было темно и почти ничего не видно.

— Дверь не в той стороне, — тихо сказал я, но он отмахнулся.

Дошел до лестницы, втянул шумно воздух и спросил:

— Чувствуете?

— Пахнет дымом, — сказал Прокеш.

— Что здесь может гореть? — спросил я. Глеб повертел пальцем у виска.

— Нечему гореть! Слаботочная техника. Но действительно, пахнет горелой органикой. На втором этаже, правда, сервисные блоки. Не знаю...

И он осторожно стал подниматься по лестнице, мы за ним.

В конце коридора виднелась узкая линия света.

Запах дыма усилился, он явно шел оттуда.

Подошли вплотную к шторке. Из-за нее доносился шорох, треньканье, прерывистое глухое бормотание. Глеб нагнулся и резко поднял шторку.

В небольшой комнате за низким круглым столом сидели два парня в комбинезонах наладчиков. На полу стояли банки с пивом, у одного в руках дымилась сигарета. Перед ними лежала большая пластина игрового полиграфа, топорщились щитки вариаторов. Они играли в «Путешествие»! Увидев нас, один из них сдвинул банки в сторону и сделал приглашающий жест к столу.

— Ну что, ребята, — сказал он, — сгоняем два на два синими и зелеными без сквозного хода?

* * *

После швартовки по внутренней связи попросили некоторое время не покидать помещений. Как только выключили двигатели, Прокеш длинно сказал «ффууу».

Лифты были заняты. Я потоптался немного, вернулся в каюту. Меня встретил переливчатый храп. Я стоял и смотрел на Прокеша. Спящий, он выглядел старе. Усох, что ли? Жаль его. Такого ослепительного крушения мне не доводилось видеть.

В РГУ его прорвало. Он скорбел о Коробове, который, по его словам, понял всю тщету объяснения необъяснимого и потому уничтожил следы своих бесполезных трудов; клял себя, не разглядевшего в записях вульгарную версификацию мифов и преданий, надерганных из сети разложенной ОС-12. Вещал мне, Глебу и ошарашенным наладчикам.

Под конец он заявил, что немедленно вылетает со мной, чтобы лично принести извинения Валентине за то, что подозревал ее во всякой ерунде, а заодно и Кузьме. Кузьма пока еще был на Марсе, мой скоропостижный отлет застал его врасплох, и я упросил его дождаться моего возвращения.

Хотя я и уговаривал Прокеша воспользоваться прямой связью, он был непреклонен и действительно вылетел со мной на Красную. Всю дорогу был тих и спокоен до скучного.

Храп прекратился. Прокеш открыл глаза и тихо спросил:

— Можно выходить?

— Пока нет. Задержали выгрузку на неопределенное время.

Прежний Вацлав Прокеш вскочил бы, умчался выяснять, мгновенно оброс бы знакомствами, в общем, проявил бешеную активность.

Он снова закрыл глаза.

Я вышел к лифтам. Наконец пришла кабина. Поднялся к пультовой. Обычно здесь топчется народ: любопытствующие, скучающие и дети. Сейчас было тихо. Я заглянул в ближайшее пультовое отделение. Диспетчеры корабля вели себя странно — полулежали в креслах, один крутил на терминале музыкальный каскад, а другой, по-моему, спал. Нерабочая обстановка. Лежащий в кресле взглянул на меня:

— Торопитесь? Шлюзы открыты, можно выходить. И закрыл глаза.

— Они три ночи не спали, — раздался голос за моей спиной.

Я обернулся. Мужчина в куртке диспетчера орпека стоял в проеме. Лицо его показалось знакомым. Он посмотрел на меня, наморщил лоб и вдруг коротко хохотнул.

— Вспомнил! Вместе кроликов били!

— Романенко?

— Он.

— Так ты же спасателем был!

— Был. Теперь на «Зустриче» работаю. Слушай, — он взял меня за рукав, — пошли ко мне, здесь все равно делать нечего.

Орбитальный пересадочный комплекс «Зустрич» полон всегда народу — шум, беготня, неразбериха, словом, преддверие Хаоса. То же самое, впрочем, и на других орпеках — «Рисепшин» и «Андипум». Сейчас орпек поразил меня напряженным спокойствием. Очень много людей, контейнеры с вещами не только в грузовых отсеках, но и в коридорах. Некоторые сидят на контейнерах, кое-кто даже лежит.

Каюту Романенко находилась недалеко от шлюзов. Он налил мне чаю, достал свежих ягод и принялся расспрашивать о земных делах. Я отделался общими фразами и спросил, что здесь происходит?

— Не знаю, — ответил он. — Станция наведения вторые сутки не отвечает, центральная диспетчерская молчит, на других орпеках ситуация хуже, там по три корабля застряло, у нас только ваш и рейс двести пятый.

— Вот оно что!.. — протянул я.

Романенко извинился и подошел к терминалу. Несколько минут искал некоего Алана. Нашел. Алан оказался моим знакомым, мы обменялись приветствиями, но разговора не получилось, он был чем-то озабочен. Впрочем, и с Романенко у него разговор был коротким.

— Ну? — спросил Романенко.

— Пусто, — ответил Алан и отключился.

Романенко вернулся к столу. Беспокойство его возросло.

— Послушай, — начал я, — ведь я не помню, как тебя зовут.

— Сергеем меня папа назвал, — задумчиво проговорил он.

— Что у вас здесь происходит, Сергей? — вкрадчиво спросил я.

— У нас все в порядке, — пробормотал он, — а вот внизу — нет.

— Авария?

— На всех станциях сразу? — вопросом на вопрос ответил он.

— Сгоняйте кого-нибудь на «лайбе», если нет связи.

— Станция наведения не работает, — терпеливо пояснил Сергей, — а без нее посадишь «лайбу» на сто километров в сторону. Или на метр в глубину. Похороны на месте!

Я прошелся по комнате, подошел к окну, потянул шторку и обнаружил, что это действительно окно, а не имитация — из него был виден мозаичный блок комплекса, черный провал со звездами, а внизу выступал мениск Красной.

Картинка звездного неба изрядно надоела во время рейса, я хотел задернуть шторку, но тут заметил искорку над мениском планеты. Искорка быстро превратилась в огонек, идущий к комплексу.

— А с Красной могут прилететь?

— Могли бы, — буркнул Романенко, — но не летят.

— А это кто? — Я упер палец в стекло.

— Где? — Он глянул и в тот же миг оказался у терминала.

— Алан, ты видишь?.. — только начал он, как Алан ответил:

— Вижу. «Лайба», борт сто одиннадцать. Идет на автомате, на связь не отвечает. Готовим прием. Давай к четырнадцатому причалу. Рук не хватает.

Романенко извинился, взял куртку и вышел в коридор. Я последовал за ним. Он посмотрел на меня, но ничего не сказал. В шлюзовой у ирисовой диафрагмы стояли несколько человек. Рядом с диафрагмой на маленьком терминале было видно, как в створ причала вводится «лайба». Корпус «лайбы» заискрился — изморозь. Чмокнули переходные рукава. Диафрагма разошлась.

Первой вышла заплаканная девушка. Меня так поразили ее босые ноги, что я не сразу узнал ее. За ней еще несколько человек, без вещей, в самой различной одежде — домашней и рабочей. Один был очень бледен, на щеке багровел свежий шрам. Девушка всхлипнула, и тут я узнал Татьяну. Но не успел я сказать слово, как из рукава в шлюзовую вышел Кузьма Лыков, оглянулся и спросил:

— Все вышли?

Он увидел меня и слабо улыбнулся. Подошел к Алану.

— Срочно нужен прямой канал с Советом Управлятелей.

— Хорошо, — сказал Алан. — Прошу в диспетчерскую.

Собравшиеся нестройно заговорили, загудели. Алан поднял руку, все замолчали, только всхлипывающий го-

лос продолжал монотонно перечислять: «...взорваны станции связи, уничтожены сооружения обода фазоинвертора, захвачены атмосферные реакторы, взяты заложниками дети...» — и замолчал.

— Что там у вас, внизу, происходит? — негромко спросил Алан. — Эпидемия?

Кузьма медленно оглядел его с ног до головы, потрогал небритый подбородок и так же тихо ответил:

— Нет, не эпидемия! Мятеж!

Глава восьмая

Рассказ мой приближается к концу. Если когда-нибудь я сведу воедино мои сумбурные воспоминания, то лучшее название для этой части — «Слепой полет».

Расстыковались с орпеком. «Лайба» шла по инерции.

Алан держал руки над сенсорами. Он беззвучно пошевелил губами, потом тронул несколько полос — фрр — зашумели двигатели, невесомость исчезла. Леденящий восторг тряс меня — вот оно, началось! Что именно началось, я не понимал, но твердо знал одно — это Событие, и я не в стороне. Может, сейчас и развязутся узлы, туго накрученные последними годами. Вот я лечу туда, в пекло, сражаться и умирать, спасать и геройствовать. Так начался наш бросок на Красную.

А тогда, в шлюзовой, после слов Лыкова о мятеже воцарилось молчание. Даже Татьяна перестала всхлипывать. В первую минуту я не понял, о чем говорит Кузьма. Взрывы, заложники... Опять временной сдвиг, как тогда, со мной?

Алан действовал мгновенно. Он подошел к Лыкову, негромко сказал: «Бегом за мной, на связь!» — и, крикнув

Сергею «Карантин!», с места рванул по коридору. За ним сорвался Кузьма.

Романенко, не оборачиваясь, попятился к стене, сунул руку за спину, и вторая диафрагма быстро сошлась, отрезав нас от внутренних помещений.

— Что это значит? — вскинулся мужчина со шрамом на щеке.

— Карантин, — развел руками Сергей.

— Вздор! — крикнул мужчина со шрамом. — Мне срочно нужно связаться с женой! Где у вас транспорт на Литий-Юг?

Романенко успокаивающе поднял ладонь:

— Подождите немного, — сказал он виновато. — Станция забита пассажирами. Если начнется паника... Вы понимаете?

Снова тишина, только прерывистое шумное дыхание Татьяны нарушало ее. Я подошел к ней, поздоровался. Она подняла покрасневшие глаза, непонимающе взглянула. Я сказал, что был в ее краях, спросил, как Никифор. Она пробормотала: «Не знаю», — и заплакала.

— Там на стройке был взрыв, — мрачно сказал мужчина со шрамом, — говорят, есть жертвы. Ей надо бы подождать, когда все вернутся, а она сразу на стартовую площадку кинулась.

— Я не могу ждать! — закричала Татьяна. — Я боюсь ждать! Если с ним что-то случилось, я... я...

— Не волнуйтесь, Таня, — попытался я успокоить ее, но она вырвала руку, вспыхнула и резко спросила:

— Что вы меня Таней называете? Вам Никифор сказал, что меня Таней зовут? Я вас в первый раз вижу!

— Успокойтесь, Лена, — вмешался мужчина со шрамом.

Я даже не удивился тому, что Таня оказалась Леной. Во мне судорожным комком трепыхалось ожидание Со-

бытий. Такая перемена действующих лиц вполне соответсвовала обстановке.

Романенко неслышно тронул за рукав. Кивнул в сторону внешней диафрагмы. На терминале рядом с ней было видно, как тянутся к «лайбе» сервисные штанги; выполз, извиваясь, толстый красный силовой кабель и впился в разъем.

— Готовят к выходу, — шепнул Сергей. — Станция заработала!

Через несколько минут внутренняя диафрагма раскрылась, в проеме возникли Алан и Кузьма.

— Извинения всем! — сказал Алан. — Просьба немного отдохнуть в медотсеке. Эта просьба не моя, а Совета Управителей.

Мужчина со шрамом, небрежно привалившись к стене, выпрямился.

— Сергей, проводи в медотсек, — обратился Алан к Романенко. Пожилой мужчина в домашнем костюме подошел к Алану.

— Я знаю, где медотсек. Могу провести.

— Спасибо! Только никому... Понимаете?

— Что вы волнуетесь, молодой человек! — спокойно ответил мужчина в домашнем костюме. — Мы же не дети.

— А вы? — спросил Алан мужчину со шрамом.

— Мне срочно нужно к жене, на Литий-Юг.

— Чем помочь вам? — поднял брови Алан.

— А вот этим, — ткнул мужчина пальцем в сторону терминала. — Вы же собираетесь лететь на Красную!

Лыков крякнул, но ничего не сказал, укоризненно взглянув на Алан. Алан пошевелил губами и спросил:

— Вы кто?

— Кристофер Барток. Южная шапка, исследователь фирмна.

— Но... — замялся Алан, поглядывая на Лыкова.

Кузьма подошел к Бартоку, оглядел его с ног до головы, буркнул «ладно» и обратился ко мне:

— Будем прорываться на станцию наведения.

— Заработала? — спросил Романенко.

— Нет, — ответил Алан.

— А как же... — начал Романенко, осекся, подскочил к Алану и негромко проговорил: — С ума сошли, разобьетесь в прах!

— Отставить! — вдруг гаркнул Лыков.

Романенко вздрогнул от неожиданности и выпустил рукав Аланы.

— Совет Управителей поручил... То есть попросил меня уточнить обстановку, — внушительно сказал Кузьма. — Неограниченные полномочия, хм, — он закашлялся. — В общем, разведгруппа из двух...

— Трех! — перебил я Кузьму.

— Я с вами! — немедленно вмешался Барток.

— И я! — сказал Романенко. — Иначе не выпущу. Четырнадцатый параграф. В случае отказа станции наведения диспетчер имеет право...

Алан посмотрел на часы, подошел к терминалу.

— Марченко, начинай вывод.

Диафрагма раскрылась. Алан, не оборачиваясь, вошел в рукав, за ним быстро последовали Барток и Кузьма.

Романенко шепнул мне: «Ох и шмякнемся мы вдрызг!» — и мы пошли за ними. Оболочка рукава мягко проседала под ногами. Алан сел в водительское кресло, оглядел управление, пошевелил пальцами и со словами «все позабыл» осторожно тронул несколько полос.

«Лайба» медленно отплыла от причала и вышла в створ.

— Неужели аварии не предусмотрены? — спросил Барток.

— Предусмотрены, — ответил Сергей. — Только уже лет десять не было случая, чтобы станция отказалась. Где-то на орпеке лежат вкладыши с автонаведением, но кто их сейчас найдет? На «Зустриче» бедлам, склады уплотнены, людей некуда размещать.

— Как же мы сядем?

— Задницей, — сказал Алан. — Не задавайте глупых вопросов, исследователь фирна. Вы хорошо знаете местность у Южной шапки?

— Н-не знаю...

— Слушай, Алан, — сказал я, — месяца полтора назад в трех километрах от Леонова выжигали полосой степь. Километров десять — идеальная площадка. С воздуха должна хорошо просматриваться.

Алан нагнулся над планшетом. Тонкие зеленые линии рельефа и координатная розовая сетка слегка подрагивали.

— Здесь! — сказал Алан, уперев палец в планшет. — Ну, пошли помаленьку.

Сели благополучно. Но не у Леонова, а в ста километрах от него. Виноват был я. Заметив длинную темную полосу, вскричал: «Вот она!» — схватил Аланя за плечо. Алан послушно кинул машину с пятикилометровой высоты вниз. Сели на подушке. Это была недавно выжженная полоса, только не у Леонова, а в джунглях, почти в самом центре Парфюмерного леса.

Алан сообщил на орпек координаты. Открыл люк, вылез на выжженную рыхлую почву, понюхал воздух.

— Отвык! Ну, вперед!

— Кто знает дорогу? — спросил Кузьма.

— Полоса выведет к стройплощадке, — ответил я. — Если к сорок девятому квадрату, то недалеко. Если к пятьдесят второму — дальше. За день в любом случае дойдем, если не съедят.

— Не должны, — сказал Лыков.

Идти было легко — вес поменьше, и сезон ветров позади. Но дыхание джунглей чувствуется. Я-то выдержу одуряющий воздух, а вот как Лыков?

Кузьма шел молча. Разговор начал я.

— Быстро ты с Советом договорился.

— Да. Молодцы! Я боялся, начнут мусолить, но нет, раз-два, назначили меня, то есть попросили разобраться на месте, почему нет связи со станцией. Я им про мяtek, а они просят не спешить с выводами. Действительно, ввалились в слезах, одни говорят одно, другие — другое...

— Что говорят? — не понял я.

— Ну, седой рассказал про заложников, девчонка про своего жениха, кто-то про взрывы на стройках... В общем, когда у меня картинка сложилась, я рванул на «лайбу». А они за мной!

— Ох, Кузьма... — только и сказал я.

Плохо дело. Все кончится мыльным пузырем, похлеще, чем у Прокеша. Тот хоть Совет Управителей своими идеями не пугал. Удивил меня Кузьма — из-за слухов поднял такой шум! На стройке могла случиться авария. Одновременно вышли из строя линии связи. Неразбериха, слухи — а ему показалось!.. Но почему Совет Управителей разрешил рискованную высадку?

Я словно искупался в ледяной воде. Приподнятое настроение и ожидание Событий мигом слетели. Устал я от разочарований. Прокеш, а теперь вот Кузьма... От Вацлава заразился, что ли?

— И все-таки они не удивились, — проговорил Кузьма.

— Кто? — равнодушно спросил я.

— Ну, в Совете. Один был на Миронова похож, мне даже показалось, что он обрадовался. Он мне насчет полномочий и сказал. Хотя, сам понимаешь, Алан лучше разбирается в местных делах.

Я пожал плечами.

— Учили твое военное прошлое...

Кузьма коротко хохотнул, потом задумался.

— Ладно, разберемся на месте.

Через два часа мы вышли к краю полосы. Недалеко, за чащой, виднелись сегменты большого купола.

— Вроде он цел, — сказал Алан, вглядываясь в купол, — а вовсе не взорван.

— Если я ошибся, это тоже хорошо.

Я шумно вздохнул. Полоса сужалась, джунгли подступали ближе и ближе. Последнюю сотню метров пришлось прорицаться сквозь стену растений, перелезая через лианы, карабкаясь по огромным вздутиям стволов, исколов руками об остроконечные жесткие листья.

Кое-где свисали гроздья лимонных ягод, еще с прошлого сезона. Чуть сморщеные, потемневшие, они не так вкусны, как свежие, но жажду утоляют. Сорвал несколько ягод и сунул в карман. Через несколько шагов попалась еще одна гроздь, которую не успели склевать воробы. Я дернул ее, на меня посыпались синие муравьи, крупные, каждый с ноготь. Здешние муравьи не кусаются. Симпатичные синие работяги. Аккуратно стряхнул их на лиану. Они сбежались в кучу и замерли, шевеля антеннами. Я подмигнул им и полез дальше, в проход между стволами, туда, где мелькала оранжевая куртка Романенко. За моей спиной раздалось оживленное щелканье. Оглянувшись, я увидел пару воробьев, деловито расправившихся с муравьями. Один воробей, размером с земного голубя, поднял голову, дружелюбно посмотрел на меня и пару раз лихо свистнул. Благодарил за обед, что ли?

Я вылез на маленькую поляну и уперся в спину Романенко. Рядом настороженно замер Алан. Кузьма и Барток влезли на ствол.

— Чего испугались? — спросил Романенко.

Алан показал на медленно вздувавшийся перед нами бугор. Из-под опавших листьев и кусков коры показалась почва.

— Дальше пойдем как по дороге, — весело сказал Романенко.

Алан хлопнул себя по лбу и рассмеялся.

— Совсем забыл!

Бугор лопнул, из развороченной почвы блеснул немигающий глаз, потом появилась голова, и вот метр за метром начал выползать уж. Романенко подскочил к голове, пару раз пнул, направляя к площадке. Уж послушно пополз в ту сторону, раздвигая мощным, двухметровой толщины телом ветки и лианы, подминая кусты. Мы быстро пошли за ним, пока не распрямились кусты.

Кузьма вытер вспотевший лоб и негромко сказал мне:

— Ты бы хоть предупредил...

— Это уж, — пояснил я. — Змея такая.

— А я думал — это смерть наша! — сердито отозвался Кузьма.

— Они не опасны, — сказал Алан. — На них дети катаются.

— А гадюки такие есть? — спросил Кузьма.

— Они все неопасные, — ответил Алан. — Все.

На строительной площадке уж поднял голову, потом испуганно дернулся и ввинтился в почву. Через минуту это чудовище скрылось, оставив после себя осыпающуюся дыру.

На квадрате было тихо и непривычно.

— Сегодня что, пятница? — спросил я у Бартока.

— Среда. — Он понимающе взглянул на меня.

Рабочий день, а на площадке никого нет. Если на шахте большой прорыв, то могли снять всех. Вдруг захотелось, чтобы Кузьма ошибался, и черт с ними, с событиями, с какой буквы они бы ни начинались. Не нравилась мне тишина настройплощадке.

Потом настроение совсем ухудшилось. Беспорядочно разбросанные манипуляторы, ни одной тяжелой плат-

формы, нет колесников, оснастка валяется... Словно все побросали в спешке и ушли.

Рядом с пластиковыми времянками лежала опрокинутая малая платформа с синими четверкой и девяткой на корме.

— Это сорок девятый квадрат, — сказал я. Алан стоял, задрав голову.

— Что там? — спросил, подходя, Кузьма.

Наверху, там, где шел первый ярус, на светлом фоне эмалита черным провалом зияло большое отверстие с изломанными краями, как будто несколько плит обвалилось.

— Вон еще одна, — тихо сказал Алан.

Вторая дыра была еще безобразнее. Неопрятно торчали перекрученные лапы крепежа, одна плита висела на монтажных болтах.

— Девушка говорила, что монтажников предупредили, — сказал Кузьма. — Дали им несколько минут, а потом начались взрывы.

— Я себе иначе представлял взорванную станцию, — отозвался Алан. — Думал, здесь все разрушено.

Романенко кругами ходил по площадке, заглянул в окна времянок, обошел платформу, вернулся к нам и сказал:

— Никого нет. Бросили все и ушли.

— Так! — Кузьма почесал щеку. — Давайте и мы движемся.

— Подожди, Кузьма, — вмешался я, — на платформе доберемся.

— У нее кабина разворочена, — возразил Романенко.

Да что здесь в самом деле произошло? Я подошел к ближайшему головному модулю, откинул колпак. Манипулятор в порядке, только почему-то брошен посреди площадки, а рядом, сложив конечности, сиротливо и беспомощно валяются ведомые. Прямо кладбище вы-

мерших ящеров. В кабине двоим можно, тесновато будет, но ничего.

— Сергей! — позвал я.

Романенко ушел к рухнувшим плитам и не услышал меня. Я захлопнул колпак и пошел к нему, считая по дороге головные модули — желтый, синий, красный... Три головных — неплохо, по двое влезем и доберемся быстро. Не за час, конечно, но и не за день. Сергей был спасателем, значит, сможет вести, а вот как Алан — не знаю. Ну, провести манипулятор по дороге — дело нехитрое.

Я подошел к Сергею.

— Слушай, ты «текконы» водил... — Увидел остановившийся взгляд, посмотрел в ту же сторону и вздрогнул.

Он лежал, уткнувшись лицом в пыль и строительную труху. Руки со сжатыми в кулак пальцами прижаты к голове. Рядом валялась смятая каска. И тут же — обломок плиты. Кровь на волосах и одежде запеклась, почернела. Я присел, перевернул его на спину. Крови на лице нет. Открыты неживые глаза. Никифор.

— Сюда, — тихо сказал Сергей, потом закричал: — Сюда, скорей!..

* * *

Машины шли ровно, плавно покачивая стабилизаторами. Сбоку от меня, прижавшись к колпаку, неудобно расположился Кузьма. Я, как мог, сдвинулся в сторону, но голова его все равно упиралась в поручень.

За нами шла машина Сергея, к нему впихнулся Барток. Алан вел машину сам.

За поворотом на машину прыгнул большой кольценог. Манипулятор слегка присел, выпрямился, я, не прерывая движения, стряхнул вцепившегося зверя второй правой лапой. В заднем обзоре я увидел, как кольценог приседает для прыжка, но тут подошедшая машина Сергея

наподдала ему колпаком и отбросила в сторону. Кольценог вспрыгнул на ствол, беззвучно оскалился и исчез в зарослях.

Кузьма от неожиданности замер с поднятой рукой, медленно опустил ее и, переводя дыхание, сказал:

— Заик у вас на Марсе много? Вот ведь тварь жуткая!

Я улыбнулся. Но если бы он выскочил на нас в джунглях...

— Как там Прокеш? — спросил Кузьма, успокоившись.

— Плохо. У него, знаешь...

— Знаю. Я недавно с Виктором Тимофеевичем говорил, он рассказал.

— Разве Миронов в курсе?

— А как же! Прокеш с ним говорил перед вашим налетом на Сеть. Потом старик хотел с ним связаться, но не успел, вы уже улетели. Он отыскал Карамышева, тот ему все и рассказал.

— Откуда он узнал о Глебе?

— Прокеш сказал, что ты нашел сетевика, ну а ему много не надо. Он его вычислил.

— Глеб очень сердит на меня?

— За что? — поднял брови Кузьма.

Я вздохнул. Не рассказывать же ему, как Глеб вышел ночью в наш сад подышать воздухом и обнаружил меня с Дуней на скамейке. Мы просто разговаривали, но для Глеба это оказалось достаточно. Он тихо сказал «извините», вернулся к себе, а утром выяснилось, что ночью он уехал. Бабушка с подозрением смотрела на меня, а я растерялся. Обидел гостя! Впрочем, и гость хорош! Вместо того чтобы подключиться к безобидному разговору, он решил обидеться — и обиделся! Подумаешь, слегка обнимались...

Утром Дуня узнала, что Глеб уехал, пожала плечами и сказала, что это его дело, а сама она побудет у нас еще

несколько дней. Если бы не заказанные места и не Прокеш!.. Словом, мы договорились встретиться после моего возвращения.

— Миронов считает, что Прокеш действительно нащупал что-то. Но перемудрил, зафантализировал. Слишком изощренно!

— Может быть, — вяло согласился я. — Как говорили в старину: стрелять из пушки по воробьям.

— Верно, — согласился Кузьма. — Хотя почему бы не пострелять, если снаряды казенные!

Лес кончился, машины вышли в степь. Из-за горизонта выдвинулись пирамиды терриконов Леонова.

— Слушай, а ты в нас не разочаровался? — спросил я. — Ты же мечтал, наверное, о будущем, нас какими-то представлял...

— Нет.

— Что — нет?

— Не до вас было мне, — отозвался Кузьма и заерзal.

— Осторожно, ты меня пинаешь!

— Извини! Мечтать, понимаешь, времени не было! Жили трудно, дома помогать надо, а я учиться хотел, рисовал неплохо... Ну а в колхозе не очень-то порисуешь! Потом война началась, стрелять надо было, а не мечтать. Мечтатели все больше стрелки на картах рисовали...

Кузьма говорил возбужденно, воздух действовал на него.

— Слушай, Миронов что-то хотел Прокешу передать, — вдруг перебил он себя. — У меня на бумажке записано, боялся забыть.

Он изогнулся и вытащил из кармана смятый листок.

— Так, что я написал?.. Ага, не обязательно, чтобы носителем зла была фиксированная информация. Можно модулировать традиционные нефиксированные структуры. Не только миф, но и любой передаваемый изустно текст может быть носителем черного логоса.

— Что это значит?

— А черт его... Постой, ну-ка останови!

Мы выбрались из кабины. Я с облегчением потянулся. Подошли манипуляторы Алана и Сергея.

— Почему стоим? — спросил Алан.

— Не спеши! Где станция наведения?

Алан пожал плечами. Романенко осмотрелся и уверенно ткнул пальцем в сторону еле видных отсюда невысоких строений.

— Значит, так, — продолжал Кузьма, — я и Арам идем прямо. Сергей через несколько минут обходит справа или слева, а ты, Алан, подберись поближе, заляг где-нибудь и жди.

— А я? — спросил Барток.

— Вы к жене собирались... — начал было Кузьма, но тут увидел лицо Бартока: — Извини, друг, глупость сказал. Ты давай с Сергеем, только у станции вылезешь и пешочком к ней, не торопясь.

— Дальше что? — хмуро спросил Алан.

Сергей тоже был мрачен, да и все мы чувствовали себя скверно. Вначале все было интересно, я бы даже сказал — весело. Мы вслепую садились, рискуя вдребезги расшибиться, и потом с шутками и прибаутками пронирались сквозь джунгли, которые в любой миг могли обрушиться на нас клыками и когтями многочисленных ее кровожадных хозяев, — какое-то легкомыслie овладело нами. По-степенно запал первых минут иссяк, а потом, когда выяснилось, что Кузьма да и все прибывшие в спешке на орпек пассажиры «лайбы» ничего толком не видели, пришли сомнения.

Еще у строительной площадки Алан высказал мне свои сомнения. Любое выступление должно иметь конкретные цели, а какие здесь могут быть цели, несовместимые с общечеловеческими? Я предвкушал большой

конфуз. Сомнения Алана мне казались оправданными. Ну, какие-то трения между Красной и Зеленою всегда были, но они упирались в экономические дисбалансы, в мелкие споры по поводу ресурсов и кадров.

Но когда мы нашли Никифора и перенесли его тело во времянку, завернув в большой кусок раппера, стало ясно, что шутки кончились, на планете дело нечисто. А я вообще мучился раскаянием. Вот они, События! Но зачем мне события, начавшиеся смертью юноши? Возможно, случайной смертью. Но слишком много случайных смертей за этот год!

Между тем Кузьма держал военный совет.

— Мы пойдем напрямик. Одновременно Сергей прорывается на станцию с противоположной стороны. Кристофер высаживается и ведет наблюдение. Если мы не проходим, то Алан подбирает Кристофера и отходит сюда, в степь, а потом назад, к «лайбе».

— А вы? — спросил Барток.

— Видно будет. Слушай, — обратился Кузьма к Алану, — на ту же полосу нельзя еще раз сесть?

— Такая посадка удается раз в жизни одному из тысячи, — кривя губы, сказал Алан. — Ни один водитель садиться без станции наведения в таких атмосферных потоках не имеет права.

— А на черта тогда водитель? — рассердился Лыков.

— На всякий случай. Если не сработает система ввода или срочно необходимо снять «лайбу» с орбиты. С орпека на орпек тоже вручную ведут.

Кузьма махнул рукой и полез в кабину. Я за ним. Неизвестно, зачем Совету понадобилась станция наведения. Не проще ли связаться с местным управительством и выяснить, в чем дело? Если здесь беспорядки, то чем поможет станция связи? Ну, посадят еще пару-тройку «лайб», а что дальше?

Машину я вел медленно, а когда до станции оставалось километра полтора, Кузьма попросил остановиться.

Сергей сообщил, что станцию обошел, ничего подозрительного не заметил. Кузьма спросил, что он считает подозрительным. Сергей хмыкнул в ответ. Алан сказал, что он вообще ничего не видит.

— Тогда вперед на полной скорости! — скомандовал Кузьма. ТERRитория станции огорожена невысоким сетчатым барьераом, ворота раскрыты, на площадке три «лайбы». Рядом стоянка колесников местных линий, там всегда толпился народ — встречали, провожали, улетали... Никого!

Перед диспетчерской башней я круто развернул машину на задней лапе и выключил питание.

Кузьма выскоцил и зигзагами побежал к входу. Я сказал Алану и Сергею, что мы уже на месте, вышел и спокойно пошел к Лыкову, прижавшемуся к стене у входа.

Кузьма делал мне рукой странные жесты, то ли предлагал ползти, то ли бежать. Я подошел к нему.

— А если бы тебя сверху? — грозно прошептал он.

— Кто? Чем? Никого здесь нет. Пошли. — И я двинулся внутрь.

Кузьма сплюнул и пошел за мной.

Лифт работал. Мы поднялись наверх, в застекленный ярус диспетчерских пультов. Вход в центральную пультовую открыт.

Кузьма заглянул туда и поманил меня пальцем. В помещении перед раскрытым кубом транспьютера сидел крупный мужчина и ковырялся в нем мигающим пробником. Кузьма вошел, пропустил меня и кашлянул.

Мужчина поднял голову и расплылся в улыбке:

— Привет, Арам! Рад тебя видеть! О, и Кузьма здесь? Здорово, ребята! Какими ветрами?

Миша Танеев...

Просыпаюсь от звуков непонятной речи...

Мне снилось тяжелое, низкое небо и деревянные облака. К облакам гвоздями прибиты веревки, длинные, донизу. На концах большие куски ваты. Бреду по наклонному дощатому полу, вата удущливо тычется в лицо, липнет, раскисает, превращается в холодную слизь. Сон повторяется, но теперь белые хлопья подвешены высоко, и с каждого комка вниз падают буквы, складываясь в имена: Валентина, Прокеш, Кузьма, Коробов, Римма... «Что это?» — хочу спросить я, но выдавливаю из горла лишь тихое сипение. «Это память!» — отвечает знакомый голос. Я оборачиваюсь, но за моей спиной никого нет, только трещины в полу растут, змеятся, расползаясь. Я кричу, бегу, спотыкаюсь, падаю.

Просыпаюсь от звуков непонятной речи.

События закружились вихрем, понеслись бешеным ветром, и воспоминания свились в клубок со многими концами. За какой ни потяну — вытягиваю одно и то же. Все прошло, и все вернулось.

Я стараюсь упорядочить происшедшее, но детали выпадают из памяти. Иногда вся картина высвечивается до последней черты, словно озаренная вспышкой. Но в основном это черно-белая графика. Канва. Контур. Линия. Вспышка — картина, вспышка — рисунок...

После встречи с Мишой у меня внутри все словно сжалось. И тогда же необъяснимая уверенность в разлуке, потере затопила меня. Как в ушедшие времена — промзона, детство, мы вцепились друг в друга, и родители не могут нас оторвать, машины гудят, отец торопит, но не вмешивается, мать и Кнарик оттаскивают меня, а Мишу увещевает его дед...

Танеев так вразумительно и не объяснил, что он делал у транспьютера. Он рассказывал, что сгорел куб, а запасной куда-то сгинул, на складах хаос, после начала стро-

ительства не успевают ставить новые хранилища, а техника и материалы идут потоком, и надо бы сначала спросить здесь, что требуется в первую очередь, а что вообще никому не нужно. А потом он немного помолчал и добавил, что оказался здесь случайно, его попросили побывать на станции, пока ищут транспьютеры.

На вопрос, что происходит на планете, Миша поднял брови, а когда Кузьма прямо спросил, не слышал ли он о взрывах, диверсиях, заложниках и тому подобном, помотал головой. Миша и в школе был неумеренно правдив, за что его иногда коллективно бивали. Врущего Танеева я не видел никогда, но сейчас был уверен, что он врет. Мир начал медленно переворачиваться с ног на голову. Врущий Танеев — до этого надо было дожить!

Мы спустились вниз, Миша вывел из ангара малый колесник, буркнул: «Давайте подвезу» — и полез в кабину. Тут одна за другой в ворота ввалились машины Алана и Сергея и встали рядышком.

Всю дорогу Танеев молчал.

В кабинете Управителя было человек десять. Алан увидел знакомого и подошел к нему. Романенко сел на диван и закрыл глаза, а Барток ушел на связь поговорить с женой.

Я спросил в пространство, где Управитель. «Его нет, — пояснил чей-то голос. — Он неделю назад улетел на Зеленую отдохнуть».

Присев рядом с Сергеем, я вслушался, но в криках ничего не разобрал. Потом все замолчали, и стало слышно, как Кузьма и незнакомый высокий наладчик рычат друг на друга.

— Как так ничего не произошло? — Кузьма почему-то хлопает ладонью по своему боку. — Все станции фазоинвертора взорваны — это, по-вашему, ничего?

— Тысячу раз ерунда! — басом гудит наладчик. — На одной станции в двух местах слетели плиты, и все!

— Нет связи, нет приема транспорта!

— Ну, перебиты силовые кабели, их восстановить — раз кашлянуть, а что до посадочного хаоса, так у них никогда порядка не было. Так что это не наша забота.

— У вас человек погиб на стройке — это чья забота? — тихо спрашивает Кузьма, и все взрываются вопросами: кто, где?..

Выяснили, что погибший из новопоселенцев. Все жалеют, всем стыдно, что не заметили и оставили, а один, пожалев, заметил, что опытного монтажника не понесло бы под плиты, так ведь присылают молодняк зеленый...

Из разговоров я понял, что строителям объявили, что через несколько минут взорвут станцию, и предложили немедленно покинуть ее. Все восприняли это как дурацкий розыгрыш. Но тут грохнул первый взрыв. Естественно, монтажники мгновенно оказались внизу, внутренние работы тут же свернули, а когда грохнул второй взрыв, народ кинулся к платформам и колесникам. И теперь вот ждут, когда выяснится, что все это означает и с кого будут снимать голову.

— С кого? — спросил Кузьма. — Кто объявлял о взрывах?

Тишина.

Танеев переводит взгляд с высокого на Кузьму, поднимается и выходит из помещения.

— Почему вы не схватили... диверсантов? — продолжает Кузьма. Никто не отвечает.

— Понятно, — кивает головой Кузьма. — Значит, ваши дети действительно взяты заложниками?

Снова молчание, а потом негромкий смех.

— Самое страшное — это слухи! — назидательно говорит высокий. — Недавно «лайбу» угнали в панике, так спешили, что из туфель выскочили. Они вам рассказали про детей?

Кузьма краснеет.

— Если пользоваться вашей терминологией, — продолжает высокий, — то скорее всего мы заложники у детей.

Я поднимаюсь с дивана и подхожу к высокому.

— Кузьма Лыков является представителем Совета Управителей. Будьте добры, введите его в курс происходящего.

— Ничего серьезного... — начинает высокий, осекается под тяжелым взглядом Кузьмы, машет рукой и тоже выходит из комнаты.

— У него дочь там, — говорит один из присутствующих. — А сын Танеева транс спалил. Заигрались ребята!

— Они не играют, — возражает другой.

Кузьма пододвигает к себе стул, садится.

Память освещает вспышкой: он сидит, чуть сутулясь, положил руки на стол, на лице рыжая щетина, глаза прищурены, яркое пятно — синяя полоска на комбинезоне, заляпанная желтыми пятнами, — раздавил ягоды в зарослях. И еще немного дергались уголки губ, словно еще миг, и он расхохочется.

Идет странный разговор. Кузьма настойчиво спрашивает, что натворили дети, чьи дети, почему взорваны станции, а ему так же настойчиво в ответ, что станции не взорваны и заделать дыры можно быстро. А дети — они дети и есть, а станции — пустяки, еще надо разобраться, на что они нужны, а вот то, что дети на реактор пробрались, — скверно. Лучше с ними по-хорошему... Я чувствовал, как добела накаляется Кузьма, но не вмешивался. Сидел, словно завяз в смоле и не было сил пошевелиться. Наверно, я заболевал.

Алан подходит к Лыкову и кивает в сторону выхода. Кузьма поднимается и, ничего не говоря, идет к выходу. Стряхиваю с себя оцепенение и выхожу следом.

На узле связи никого нет. И Бартока нет. Пусто.

— По нормам спрятались! — говорит Кузьма. — Они тут все с ума посходили!

— Хуже, гораздо хуже, — отвечает Алан. — Я бы предпочел, чтобы с ума сошли мы. Это лучше, чем мятеж детей.

Вот что ему удалось узнать: пару дней назад внезапно и, как уверяют местные жители, совершенно неожиданно несколько десятков детей захватили ближайший атмосферный реактор и заблокировались там. Одновременно по всей планете были совершены попытки вывести из строя станции наведения, причем и удачно! Сейчас по всем складам ищут транспьютеры, кажется, уже нашли. Пока довезут, пока установят — пройдут часы. Никто не понимает, как дети сумели подготовить и провести такую диковинную акцию. По крайней мере, уверяют, что не понимают.

На вопрос, кто же именно захватил реактор, отвечали уклончиво. Вроде бы подростки из старших классов, а поскольку исчезло и несколько учителей, то скорее всего их прихватили с собой дети. Но это уже из области слухов. Обстановка на планете спокойная, даже ненормально спокойная. Возможно, большая часть населения и не подозревает о событиях. А здесь, в Леонове, как раз неспокойно — дети, проникшие на реактор, отсюда. Алан уверен, что кое-кто из местных знает, зачем они пошли на это. Возможно, знают все, но это только догадки, к тому же оскорбительные для местных, поэтому Алан воздержится от их развития в версию.

Выяснилось, что связь с детьми есть, но они отказываются говорить с кем-либо, требуют прямой линии с Советом Управителей. Сожгли транспьютеры, а теперь требуют... Дети! Поэтому и спешат заменить трансы. У кое-кого из присутствующих дети там, на реакторе. Но родители почему-то не очень обеспокоены, их больше волнует, как скоро они выйдут на связь с Советом и изложат свои требования.

— Какие требования? — спросил Кузьма.

— Сейчас узнаем! — Алан набрал код.

На терминале возникла девочка с голубыми глазами.

— Вы кто? — спросила она вместо приветствия.

— Послушай, девочка, — начал было Алан, но она его нетерпеливо перебила:

— Вы с Зеленой?

— Можно сказать, что так...

Но тут Алана отодвигает Кузьма и обрушивается на нее:

— Вот что, пигалица, ну-ка позови кого-нибудь из взрослых!

Девочка щурит глаза и поджимает губы.

— Теперь я знаю, что вы оттуда! — говорит она, а я вспоминаю, где ее видел.

Она учится в классе Валентины.

— Вы почему безобразничаете? — спрашивает Кузьма.

— Минутку, — деловито говорит голубоглазая, — сейчас мы все скажем...

Она исчезает, а на ее месте появляется... Арчи Драйден. Я подхожу к терминалу, он узнает меня, улыбается, но тут же становится серьезным, хмурится.

— Здравствуйте, дядя Арам!

— Здравствуй, Арчибалд! — отвечаю. — Во что играете?

Он смотрит поверх головы и торжественно вещает:

— Скажите Управителям, что мы требуем немедленно прекратить строительство фазоинвертора!

Алан чуть со стула не упал.

— Что вам сделал плохого фазоинвертор? — спросил он.

— Человечество не готово на равных встретиться и говорить с... другими, и поэтому...

— Кто тебе сказал такую глупость, мальчик?

Арчи надулся и сердито сказал:

— Вы передайте Управителям, а потом, потом...

— Вы уже остановили строительство, — вмешался Кузьма. — Что еще у вас? Все?

— Нет. Второе, мы требуем, чтобы мы управляли Марсом на равных правах с Зелен... с Землей.

— Кто же вас лишил такого права?

— Мы сами будем решать, что и где строить, кого принимать, вопрос об освоенцах должен решаться здесь, так будет справедливо.

— Кто это «вы» — ты и твои одноклассники?

— Нет, в первую очередь, конечно, взрослые. Но и мы должны принимать участие в обсуждении. Это тоже будет справедливо.

Два раза подряд он повторил — «справедливо». Как часто я слышал это слово в семейной жизни!

Я подсели ближе к терминалу и спросил у Арчи:

— Извини, я отвлеку тебя. Ты в этом году кончаешь школу?

Он настороженно кивнул.

— Как дела у отца?

— Хорошо.

— Слушай, а Митя Танеев у вас? Его отец беспокоится...

— Не беспокоится, — отвечает Арчи. — Митя пять минут назад говорил с отцом.

— Ну, прекрасно. Да, — начал я небрежно, несколько даже лениво, — если тебе не трудно, позови-ка тетю Валю.

И настороженно замираю.

— Зачем ее звать? — удивляется Арчи. — Она... — Осекается, смотрит виновато вбок и сквозь меня.

— Чего там, Валентина, — негромко говорит Кузьма, — стыдно учителю прятаться за спины учеников. Некрасиво!

— Вот ты и ошибаешься, Кузьма, — говорит Валентина, возникшая на месте Арчи. — Я не прячусь. Просто

не вмешиваюсь. Они достаточно умны, чтобы решать проблемы лучше нас.

— С каких пор захват атмосферного реактора стал предметом школьной программы? — спрашиваю я.

— А, здравствуй, Арам, — спокойно отвечает Валентина. — Может, ты объяснишь Кузьме, что учитель должен быть рядом с учениками всегда, и особенно в такой час?

— Попытаюсь. Но, может быть, ты объяснишь нам, чего добиваются твои подопечные и что означает безобразие с реактором?

Она несколько секунд оценивающе смотрит на меня, а мне хочется выть от обиды и кричать: «Обманули! Обманули-и-и-и!»

Но я подавил свой крик, а в глазах Валентины вспыхнул огонь, и она заговорила. Ее слова неслись все быстрее и быстрее, сливались в гул, вместе с тем я прекрасно различал и понимал все слова.

Говорила она о ненужности фазоинвертора, о чудовищной растрате сил и ресурсов, о напрасных жертвах во имя опасных, да, опасных идей контакта. Ничего хорошего контакт не принесет и принести не может, поскольку люди явно отстают в техническом развитии от тех, чей зонд был найден, а если бы не отставали, то нашли бы зонд землян в их мире, а чужой всегда остается чужим, даже если это и разум. И вообще любой контакт между разумами есть экспансия. Культурная, идеологическая, экономическая — не важно какая, но экспансия. Голый энтузиазм не окупит и миллионной затраты на звездную экспедицию, а потому если не ожидаются пряности, рабы, сырье или на худой конец новые территории для освоения, жизненное пространство, то никто не даст и ржавого болта на строительство корабля. А встреча разумов неизбежно кончится доминированием одного над другим, как бы это утешительно ни называли: сотрудничество, дружба и тому подобное.

Я хотел возразить, что она немного спутала эпохи, веков так на пять-шесть, если не больше, но остановить ее было невозможно. От чужого разума она перешла к чужакам на Марсе, и вновь я слышал об однородности здорового организма, о ненужности инородных тел, о необходимости строгого отбора приезжающих, а лучше всего вообще на несколько лет прекратить насыщение планеты плохо обученными людьми без квалификации.

О справедливости она говорила, о том, что Марс должен решать свои дела сам и выбирать Управителей сам по своим критериям. В первую очередь они снимут возрастной ценз, и молодые наконец получат свой голос в управлении. Она рассказала о планетарной программе, разработанной здесь, на Красной. Да, все люди — одна семья, говорила она, но нельзя же вечно жить в коммунальной квартире. И разве не будет лучше, если каждый член семьи будет иметь свой дом и будет хозяином своего дома, разве не возрастет уважение друг к другу...

— Да кто же вас не уважает? — спросил Кузьма.

Она холодно посмотрела на него и заявила, что сейчас они будут не просить, а требовать. Для начала — автономию. Если Земля собирается вступать в сомнительные контакты невесть с кем, на то ее воля. Но здесь, на Красной, будет оплот человека и человеческого. Это план на завтра. Что же касается сегодняшних забот, то они ликвидируют позорную систему стратификации, построенную на более чем сомнительных тестах. Долой расслоение школ, деление учеников на лучших и худших. Равные права и равные возможности для всех без исключения. Слабые только подтянутся среди сильных, а сильные помогут слабым. Но здесь не будет сильных и слабых. Все будут равны, потому что каждый найдет себе дело по душе, и каждый получит естественное воспитание. Он будет сыном, а не пасынком природы...

— Знакомые песни, — прошептал за спиной Алан. — Пусть мне натрут уши песком, если здесь не гуляли экологисты.

Я ничего ему не сказал, а Валентина тем временем, глядя расширенными глазами перед собой, говорила, говорила. Она обращалась к нам, к нашему здравому смыслу, призывала внимательно всмотреться в холодный рациональный быт, ужаснуться ему. Тут словно впервые увидела меня, улыбнулась и продолжала не звенящим от напряжения, а ласковым, мягким голосом:

— Бегите из-под тени деревянных облаков к настоящим деревьям и травам под настоящими облаками.

Она помнила мой сон и мой рассказ о нем. Но вот снова голос ее поднялся высоко, и снова она обличала и клеймила, требовала справедливости, обещала превратить Марс в подлинное братство людей по духу, по крови, по цели. В противном случае, спокойно заключила она, они заявят о себе так, что все содрогнутся! Если мир настолько туп и прожорлив, что не может услышать голос разума, то они принесут себя в жертву, если это единственный способ всколыхнуть тихое болото!

И замолчала.

Алан смотрел на нее с восхищением.

— Послушайте, — сказал он нам, — они, конечно, круто завернули, но решать Совету. Надо срочно передать...

— Ты все сама придумала или кто помогал? — спросил Кузьма. Валентина повернула голову и что-то сказала в сторону. Мы услышали слабые шаги, треск затягивающейся перепонки.

Она говорила не только для нас, догадался я, возможно, что в первую очередь не для нас. А теперь отослала ребят.

— Извини, Кузьма, а почему ты вмешиваешься в дела, не имеющие к тебе отношения?

— Ты же вмешалась!

Лицо Валентины исказилось от гнева. Слова ее стали жестокими. И снова обличения, обвинения и приговоры... Досталось всем — равнодушным, заевшимся, консерваторам, не признающим естественного воспитания, досталось фанатикам контакта, к которым, по ее словам, не мешало бы присмотреться, почему это они с таким рвением идут на все ради сомнительной цели. Они могут быть носителями воли чужих, сознательно или бессознательно. А мы, вместо того чтобы объединяться перед лицом внешней опасности, не можем навести порядок в своем доме.

— Через сутки мы должны получить ответ, — сказала Валентина. — Если наши требования не будут приняты, мы взорвем реактор. И себя.

И отключила связь.

Алан, до сих пор смотревший на нее большими глазами, тихо спросил:

— Как это «взорвем»? Там же дети!

— Вот дети и взорвут! — ответил Кузьма. — Ты видишь, какие у них толковые учителя.

— Она больна! Бредит, — сказал я.

— Возможно, — отозвался Алан. — Но, по-моему, многие здесь сочувствуют этому бреду.

— Но как могут взрослые люди поддерживать эту безумную авантюру?

— Э-э-э, — горько протянул Кузьма, — читай историю. Бывало, и миллионы шли на убой, как агнцы на заклание. Правда, у меня такое ощущение, что наши агнцы сами пастырей ведут под нож!

Глава девятая

На станции наведения мне стало плохо. Голова кружилась, и билась болезненно одна и та же мысль: «Обманули, обманули...» Когда летел сюда, то упивался разо-

чарованиями — все грандиозные сюжеты Прокеша остались только сюжетами. Но вот сейчас вроде бы начались События, и мне показали краешек тайны. Я потянулся, и вылезла грязная тряпка.

Валентина сошла с ума. Безумие заразительно. Дети обезумели. Если это не безумие, то что?

Наверху, в пультовой, встраивают запасной куб компьютера, обнаруженный в хранилище спортивного инвентаря. Через час обещали дать связь и наводку на «Зустрич».

Час прошел, второй...

Кузьма сидел сонный, временами вздрагивал, озирался и хлюпал себя по боку. Тряс головой. Криво улыбался: «Спать хочется!»

Наконец пошла линия. Кузьма связался с Советом и рассказал все, несколько раз я вмешивался, уточняя названия конкретных мест и имена людей. Нас выслушал сам Управитель Атанасов. Он выглядел усталым, я был даже сказал, растерянным.

В конце Атанасов спросил, действительно ли дети или те, кто за ними стоит, могут пойти на взрыв реактора? Я и Кузьма синхронно пожали плечами, хотя и было это весьма неэтично.

— Хорошо, — сказал Атанасов, благодарю от имени Совета. Если можно, я хотел бы поговорить только с уважаемым Лыковым.

Я вышел. Странно. Хотя, возможно, у Атанасова есть сомнения, и он не хочет, чтобы эти сомнения передались мне. Кузьма мог напутать в оценках ситуации, а я в деталях.

Через несколько минут в коридор вышел мрачный Кузьма. Мы поднялись в пультовую узнать, как дела на «Зустриче». Диспетчер спросил, кто из нас Барсегян. Потом он отозвал меня в сторону и сказал: «От «Зустри-

ча» к нам пошла «лайба», с орпека попросили, чтобы вы ее встретили. Минут через двадцать».

У меня не было сил гадать, что еще произошло. Что такое двадцать минут, когда я ждал столько лет и дождался... Но тут меня проняло, и даже головная боль прошла, — может, прав был Прокеш, сработала матрица! И сейчас снова начинается Великое Торможение, очередная попытка вернуться назад, на исходные позиции. Да, здесь сейчас самое место Прокешу, уж он бы развернулся!

Кузьма выслушал меня, мотнул головой и сказал, что хоть он всерьез не воспринимал завириальные идеи Вацлава, но сейчас готов поверить. Правда, его больше волнует не проблема зла, а как с этим злом бороться и по возможности одолеть его малой кровью. И еще, добавил он, за всяким абстрактным злом всегда стояли конкретные люди, готовые на этом погреть руки.

«Лайба» со свистом вынырнула из низких облаков и, описав большой круг, скользнула по длинной полосе, остановившись в диспетчерской зоне. На фоне пузатых транспортов, подвешенных к арочным бустерам, «лайба» казалась маленькой плоской рыбой.

После отбуксовки из нее вышло неожиданно много людей. Я и Кузьма медленно пошли навстречу. Кажется, это были спасатели. Правда, странная у них была форма, и у многих висели на плече недлинные узкие предметы в одинаковых чехлах.

— Вы Барсегян? — спросил подошедший спасатель. — Знаете, он искал вас по всему орпеку. Плакал, спрашивал людей, где его сын, называл вас. Медотсеки там все забиты, а он заявил, что вы здесь, на Красной, хотя ни от кого узнать не мог. Оставлять его на орпеке нельзя, там ситуация, близкая к панике.

Ничего не понимая, я машинально двинулся вперед. Два спасателя помогали идти еле переставлявшему ноги

старику. Завидев меня, он вырвался, сделал несколько шагов на подгибающихся ногах, схватил за плечо и заплакал. Не сразу узнал я Прокеша.

Вспышка: по дряблой посеревшей коже ползут слезы, глаз не видать из-за покрасневших век, руки дрожат, одежда вся в пыли, в разводах, он всхлипывает, бормочет непонятно, потом по-русски: «Сын мой, ты жив, с тобой ничего не случилось...»

Эта картина освещена яркой вспышкой, настолько яркой, что слезятся глаза...

Я спокоен. Головная боль исчезла, словно ее и не было. В пустом медотсеке мы уложили Прокеша на диван. Кузьма помог снять верхнюю одежду. Руководитель спасателей нашел в меднаборе контактный релакс и показал, как пользоваться. Сам он торопился в город. Главное, сказал руководитель Кузьме, дождаться подкрепления, и только бы опять не сожгли транспьютер, без наводки столько народа не посадить. Он надеется на нас, добавил он, чуть помедлив, здесь оставляет своих человек пять-шесть.

Кузьма хмыкнул и спросил, что будет с теми, на реакторе. Руководитель ответил, что сейчас не до них, есть опасность повторения эксцессов в других городах и базах. А взорвать его не удастся никому, сейчас как раз его блокируют, несколько линий задействованы. Правда, добавил он, помрачнев, если там есть системщики, то им ничего не стоит разблокировать. Но пока сообразят, пока провозятся, так что лучше сейчас их не трогать, а обеспечить безопасность ключевых объектов.

И он ушел.

Я выслушал разговор Кузьмы и руководителя с недоумением, у меня были несколько иные представления о работе спасателей. Может, это и не спасатели вовсе?

Прокеш лежал на диване и смотрел в потолок. Через несколько минут релакс он перестал плакать и попросил

воды. На вопросы отвечал неохотно, время от времени беспричинно улыбаясь. Рассудок Прокеша дал трещину. Меня затрясло от страха и жалости. Кузьма смотрел с тревогой, а потом вдруг молча сунул Вацлаву бумажку Миронова.

Прокеш оживился, взгляд просветлел, он попытался встать, а когда мы его удержали, сказал спокойным, немного дребезжащим голосом, что Виктор Тимофеевич имел в виду, наверно, проклятие богов: «Будьте, как мы. Будьте, как боги!»

— Но это ничего не меняет!

С этими словами он сел на диван и отмахнулся от нас. А потом продолжил совершенно здоровым голосом:

— Что зверь, именуемый Природой, что Бог, именуемый как угодно, в любом диапазоне названий — от сверхчеловека до Праразума — все это нечеловеческое, а потому для человека опасное. Две сущности в человеке тянут его в разные стороны — зверь и бог, а сам он есть нулевая равнодействующая. И горе тому, в ком перевесит, перетянет одна из этих сущностей.

«Это не так грандиозно, как его старые песни, — подумал я. Но тут же устыдился своих мыслей. — Большой человек...»

Я рассказал Прокешу о том, что здесь происходит и что Валентина должна была занимать его в свое время больше, чем все остальные участники Происшествия. А ему сейчас надо встряхнуться, именно он может быть максимально полезен, поскольку предвидел такой поворот событий.

— Ничего я не предвидел, — сказал он улыбаясь. — Мои конструкции не имели ничего общего с тем, что накапливалось в социумах. В конце концов достаточно было внимательно смотреть дебаты и дискуссии, идущие по управлеченческому каналу последние годы, чтобы предсказать сегодняшнюю вспышку. Отношения между Мар-

сом и Землей ни для кого не секрет, проблем накопилось сверх головы. А мы, я имею в виду себя и вас, увлеклись загадками и тайнами частного, пусть даже и очень загадочного, события.

Затем он лег, пробормотал «Файн...» и прикрыл глаза.

Кузьма смотрел на меня, перевел взгляд на Прокеша, сморщился.

— Валентина Максимовна, желая всеобщей справедливости, зашла слишком далеко, чтобы остановиться, — продолжал Вацлав, не открывая глаз. — Она настолько сконцентрировала в себе недовольство местных жителей, что потеряла чувство реальности. Я полагаю, что она не только возглавила мятеж, но и подготовила его.

— Что? — вскинулся Кузьма.

— Не кричите так громко. Я слышал, о чем говорили в «лайбе». Мне было плохо, но я все слышал и все понимал. Во имя справедливости она поставила себя выше других — и поэтому будет сломлена. Но я не вправе судить ее. Я, борясь с абстрактным злом, конкретно пожелал стать вершителем судеб и водителем сюжетов и сломался сам. Проклятие богов или искушение природы... А хотите, наоборот — искушение богов и проклятие природы. Ничего не хочу, только одного — чтобы Арам не покинул меня, как тогда, в пустой квартире... я ушел, а он упал, и ему было страшно... он...

Бормотание перешло в тяжелое дыхание. Он заснул.

В пультовой нас встретили неприветливо. Диспетчеры забились в угол, а четверо спасателей орудовали у планшетов, оживленно ругаясь с орпеками, сдвигая графики и выстраивая новую очередь. Странные спасатели. С орпеков время от времени спрашивали, что у нас происходит. Спасатели отшучивались или отругивались, но ничего конкретного не говорили. Один из диспетчеров выбрался из своего угла и подошел к планшету. В это

время по громкой связи прорвался женский голос: «Людвиг, у вас больше заторов не будет? У меня триста человек грызут обшивку зубами!» Диспетчер угрюмо процедил: «Будет вам скоро затор!» Спасатель внимательно посмотрел на него, диспетчер выдержал взгляд, плюнул себе под ноги и вернулся на место.

— Пошли отсюда, Кузьма, — сказал я. — Видишь, люди работают.

Они даже не оглянулись. Спасателям было не до нас, а диспетчеры демонстративно отвернулись. Я задумался, а на пустом ли месте выросла эта авантюра? Гордость и ущемленное самолюбие старожилов — понятное дело. Но гордость, переходящая в ксенофобию, и ксенофобия, разрастающаяся в ксенофагию... Ох, не в детские игры играют здесь Валентина и экологисты!

Идя по нижнему ярусу, я заметил открытый терминальный бокс.

Я вспоминал код-вызовы знакомых, но почему-то ни с кем не хотелось говорить. А потом в памяти всплыл код терминала на реакторе. Пальцы сами прошлись по сенсорам. Вызов мигнул, и терминал включился. В помещении никого не было. Они забыли или не захотели сменить код.

Там послышались шаги, появилось испуганное лицо очень помолодевшего Миши Танеева. Это был его сын Дмитрий. Он протянул руку вперед, я включился, иначе бы он увел линию.

Митя вздрогнул, отдернул руку. Узнав меня, обрадовался.

— Дядя Арам, я хотел папе...

— Ну, извини, что помешал. Как там у вас дела?

— Хорошо. Управление разблокировали... — Он хихикнул, а мне стало не до смеха. — Вы хотели заблокировать, но мы сняли блок.

— М-м... — Я не нашел, что ему сказать.

— Дядя Андрэ обещал научить кататься на «гекконах».

Вот как! Интересно, кто еще там из экологистов, кроме Валлона?

— Что же он сейчас не учит?

— Он на Гранитный ушел... — начал Митя и прикусил язык.

— Долго же ему идти придется, — начал я и тоже осекся.

Гранитный массив, двести километров от города, триста от реактора. Комплекс калифорниевых накопителей. Подскальные ярусы, ежедневная выработка — четыре грамма. Людей нет. Конечно, есть защита, но человека она не остановит. Если он доберется до калифорния...

— Жаль, хотел с ним поговорить. — Митя покачал головой.

— А давно он ушел?

— Часа два.

— Так он уже там!

— Нет, он на «гекконе».

— Ага. Ну, спасибо, Дмитрий. Возвращайся скорее домой.

— Нельзя! — Он поморгал глазами и убежденно сказал: — Пока не примут наши условия — нельзя! Извините, дядя Арам, но даже среди ваших знакомых могут быть...

Послышались шаги, голоса, возбужденный смех. Митя побледнел, рука метнулась вперед, линия отключилась. Однако шаги все еще были слышны. Я вышел из терминального бокса. Кузьма смотрел на идущего к нам человека.

Идет к нам навстречу Сергей Романенко, улыбается и говорит:

— Ох, ребята, я заснул там, а вы без меня, говорят, великие дела делаете?

Вспышка: вот он идет, застыл, чуть подняв ногу, редкие светлые волосы с большими залысинами, глаза чуть

выцветшие, длинные руки и большие ладони, нос на-
шлепкой и улыбка виноватая...

Головной модуль шел на предельной скорости, иногда ощутимо потряхивало — я вел машину по степи. По моим расчетам, Валлон где-то рядом. За два часа он прошел километров шестьдесят, не больше, и теперь идет вдоль леса. Но почему не на платформе? Он уже давно проник бы в накопительный комплекс и мог шантажировать всю планету. Значит, у них нет платформ или что-то помешало воспользоваться ими.

Комплекс. За два дня — один заряд! А сколько готовой продукции в хранилище — подумать страшно! С реактором они могут сжечь себя и все вокруг на двадцать километров, да и то если действительно разблокировали управление. Но вокруг реактора голая степь, только шахтные автоматы подают рабочую массу на трансформацию. Если они запустят реактор вразнос, то у автоматики хватит времени отстреливать крепеж, и он провалится в шахту. А вот с калифорниевым зарядом можно пробраться куда угодно, особенно если его будет нести ребенок, уверенный, что спасает мир от козней злых чужаков.

Писк настройки, в фоне щелкнуло.

— Арам, видим тебя! — Голос Сергея.

— Уверен, что меня?

— Машина красная.

— А у него какая?

— Ну сделай что-нибудь...

Я дал реверс с раскруткой и на той же скорости повел машину кормой вперед.

— Вот циркач! — восхитился Кузьма.

На ходу вернулся в рабочую позицию.

— Красиво, — одобрил Сергей, — я так не умею.

— Учись!

— Непременно! Ну, мы пошли к лесу.

Платформа ушла вперед и вверх, я глянул ей вслед и включил форсаж. Модуль дернулся, заскакал, угрожающе застонали конечности, мигнул индикатор давления. Выключил форсаж.

Сейчас я был спокоен, а минут двадцать назад метался по ярусу, не зная, что делать. Бежать к спасателям? А если Валлон не пойдет прямо на комплекс и свернет к городу? Пока я буду объяснять, он доберется до любой платформы, и тогда отсчет пойдет на минуты.

Кузьма тоже посоветовал не связываться с ними. «Лихие ребята, — сказал он, — дров наломают, сто лет гореть будет». Я не понял, что он имел в виду. Когда я спросил, почему он так думает, Кузьма дернул скулами.

— Да не спасатели это, — негромко сказал он. — Ну, вроде как для наведения порядка. Не знаю, как называть, как ни назову, будет не то, у вас и слов таких нет — армия, милиция, каратели... Все не то! Им сейчас только повод дай, гробов не напасешься. Они команды ждут, а в Совете никак решиться не могут.

Первым среагировал после легкого оцепенения Романенко.

— В ангаре я видел двухместную платформу. Пойду воздухом, а ты отсекай снизу, на манипуляторе. Возьмем в пакет!

— Двухместная — это хорошо! — обрадовался Кузьма. — Пошли!

И вот я иду напрямик по степи к лесу, туда, где, по моим расчетам, должен выйти Валлон. Другое дело, что он не знает моих расчетов. Но если он пойдет лесом и полянами, то неизбежно завязнет. Не уйдет! Даже если он просто вышел прогуляться на машине перед обедом, все равно не уйдет! Оторвем от Валентины и детей, а там еще посмотрим, кто что возглавил и кто истинный мятещик.

— Слушай, — возник голос Кузьмы, — может, они детей обработали фантоматами? Мало ли что им сейчас мерещится!

— Непохоже, — возразил я. — Они контактны, говорят адекватно. Вряд ли. Хотя активаторы могли использоватьсь для закрепления всяческих там навыков и умений. Правда, это не рекомендуется... Точно, использовали! Валентине за это влетело, помнишь? А сейчас они в реале, вот что страшно! Абсолютно убеждены в своей правоте. Они внушаемы и доверчивы, а подкрепить фантоматикой любую басню ничего не стоит. Тем более, если годами повторять — вы надежда наша, вы наше будущее. Самые лучшие, умные, сильные, смелые, а вас держат в низших разрядах плохие люди, а может, и нелюди.

— Много с ними нянчитесь, — проворчал Кузьма, — ах, наше будущее, ах, лучшее им... Вот тебе и будущее!

— Будущее в нас, а не в детях, — вмешался Сергей.. — Когда они подрастут, тогда и станут носителями будущего. Нет, что-то я запутался...

— Почему, все верно, — сказал Кузьма. — Будущее делаем мы, а они будут его делать, когда подрастут.

Я прислушивался к их разговору, наблюдая за дургой. Кузьма не прав, с детьми нянчимся мало. Своих забот по горло, ищем и разгадываем тайны и загадки. А в это время...

Потом Сергей удивился реакции Совета, неподготовленности его к эксцессу. Было слышно, как громко засопел Кузьма и сказал, что совершенно в этом не уверен. Если на то пошло, неподготовленными оказались именно мы. А в Совете давно знали и напряженно следили за развитием событий. Только никак не могли прийти к единому мнению. Разговор с Атанасовым открыл ему многое. Хотя никто ничего не скрывал, но кто же в здравом уме будет день за днем смотреть управительский канал, следить за игрой интересов и столкновением мне-

ний?! А без этого черта с два разберешься в сути происходящего.

— Вот тебе раз! — удивился Сергей. А при чем здесь Совет?

— А при том, — назидательно ответствовал Кузьма, — что тревожные сигналы с Марса поступали давно, но расхождения между сторонниками твердой линии и экономистами были так велики, что чуть не привели к расколу в Совете!

— Это все Атанасов тебе сказал? — скептически спросил Сергей.

— Нет, он только в двух словах объяснил ситуацию, чтобы мы дров не наломали.

— А спецотряды, спецотряды здесь зачем? — чуть не ором ударил мне в уши голос Романенко, на что Кузьма долго не отвечал, а потом хмыкнул:

— Вот, значит, как их называют...

— Все-таки не понимаю, — напряженно сказал Сергей, — как умудрились сбить с толку людей. Хуже всех себя взрослые ведут. Отмалчиваются, ждут чего-то... Ведь горстка всего — Валлон, экологисты, а чуть не разложили всю планету.

— Ну, далеко не всю, — вмешался я, но Кузьма перебил меня:

— Бдительность! Бдительность потеряли! Иммунитет пропал. Жили тихо-спокойно, зла не знали. А где рана, там гнойник, где гнойник, там и до гангрены недалеко. Не говорить, а резать надо!

Действительно, подумал я, после Конкордата за многие десятилетия покоя мы привыкли к безмятежной жизни. Пропал иммунитет к мраку и злу, идущему из темной бездны. Организм без иммунитета — и вдруг вирус! Странно сознавать, что этим вирусом, возможно, была моя жена. Пока еще жена. Она так увлекалась историей... Вацлав прав — история жива в нас памятью о людях,

подвигах, о примерах благородства и ума. Но история не только свод великих деяний и достижений человечества, есть и ее тень — прошлое, черный перечень коварства, подлости, крови. И прошлое вкрадывается в историю, исподволь смещая понятия, замазывая белое черным, а черное красным, капля за каплей вползает в будущее, отравляя его. Но в чем причина, где питательная среда вируса зла — неустроенность жизни здесь, на Марсе, накопившаяся несправедливость или странные дела в Управительстве, занятом внутренними играми? Может, кто-то хочет погреть руки на здешнем скандале, скандале, который может перерасти в драму? Гнойник, конечно, должен быть ликвидирован. Но там же дети!

Я подумал, что не так давно мне и в голову не могли прийти подобные мысли, а сейчас размышления мои строятся по образу и подобию рассуждений Прокеша. Школа!

Машину Валлона первым обнаружил я. Или он меня — не важно. У него был зеленый «геккон» — трудно заметить сверху в траве. Сергей и Кузьма барражировали вдоль опушки, а он выскоцил на мелкотравье нос к носу. Мне показалось, что я увидел его лицо.

Вспышка: машина, развернутая броском в сторону, изломанно застывшие конечности, темная фигура под колпаком, но как ни стараюсь разглядеть лицо, вспомнить его не удается.

Едва не столкнувшись, машины разошлись, он ушел в сторону красивым перескоком. В бригаде у него была лучшая реакция, а я столько лет не сидел за сенсорами модуля.

Развернул машину. Он оторвался от меня метров на двадцать и быстро увеличивает разрыв. Я прибавил скорость. Почему в этот момент я забыл о Кузьме и Серге? Может, взыграл инстинкт охотника — моя добыча, сам

возьму ее? И много позже я сообразил, что мы вели себя глупо, — достаточно было добраться до комплекса раньше его и ждать, пока сам придет. Хотя неизвестно, к какому входу он бы вышел, разброс там большой.

Заметив, что я иду следом, Валлон взял влево, вправо, реверсировал на ходу. Потом головной колпак его машины немного приподнялся, и в тот же миг полыхнуло синее пламя. Когда через несколько секунд я снова мог видеть, то обнаружил, что в пяти метрах от меня и до того места, где находилась его машина, тянется пылающая линия травы и кустарника. Немного левее, и он бы меня зажарил.

— А, черт! Арам, что у тебя? — тревожно спросил Кузьма.

— Он вооружен.

Молчание. Кузьма что-то невнятно бормотнул и сказал:

— Давай, Сережа, зигзагами и повыше. А ты, Арам, немедленно на станцию, пусть высылают подкрепление.

— Сейчас, вот только ногти на ногах подстригу!

Я стронул машину с места. Далеко он не ушел. Думает, напугал до смерти! Ничего, ничего... Я немного сгладил давление в конечностях, растопырил — машина присела, трава пошла поверх колпака. Я его не видел, он меня тоже. Сергей сверху корректировал. Подберусь сзади — и за конечности!

— Осторожно, он разворачивается!

Посадил «геккон» на брюхо. Впереди загорелась трава. Резко бросил машину в сторону, в реверс, потом крутянул. Еще несколько раз вспыхивала степь. Хорошо, что долго не горит.

Я превратился из охотника в добычу. Он явно решил разделаться со мной. Пару раз бил в небо. Попасть в платформу, держа одной рукой оружие, а вторую руку на управлении, — только если очень повезет.

Положение ухудшилось. Я прятался в траве, но он последовательно выжигал квадрат за квадратом, отсекая меня от степи и прижимая к опушке. Несколько ударами выжег длинную полосу. Стоит показаться там, как он меня возьмет в дисплей. Я не знал, как выйти из-под огня. Бросить машину и ползком в степь?

— Уйдет ведь, гад! — сказал Кузьма. — Спалит Арама и уйдет! — Сергей не ответил.

— Арам, выпрыгивай, подхватим!

— Нельзя, если зависнете, он вас достанет.

— А ну давай на таран! — грозно сказал вдруг Лыков.

— Что?

— Бей его корпусом! Бей его, гада!

— Стойте, стойте! — закричал я, но над моей головой с громким шелестом прошла и исчезла платформа. Я услышал голос Сергея: «Ну, твою...»

Грохнуло несильно. Взметнулось и опало пламя, большая темная масса медленно поднялась над травой и тяжело осела.

Я откинул колпак и медленно пошел по выжженной полосе.

«Еще одного друга потерял, и еще одного... — тупо билось в голове, — и еще одного, и еще...»

Машины смешались в крошево, что-то горело, трещало, брызгало искрами и плевало раскаленным металлом.

Недалеко от места столкновения я нашел Сергея.

Вспышка: он лежит, раскинув руки, и смотрит мертвыми глазами на меня. Вдоль виска тянется глубокая рваная рана. Я накрыл его обломком колпака, набросал какие-то искореженные пластины. Походил кругом, больше никого не нашел. Поднял с почвы полуобгоревший толстый стебель и провел по пластине. Обуглившийся конец искрошился, ничего не получилось. Тогда нашел острый обломок и букву за буквой вывел: «С. Романенко и К. Лыков».

Когда я, вздыхая-всхлипывая, доцарапал последнюю черту, кусты с треском раздвинулись, из травы выполз Кузьма, встал на ноги, качаясь, подошел ко мне. Прочитал надписи и, сложив пальцы в странную фигуру, сунул ее мне под нос.

— Во! Для Лыкова могила еще не копана!

И настал час, когда мы обратились на детей наших...

Машины шли, окружая километровую шайбу атмосферного реактора со всех сторон. Медленно ползли колесники, притормаживая, чтобы не снесло мощным восходящим потоком к стальной решетке, опоясывающей здание.

Над гигантским сооружением никогда не бывает облаков, столб воздуха бьет в зенит, над зданием всегда светится багрово-красное пятно. На платформах нельзя — унесет, раскидает, разнесет.

Срок ультиматума еще не истек, когда начали медленно стягивать кольцо машин. Огромное светлое здание не имело окон, только редкий пунктир резервных вводов опоясывал его. Здесь нет никого из спецотряда. Добравшись до города, мы с Кузьмой подняли людей, взяли весь транспорт, который оказался под рукой.

Спецотрядовцев никого не оказалось на месте, они готовили площадки для массовой высадки на планету. У нас не было времени выяснить, как они умудрились так быстро и в таком количестве оказаться на орпеках. Знали только одно — погасить огонь должны мы сами. До родителей наконец дошло, чем все это может закончиться.

Машины подобрались вплотную к зданию, некоторые уже остановились, чтобы высадить людей. И в этот миг из вводов по ним в упор ударили «гранды». Несколько машин запылали сразу.

«Не стрелять, не стрелять!» — ударила по ушам команда.

Она была обращена не к нам, мы шли без оружия, не стрелять же в детей. Вспышек было немного, значит, оружия мало. По всей видимости, это отчаявшиеся экологисты пошли на крайний шаг.

Часть машин прорывается к вводам, мы рассыпаемся в стороны. Падает и не встает Алан. Я вижу перерубленного лучом надвое Бин Сюофена... Мимо пробегает Миша Танеев, он что-то кричит, но я словно оглох и ничего не слышу.

Вспышка: Миша Танеев медленно оседает, вместо руки хлещущий кровью обрубок...

Мы в ярусах реактора. Выстрелы, крики, беготня... Я врываюсь в бокс ввода, прыгаю на припавшего к створу подростка, выхватываю из его рук оружие и отбрасываю в створ. Подросток — Дмитрий Танеев.

«Вот события, вот и подвиги...» — первая связная мысль.

Вспышка: подросток хнычет, размазывая сопли и слезы, но в глазах уверенность, что дядя Арам отругает как следует, но отпустит. Может, в крайнем случае отцу нажалуется. Он же ничего плохого не сделал.

Опять пробег по ярусам. Из взрослых — никого.

Аппаратная. На пульте лежит Валентина. Лежит, вытянув руку к сенсору под предохранительной пластиной. Кто остановил ее? Дотянувшись она — все равно ничего бы не случилось, они все же не сумели разблокировать управление. Наш кровавый, самоубийственный штурм мы и затеяли для того, чтобы они не успели покончить с собой.

Но она ушла в уверенности, что дотянувшись — и время остановится, и все они уйдут в память. Она ушла еще моей женой.

Подхожу к ней, прикасаюсь, она медленно валится на пол, а я не успеваю или не могу подхватить ее. Вижу лицо — зверская, нечеловеческая улыбка, словно испы-

тывает злобное торжество, передав дальше черную эстафету. Кому?

Я слышу крик Лыкова, обворачиваюсь: у стены испуганный до смерти Арчи Драйден направил в мою сторону дрожащей рукой тонкий ребристый ствол «гранда», а сбоку в прыжке летит на него Кузьма, но не успевает и — вспышка!..

Все цвета тьмы открыла мне слепота; но пока не дала для них слов. Поэтому звуки.

После шока прошло несколько дней. Боль исчезла, появилось странное чувство полной раскованности. Вдруг я понял, как был зажат все эти годы, какая внутренняя несвобода ютилась во мне.

Лежу, прислушиваюсь. Еле слышен гул двигателя, кроме меня, его никто не слышит. Шорох и шаги за толстой переборкой. Тяжелое дыхание Прокеша...

Лечу на Землю. Меня долго держали в медцентре, имплантировали кожу, пообещали года через два-три восстановить зрение. Самое позднее — лет через пять. Ничего, я умею ждать.

В моем медотсеке Прокеш. Он ни за что не соглашался отойти от меня, плакал, кричал... В конце концов его оставили со мной, тем более что все каюты переполнены. Время от времени заходит врач, делает ему укол, беседует со мной, уходит.

Много сплю. Иногда просыпаюсь от непонятной речи. Прокеш, заметив, почувствовав мое пробуждение, переходит на русский.

Он говорит о сыне, и не всегда я понимаю, о ком идет речь. О том мальчике, которому было так страшно умирать в большой пустой квартире, или обо мне, пустыми глазами смотрящем в потолок. Он рассуждает, как сошел с ума, при этом заявляет, что с ума на самом деле не сошел, а просто притворяется потерявшим рассудок.

«Но что заставляет меня делать это?» — удивляется он.

Возможно, он действительно сошел с ума, соглашаясь сам с собой, здоровый человек не будет притворяться сумасшедшим, у него нет на это причин...

Он говорит о том, что все оказалось тленом и прахом и версия о бомбе в 1943 году — тоже. Глеб, воспаленный неудачей в РГУ, когда они с Прокешем ломились в Сеть, вспомнил и рассказал все подробности первого разговора с Женей Коробовым. И сейчас Прокеш может рассказать, из-за какого пустяка произошел закрут. Женя слышал о сильном взрыве, партизаны взорвали состав на станции, все вокруг было оцеплено. Глеб, не сильно разбиравшийся в истории, все напутал — если оцепление, значит, радиация, бомбу назвал атомной, хотя речь шла всего лишь об авиабомбах. Подросток, и без того напуганный Происшествием, подхватил, вскоре он и сам уже не понимал, где, что и когда услышал, а главное — от кого. Все запутались, запутали других, себя... И слава Богу, что это быстро распуталось — иначе бы родился миф третьего тысячелетия о возможности темпоральных перемещений. Ничего, утешал он меня или себя, и не на таких недоразумениях взбухали концепции, учения и движения, уносившие десятки, сотни, миллионы жизней...

Он говорил о троице. Назвал это виртуальным эффектом. Они возникли на темпорально незначительный срок и исчезли. Словно и не было их. Я не понял, что он имел в виду, да и не хотел понимать. Кузьму после штурма не нашли ни мертвым, ни живым.

Он говорил о себе, обвинял себя в хитрости, в коварстве. Не сюжеты он плел, и не судьбами играл, и не зло он искал, чтобы вступить с ним в борьбу. Искал он силу, любую, пусть самую злую, которой бы отдал все: душу, себя, других — лишь бы вернули сына. И когда ему показалось, что время обратимо, что его можно обратить

вспять, то он всю жизнь положил на поиски того, кто сможет или умеет это делать. Как бы он ни назывался — человек, зверь, дьявол.

Он говорил, что долго подозревал меня в тайном умении обращать время вспять, и у него были основания. Не мог я включить аварийное возвращение, такого просто нет! Человек не управляет программой фантомата. И описание костюма, браслета — не было их. По цеграммам у меня там были длинные черные волосы — а я шатен. Что это — рокировка? Меня подменили таким же из другого мира, измерения, чего угодно? Теперь уже несущественно. Это очередная неувязка, возиться с которой — значит опять лезть в судьбы и жизни...

Он говорил, говорил, а я лежал и думал о том, что если выбирать между деревянными облаками человеческой цивилизации и чистым небом Зверя или Бога, то я предпочту деревянные облака, потому что пути Зверя мне противны, а божественные — неведомы.

И еще я думал о том, что битва за человека в человеке — величайшая из битв! Это вечная война разума с раздирающими его силами Зверя и Бога. Но как обидно сознавать, что пока в этой битве мы рвались вперед, в соплях и крови, бились насмерть за своих и чужих, пока мы ползли в грязи и гное, миллиметр за миллиметром отвоевывая у врага свою территорию, в наших тылах хозяйничали мародеры...

Он говорил, а я засыпал. И, засыпая, видел в полусне, как встает снежный лес, по глубокому снегу идут, увязая, старуха в драной черной телогрейке и рыжей ушанке на голове, рядом высокий сутуловатый мужчина с винтовкой, они идут мимо кустов в снежных сугробах, мимо окоченевшего трупа волчицы. И совсем уже засыпая, вижу, как идет Кузьма Лыков, настороженно оглядываясь по сторонам, за локоть его держится молодая девушка,

рядом парень, почти мальчик, за ними еле плется лошадь, волоча за собой сани с длинным свертком. Мне кажется, если я немного напрягусь, то вспышка озарит и эту картину, а тогда я увижу, кто лежит в санях. Но и без этого я знаю, что там — я.

Вокруг белая тишина, искристо-черные стволы деревьев, слабый запах дыма, а высоко-высоко в небе чудо-вищными тенями плывут тяжелые облака над моей большой страной...

Возвращение мытаря

1

Седьмой дом от поворота к озерному кольцу — мое жилище на месяц, в лучшем случае, на два. Если вдруг патруль зеленой зоны поинтересуется, что я делаю в трехэтажном особняке в отсутствие хозяев, то разочарование им гарантировано. Мой чип-код в порядке, а садовника нанял присматривать за поливными машинами добрый хозяин. Его сейчас нет, милосердные господа, он улетел к старой сестре, но скоро вернется. Целую руки благородным стражам!.. Как-то я действительно налетел на охранников. И они не поленились, проверили чип-код, метку локуса и все остальное. Йорген долго смеялся, когда я рассказал ему о досмотре, и попросил в следующий раз отформатировать легенду попроще. У меня в тот раз дом числился якобы за блиц-семьей перевертышей, причем один из них менял пол четыре раза. Бывали легенды простые, сложные, глупые... Интересно получается: чем глупее легенда, тем она надежней. «Тупые живут скучно, но долго», — любит приговаривать Йорген, вводя в чип-код новое прикрытие.

Здесь хорошие, тихие места, можно гулять часами по песчаным тропкам ухоженного соснового бора и не увидеть ни одного строения, а покой заслуженных граждан

никто не нарушит, разве что прошелестит где-то над верхушками платформа охранников да блеснет сквозь разлапистые ветки глазок наблюдательной камеры.

Через неделю я, отоспавшись и отъевшись, начинаю звереть от безделья, и ноги сами несут в сторону локуса Дрезден-4. Его шестикилометровая колонна, подпирающая могучим стволов облака, сквозь деревья не видна. Но я знаю, что за раздвоенной березой тропа свернет к большой поляне. Оттуда до транспортной развязки идти от силы минут двадцать, а на быстрой тяге еще через двадцать минут тебя домчат прямо к аркам восьмой брамы. А мне как раз туда и надо, потому что утром пришел сигнал несрочного вызова. Как-то я сгоряча решил прогуляться пешком до локуса. Вышел рано утром, шел быстро, но добрался лишь далеко за полночь. И не потому, что медленно шел или устал, просто на трассе раз десять, не меньше, останавливали патрульные группы и долго выясняли, кто и почему... Понять их можно, я еще слишком молод, чтобы иметь жилье вне локуса, а куртку сезонника всякий может на себя напялить. На самом деле моей процентовки сейчас хватает, чтобы построить не один и не два, а десятка полтора хороших особняков, да только считается, что дом на природе не купишь ни за какие деньги. Его получают за особые заслуги. Другое дело, что заслуги при известной ловкости и связях можно купить, но риск велик. Поэтому люди состоятельные трижды семь раз подумают, а потом все же решат, что проще выкупить пару секционных этажей в локусе и обставить их сообразно вкусам, здоровым или извращенным.

В нашем локусе восемь жилых ярусов, на каждом — этажей пятьдесят или чуть больше. Выше идут технические зоны, службы контроля и обеспечения, ветростанции и многое еще чего... За год не обойти все помещения, если в каждое заглядывать на минуту, но я и не собираюсь

их обходить. Довелось мне ютиться в свое время среди бетона и гремящего металла технических ярусов. И не найди меня тогда, зарывшегося в гнилую ветошь и подыхающего от лихорадки, старый рекрутter Дзамро, кто знает, может, сейчас мои косточки белели бы в красном секторе, рядом с останками таких же бедолаг, неудачников или беглецов, не сообразивших, как выжить в локусе.

Неудачниками, вот кем мы были с Тенеком, когда семь лет назад удрали из родной деревни. Но делать-то все равно было нечего... Мне сулили недобрую судьбу спившегося отца, Тенеку же полагалось тянуть лямку своего — наливать проезжим и местным брагу да подносить нехитрую закуску. Вот два дурачка, полные надежд, и рванули короткой летней ночью на восход в поисках сладкого куска. Помню, как мы долго пробирались сквозь болота и заброшенные угодья восточных земель, по ночам крали овощи с огородов унылых фермеров, чуть не сгинули в мангровых лесах, но добрались, голодные и веселые, до Нагорья Ветров. Бьющие со всех сторон воздушные потоки нас чуть было не сдули в ущелье. Но мы сумели, не переломав рук и ног, спуститься к порталу. И тут, как водится, дуракам начало везти: на грузовой площадке оказался лихтер вольных торговцев, раз в два или три года привозивший на Парайсо всякое баражло. Пока шла разгрузка, мы затаились в дебрях открытого пакгауза среди контейнеров больших и малых. Тенек принял ковыряться с замком одного из них и, к нашему общему изумлению, сумел его вскрыть. Внутри, правда, оказались контейнеры поменьше, какие-то короба. А в них странные устройства, причем некоторые из них светились или помигивали огоньками. Помню, увидев это, я испугался, резко отдернул руку и порезал ладонь об острый край защелки. Крови было немного, но пара капель попала в странную штуку, мерцающую разноцветными полосами. Я поплевал на них и растер, чтобы не

было заметно. Мы ничего не взяли, потому что если бы попались на воровстве, то прощай, звезды... Да и незнакомая техника пугала, к нам обычно завозили всякое моторное старье для вспашки, одноразовые стимуляторы, визоры и прочую дребедень, которая торговцам, как я потом понял, почти ничего не стоила, а может, им еще и приплачивали за вывоз хлама. Взамен они брали у нас сублимированное мясо, чистое, без всяких добавок.

А тогда, в нашей глухомани, в Кущах, мне, Тенеку да и всем жителям деревни даже облупившиеся трубы светильников или наручные экранчики казались фантастическими плодами далекой метрополии, где у каждого есть шанс найти свою судьбу: то есть сделать карьеру, заработать денег, обрести славу и власть... Рассказы старииков о чудесах столичной планеты набивали мусором слабые головы сельской детворы. У Тенека глаза загорались неистовым огнем, когда он пересказывал слухи и сплетни, которыми обменивались посетители корчмы его отца. Он был на два года старше меня, и мозги у него соображали лучше, даже универсальной грамоте выучился по каким-то текстам, которые сохранились в полуохлом настенном экране, висевшем над стойкой в корчме. Скорее всего прежний владелец забыл очистить память, прежде чем выбросил его на помойку.

Тенек сгоряча пытался меня и Венду научить сложению букв и знаков, но у него ничего не вышло. Я немногого стал соображать в цифрах, дальше дело не пошло, ну, а у вечно голодной Венды мысли были только о жратве. Про обучающие панели в наших краях даже не слышали. Еще помню, как Тенек долго уговаривал Венду сбежать с нами и почти уговорил, но пока она тупо таращилась на него, ковыряя в носу, за ней явился Винц, старший брат, и пинками погнал домой. Венде сейчас лет шестнадцать, она была на год моложе меня. Что с ней теперь?.. Стала, наверное, деревенской подстилкой, если, конечно,

но, семейка Горгов не продала ее в услужение в приличный дом Уруча, ближайшего городка. Но не припомню я там приличных домов...

2

Входной сегмент тяги время от времени слабо прищмокивал, словно собирался на ходу распахнуть створки. На такой скорости меня и парочку омологенных старичков, целующихся на заднем сиденье, из кабины вряд ли выдует, но удовольствия мало. Пару раз я уходил на открытых платформах от чрезмерно догадливых клиентов: сначала здорово, дух захватывает, а потом чувствуешь — еще немного, и мозги напрочь выдавит из ушей мелкими брызгами.

Кабина нырнула под арочный пролет, развернулась и с легким шипением опустилась на платформу. Старички, идиотски хихикая, выбрались на нее и, держась за руки, бодро засеменили вверх по пандусу. Их блестящие от золотых татуировок бритые головы сияли, как нашивки охранников. Я проводил их взглядом, дождался, когда они втянулись в одну из многочисленных вертушек контроля, и только тогда покинул кабину. После вязкого смолистого духа сосны и ельника, после стерильной пустоты кабины родным показался мне кисловатый воздух локуса, пронизанный запахами металла, пластика, пота и тысячи других ингредиентов, составляющих неповторимую атмосферу башни, нашпигованной сотнями тысяч людей. Почти все они готовы рвать жилы с утра до вечера, чтобы заработать и заслужить к старости право на жилье в пригородных поясах. А по мне так и здесь неплохо. В разных местах довелось побывать, каждое имеет свой неповторимый аромат, но только здесь, в Дрездене-4, я чувствую себя уверенно. Здесь мне знакомы мно-

гие укромные уголки, где можно затаиться и переждать неприятности, здесь мне впервые открылась жизнь в метрополии во всей ее красе и ужасах, обрамляющих красу. И здесь, а не в скучных садах и парках, отrade стареньких пердунцов, можно встретить таких красивых, но пока еще недоступных женщин. Сюда выбросили нас торговцы, и мы с Тенеком, испуганные дети, впервые увидели столько людей сразу. Увидели прозрачные капли подъемников, суетливо скользящие вверх и вниз по стенам внутреннего колодца, а потом заблудились в бескрайних коридорах, на многолосных эскалаторах, в полумраке таинственных переходов и закоулков жилых ярусов. Увидели и восхитились внутренним паркам и прудам, а потом потеряли друг друга — нас растащила в разные стороны толпа, внезапно хлынувшая на широкие улицы-коридоры и так же внезапно растекшаяся по многолосным движущимся лентам...

Я его нашел только через три года. Но он меня не узнал. Вот и сейчас не узнает, хотя последний раз я менял лицо четыре месяца назад, перед тем как отправиться на орбитальный пакгауз. Там, как выяснилось, великие дела делали. Теперь, разумеется, перестали, но из-за этого очень-очень на меня сердиты. Когда нас раскидало по бесконечным лабиринтам локуса, Тенеку поначалу везло больше. Судя по обрывкам его несвязных речей, он быстро сообразил, как пользоваться раздатчиками еды и куда можно приткнуться, чтобы не мозолить глаза блюстителям порядка. Тенек неплохо проводил время, осваиваясь на этажах, пока я перебивался какими-то объедками в технической зоне. Потом он встретил какую-то дурную девку, та завела его в компанию шакалов, и тут перестало везти, потому что ему дали нюхнуть пыльного месива, и он сковырнулся с первой же дозы. Позже, когда мы встретились, у меня уже накопились весьма неплохие проценты, и я поместил Тенека в лечебный сектор.

Куратор разрешил мне потратить немалую сумму, но без особого успеха. Замес в голове моего бедного друга спекся в камень, мозги пришли в негодность. Проще было заново имплантировать личность, мне даже порекомендовали пару сноровистых модельеров, но на смывку я не мог решиться. Иногда у него бывают дни просветления, редкие дни, и если они приходятся на мои посещения, Тенек узнает меня, вспоминает о деревне. Правда, имен уже не помнит. Вот и сейчас я решил зайти к нему, перед тем как явиться в Бюро. От сиделки пришло сообщение, что он хочет видеть меня. Наверное, огненный туман в глазах немного рассеялся.

Я арендовал для него двухсекционный жилблок. Хоть и на четвертом ярусе, но зато этаж двадцать шестой, вполне приличный. Почему-то даже в первом ярусе местная знать неохотно селится на верхних этажах, хотя там, в блоках, никто не живет — мне попадались пустые квартиры из десяти, а то и больше комнат. Впрочем, глядя на дверь, никогда не догадаешься, что за ней — тухлый клоповник или сверкающие апартаменты. Ну, кто не догадается, а для кого хватит минуты, чтобы по шву, по качеству облицовки или даже по шлифам крепежных винтов определить достаток хозяев. Мне, например, достаточно одного взгляда. Я не воспользовался подъемниками большого колодца, а сразу вскочил на винтовые площадки и, перескакивая с одной на другую, быстро одолел три яруса. Заскочил в ближайший гаштет перекусить, но сарделька отдавала гидропоникой, дожевать ее так и не смог. Последние два десятка этажей проехал на лестницах. Мне нравится, прислонившись к широким перилам, наблюдать сквозь прозрачное ограждение за вечной суетой в жилых коридорах. Дверь в блок Тенека оказалась приоткрытой. Гидравлика, наверное, протекает, а может, опять бараблит вентиляция, и сиделка прорывает комнату. Но когда я встал на пороге, придерживая

дверную створку, оказалось, что Тенек не лежит плашмя на топчане, уставившись мутными глазами в потолок и пуская слону. Напротив, взгляд у него был вполне осмысленным, глаза блестели, и сидел он на стуле. Лежала как раз сиделка, с заклеенным ртом и привязанная к топчану, а в комнате оказалось еще трое крепких парней. Пятнистые куртки с шевронами дежурных по этажу. У одного в глазу мигает красная точка визира. Из тридцати восьми способов избежать опасности лучший — бежать. Ничего не знаю, не туда попал. Пусть достойные простят нерадивого слугу, он просто ошибся дверью. Но я не успел даже раскрыть рта.

— А вот и Мик пришел, — бодро сказал Тенек.

3

Во время учебы трудную науку уходить от погони вколачивал в наши детские мозги тяжелый на руку господин Качуров. Даже хитрый и злой Дзамро, который вел курс по оценке промышленных сооружений, и тот сочувственно поглядывал на нас, когда его сменил наставник по выживанию. Обучающие панели он не признавал. Бывало, поднимет среди ночи, и через полчаса ты оказываешься в логове упыханных шакалов или в парке для заслуженных старичков, на каждого из которых приходится по паре охранников, а то закинет на заброшенную морскую платформу недалеко от Дикого Берега, и если ты полагаешься только на свои быстрые ноги, то их тебе могут быстро оторвать... Кое-кто из моего набора остался и без головы. Господин Качуров требовал от нас красивых, нестандартных решений. И еще он вколачивал в наши мозги системы рабочих коммуникаций локусов, учил, как проползать сквозь лучевые барьеры, а однажды показал, как из большого мешка для мусора и упаковоч-

ной ленты склеить подъемный конус. Соорудил, прыгнул в центральный колодец, и воздушный поток унес его в темную высь. Не навсегда, как в глубине души мы надеялись.

С тех пор, приступая к работе, я всегда присматриваю пути отхода. Другое дело, что клиенты иногда попадаются весьма злопамятные. Вот и сейчас, отгибая в сторону сетку ограждения, я гадал, кому же понадобилась моя голова? Кому-то очень богатому. Услуги так хорошо экипированных ребят дорого стоят. По всему выходило, что уйти мне они не дали бы. Один мгновенно оказался у двери, у второго визир в глазу вспыхнул зеленым, взяв меня в рамку, а у третьего в руках возник граненый ствол усыпителя. Я отшатнулся, отпустив створку, дверь закрылась. Тот, что прыгнул на меня, с грохотом въехал в нее. У меня в запасе была секунда или две, но на десятки метров вперед и назад по коридору ни одного подходящего укрытия, щели, дыры малой или, на худой конец, людей. Что мне оставалось делать? Бежать, разумеется. Но тут передо мной словно возник господин Качуров, грозно покачал пальцем и сказал: «Ноги оторву!» Возможно, поэтому я и не побежал, а просто ударил изо всех сил по пластиковому кружку чип-сенсора, да так, что разбил костяшки пальцев в кровь, а сенсор пошел трещинами и рассыпался. Дверь, разумеется, заклинило. Понятное дело, что они не будут ждать ремонтной бригады и сами выберутся наружу. Но минуту форы я, конечно же, получил и тут же ею воспользовался. Теперь все зависело от того, как быстро я сумею добраться до колодца и вскочить в подъемник. И еще — какие точки наблюдения они могут задействовать. И еще — нет ли у них людей по периметру колодца. И еще... Свернув в первый же проход, я ускорил шаг и перестал считать варианты. Чем ближе к колодцу, тем больше людей на улицах и тем ярче светились витрины торговых секций. Меня подмывало зайти

в ближайшую и сменить одежду, но если охотники подключились к глазкам, то это лишь потеря времени. Ярусом выше уйти было бы проще, там глухие лежбища шакалов, а у них самое веселье: раздавить сенсор, залить его краской, законопатить липучкой или попросту выжечь камеру. Поэтому с каждым ярусом вверх площадь мертвых пространств расползается, как масляное пятно по воде. Там есть где погулять нищеватым любителям свободы. Но шакалам, особенно если они в стае, лучше не попадаться. Многие из них были детьми родителей, которых посетил судебный исполнитель, и, попадись я им в руки, да узнай они, кто им попался...

В общем-то я их понимаю. Видел я исполнителей при исполнении. Трудное зрелище. Дверь в жилье вдруг испаряется, возникают закованные в броню «черные шлемы», укладывают всех лицом в пол, а потом входит мелкий типчик в цивильном и гнусаво зачитывает, содрогаясь от собственной значимости, постановление о конфискации. А куда после этого деться? Старшие волей-неволей идут на общественные работы, а малые... Не всем попадаются вербовщики вроде Дзамро. Хотя кто может сказать, сколько из наших шакалят по легенде. До колодца остался последний радиальный прогон. Эти пятьсот метров я мог бы проскочить за пару минут, но что-то мешало рвануть прямо к подъемникам.

Я замедлил шаг, пристроившись за широкой спиной ганса в кожаных шортах. На голове у него была смешная шляпа с пером. Куда его занесло! Семьи первопоселенцев живут на Зеленых Островах, а неудачники в Дрездене-1, под опекой Канцелярии. Шляпа крутилась вместе с головой из стороны в сторону, ганс кого-то явно высматривал. Потом он глянул назад, да так резко остановился, что я чуть было не налетел на него. И вот тут я увидел, что эта гадина уже навела на меня визир и сейчас второй глаз пыхнет импульсом. Времени на раздумья и красивые

решения не было, и пусть меня простит господин Качуров, но я просто изо всех сил пнул лжеганса под самый копчик, голова дернулась, шляпа слетела, а импульс слегка оплавил истертый ворс стенной обивки. На перезадрку ему нужно секунд пять. Должно хватить, потому что на третьей секунде я уже был в универсальной секции, а на четвертой — скрылся за зеркальными примерочными кабинками. В больших секциях, как правило, все торговые ряды сквозные — мое счастье. Но недолгое. В параллельном коридоре высоко, под самым потолком, жужжали подвесные кресла патрульных. Попадись я им, всех дел на минуту — запрос в Бюро, а потом еще извиняться за беспокойство. Но стоит им меня задержать, тут же догонят охотники, и вряд ли их остановят патрульные. Судя по охоте, заказчик серьезный. Вот и мне стало не до смеха, и если раньше я не очень-то напрягался, то теперь понял, что пора уходить быстро и чисто.

Один взгляд на номер этажа, другой — на цветовой код сектора и подсектора. Спокойно пересек неширокий, метров на двадцать, коридор и нырнул в ближайшую нишу с раздатчиками еды. Лишь один шакалистого вида юнец торопливо выгружал из лотка брикеты дармовой жрачки. Настороженно покосился на меня и, прижав к груди пакет, выскоичил из ниши. Наверное, иммигрант, подумал я, отгибая сетку ограждения. Из новеньких, недавно здесь, явно нелегал, боится, что поймают и выкинут из локуса. Еще не знает, что сюда как раз вход свободный, а вот наружу — нет. Чтобы не смущал покой заслуженных граждан своей немытой рожей. А при надобности отработает харч на общественных «пятницах». За сеткой обнаружились, как я и ожидал, смывные люки. Их прикрывают тяжелые замковые крышки. Но если знать код, легко открываются. Я знаю код. Вскоре я скользил по спиральной трубе резервного слива, притормаживая локтями о стены. Но все же разогнался так, что

чуть не перелетел над страховочной сеткой прямиком в разверстую пасть измельчителя твердых отходов. Все же успел вцепиться в осклизлую проволоку и, медленно ступая по угрожающе постанывающей сетке, перебрался к широкому выступу, а там уже по скобам влез на рабочую площадку. С дверью пришлось повозиться. А когда я наконец разобрался с замком, то услышал шлепок внизу. Потом еще один. Осторожно высунулся за перила и увидел в слабом освещении, как быстрыми пауками по сетке в мою сторону движутся три фигуры. На этот раз я не стал возиться с чип-сенсором, да и нужды не было. В таких местах ржавый засов времен великих реконструкций стоит десяти новейших блоков. С громким скрежетом я задвинул его до упора, а потом для надежности примотал его к дверной ручке обрывком старой, но прочной светоленты, выработавшей ресурс. Выиграл еще несколько минут, а больше и не надо.

Вскоре я оказался на ремонтных этажах, а там могут при надобности спрятаться хоть сто, хоть тысяча человек, да так основательно, что и сами себя не найдут. Но эти ребята чуть было меня не обнаружили! Кабина подъемника уже быстро поползла вверх, когда на меня вдруг навалилась, но тут же отпустила сонливость. Я понял, что луч усыпителя задел меня на пределе дальности. Ну, раз они так... На техническом ярусе, как всегда, было пустенько, но свежо. Вентиляция здесь хорошая, а народу, по сравнению с жилыми ярусами, практически нет. Только откуда-то издалека доносились слабые крики, визг, топот. Наверное, шакалы резвятся. Хотя что им делать в безмолвных коридорах? Они предпочитают людные места. А тут лишь крепкие двери в скучных, без витрин, стенах. И надо знать, за какой дверью тебя ждут неприятности, а за какой — дом родной.

Ну, насчет дома это я, конечно, пошутил. Но заблудиться в этих местах можно легко, а помереть — еще

проще. Впрочем, сейчас мне было не до воспоминаний. Поэтому я быстро поднялся на четырнадцатый этаж, взобрался по решетчатому настилу к балкончику, опоясывающему ребристые цилиндры ветряков, от гула которых саднило в ушах, и наконец добрался до неприметной двери, одной из многих в плохо освещенном переходе к эскалаторному залу. Я посмотрел в глазок, а большой палец вставил в щель сканера. Чертова с два у нас проверяют зрачок или отпечатки пальцев. Это ловушка для слабоумных. Но если какие-то неведомые ингредиенты дряни, которую ты выдыхаешь, не совпадут с контрольным выхлопом, то останешься без глаза и без пальца. Чтобы в следующий раз не шалил.

4

На что я рассчитывал? В первую очередь спустить на охотников людей Йоргена. Возьмут, как положено, не заметно для окружающих, приведут тепленькими в ближайшее отделение Бюро и вытрясут из них все: кто и зачем послал, сколько заплатил, ну и остальные мелкие подробности. Если это старые счеты, к заказчику придется снова посыпать мытаря, значит, денежки завелись. Конечно, и мне грозят штрафные начисления за то, что засветился. Предупреждали меня ограничить контакты с Тенеком — не послушался. Впрочем, я готов был списать со своей процентовки даже сотню дебетов, лишь бы посмотреть, как будут выколачивать пыль из моих преследователей. Но обеднеть на сотню так и не пришлось. Сначала мне даже показалось, что я не туда попал. Пустые комнаты, внутренняя охрана словно испарилась, стены голые — аппаратура тоже исчезла. Лишь в четвертой комнате я обнаружил Йоргена, озабоченно нависшего над монитором, расстеленным по столу.

— Долго же ты добирался, — проворчал он.

Я хотел спросить, куда все подевались, но тут он поманил меня пальцем. Подойдя к столу, я глянул на монитор. Судя по сетке, на нем считывались показания с сенсоров чуть ли не со всего этажа. На срезе план большого кольца напоминал соты больных пчел. А вот и пчелы: желтые точки медленно расползались в разные стороны от темного круга колодца. Йорген коснулся одной точки, другой, третьей... на мониторе по очереди возникали изображения коридоров, переходов, пролетов, и везде шныряли люди в зеленых куртках, в комбинезонах общественных работников и даже в серебристых плащах патруля.

— Сколько их сюда набежало! — удивился я. — Десятка три, не меньше.

Хмыкнув, Йорген лишь покачал головой, свернулся монитор в трубку и, сунув его под мышку, ушел в соседнюю комнату. Я пошел за ним, и в следующую минуту тесная кабина служебного лифта несла нас вниз. Слабый шелест, сопровождаемый щелчками, означал, что в шахте срабатывают блокирующие перегородки, и этой линией теперь мало кто может воспользоваться.

— Это я их привел?

Вопрос остался без ответа. Йорген смотрел на меня, моргал белесыми веками и молчал. Ну ладно, скажет, когда сочтет нужным. Но если я стал причиной эвакуации отделения, то Сатян с меня голову снимет или, что хуже, закроет счет. И в день совершеннолетия, когда я получу право свободно распоряжаться своей процентовкой, кроме свободы, у меня ничего не окажется. Нет, что-то не схлопывается! Очистить восемь больших комнат отделения за... сколько минут я бегал и прыгал?.. нет, невозможно. Значит, не из-за меня. Просто совпало, составилось и наложилось. Только это что же получается: еще пара минут, мы разминулись бы, и сейчас я стучался бы

в дверь на радость охотникам? Наверное, это все нарисовалось на моем лице, потому что Йорген похлопал по плечу и сказал:

— Я ждал, когда появишься. Тебя вели еще с транспортной развязки.

— Кто вел?

— Правильный вопрос. Правильный ответ: не знаю. Тебе повезло, что слежку засекла служба сопровождения. Мы подключились к сенсорам, но ты ловко ушел от наших камер.

— Как они меня выследили?

— Наверное, у них лучше система наблюдения. А может, твой слетевший дружок сдал? — Кривая улыбка Йоргена показалась мне зловещей.

— Да он ничего не мог рассказать!

— Но ждали тебя у него! Значит, что-то смог.

Я пожал плечами, но возражать не стал. Все равно будет расследование, тогда и наговорюсь вволю. У любого, кому на голову напялят рогатый обруч «правдолюба», язык превращается в помело. Молча мы добрались до терминала, молча прошли сквозь ряды контрольных арок, а на первом ярусе они чуть ли не на каждом шагу, свернули у парка к подъемникам на служебные этажи и вскоре оказались у неприметной двери, за которой начинались апартаменты нашего филиала. Не часто наш брат удостаивается высокой чести побывать здесь. Еще реже можно увидеть господ начальников. Каждый из нас работает со своим куратором, от него получает задание, к нему возвращается с отчетом. Или не возвращается. Моим же куратором был сам начальник филиала благородный господин Сатян.

После выпускных испытаний я сразу же угодил в богатую колонию в системе Макари, провел изыскания, определил размер десятины и вызвал исполнителей через две недели, тогда как от меня ждали сигнала через три, а

то и четыре месяца. Начальник отметил мое рвение и удачу, взял под личное наблюдение, а потом перевел в особую группу, которая отчитывалась только ему.

Это было здорово! Мог ли я гадать, бесцельно топча грязь на Параисо, что не пройдет и пяти лет, как я стану лицом значительным, мало того, весьма значительным. Дебетов на моем счету хватит, чтобы содержать безбедно сто человек двести лет, и скоро я смогу тратить, не обращаясь каждый раз за разрешением к куратору...

О-о, вот тогда я непременно вернусь в свою родную деревеньку, пусть все посмотрят на Мика Лавитта, сына пьянички Лавитта, и увидят меня в блеске богатства и могущества. И папаша мой тогда подавится своей бранью! Но стоило увидеть озабоченное лицо господина Сатяна, как блестящая картинка померкла в моих глазах.

5

От нашего локуса до ближайшего портала несколько минут на воздушной тяге. Но пришлось добираться чуть ли не на другой конец материка, к сожалению, окна совмещений в ближайшее время могли открыться только в портале локуса Бранденбург или же Магистратуры. Сами переходы мгновенны, но ритмы мерцаний у всех порталов разные. Для того чтобы быстро перемещаться по ареалу, приходится ждать, пока сойдутся нужные. Две три прыжка можно сделать практически всегда, а вот когда нужно в конкретное место и конкретное время, тогда возникают проблемы. Да и с очередностью не всегда складно выходит, у нас легенды несолидные, возраст не тот.

До Магистратуры в общем-то недалеко, час лета, но я не такая важная фигура, чтобы вламываться с предписанием наперевес к сановным чинам, которые при

случае и двери в Канцелярию пинком открывают. Вот и пришлось почти два часа скучать в полупустой кабине, рассекая воздух над зелеными пятнами лесов и парков, поглядывая время от времени на тонкие черные нити каналов, на слабо мерцающие в закатном свете полосы рек... Где-то на полпути подо мной в опасной близости промелькнул темный круг локуса, обрамленный разноцветными огоньками. Интересно, что стало бы с каким-нибудь любителем экстремального полета, если бы он вымахнул в этот миг на конусе из жерла центрального колодца прямиком в воздушную струю тяги? Успел бы раскрыть параплан? Вряд ли. Нас учили в школе искусству подъемов и спусков. Сам господин Качуров недолюбливал богатых бездельников, да и конус считал глупой игрушкой, однако требовал от нас умения использовать подручные средства для ухода от преследователей.

Со мной в кабине летели три девицы в черных мундирчиках орбитальной стражи и немолодой ганс в цивильном. Одна из девиц пару раз глянула на меня и словно невзначай покачала голым коленом. Ну, это лишнее. В другое время я бы охотно поговорил с ними, но сейчас губы, скулы, да и вообще всю физиономию сводило от нестерпимого зуда. После форсированной переделки лица всегда свербит! Сама переделка длится пять минут: облепят твою морду толстым слоем жирной вонючей мази, налепят на нее электродную сетку, введут программу модификации, и тут начнется жуткая щекотка! Ополоснут фиксатором — и сам себя не узнаешь. Но щекотка, вот в чем главная подłość, продолжается. И ты несколько часов стараешься не расцарапать в кровь свое новое лицо. Чешется так, словно тысячи муравьев бегают по твоим щекам, носу, подбородку...

Но по порядку. Значит, сначала я получил новое задание. Потом Йорген отвел меня к модельерам, и те сме-

нили портрет. И только после них у меня произошел короткий и странный разговор с господином Сатяном. Трудно собрать мысли, когда мерещится, что твоя кожа вот-вот распадется на клетки. Итак, сперва я доложил начальству о прибытии, хотел рассказать о погоне, но не успел. Господин Сатян грубо перебил меня, заявив, что его не интересует мера тупости сотрудников, затем велел немедленно отправляться на задание. Задать вопрос «куда?» я тоже не успел. Рядом возник кто-то из сотрудников, надел на мою левую руку инициирующую манжету, и через долю секунды в моем чипе уже сидели новые сведения о моей личности. А еще через секунду короткий укол в ключицу заставил вздрогнуть: это ввели капсулу горячего вызова. Не зря его так называли: жидкий огонь раскаленными брызгами словно выжег мои нервы, оставив тонкие обугленные нити, в голове все перемешалось, глаза налились едкими слезами.

Нейромаяк взведен. С этого момента задание считается оформленным и не может быть никем и ни при каких обстоятельствах отменено. Пока я адаптировался к новой легенде, развалившись в широком кресле с подувом, мои мысли вяло шевелились и никак не хотели цепляться друг за друга. Только начал соображать, как Йорген взял меня крепко под локоть и потащил через сквозные кабинеты, переговорные залы, обитые натуральной кожей («нерадивых клиентов», как однажды пошутил господин Сатян, введя какого-то незначительного просителя в ступор), через роскошный внутренний парк для сотрудников филиала (там даже есть пруд десять на двадцать, в котором плавают два искусно слепленных биота, Гензель и Гретель, приветственно взмахивающие крыльями при виде своих и со злобным шипением клацающие зубастыми клювами на просителей) и привел наконец в подстанцию к модельерам. Потом я сидел перед господином Сатяном, сцепив пальцы на мертвый ключ, пото-

му что очень уж хотелось разодрать кожу на лице и унять зуд. Вот в такой последовательности.

К расследованию, как выяснилось, никто не собирался приступать. Слабое, но утешение. Пока я утешался этим, начальник филиала навешивал на меня стандартный набор лозунгов и фраз насчет важности нового задания, были слова о высокой миссии, ну, все как всегда. Я терпеливо ждал, когда закончится ритуальная на-качка и мы перейдем к вводным: сроки и специфика задания, уровень риска, местоположение объекта, фискальный потенциал которого надо определить, и, самое главное, кто я теперь по легенде? Наконец приступили к делу.

— Первые сигналы обработали три года назад, — господин Сатян указал пальцем себе за спину, туда, где этажом выше располагались аналитические службы дознавателей. — Но тогда сведения были недостоверными, какие-то слухи, обрывки подслушанных разговоров, не-понятные смещения финансовых потоков... Полгода назад пришел горячий вызов с Новой Вестфалии. Вызов оказался ложным, однако выявились следы крупных переводов, вроде как на закупку большой партии строительных машин, но концов так и не нашли, ни одного дебета втемную...

Он подробно объяснил мне, где и в каких точках ошибся разведчик, а я слушал его, кивал понимающе головой и пару раз к месту вздохнул, а сам в это время соображал, кому так не повезло? За ложный вызов, как правило, следует отчисление, а в итоге неудачник быстро оказывается на общих яруса без денег, без знакомых, без жилья... «Бездработный мытарь — практически покойник», — любил говорить Дзамро и был, к сожалению, прав.

Не любят нас бедные люди, видя в мытарях источник своих бед. Это несправедливо. Но богатые не любят нас еще больше, поскольку мы выясняем, платят они честную

десятину или злостно уклоняются от исполнения священного долга. Богатеи, в отличие от бедняков, иногда норовят не просто убить выявленного разведчика. Они, такие злодеи, изо всех сил стараются направить его по ложному следу, запутать, скомпрометировать... На орбитальном пакгаузе я чуть не попал в хитроумную ловушку, запрятанную в бухгалтерских файлах. Вызови я тогда исполнителей на ложные номера, кончилась бы моя карьера в один горестный миг. Но только неопытный разведчик полезет сразу в местную сеть, чтобы получить неопровергимые улики. А опытные знают, что неопровергимые доказательства не таятся в закодированных массивах и не лежат под многослойными экранами сейфов. Надо доверять своей интуиции, и тогда все окажется на виду. Мое первое задание было на Крафтверке, и провел я его с блеском, даже близко не подойдя к архивам, библиотекам или кварталам аристократов. Хватило месяца работы помощником составителя рецептур в санитарной бригаде наемной армии одного удачливого авантюриста, пару недель походил в напарниках у смотрителя ассенизационной помпы в столичном городе и еще месяц гулял по местным тратториям, выдавая себя за беглого донора. А на пакгаузах я выявил девять тайных складов, в каждом из которых можно спрятать чуть ли не третью локуса. И теперь на меня очень злы хозяева складов, братья Хагены, настолько злы, что, по всей видимости, крупно заплатили за мою голову охотникам.

Господин Сатян явно был чем-то озабочен. Вместо того чтобы сразу дать вводные и вытолкнуть на задание, он долго, с ненужными подробностями демонстрировал кривые сходимости, таблицы разброса и прочую хрено-тень, которая наверняка не понадобится. Я терпеливо ждал. И дождался. Стены кабинета ушли в пол, нас окружили десятка два напыщенных ливрейных из Канцелярии, а среди них сам герр Власов. Его изображение я

видел много раз, а теперь довелось воочию. Странные дела... Насколько странные, я понял, когда герр Власов сухо отрешил господина Сатяна от должности до особого распоряжения.

Тут же последовало особое распоряжение, и он низверг Сатяна из господ в гражданство. Потом обвел ледяным взором застывших сотрудников и великодушно процедил: «Без ущемления достоинства и конфискации трети наажитого». Все произошло очень быстро. Реакции мои были еще замедленны, а когда пришли в норму и чесотка чуть поутихла, обнаружилось, что начальником отдела стал господин Йорген. Он был краток. Подтвердил задание, хотя этого не требовалось. Мытарь на задании не подчиняется даже самому герру Власову. Потом с него могут снять кожу узкими полосками, если вызов окажется ложным. Или станут гонять по такими тухлым и благопристойным миркам, что десятина не оправдает затрат на ее изъятие.

Но вряд ли господин Йорген, ныне протягивающий мне зеркало, захочет лишиться такого добычливого мытаря, как я. В зеркале возникло лицо, напоминающее о каком-то полузаытом человеке. Прищурившись, я разглядывал широкие скулы, прямой нос и тонкие губы. Если прибавить лет тридцать, вылитый папаша Лавитт в редкие трезвые минуты. Модельеры попросту восстановили мое лицо, только лет на семь старше. Даже родинку под левым глазом вернули!

А когда я спросил, какая теперь легенда, настала очередь удивляться господину Йоргену.

— Так он тебе не успел сказать? — вскинул светлые брови новый начальник филиала. — Никакой легенды, ты — это и есть ты, Мик Лавитт. Так указано во вводных, а причина теперь несущественна, разбирайся сам. Кстати... — он наклонился ко мне и продолжил вполголоса: — герр Власов намекнул, что в случае отказа по болезни санкция не последует. Так что смотри...

Ну да! Чтобы почетно списали в утиль и выкинули на свалку! Не припомню, чтобы в здравом уме кто-то из наших добровольно ушел с задания. Господин Йорген хоть и тихий, но хитрый. Мало ли на что намекал герр, да еще без записи. Я хоть и редко бываю в апартаментах, но про интриги здешние наслышан еще со времен обучения. Поэтому изобразил непонимание.

— На какой площадке мне работать?

— Вот направление.

Он кинул через стол пластинку трафика. Я бегло просмотрел длинный список индексов промежуточных порталов, глянул в конец и насторожился. Портал 224, надо же! Мало кто в памяти держит привязки порталов к мирам, но это число было вырезано черным по серому на круглой площадке, окруженной рядами невысоких блестящих столбиков. Сверху, со стороны лесистого склона, в кустах которого затаились мы с Тенеком, числоказалось совсем маленьким, маленьким показался и лихтер, возникший в мареве перемещения. Все сложилось, и, стало быть, я отбываю на Парайсо.

6

Сам прыжок от портала к порталу, как известно, длится миг неуловимый, а то и меньше. Да только каждый портал имеет свои интервалы готовности, которые зависят от положения местного светила и массы планеты. Рассчитать совпадения двух, трех, четырех интервалов точек можно хоть в уме, но и с каждой точкой возрастает общее время. Держать в голове частоты нескольких сотен порталов, чтобы прикинуть хитрые трассы, сокращающие время ожидания, бессмысленно, для этого есть машины. На регистрации меня пообещали доставить на место за три, в крайнем случае за четыре дня, если быстро

управляется с погрузкой-разгрузкой и вовремя пройдут окна синхронизации.

Лихтер был похож на огромный пучок связанных вместе длинных баллонов из-под сжатого воздуха. После контроля и досмотра стюард провел меня к каюте, которая находилась где-то в середке этой связки. Пассажирская секция напоминала большую трубу, выложенную изнутри сотами кают. Идти пришлось пешком. Пандус спиралью уходил вверх и терялся в слабой подсветке. Под ногами мерзко поскрипывал дешевый истертый ковроплен, шум, топот ног, щелчки дверей, голоса детей и взрослых сливались в тяжелый гул. Знакомая картина...

Скоро все пассажиры, а их не меньше пяти, а то и шести сотен, разбредутся по своим каютам и начнут весьма разнообразно коротать время в пути. Одного или двоих придется отскребать с нижней палубы, потому что всегда найдется ловкач, который обязательно протащит литра три шнапса в банках из-под детского питания. Длинные перегоньи могут тянуться неделю, две недели, а на путешествие лайнером не всякий изыщет лишние дебеты. Вот и убивают время как могут. Иногда убиваются с перепоя. У каюты стюард вернул мне пластинку трафика и, прежде чем уйти, сказал, что среди пассажиров кто-то тоже сходит на Парадисо.

Забавно! Года два назад во время отпуска я специально потратил день на архивные массивы и выяснил, что на Дрездене с моей незабвенной родины никого, кроме меня и Тенека, нет и не было в последние тридцать лет. Любопытно, кому еще понадобилось лететь в забытую Богом и налоговой службой дыру? Может, охотник увязался за мной? Откуда узнал? Не затаился ли червяк в нашем филиале, а то и выше, не протекает ли защита? Что, если бывший начальник замешан в этих дела? Интересно, где он сейчас?.. Вопросы роились, как желтые мушки в

гноище, но ответ на последний я получил, не успев закинуть сумку с вещами в лоток над узкой кроватью.

— А я как раз в соседней каюте, — раздался знакомый голос за спиной.

И мне стало ясно, что три или четыре дня моим попутчиком будет гражданин Сатян. Наверное, это будет очень интересный полет. Вскоре я понял, что ошибся: к концу первого дня он успел зашнуровать мне мозги насухо. К старшим всегда отношусь уважительно, но Сатян, по-моему, сильно сдал после разжалования. Только я успел ему немного рассказать о своей беготне по локусу, как он вдруг взмахнул руками и начал говорить сам. Он не мог остановиться, а прервать было неудобно, хотя когда он пошел по третьему кругу, я не выдержал, зевнул и повалился на койку. А он, не обращая на меня внимания, сидел на откидном стуле и, уставившись в невидимую точку, продолжал бесконечную историю о тонких взаимоотношениях между Канцелярией и Фиском, об интригах между филиалами Фиска и склоками начальства, большого и малого, уважительно отзывался о герре Власове, который, хоть не из первопоселенцев, но выслужился благодаря талантам, потом вдруг вспомнил о задании и снова принялся мусолить непроверенные слухи о подозрительных богатствах, которые якобы скапливаются у некоего могущественного Речного Старца, а за ним явно стоит Федерация, тайно ведущая подкоп под финансовое благополучие Анклава; и на Параисо, очевидно, промежуточной точке трансфертов и грузопотоков, он выявит истинное место их получателя, и тогда мне следует, не тратя времени на эту аграрную дыру, двигаться с ним вместе дальше, к возвышению и преуспеянию...

Мне стало ясно, что задание он для меня придумал в попыхах, ему был нужен мытарь на задании, чтобы иметь под рукой горячий вызов. Себе, однако, ввести капсулу

с марабутином Сатян не смог или не захотел. В школе поговаривали, что каждый вызов стоит якобы пяти-шести лет жизни. Наверное, пугали, но встряска нервной системы, срабатывающей как нулевой диполь, не каждому старичку по силам. Пробирает крепко. Не забуду, как на учениях из одного широкоплечего караима все харчи со свистом и треском вылетели, когда он запустил вызов. Мы долго приставали к нему с вопросом, что быстрее долетит до штаба исполнителей — сигнал или его завтрак?

Заснуть под монотонное жужжение Сатяна не удавалось, я дремал, и в полузыбытии передо мной проплывали лица Тенека, дурочки Венды, весельчака Дробыша, с которым мы подружились на первых занятиях, но потом нас раскидало по курсам, и больше я его не видел; вспомнил, как Дзамро притащил меня, полудохлого, в приемник школы, где еще с полсотни таких же бездомных, беспризорных голодранцев принялись мыть, кормить и лечить одновременно...

И еще вспомнилось, как наставники в беседах ласковых и в разговорах спокойных легко и незаметно вытрясли всю нехитрую историю моей жизни. Потом доходчиво объяснили, в чем причина моих горестей. Мне и невдомек тогда было, что колотушки, которыми угощал пьяный отец, смерть матери от сепсиса при моем рождении и даже возня с грязевыми запрудами вместо достойной учебы не судьба и случай. А всему виной жлобство чванливых технобаронов, засевших на шести планетах системы Идалго, скопость толстомясых биомагнатов, процветающих в третьем Поясе Обломков, злодейство и беззакония наглых букиньеров, глубоко затаившихся в своих разбойничьих гнездах и тоже, разумеется, забивших болт на десятину... Я истово кивал, соглашался, и, кажется, праведный гнев разгорался в моих глазах. Хотя поначалу был уверен, что эти пустые слова ничего не значат,

а папаша лакал, потому что пил его отец; дед Лавитт же, по рассказам самых трухлявых старииков, гулял так, что небеса содрогались и скалы осыпались мелкими камешками. Я тоже сопьюсь, если не буду осторожен с хмельным. Так уж моему роду положено.

Но вот серые плоские коробки — обучающие панели — впихнули, пока я спал, в мою тупую голову чертову уйму премудрости.

Я быстро поумнел и понял, что такое индекс генетического риска, как выправить наследственность и, главное, сколько это будет стоить. Потому что в первую очередь, во вторую очередь и во все остальные очереди мы изучали базовую дисциплину — криптономику, — хитрую науку определять истинную ценность вещей, выявлять скрытые доходы, определять экономический потенциал как маленьких факторий, так и могущественных миров. Я узнал, что мытари — не такие, как все. Невидимые и неслышимые, проходят они везде, нет им преград, их тайное служение — высокая честь, доступная лишь избранным. Нас распирало от новоявленной силы, — мир стал прозрачным, — одежда человека, прическа, татуировка, даже его походка говорили о том, сколько он стоит на самом деле и на какую сумму хочет выглядеть. Пара дней гульбы в местных забегаловках выявляла средний уровень скрытых доходов жителей какого-либо городка быстрее и точнее, чем ковыряние официальных представителей в отчетных файлах.

Вскоре я стал так здорово разбираться в высоком искусстве, что мог без магнитометрии, просто на ощупь, отличить подлинную скульптуру мастера Шамо от матричной копии, или на слух — штучный зонг Вулевейдера от тиражного. Но Метрополия не снисходила до таких мелочей, ее заботили дела миров, которые норовили зажать десятину, и порой это им удавалось годы и десятилетия. Но когда руки доходили до таких злостных

неплательщиков, то кнут, а не пряник был в этих руках, вся недоимка бралась полностью, до последнего дебета, до последней гнилой нитки. Пара-тройка процветающих миров из-за жадности своих правителей в итоге перешла под управление Канцелярии, и миллионы жителей надолго забыли о роскоши и озабочились хлебом насущным.

Эти назидательные истории радовали нас.

Наверное, я все же заснул, потому что меня разбудили дробные удары в стену и чей-то слабый крик, тут же оборвавшийся. Дверь была закрыта, на откидном стуле, привалившись головой к стене, тонко всхрапывал Сатян, так и не ушедший в свою каюту. Наверное, стук и крик мне приснились, решил я, но что-то все же беспокоило. Я отодвинул шторку, прикрывающую санблок, ополоснул лицо, вернулся. Что изменилось? За правой стеной — тихое семейство жаков; они, я так понял, добираются транзитом до ближайшего нейтрального портала, а оттуда в сектор Федерации. За левой — каюта Сатяна.

Так, а это что такое?! Левая стена была покрыта мелкими волдырями, словно тонкий металл переборки внезапно пошел пупырчатой сыпью. Уродливые вздутия беспорядочно разбросаны по стене, у одной световой на克莱ки даже отлип уголок. Сатян вдруг громко всхрапнул и раскрыл глаза.

— Мы уже на Параисо? — бодро спросил он.

— Почти, — ответил я.

7

После того как нас заперли в каюте, Сатян меланхолично заявил, что теперь вряд ли насладится гостеприимством моих земляков. Мы посмотрели друг на друга и рассмеялись. Удержать двух мытарей в этой конуре — смешнее не придумаешь! Правда, если вахтен-

ный сообразил поставить у двери кого-то из команды, уйти будет нелегко. Нам было обещано во всем разобраться спокойно и беспристрастно... после того как недели через две вернемся в Метрополию. Занесли ящик с брикетами путевого рациона, кинули надувной матрас для Сатяна, а вахтенный посоветовал меньше дергаться и больше спать. Мне показалось, вахтенный не очень удивился тому, что кто-то в форме стюарда проник ночью в каюту Сатяна, чтобы подложить ему под подушку шрапнельного ежа.

Но то ли он задел спусковую железу, то ли еж проснулся не вовремя, превратив лжестюарда и все, что было в каюте не из металла, в решето.

Много чего я повидал за годы учебы и работы, а Сатян еще больше, но при виде разлохмаченного в кровавые ошметки тела, обсыпанного перьями, меня замутило. Мой бывший начальник тоже, наверное, представил, во что он мог превратиться, и закатил глаза. Разумеется, через минуту мы были в норме. Но вежливая просьба вызвать капитана почему-то не понравилась вахтенному, и он распорядился изолировать нас. И вот я сижу на стуле, а Сатян — на кровати, мы ухмыляемся, как два обкуренных идиота, а между тем легкая дрожь корпуса возвещает о том, что лихтер прошел сквозь очередной портал.

— До Параисо восемь окон, так ведь? — Сатян вдруг перестал улыбаться.

— Сейчас посмотрю... — Я достал пластину трафика. — Да, так оно и есть. Но какое окно мы сейчас одолели, третье или четвертое? Кажется, третье.

— Кажется — или третье? — брюзгливо спросил он.

Отцепив пальцы Сатяна от лацкана моей куртки, я сказал, что шестой портал точно не пропустим, там, на пляжи Карайма, выйдет не менее половины пассажиров, услышим.

— А что это за название такое — Параисо? Кажется, на языке букиньеров означает «райское местечко».

Я пожал плечами. Меня интересовало другое.

— Нам повезло, что охотник перепутал каюты. Но когда он успел попасть на лихтер?

— Кто сказал, что перепутал? — нахмурил кустистые брови Сатян. — Ты до сих пор думаешь, что они за тобой бегали по этажам локуса?

«Не за тобой же, старая ты развалина!» — чуть не брякнул я, но сдержался. Не складывается картинка. Меня и впрямь раза три могли взять или зашибить, но я как-то уходил от охотников. Не слишком ли мелкая дичь для такой большой облавы, задумался я. Братья Хаген, конечно, очень сердиты на меня, но начальник отдела, что ни говори, более ценная дичь. Это что же получается, меня использовали для наводки? Наверное, мои мысли отразились на лице, потому что Сатян покачал пальцем и сказал:

— Ты вообще ни при чем. Они гнались за тобой, чтобы выкурить отделение, а Йорген попался на эту дешевую уловку и чуть не привел их к филиалу. Я мог бы вызвать дополнительную охрану, но Канцелярия не любит, когда ей создают проблемы. Было у меня подозрение, что я на верном пути, а теперь точно знаю, — здесь замешаны люди Речного Старца.

— Кого-кого? Ах да, вы что-то ночью говорили...

Он уставился на меня бешеными глазами, дернул кадыком и медленно выдохнул.

— Большие деньги, мальчик, очень большие деньги ходят где-то рядом, — прошептал он. — Все очень просто, или мы первыми выйдем на того, кто контролирует потоки, и крепко тряхнем его, или он нас трахнет во все дыхательные и пихательные! Мне еще полгода назад аккуратно предлагали закрыть кое-какие дела, не копаться сверх надобности в некоторых файлах, не трогать братьев Хаген...

— А что Хагены?! — вскинулся я. — Взяли чисто, девять черных складов накрыли.

— Накрыли, — согласился мой бывший начальник. — Хорошая работа была, хвалю.

Я хмыкнул. Орбитальный пакгауз для меня вроде отдыха, разминка между серьезными делами. Когда на твоем счету пяток тяжелых индустримальных миров и две глубоко ушедшие в тень системы, такие задания могут показаться оскорбительными. Но кто оспаривает приказы, тот долго не живет.

— Только склады оказались пустыми, — продолжал между тем Сатян. — Что там было на самом деле, куда перегнали, так и не выяснилось. По файлам якобы костяная мука для биофабрик на Кранахе. Но там гражданская война, и проверять — себе дороже.

Он помассировал себе виски, потом сказал, что копать под него стали раньше, чуть ли не в позапрошлом году, после рейда исполнителей на какую-то аграрную дыру, с которой еле-еле наскребли десятину. Среди конфиската оказалось несколько сотен тонн свинцовой проволоки, неизвестно кем и для кого туда завезенной. Вот с тех пор он заметил пристальное к себе внимание, мелкие неприятности потянулись одна за другой и привели в итоге сюда, в запертую каюту, в то время как нам обязательно надо оказаться на Парадисе. Поэтому он готов спорить на все свое оставшееся добро, что именно там мы получим наводку на портал мира, в котором засел этот чертов Старец. И даже если мир этот находится, как он подозревал, в секторе Федерации, то все равно Сатян твердо решил добраться до него и выяснить, кто так ловко его сковырнул.

Мне, впрочем, показалось, что он горячится. На вторжение в Федерацию без пары сотен тяжелых рейдеров решится тот, у кого в мозгах светлячки завелись. Хотя кто знает, вдруг Сатян в молодости был исполнителем? Я ис-

пытующе глянул на него... Нет, непохоже. Плешивый коротышка, да и лет ему не менее сорока. Староват, чтобы на вражеской территории орудовать. К тому же наше дело — разведка. При случае можем дать по соплям или уйти от погони, этому нас крепко выучили. Из запертых помещений выбираться тоже.

Так что мы покинули каюту сразу же по прибытии на Параисо. Господин Качуров был бы очень недоволен тем, как неизящно это было проделано. Лихтер вздрогнул, пройдя сквозь портал, пол мелко завибрировал. Это, как всегда, поворотный круг разворачивал прибывших к разгрузочным докам, освобождая площадку на случай, если через портал случайно пройдет другое судно. Такое, говорят, произошло лет двести тому назад из-за управленияющих машин. Взрывом разнесло в мелкую пудру корабли, площадку, а заодно и планету.

Вибрация прекратилась, и в этот миг я отколупнул световую наклейку, затолкал ее в щель воздушного сенсора и поджег. Стойкий пластик загорелся с трудом и тут же погас. Но вонищи успел напустить... Пожарный сигнал и дверная автоматика сработали одновременно. Вахтенный все же догадался поставить у двери дежурного. Тот, ни о чем не подозревая, мирно прислонился к панели, и когда она резко ушла в стену, кувырнулся прямо нам под ноги. Через минуту он сидел со связанными руками и носком во рту в тесном закутке санблока, а мы спокойно вышли на пандус и смешались с возбужденной толпой путешественников, спешащих размяться на свежем воздухе, пока идет погрузка-разгрузка. Знали бы, что их ждет, не спешили бы так, злорадно подумал я. Горячий ветер, пыль, безлесые горы со всех сторон, облепленные ползучим бурьяном стены перевалочных складов, и никаких развлечений. Отсюда никто не отбывает из-за бедности, и сюда никто не приезжает без особой нужды. На

выходе никого из команды не было, нас никто не остановил. Мы, не суетясь, покинули лихтер и ступили на суровую землю моей родины.

8

Ошибка! Неправильно сосчитал переходы и промахнулся. Где же мы теперь? Зеркальные окна многоэтажного рестхауза, гофрированные ангары воздушных больших грузов, каскадом возвышающиеся друг над другом складские мобили... Нет, совсем непохоже на мой захудалый мирок, где раздрызганные колесная тяга владельца хозяина городка Уруч, раз в два месяца проезжающего с грохотом и лязгом через нашу деревеньку, казалась чудом из чудес. Часть пассажиров направилась к зданию, над которым светился шар миграционной службы с черно-желтым коршуном Анклава. Мимо нас к грузовым секциям лихтера прошелестели огромные разгрузчики. Хорошая техника, неизношенная, дорогая. Вообще-то порталы на балансе Канцелярии, все же предварительную оценку сделать можно. Хотя зачем? Горы, правда, слегка напоминают те изрезанные расщелинами склоны, с которых чуть не сдуло меня и Тенека. Но все остальное...

— Вспоминать детство золотое будешь после, — зашипел Сатян и больно ткнул меня пальцем в бок. — Быстро уходим, пока нас не хватились! Где тут у вас развязка быстрой тяги?

«Быстрого транспорта на Параисо никогда не было, — подумал я, — но ты, дедок, уже приехал! Прямо сейчас и прямо здесь будет тебе плохо, как только узнаешь, что мимо дырки шарик ухнулся». Промолчав, я огляделся в поисках местных жителей. Высокий парень в синем комбинезоне соскочил с подножки разгрузчика и подошел к

открытой решетке подъемника. Слегка качаясь и морща лоб, я направился к нему.

— Ну и крепким же пойлом вчера угостили, — сообщил я, моргая, словно от рези в глазах. — Где это мы, друг, как называется ваша планета, номер портала, если нет названия?..

Парень уставился на меня, долго что-то соображал.

— Любезный господин, неужто ты впервые здесь? — медленно, словно пережевывая слова, проговорил он.

— Вы уж простите моего непутевого племянника, — голос Сатяна заставил аборигена перевести взгляд мне за спину, — долгая дорога изрядно нас утомила, а номер портала отсюда не виден.

— Ага... — Парень снова принял разглядывать мое лицо, прищурился, почесал нос мизинцем.

Вот черт, знакомый жест!

— Что — ага? — осведомился Сатян. — Забыл, как планетка твоя называется?

По-моему он начинал сердиться.

— Номер портала у нас будет двести двадцать четвертый, — невозмутимо сказал парень, — название мира я помню, но вот чего не припомню, так это чтобы у тебя, Мик, дядя был. Или он такой же пропавший бухарик, как папаша Лавитт?

Если он рассчитывал меня сильно поразить, то ошибся. Я мог забыть его бараньи глаза, не помнить шепелявый выговор, но от привычки чесать нос мизинцем старший брат Венды так и не отучился.

— Много ты знаешь о моих родственниках, Винц? — спокойно ответил я, но сдержать улыбки не смог.

Все же мы добрались до Параисо! После школы я нечасто вспоминал моих земляков-голодранцев, а когда в памяти всплывали детские обиды и горести, то и вовсе гнал их из головы. Но сейчас почему-то накатило уми-

роторение, показалось, что все теперь пойдет гладко. Такое ощущение возникло не только у меня.

«Кажется, первый круг неприятностей мы прокочили», — пробормотал Сатян. В этот момент кто-то из пассажиров чихнул. Надо было четырежды поплевать себе под ноги, но я не верю в приметы. На контроль и досмотр мы не потеряли ни минуты. Это Винц расстарался, прошел через служебный рукав, шепнув что-то скучающему в кресле у барьера охраннику. Охранник приложил палец к козырьку лихо заломленной смешной фуражки и, зевнув, выключил барьер. Служебный рукав оказался чудовищно длинным. По пути мы лишь пару раз встретили грузовые тележки, наполненные под завязку.

Винц пояснил, что тоннель проходит под скалами, обрамляющими портал, и ведет к стоянке. Он поминутно хлопал меня по спине, радостно скалил прекрасные белые зубы, а на мои аккуратные вопросы отвечал сумбурно и нескладно, так что понять его было трудно. Мы вышли на открытое пространство. Стоянка с десятком кабин воздушной тяги примыкала к небольшому строению без окон. Еле заметное в утреннем свете мерцание щита над его куполом выдавало силовую установку. Я завертел головой, сомнения не покидали меня. Когда это успели поставить новеньkąю мощную подстанцию, уместную для процветающего индустриального мира?

И вот что еще меня смущало: расклад судьбы обещал Винцу путь его семейки, и ему надлежало быть тупым пейзаном и по уши в навозе. Ну, мозгов у него явно не прибавилось, но был он чисто выбрит, пах хоть и дешевым, но одеколоном, а вовсе не прелым кизяком. Судя по всему, крупно повезло парню, устроился на хорошую работу. Если бы в детстве кто сказал...

Когда угорел помощник истопника в доме владетельного хозяина городка Уруча, то на его место из сотни

претендентов со всех ближайших деревенек отбирали. А больше Уруча пять или шесть городов было на всем Параисо, и приобрести их можно было за сотню тысяч дебетов, причем со всем добром, с людьми и хозяевами. Я, например, сейчас легко мог скупить, если бы не запрет на свободное распоряжение процентовкой до совершеннолетия.

Сатян же был доволен тем, что мы благополучно выбрались с территории портала, и не обращал внимания на мою скованность. Винц привел нас к стоянке, усадил в кабину шестиместной воздушной тяги, а сам взялся за управление.

— Твоя тяга? — спросил Сатян, откидываясь на мягкое сиденье.

— А чья же! — ответил Винц. — Ну, полетели в Кущи.

Дорогая техника, отделка тоже недешевая. Очень интересно. Сколько же ему платят и почему до сих пор не убили? Помнится, у нас в Кущах иногда загадочно исчезали постояльцы корчмы, у которых водились девушки. Деревенский староста пару раз начинал долгие разговоры с отцом Тенека, но тот стоял на своем — ушли поутру и даже не заплатили. Подозревали старого Кима, что жил на выселках и поставлял в корчму мясные закуски, но у него сил едва хватало на то, чтобы забивать собак, которых порой мы с Тенеком приводили к нему. Почему-то раздражал тот факт, что Винц, которому явно не стукнул двадцать один год, имеет леталку. Водить я умею хорошо, по одной из легенд даже был дальнобойщиком. Но чтобы купить собственную тягу, мне надо дождаться совершеннолетия. Зато, неожиданно подумал я, в любой миг можно проверить счета Винца, и мы еще внимательно посмотрим, какая у него фискальная история. Эта мысль заставила встряхнуться и сбросить с себя вязкое недоуменное оцепенение, сковавшее меня сразу по прибытии. Неужели сбылся ориентационный

рефлекс, испугался я, но в тот же миг ввел себя в рабочий режим, осмотрелся и увидел, что мы зависли над мозаикой разноцветных крыш, увидел сады, окружающие дома, обложенные каменными плитами водоемы, широкие прямые дороги. А когда мы сели во дворе большой усадьбы, я спросил, как называется этот богатый город.

— Клянусь рогатым зайцем! — удивился Винц. — Ты что, родную деревню не узнал? Ну-у, долго же здесь тебя не было, парень...

9

Все изменилось. От старых развалюх не осталось и следа, ручей, на котором мы ставили грязевые запруды, исчез, сгинули худосочные карагачи, пропала гордость деревни — мощенная булыжниками площадка между трактом и корчмой, пропала и корчма...

Если бы не Полосатый Утес, торчащий огромным зубом на востоке, я бы решил, что Винц обманул нас и завез в другую деревню. Но отродясь не было на Параисо таких ухоженных поселений!

Выйдя из кабины, Сатян с любопытством осмотрелся, потом спросил, есть ли поблизости рестхауз. Винц, улыбаясь, сказал, что если мы не останемся у него, то это будет серьезная обида, и придется снова, как встарь, сделать Мику выволочку...

— Когда ты это мне выволочку делал? — сердито спросил я, но он только рассмеялся и махнул рукой. — Послезавтра начнется самое веселье, — добавил он, — гостей хоть и будет много, но если старые друзья Венды такие свиньи, что в день ее свадьбы...

— Чьей, чьей свадьбы? — Наверное, глаза у меня полезли на лоб, потому что Винц снова хохотнул.

— Хорошего парня ей нашли, из приличного дома, сын бывшего хозяина Уруча...

— А-а...

Вопрос застрял у меня в глотке, потому что на крыльце высыпала чертова уйма народа — дети, взрослые, старики, а впереди, размахивая чем-то синим, бежала высокая девушка. Не обращая внимания на меня с Сатяном, она сунула Винцу под нос ткань и закричала так, что в ушах звякнуло: — В этом тряпье я не пойду под венец! Если ты сейчас же не купишь мне...

— Уймись, не позорься перед гостями! Что о тебе подумают Мик и его дядюшка?

Неужели это Венда? Сопливая замарашка Венда, у которой всегда гноились глаза, с репьями в волосах, ходящая в драных обносках, превратилась в статную, красивую невесту; ее каштановые волосы струились по плечам, а большие зеленые глаза... Нет, не узнать. Да и она, судя по нетерпеливому, короткому взгляду, тоже меня напрочь забыла. Потом на миг сдвинула густые брови и спросила:

— А Тенек тоже приехал?

Значит, не совсем забыла. Не помню, сколько было народу в семействе Горгов в годы моего детства, но сейчас, за обедом, собралось человек двадцать, не меньше. Старый Густав Горг, седой, как мехак-трава, сидел во главе стола и что-то бормотал себе под нос, налегая на вино. На гостей не обратил внимания. После обеда нам предложили отдохнуть под навесом в саду, в тенечке. Мы расположились на широкой скамейке, Сатян, откинувшись, перевел дыхание.

— Хлебосольные у тебя земляки, что и говорить.

— Когда как, — только и ответил я.

В последние дни за суетой так и не удалось как следует поесть. Зато сейчас на меня навалилась сытая вялость. Впрочем, минут через десять я буду готов действовать.

вать. А вот Сатян работал. То непринужденно в беседе спросит, надолго ли хватает сменных блоков питания для полевой техники, то поинтересуется, хорошо ли продаётся кунжутное масло, которое давят в усадьбе, и легко ли его вывезти на другие миры; а вот рекомендует продавать его на Кранах, там всегда дают хорошую цену, между делом посоветовал старому Густаву отдохнуть на морском курорте. Было интересно наблюдать, как Сатян ходит кругами, проводя стандартный эконометрический тест. Сразу видно, старая школа. Мне хватило одного взгляда на бархатную ракушку, сувенир с караимских пляжей, да и приправа к мясу отдавала контрабандной розовой солью. Все оправдывало подозрения Сатяна. Возможно, отсюда и впрямь можно нащупать направление потоков, а там, глядишь, и добраться до его Старца. Но мое задание касалось только Параисо, а разжалованный начальник хоть и сулил великие блага, но пока от него были одни неприятности.

За обедом Винц спросил, где я пропадал столько лет. Я невнятно отшумелся. Он с сожалением заметил, что если бы мы с Тенеком остались дома, сейчас стали бы большими людьми... Ха, знал бы он, кто я сейчас! К нам подбежал какой-то мелкий детеныш из многочисленной родни и позвал на церемонию обмена подарками. Во время долгой и утомительной церемонии я шепнул Сатяну, что теперь можно тихо и незаметно покинуть дом Горгов.

— А разве ты не хочешь повидаться с отцом? — так же тихо отозвался Сатян.

Ну да! Папаша небось давно уже стал кормом для червей, не дожив до подозрительно светлого будущего.

— Он, мне сказали, устроился на работу садовником, — продолжал между тем Сатян.

Я вытаращил на него глаза. Быть того не может, чтобы кто-нибудь на трезвую голову доверил отцу что-то

ценнее лопуха. Но и врать нет нужды, разве что посмеяться надо мной. Когда все закончилось и гости потянулись к столам, я поймал Винца и прямо спросил насчет папаши.

— У него хорошая работа, — ответил Винц. — Присматривает за садом досточтимого господина Управляющего.

— Какого еще Управляющего?

— Ну, Уруча.

— А хозяин куда делся?

— Теперь Управляющий следит за городом, а хозяин вон он, рядом с женихом сидит. Он Венде четыре золотых кольца подарил. Теперь он и не хозяин вовсе. Но дядька толковый.

Толковый дядька тряс необъятным животом, смеясь какой-то шутке. Венда держала жениха за ухо и что-то говорила будущему свекру.

— А что Управляющий, из наших или городской? — поинтересовался я.

— Вообще пришлый. Объявился в Уруче... когда же это было?.. Да вот как вы сбежали, он и объявился вместе с торговцами. Добра всякого привез, много раздал, еще больше нажил. С тех пор у нас все на лад пошло, работа появилась, деньги... Строиться начали, порядок навели, ну, сам видишь, живем нормально.

— Вижу, неплохо живете. Так он, стало быть, новый хозяин Уруча?

— Да не хозяин, а Управляющий, — с легкой досадой сказал Винц. — Люди его выбрали после того, как он все скупил и раздал.

— Что — скупил и раздал? — спросил я.

— Ну, ты тупой, — заржал Винц. — Я же тебе говорю — все. Уруч, Гаймас, Заречье, Донник, Ферно... Все города. Концы связались. Теперь не надо широким веером тыкаться в стороны: эмиссар, через которого сюда

дебеты закачиваются, выявлен. От него и потягивается ниточка к искомому Старцу. Только я уверен, что нет никакого Старца, а на самом деле это черный конгломерат, аккуратно скучающий миры. Да-а, если выйти на него, процентовка набежит такая, что выкуплю Парадисо и назначу себя хозяином-управляющим! В глазах у Сатяна, когда он узнал про расклад, пыхнуло огнем. Он тут же уговорил Винца отвезти нас в Уруч, поскольку он истосковался по своему родному брату и ему невтерпеж обнять его.

На подлете к городу я разглядел тянущиеся вдоль излучины длинные корпуса. Видны разделительные метки на крышах, значит — сборочные цеха. Что бы там ни собирали, ресурсы только на строительство задействованы весьма впечатляющие. Если такие объекты обнаружатся хотя бы еще в трех-четырех местах, индекс можно смело увеличить на порядок. Город утопал в зелени. Тяга резко пошла вниз, я успел заметить арочный мост через реку, мелькнувший под нами, и мы сели на ровную площадь перед большим зданием, украшенным странными и бесполезными на вид столбами. Чуть позже память подсказала слово — «колонны». Сразу же вспомнился прайс на стилизации, и я мысленно удвоил индекс. Это вовсе не безобразное сооружение, а оформленный под «архаик» дворец.

— Давно ли отец работает садовником? — спросил, вылезая из тяги.

— Лет пять, — ответил Винц, махнул рукой в сторону лестницы из белого камня, опустил шторку кабины и улетел.

«Папаша мог бы поискать меня», — с досадой подумал я. Одинокий прохожий с клюкой, держась в тени, медленно обошел нас и, ковыляя, скрылся за углом. Старые дома окружали площадь с трех сторон, их опоясывала балюстрада пустых балконов. Издалека раздавались пе-

реборы на струнном инструменте: кто-то учился игре. Судя по чистоте звучания, инструмент дорогой. Мы поднялись к резным дверям. Дворец Управляющего если и охранялся, то незаметно для посторонних глаз.

Одна из створок была приоткрыта. Медные петли даже не скрипнули, когда я толкнул тяжелую плиту из мореного падуба. Внутренний дворик тоже обрамляли колонны, там же мерцала зеленоватая вода неглубокого квадратного бассейна, с выложенным цветными плитками дном. Из тенистой прохлады донесся тихий смех, голоса, зашлепали быстрые шаги.

Я придержал Сатяна за рукав и быстрым шепотом попросил не называть меня племянником. У папаши Лавитта память от выпивки становилась только крепче, так что от самозваного брата он отречется сразу и громко. К нам выбежали три девушки в белых длинных и, как мне показалось, очень неудобных одеяниях. Наверное, из прислуги, подумал я.

— Вы кто? — улыбаясь, спросила одна из них. — Приходите завтра или подождите немного...

— Не надо, я уже иду. — Из-за колонны появился немолодой служащий, в такой же белой накидке, но только подпоясанный шнуром в виде бычьего хвоста с кистью на конце.

Стряхивая с бороды крошки и утирая губы краем одежды, он приблизился к нам и, откашлявшись, звучно спросил:

— Чем могу быть полезен в такую жару? Не желаете ли разделить со мной скромную трапезу?

При мысли о еде меня слегка замутило. У Горгов перекормили, да и в воздухе слегка укачало. Я учтиво поступил взор и развел руки в подобающем для младшего чина приветствии.

— Прошу вас, любезный друг, засвидетельствовать наше уважение досточтимому господину Управляющему,

а также передать садовнику Лавитту, что его сын хотел бы с ним встретиться. Искоса глянул на Сатяна и от злости чуть не скрипнул зубами. Вместо того чтобы также выказать любезность и не привлекать к себе внимания, он выпрямился, как угорь на вертеле, и уставился прямо в лицо служащему.

— Так вам Управляющий нужен или садовник? — спросил бородатый.

Девушки почему-то страшно развеселились и, громко смеясь, убежали, сверкая босыми пятками. Я обратил внимание на то, что служащий не смотрит на меня, а тоже внимательно разглядывает Сатяна. Не успел я раскрыть рот для ответа, как он снова заговорил.

— Да это и не важно! Управляющий — это вроде как я. А твой отец сейчас в саду. Но мне кажется, Мик, ты не очень спешил с ним повидаться. Мы ждали тебя с утра. Тебя и твоего попутчика. Говорят, у тебя еще один дядя объявился? Впрочем, если бы я знал, что с тобой прибудет мой старый друг Ншан Сатян, я бы организовал торжественную встречу.

— Кто бы в этом сомневался, Теодор, хитрый ты бесьяра!

И с этими словами они крепко обняли друг друга. Я смотрел на их лицемерные улыбки, не понимая, что происходит.

— Не ожидал тебя увидеть, — продолжал между тем Сатян, — но все же рад. И вдвойне рад, что ты присматриваешь за здешними местами. Много откладывают на жизнь?

— Ты это о чем? — продолжая улыбаться, спросил Управляющий.

— Брось, какие тайны между старыми друзьями. Я-то знаю, что тебя сюда поставил Речной Старец. Я чуть не взвыл от досады. Сатян вел себя, как сопливый школьник первого дня обучения. Разве можно так, нахрапом?!.. Тे-

перь нас вышибут отсюда быстро, и скорее всего частями.

— Ничего ты не знаешь, — добродушно ответил Теодор. — С какой стати меня будет кто-то сюда ставить? Сам, кого хочешь, по местам расставлю. Речной Старец — это я. Дурацкая, однако, кличка.

10

Костяное дерево растет в недоступных горах Таураса, это один из форпостов Анклава. Белая, чуть просвечивающая древесина, свет на ее отшлифованном срезе играет мириадами зеленоватых и золотистых чешуйчатых блесток. К вывозу запрещена, торговцы иногда небольшими полешками привозят на богатые миры. По слухам, перекупают у букиньеров. Три года назад мне довелось увидеть перстень из костяного дерева на руке скромного бухгалтера сталелитейной компании. А за ним потянулся след к таким делам, что потом исполнители три месяца вывозили десятину с Айласера.

Сколько же стоит столешница из костяного дерева, два на полтора метра и толщиной в четыре пальца? Надо ли сбросить цену из-за того, что древесина заляпана присохшими объедками, сильно поцарапана, изрезана ножом и вообще в безобразном состоянии? Такие вот глупые мысли вертелись у меня в голове, и я никак не мог сосредоточиться на странном разговоре, который вели мой бывший начальник Сатян и не-поймешь-кто Теодор. Тем не менее я наконец перестал тупо разглядывать бесценную столешницу и поднял глаза.

— Если бы я знал, что это ты по моей тени топчешься, — говорил Теодор, — поверь, у тебя не было бы неприятностей. Но ты же знаешь, что бывает, когда рвение перевешивает разум. Приказа устраниТЬ я не давал, это

не мой стиль. Шрапнельный еж... боги, какая пошлость! А вот с должности, прости, сковырнули мои люди. На своем посту ты просто обязан был предпринять фискальные действия!

— Может, я их сейчас и провожу. — Кривая улыбка Сатяна испугала меня.

Он явно нарывается на активное сопротивление. Но меня зачем втягивает? Мало ему, что засветил! Если вернемся живыми и целыми тушками, сдам его герру Власову с потрохами. Впрочем, Теодор вроде бы не рассердился.

— Брось, Ншан, какой из тебя мытарь, — рассмеялся он. — Сейчас скажу вина принести, посидим, вспомним дни былые...

— Какие именно дни? — поднял бровь Сатян. — Когда ты присягу давал на верность Канцелярии и Фиску или когда исчез с дебетами отдела?

Ничего себе дела! Оказывается, Речной Старец из наших, да к тому же не простым мытарем шнырял, а до казначея дослужился.

— Да, мой грех, большой грех. — Бородатый Старец ударил себя кулаком в грудь. — Но я готов на все: могу покаяться, возместить ущерб, отработать, покаяться...

— Два раза.

— Что — два раза?

— Ты два раза обещал покаяться.

— Видишь, как глубоко я переживаю...

Сатян свирепо уставился на Теодора, брови его зашевелились, он открыл рот и вдруг расхохотался, да так громко, что в зал вбежали босоногие девушки. Старец махнул им рукой, отсылая, и сам засмеялся.

— Ты отличаешь смешное от несмешного, — сказал Теодор, успокоившись, — значит, не все потеряно. — Долго казенные дебеты пропивал, старый ты алкаш? — продолжая смеяться, еле выдавил из себя Сатян.

— Я не пью, — перестал улыбаться Теодор.

— С каких это пор?

— Давно... Впрочем, это не важно. Дебеты пошли на благое дело. Хорошее оборудование дешево не купишь, да еще устроиться надо было в тихом месте, таком, как это.

— Только не говори, что все это на казну отдела скупил!

— Да я и не говорю. Прибыль моя в другом... О, смотри, как Мик насторожился! Да-а, были и мы такими янычарами, и нас, бездомных щенков, здорово натаскивали. Ему бы сейчас за девками бегать, а он гроши чужие считает.

— Оставь его в покое, — проворчал Сатян. — Лучше скажи, как под себя столько добра подмял?

— Очень просто. Я просил, мне давали. Ну, вернее, за меня просили.

— Буканьеры?

— Как можно! Это же разбойники, воры! Я посыпал моих девочек с просьбами — и ни в чем не знал отказа. И сейчас не знаю.

Врет старичок. Мне известны цены на живой товар и на деликатные услуги. Ему своими девочками тысячу лет торговать, чтобы на одну такую столешницу заработать. Сатян тоже засомневался. Устало вздохнул и сказал, что слышал много интересного о Речном Старце, но чтобы тот был мелким сутенером, ну, просто поверить не может. Теодор не обиделся. Он терпеливо пояснил, что к девушкам относится как к дочкам, неволить и понуждать их к непотребству никому не позволит. Не для того он вырастил такое сокровище, чтобы всякие грязные толстосумы лапали их своими жирными пальцами.

— Это когда же ты их вырастил, — прищурился Сатян.

— Да как тебе сказать... — замялся Теодор. — Лет шесть, наверное, прошло.

Глаза у Сатяна округлились, он прошептал какое-то многосложное проклятие, а потом тихо спросил, где он раздобыл клонаторы и не пахнет ли здесь, не за столом

будет сказано, генетической модификацией? В ответ Речной Старец хлопнул в ладоши. Снова появились девушки. Повинуясь движению его руки, они уселись на длинную скамью вдоль стены, чинно сложив руки на коленях. Старец предложил внимательно посмотреть и сказать, есть ли в них хоть малый изъян или намек на уродство. Намека не было. Красивые девушки. Очень хорошо сложены. Но даже в самых дорогих бордельях Федерации, куда, по слухам, буканьеры продают украденных женщин, они стоят ровно столько, столько стоят. А я готов был поклясться, что скамья, на которой они сидели, тоже была из костяного дерева. Между тем Сатян жарко обличал беззаконные эксперименты по модификации, сыпал параграфами и указами, обещавшими кары земные и небесные за недозволенную возню с геномом, а Теодор лишь помаргивал, слушая его.

Когда же мой бывший начальник выдохся, Старец принял ласково втолковывать ему, что только тупые честолюбцы экспериментируют с девятнадцатой и двадцать первой хромосомами, пытаясь создать сверхчеловека для своих мелких надобностей. Он знал безумных гениев, которые пытались найти участки, отвечающие за психокинетические способности, и реплицировать их. Тысячу лет занимаются в тайных лабораториях этой ерундой, и еще тысячу будут, но у них ничего, кроме дурного мяса, из клонаторов не выйдет. А вот он не стал ломиться в открытые двери Природы.

— Я выделил участки, отвечающие за весьма специфические свойства. — С этими словами он хитро прищурился. — У животных они проявляются в пестром оперении, весенних трелях, причудливых телодвижениях. А в социуме трансформировались в искусство, в чувство прекрасного, в предметы и объекты эстетики...

Насчет предметов и объектов он прав, там, где рассуждают о прекрасном, всегда болтаются большие деньги,

и быстрые замеры в некоторых мирах нашим людям удавалось проводить в какой-нибудь неприметной галерее.

— Не надо о прекрасном, — сморщился Сатян. — Если ты любитель красоты, зачем тебе так много богатства и власти?

— Много власти не бывает, — с достоинством ответил Старец, оглаживая бороду. — С местными князьями я управился в два счета, с торговцами пришлось повозиться, но реально я пока управляю только на тридцати двух планетах.

Мне захотелось немедленно запустить горячий вызов, но я сдержался. Очень уж невероятно это звучало. Можно недолгое время держать в тени пару миров, но чтобы три десятка! Сатян, показалось, не был удивлен.

— Как же ты управился с ребятами из Канцелярии?

— Как только появились хорошие деньги, местные представители Канцелярии были куплены сразу, со всеми потрохами и с потрохами их детей и внуков.

— Ну и сколько еще ты хочешь подмять под себя? — поинтересовался Сатян. — Десяток планет, два десятка?

— Зачем мараться о такую мелочь, — усмехнулся Речной Старец. — Она не стоит хлопот. Есть дела забавней. Кто строит большой дом, тот не считает кирпичи. Мне нужны все полторы тысячи обитаемых миров Анклава. Без исключений. Потом займусь Федерацией.

11

Двухместная тяга шла над пиками Восточного хребта. Рядом со мной сидела Хора, прижавшись к моей ноге теплым бедром. Я внимательно следил за трассой, хотя больше всего мне хотелось обнять Хору, зарыться в ее блестящие мягкие волосы... Если бы несколько часов назад кто-то мне рассказал, какие неведомые силы и

чувства таились в моем теле и, что важнее, в прекрасном теле Хоры, я бы рассмеялся ему в лицо. И пояснил бы, что до совершеннолетия только простолюдины и локусовское быдло предаются соитию, тогда как мытари, избранные и особые...

Э-э, какой только чепухи бы я не наговорил! А ведь тогда ничто не предвещало бури, прошедшей сквозь меня. Мы спокойно сидели за дорогим столом. Речной Старец мирно излагал Сатяну свои великие планы, рассказывал, как он будет обустраивать Вселенную.

— Ты помнишь, сколько планет входило в Анклав Дрезден в эпоху процветания? — спросил он. — Около трех тысяч! Федерация откололась во время смуты, но все равно половина-то осталась. Где они, я спрашиваю? Под реальным управлением Канцелярии всего 238 миров, это точное число. Одни планеты время от времени трясут наши конфискаторы, на другие махнули рукой и вспоминают о них, когда те чуть-чуть жирка нагуляют. Если все это пустить на самотек, то Анклав развалится в клочья прямо на наших глазах в ближайшее время. И не надо уповать на мягкую инвазию Федерации, у жаков такие же проблемы, как и у нас. Не придут и не спасут.

— Чем же ты собираешься крепить Анклав, — поднял брови Сатян, — кровью, железом или любовью? Будешь строить рейдеры или запустишь клонаторы на непрерывный цикл?

— Не железом, а красотой, — ответил Речной Старец. — Будет красота, будет и любовь. Ты думаешь, я моих красавиц подкладываю под нужных людей? Ошибаешься! Танец, слово, песня, стих, мелодия стоят десятка тяжелых рейдеров. Властитель Гольбаха, к примеру, отдал свою планету в мое управление на девяносто девять лет за один танец Хоры.

— Что-то похожее я слышал... — задумался Сатян. — Какая-то очень старая история. Я люблю музыку, но не

уверен, что из-за великолепной мелодии я потеряю голову.

— Смотри кто ее исполнит, — вкрадчиво произнес Старец. — Давай попросим Рато сыграть что-нибудь простенькое.

После этих слов девушка, сидящая с краю скамьи, поднялась с места и приблизилась к нам. Сатян испытывающе посмотрел на нее, покачал головой, улыбнулся.

— Верю на слово, — сказал он. — Возможно, я выслушаю ее чуть погодя. Если она действительно владеет неконтактным воздействием, то мне не хочется повторить судьбу одного древнего правителя. Он так любил музыку, что однажды не смог удержаться и пустился в пляс при всех, за что и был проклят каким-то свирепым жрецом. В общем, там все кончилось плохо, царь потерял корону и голову. Хотя я тоже кое-что потерял из-за тебя.

— Потерял суetu и мелкую возню в отделении, а пойдешь вместе со мной, приобретешь Вселенную. Впрочем, у тебя всегда не хватало воображения. Ты и сейчас не видишь разницы между производственной линией и произведением искусства?

— Вижу, — ухмыльнулся Сатян и потер большой палец об указательный, тайный знак мытаря. — Разница в цене. Причем линия может быть гораздо дешевле.

— Тебя что, все еще на бромидной затормозке держат? — воскликнул Старец.

К моему удивлению, Сатян немного растерялся, бросил на меня короткий взгляд, неопределенно пошевелил пальцами и пробормотал себе под нос что-то вроде «Боже упаси». Теодор задумчиво огладил бороду, внимательно и, готов поклясться, сочувственно посмотрел на меня.

— С этим безобразием я покончу в первую очередь, — сердито сказал он. — Сразу же, как только прибуду на Метрополию...

— Там тебя герр Власов и встретит, — хмыкнул Сатян. — С цветами.

— А Власова я к стеночке поставлю, — посулил Теодор. — К ближайшей. Чтобы, значит, молодым парням нейроблоки не ставил.

Понятно, что речь идет обо мне. Но из-за чего стари-чок распалился, было неясно. Ну да, есть много людей, готовых к случке в любое время и в любом месте. Это постыдно, неразумно и вредно. Особенно для мытаря. А в двадцать один год, когда каждый из нас сможет распоряжаться своей долей, как раз и зрелость наступит. Я попытался в нескольких словах втолковать Речному Старцу суть заповедей мытаря, но под его насмешливым взором смешался, оборвал себя на полуслове.

— Не надо мне, юноша, — ласково сказал Теодор, — пересказывать устав школы юных фискалов. У меня он в ливере сидит, по самые почки. Ты хоть знаешь, от чего тебя оберегают? Понимаешь, какой красоты лишился?

— Красоты? — Мой смешок, надеюсь, был в меру учтив. — Я разбираюсь в красоте. И неплохо разбираюсь. Могу оценить любую вещь во дворце, сам дворец, планету...

— Да-да, — пробормотал Теодор, — приблизительно это я имею в виду. — Потом он обернулся к девушкам: — Ну что, красавицы, кто из вас растолкует молодому человеку, в чем заключается истинная красота?

— Можно мне, — выступила вперед немного полноватая девушка с длинными волосами, собранными в пучок. — Он такой смешной.

— Попробуй, Хора.

Она взяла меня за руку.

— Пойдем, я буду танцевать для тебя.

Сатян улыбнулся и подмигнул мне. Возможно, это своего рода испытание. Ну, я-то не подведу. Но оставлять его наедине с Теодором не хотелось. Вдруг сговорятся, а

меня считут свидетелем их сговора, а лишних глаз и ушей у меня нет.

— Танцуй здесь! — сказал я внезапно осипшим голосом.

— Здесь тесно, — она пожала плечами, — мало воздуха и нет деревьев. Можно и в доме, но тогда придется долго танцевать, устану. Иди за мной.

Мы прошли сквозь анфиладу комнат и оказались в тенистом парке, заросшем кустарником и травой. Неужели она собирается прыгать и скакать между тесными рядами облачных пальм, стволы которых усеяны мелкими, но очень острыми колючками? Тогда ее белые одеяния превратятся в лохмотья. Но она, не отпуская моей руки, бодро топала босыми пятками по еле заметной тропинке. Пальмы неожиданно сменились ельником, потом мы продирались сквозь покрытые мохнатыми листьями кусты водоцвета, перебрались через ручей по каменным плитам, разложенным в искусном беспорядке, долго поднимались по скрипучим деревянным ступеням к восьмигранной беседке. Там ненадолго остановились, она достала из-под скамьи круглую сумку, а потом начали спуск по крутой просеке, и вскоре мы вышли к береговой опушке на склоне холма.

Город отсюда не был виден. Склон плавно нисходил к реке, петляющей внизу. Тот берег был круче, а за изъеденными ветрами и временем причудливыми скалами далеко на горизонте поднималась заснеженная вершина горы, имени которой я не помнил, а может, и не знал. Из густой, но невысокой травы кое-где выступали мшистые валуны. В высоком дереве, что росло на особицу, я признал по тонкому стволу и длинным, похожим на шнурь, ветвям бременскую листствянку. Не сравнится, конечно, с костяным деревом, но тоже редкое и в цене.

Пока я рассматривал окрестности, девушка присела на один из валунов и полезла в сумку. Извлекла неболь-

шой бубен. Весьма приличная работа. Одна инкрустация на сотню дебетов потянет, а бубенцы, судя по хрустальному звуку, ручной доводки. В сумке, кроме бубна, оказалась простенькая чаша из обожженной глины. Я уставился на чашу, но ни одного прайса вспомнить не смог. Ну, бывают, наверное, здесь и просто дешевые предметы... Вслед за чашей появилась прозрачная фляга, тоже особой ценности не представляющая. Разве что напиток чайного цвета в ней — редкий контрабандный коньяк мастера Покро с Парижа-100, доставленный прямиком из Федерации по дипломатическим каналам.

Но это оказался не коньяк. Девушка плеснула немногого на донышко, сделала глоток, протянула мне. Я пожал плечами и повернул слегка чашу, чтобы не нарваться на контактную дурь, которой любят сдабривать губные кремы лихие девушки в дорогих притонах.

Жидкость на вкус оказалась похожей на крепкий бальзам из многих трав. Глоток теплым комом упал в желудок, приятная слабость разлилась по телу, ноги на какой-то миг ослабли, я уселся прямо на траву, привалившись спиной к валуну. Девушка улыбнулась, потом медленно обвела сосредоточенным взором все вокруг, словно запечатлевая картину. Взяла в правую руку бубен, слегка встряхнула и словно ненароком прошлась пальцами по натянутой коже. Левую руку подняла, странно растопырив пальцы. И начала танцевать.

12

О чём мне теперь говорить, слепому, обманутому щенку... Она медленно, плавно кружилась на месте, иногда делая маленькие, еле заметные шажки в разные стороны. Бубен выбивал какой-то простой ритм, но я не чувствовал ритма в ее движениях, они сливались друг с другом.

Это не было похоже ни на один знакомый мне танец, а ведь я посетил немало дансплацев на разных мирах: там много интересного можно услышать, а по одежде подростков... Мысль об оценке вдруг показалась неуместной. А движения танцовщицы между тем становились... чем? Не знаю, слова почему-то стали терять смысл, а образы, напротив, наполнились им. Она летела по траве, едва касаясь ее пальцами стройных ног, вдруг замирала, а порой словно исчезала, сливалась с природой, но от меня спрятаться не могла, я видел, вот она — составлена изгибом листвянки и облаком, нет, сейчас она соткана из тени скалы, что нависает над рекой, и плеса, серебрящегося под этой скалой, через миг ее тело образуется из шелестящего ветра и вскрика испуганной птицы; но вот снова она кружится на поляне, а бубен рокочет в моей голове, и с каждым ударом одна за другой с мироздания срываются мутные вязкие пленки, и наконец, все предстает передо мной в невыносимой яркости и чистоте. Но, что правду скрывать, кто-то во мне при этом тихим шепотом подсчитывал стоимость ее персональных активов, и каждый образ имел цену. Потом шепот стих...

Я закрываю глаза.

Открываю.

Она стоит передо мной, дыхание ее легко, а тела аромат сводит с ума. Мне кажется, что я сейчас умру, разорвется сердце, обрушится небосвод, солнце испепелит землю и воды, смешав тьму и свет. Хора улыбается, и губы ее расцветают тысячью загадок, она приближается ко мне, торжественно спадают с нее одежды...

Я мог ослепнуть от ее красоты. Потом время остановилось и продолжило свое течение, когда мы лежали на мягкой траве, отдыхая. Мне казалось, что я умер и родился, причем неоднократно. Но когда мы вернулись обратно, к двум старикам, ведущим неспешный разговор, я, преисполненный гордого спокойствия, вдруг заметил,

что оцениваю тонкую резьбу на арфе, но не по прайсу, а как-то иначе, соразмерно удовольствию, которое мне доставляет ее созерцание. Игра блесток костяного дерева забавляет своей неповторимостью, а девушка, сидящая рядом с арфой, весьма красива, но не столь прекрасна, как Хора.

Раньше я и подумать не мог, что сравнение тоже бывает приятным.

Следующая мысль была уже не очень приятна. Я открыл было рот, но тут заговорил Речной Старец:

— Смотри, как наш парень сияет! Вижу, сладилось дело. Ну как?

— Зверь! — коротко ответила Хора и погладила меня по голове.

Почему-то захотелось опрокинуть ее на пол и содрать одежды...

— Вот видишь, Ншан, — продолжал Старец, — мир открылся ему с другой стороны! А всего-то — разбудили подавленные половые инстинкты! Теперь ты понял, из чего на самом деле произрастает чувство прекрасного? Сняв нейроблок, мы изменили, высвободили пафосное, аффектированное отношение к миру. С помощью танца мы инициировали его, и теперь перед ним откроется истинная ценность искусства.

— Не надо горячиться, — усмехнулся Сатян. — Совратили парня, ну и ладно. Только вот онтологию не надо разводить, твоя философия немного спермой забрызгана.

Теодор тяжело задышал, руки его заелозили по столу, и он медленно покачал головой:

— А ведь стоит ей моргнуть, как он тебе кишки выпустит и на твою упрямую голову намотает!

Сатян с большим интересом уставился на меня, долго разглядывал, а потом спросил:

— Неужели намотаешь?

Я молчал. Они говорили не о том, и надо было срочно их предупредить, если дадут слово вставить. А за Хору не только Сатяна, я весь Параисо вырежу быстро и легко. Нет, что-то не так, кровь, трупы — омерзительное зрелище, нельзя красоту поганить смертью.

— Убивать — некрасиво, — наконец выдавил я из себя.

— Ха! — вскричал Старец. — Это ты сейчас так думаешь. Но я рад, безмерно рад! Истинное искусство побуждает к лучшему образу действия, оно апеллирует к высоким чувствам, а не к порокам. Убедить, а не заставить, обольстить, а не принудить — вот в чем моя сила. Мику открылось прекрасное, он стал другим. Я подарю всем людям красоту, спасительную красоту!

— Да ради Бога, — протянул Сатян. — Хороший дом ты хочешь построить, крепкий. Но мне почему-то кажется, что от такой любви к искусству кровищи поболе будет, чем от доброй войны.

— За красоту надо платить. И вы будете платить, — сухо ответил Речной Старец.

— Вряд ли в локусах приживется твоя красота.

— Ну, города ваши поганые придется слегка порушить, — расплылся в нехорошой улыбке Теодор. — Признайся, какая тебе радость жить в этих тесных, удущливых клоповниках? Мои девоньки там посеют зерна распада, и бурно взойдет жатва раздора. Да так, что сами жители их и разрушат. А потом я напишу об этом поэму.

— Не знаю, что там у тебя взойдет, но почему-то из поэтов-неудачников произрастают самые вонючие тираны, — процедил Сатян. — Только вот расплачиваются за них люди, далекие от поэзии.

Я понял, что вот сейчас Речной Старец прикажет убить моего бывшего начальника. Это лишнее. Живой Сатян полезнее мертвого. Да и незачем Хоре смотреть на склоку двух старых петухов. Пора вмешаться.

— Платить нечем будет, — громко сказал я, виновато скосил глаза на Хору и добавил: — Скоро по горячему вызову сюда явятся исполнители и все вытрясут.

Я был уверен, что они вскочат с мест, засуетятся и наконец перестанут задирать друг друга. Но, к моему удивлению, они лишь переглянулись, а потом дружно рассмеялись.

— Да, вот этого я не учел, — отсмеявшись, проговорил Старец. — Полное раскрепощение, контроль вдребезги, нейромаяк срабатывает без всякой команды, и теперь сигнал идет через трансляторы от портала к порталу. К вечеру можно встречать гостей.

— Хорошо, — перебил его Сатян, — я понимаю, что у тебя есть сообщники в Канцелярии. Их можно купить, но недолго. Я знаю этих крыс. Ты думаешь, что используешь их, а на самом деле они грызутся между собой, используя все и вся. А потом сделают свое дело и выбросят тебя в утилизатор, хорошо, если мертвым.

— Ты не понимаешь, — ответил Старец. — Люди хотят перемен. Им надоела мышиная возня в Метрополии, им надоела ползучая разруха, им надоело делиться с бестолковой властью своими кровными.

— Э-э, — разочарованно протянул Сатян, — вот ты как заговорил. Старые песни. А больных и стариков чем кормить будешь без десятины? Песнями и плясками? Ну а если завтра налетят букиньеры, кто тебя защитит? Прекрасная арфистка?

— Не передергивай! Разве я призвал не платить десятину? Вопрос в том, кому платить? Кто лучше ею распорядится?

— Уж не ты ли? — неестественно удивился Сатян.

— Да хоть бы и я. Сколько дебетов растаскивается в Канцелярии одними только мелкими чиновниками? А высшее руководство? Воры, одни воры! Погоди, добе-

русь до них, тогда посмотрим, кто кого использует! Всех разгоню!

— Так ведь новых придется набирать.

— Не без того, — согласился Теодор.

— Ну, тогда и мы без дела не останемся. Красота и все прочее, это, конечно, хорошо, да только человек постоянно кушать хочет и не всегда готов куском поделиться. А значит, мытари будут нужны всегда, без дела они не останутся, и даже, есть у меня смутное подозрение, что дел-то в твоем царстве прекрасного как раз прибавится.

— Умная власть умеет делиться, — кивнул Теодор.

— Вот мы с тобой и договорились.

— Пока вы договариваетесь, транспорт с исполнителями уже, наверное, на подходе, — вмешался я в их разговор.

— Не так быстро, — сказал Теодор.

Кряхтя, он поднялся с места и подошел к стене, шевельнулся ладонью; панно с изображением нагих пастушек отъехало в сторону, открылся большой монитор. Вытянулись разноцветные столбики сетевого графика окон совместимости, их вытеснила сводная таблица.

Мне было интересно, сколько у нас времени, но я боялся даже на шаг отойти от Хоры. Вдруг она уйдет, исчезнет, как же тогда мне быть?

— Ну, у нас есть еще целый час, чтобы подготовиться к достойной встрече дорогих, очень дорогих гостей. — С этими словами Старец вернулся к столу.

— Догадываюсь, как ты их встретишь, — понимающее улыбнулся Сатян. — Девушки им песни споют или танцами утешат?

Мне не понравились его намеки. Лучше бы ему не обижать Хору, а то ведь и я могу не стерпеть.

— Ладно, я пошутил. — Сатян перестал улыбаться. — Но могут быть неприятности, если их действительно не встретить.

- Какие еще неприятности? Согласно третьей директиве...
- Третья директива отменена, работают по четвертой.
- Когда это успели отменить? — удивился Старец.
- Неделю назад. Что, не успели тебе доложить?
- Бюрократы! Всех, всех под корень... Что же, теперь они не обязаны представиться главе местной администрации, а представителю Канцелярии могут не зачитать постановление о конфискации?
- Нет. Сейчас имеют право сразу начать фискальные действия. В полном объеме.

- Кто же продвинул новую директиву, не ты ли?
- Ну, извини, — с легким злорадством ответил Сатян.

Я не разбираюсь в тонкостях работы исполнителей, но видел, как лихо оперируют «черные шлемы». Одновременный налет на силовые подстанции, все города и селения отрубаются от связи и энергии, глушатся коммуникаторы на всех частотах, на транспортных развязках высаживаются регулировщики. И самое главное, опечатываются все склады, хранилища, емкости и помещения, где может храниться мало-мальски ценное. То есть все, что имеет стены и крышу. Потом начинается подсчет десятины, и не успевают жители прийти в себя и вернуться по домам, как обнаруживают, что остались практически ни с чем. Хорошо, если жилье не разберут по кирпичику.

Был такой случай на Лайбахе, там в стройматериалах в качестве наполнителя использовали никелистый колчедан. Вывезли все подчистую, потом еще вернулись, чтобы проверить, не забыли ли случайно какую-нибудь конуру. Случись такое на Парадисо, даже всемогущему Речному Старцу долго придется разгребать дермо и объяснять, что к чему, кого можно брать за вымя, а к кому и близко нельзя подходить. Пока он будет теребить своих

влиятельных ставленников, у него планету из-под ног выгребут.

— Есть, правда, разъяснение к директиве, — задумчиво сказал Сатян. — Если пославшему вызов разведчику местная власть оказывает содействие, тогда действия начинаются по согласованию с означенной властью, но не позднее чем через шесть часов. Для этого разведчик должен предъявить полномочия эмиссару до начала действий. То есть фактически сразу же по прибытии транспорта.

— Что же, это упрощает дело. — Старец внимательно посмотрел на меня. — Если Мик встретит их и сообщит, что я готов завалить их конфискатом по самые брови, то мы выиграем время. Много не надо, двух-трех часов хватит, потом их отзовут. Ну, вперед, юноша, порадуйте своих братьев по фиску!

— Я... я... — Голос мой противно задрожал.

— Извини, — поднял ладонь Старец, — я совсем забыл, что пару дней у тебя будет мертвая вязка. Не бойся, Хора полетит с тобой, она будет рядом, ты уж постараитесь ради нее.

Все это было немного странно и даже глупо, но я не мог справиться с собой. Хотелось лишь одного — чтобы она всегда была рядом и я мог вечно прикасаться к ней, обнимать ее, ласкать. При этом я трезво понимал, что все эти пляски на лужайке могли быть лишь приправой к любовному напитку, разбудившему во мне похотливого зверя. Минутами на меня накатывал жгучий стыд, тем не менее смешанный с гордостью, когда я вспоминал, что вытворял с Хорой в траве, на валунах, в беседке на обратном пути, на ступеньках крыльца...

Где это во мне таилось, в каких безднах? Я знал ответ, но лицемерил сам перед собой. Даже сейчас, когда танец Хоры все еще свеж в памяти, маленький человечек, который сидит в глубине моей души на корточках, с тонким

стержнем в руке и глиняной табличкой на коленях, может подсчитать с точностью до сотки дебета стоимость визуальной работы Барнаби на открытии ежегодного Отчета Канцелярии, выступление голдмакера Дро на конкурсе ювелиров или коллекции редких афродизиаков из наследства первых переселенцев. И вот этот человечек подозревает, что его хотят очень тонко обмануть, причем так искусно ему набивают баки, что и этот обман имеет свою цену как произведение высокого искусства.

13

Мы добрались до портала задолго до прибытия транспорта. Я предложил Хоре забраться в один из номеров рестхауза и немного покуypyркаться на свежих простынях. Она покачала головой. Заметив, что я насупился, Хора поцеловала меня, сказав, что сил просто нет, я совсем ее измочалил, такой крепкий мужичок оказался. Мне приятно было это слышать.

Прогуливаясь, обошли пустые залы контроля и досмотра. Встретил охранника в смешной фуражке. Он узнал меня, рассказал старый анекдот про бронзового мытаря, я вежливо хохотнул. Потом он сказал, что окно откроется через полчаса, но раньше чем через час вряд ли начнется перемещение. На самой площадке было жарко, тени от закатного солнца хоть и лежали на стальных плитах, но за день они так раскалились, что ходить по ним было нелегко. Мы немного походили вдоль períметра. Я спросил Хору о других девушках, которых видел у Старца. Она нехотя сказала, что это ее сестры, и даже больше, чем сестры. Ограждения у площадки портала на Параисо не было, скалы начинались сразу за штырями сигнальных огней. В нескольких местах к ним лепились контейнеры с упаковочным хламом. Я рассказал Хоре,

как в детстве мы с Тенеком пробирались узкими щелями к порталу, а злые ветры, бившие сквозь щели, пытались сбросить нас вниз, на камни. Ущелье, что за скалами, перехватывало воздушные потоки, скручивало их и выдавливало сквозь дыры и расщелины.

— Вон там, наверху, — вспомнил я, — мы прятались от прожектора, а из щели воздух бил вверх с такой силой, что можно было, наверное, на нем сидеть.

— Как же вы спустились вниз? — удивилась Хора.

— Ну, здесь не так уж и круто. За этим выступом камни осыпались и составили нечто вроде ступенек. Можно подняться метров на двадцать, оттуда видна все площадка.

— Сейчас посмо-о-о-тром, — засмеялась Хора, не успел я сказать даже слова, как она, легко перепрыгивая с камня на камень, исчезла за выступом.

— Ну, что же ты. — Голос ее раздался уже сверху.

Я пошел за ней, потом вернулся к контейнерам, где уже присмотрел более или менее чистый кусок нетканки, прошитой крепкими шнурами. Такую материю используют для ограждений во время ремонтных или строительных работ. Доводилось видеть большие дома-памятники на реставрации, закутанные нетканкой. Подобранный кусок еще не успели разрезать для утилизации. Хорошая толстая материя, на ней сидеть и лежать гораздо удобнее, чем на жестких камнях или на траве! Аккуратно скатал ее в трубу, обвязал шнуром и полез на утес.

Вскоре мы сидели высоко над площадкой портала, свесив ноги со скал, любовались в общем-то неприглядным пейзажем. Хора спросила, есть ли у меня дом, на что я долго и с шуточками рассказал, в каких роскошных особняках довелось жить.

— Нет, не это, — настаивала она. — Свой дом, свой очаг, своя семья. Почему ты убежал из дома? Может, пора вернуться, пока чужие своды не обрушились на твою голову?

— Ты — мой дом, — ответил я и осторожно потянул ее за плечи назад.

Она не сопротивлялась, но только мы легли на белое полотнище, как взвыли сирены оповещения. Я выругался и вскочил. Транспорт прибывает минут через десять. Кому-то невтерпеж запустить лапы в наше добро! Хора тоже поднялась, мы приготовились спускаться, но тут в воздухе резко запахло озоном, стержни совмещения, редкими часовыми окружающие портал, заискрились, и в радужном мареве возник транспорт с исполнителями. Загудел поворотный круг, транспорт, большая металлическая коробка высотой с четырехэтажный дом, встал на свободную площадку.

Неплохо, подумал я, разглядывая старую, всю в зеленых и рыжих потеках обшивку транспорта. В нескольких местах она была изрядно помята. Хорошая маскировка. А вот сейчас будет сюрприз, и глаза обслуживающего персонала полезут на затылок при виде десанта черных бронекостюмов.

Но полезли на лоб мои глаза! Изумлению не было предела, когда тяжелые люки, откинувшись, превратились в сходни, и по ним хлынула пестрая толпа, одетая в немыслимые цветные одежды. Среди них торжественно вышагивали медленной поступью люди в силовых панцирях.

— Это еще кто? — непроизвольно вырвалось у меня, хотя я уже знал ответ.

— Буканьеры, — лаконично отозвалась Хора, пристально вглядываясь вниз.

Как же они здесь оказались? Я знал, что в принципе можно перехватить сигнал горячего вызова. Но, насколько известно, у разбойников, недолюбливающих технику и лишние тряпты, раньше не было сканирующей аппаратуры. Значит, теперь появилась.

Хора отступила от края назад и пояснила, что те, в цветных одеждах, не буканьеры, а члены их семей. Они

порой сопровождают разбойников в набегах и гораздо опаснее и кровожаднее, чем сами бойцы. И еще она сказала, что долго безобразничать на Параде им не дадут. Но если они хорошо подготовились, то покуролесить успеют. А на прощание могут заложить бомбу под портальные машины.

Я потрогал серьгу коммуникатора. Тихое жужжание вместо ответа подсказало, что букиньеры разжились ко всему еще и глушилками.

— Предупредить не сможем, — сказал я. — Надо пробираться к стоянке...

И замолчал. Высыпавшая на площадку орда уже втягивалась в здание терминала. Значит, там не пройти. Не успел я подумать о служебном рукаве, как оттуда выбежали десятка два охранников, среди которых был и тот, в смешной фуражке. Пыхнули красные огоньки парализаторов, букиньеры, отставшие от своих, упали на плиты.

Если бы охранники ворвались вслед за бандитами в зал, думаю, в давке и тесноте все быстро бы кончилось. Но пока они раздумывали, что делать, переглядывались и о чем-то спорили, размахивая руками, из терминала вышел букиньер в силовом панцире и одним импульсом сжег всех охранников. Неуклюже развернулся и пошел обратно.

Большое стекло рестхауза покрылось сеткой трещин и беззвучно рассыпалось. Сквозь черный квадрат выско-чили пестрые, одни из них побежали к складам, другие — к служебному рукаву. Плохо дело! Если сумеют отключить барьер, то доберутся до стоянки раньше нас.

Хора прижалась ко мне.

— С тобой я ничего не боюсь, ты знаешь, что делать, — шепнула она. — Мой герой...

Ничего я не знал.

Но глаза ее сияли таким восторгом ожидания подвигов, что во мне тут же проснулся... нет, не зверь, домога-

ющийся плоти, а хитрый расчетливый мытарь, который не так давно ушел легко и непринужденно от погони на Рейнметалле, сбежал от братьев Хаген, выбрался из облавы в локусе... От этих дикарей и подавно уйду!

Но меня учили выживать в одиночку, а без Хоры я и шагу отсюда не сделаю. Наверное, ей хватило одного взгляда, чтобы прочесть мои нехитрые мысли. Она крепко обняла меня, а потом зашептала: «Не бойся, я буду с тобой всегда, мы расстанемся лишь на краткий миг, ты знаешь, что делать, не бойся, мы встретимся до заката, поспеши, а я здесь побуду и все устрою, ты истинный герой, а потому не надо смертельных подвигов...»

От ее горячего шепота у меня слегка потемнело в глазах, возник и исчез слабый звон в голове. Все стало ясно. Нельзя, неприлично постоянно цепляться за руку любимой, так ведь ничем ей не поможешь, а вот помешать...

— Я отключу силовую подстанцию, — голос мой был суров, решителен, — и тогда они застрянут до тех пор, пока не разберемся с ними. Нет, не годится! Надо достать оружие, я устрою здесь такую охоту... Не годится. Проберусь к ним на корабль и взорву батареи...

Хора выслушала, как я перебираю вслух варианты, улыбнулась и прижала ладонь к моим губам.

— Лучше живым и невредимым отправляйся в Уруч и жди меня там. Прошу тебя, не надо жертв. Ты нужен мне целый, а не кусочками...

— Но я...

— Сказано, ты — герой, никто не сомневается, но теперь слушай меня и делай, как я говорю.

— Я сделаю все, как ты скажешь!

Маленький человечек во мне тихо удивился странному разговору. Я на самом деле это говорю или кто-то шевелит за меня языком? А как же подвиги?! Доблесть? Слава?

— Вернись в Уруч. Не беспокойся обо мне. Передай, что Рато может не тратить времени и сил на этот вшивый сброд. Мне не составит труда умиротворить их, так и скажи. Успею вернуться к ужину.

14

Много позже я сообразил, почему Хора отослала меня. Просто она не хотела, чтобы я видел ее среди буканьеров. Да, я бы не стерпел, прикоснись хоть один из них даже к краю ее одежды. Погубил бы и ее, и себя.

Но как она сумела уговорить меня, не понимаю до сих пор. Почему вдруг испарился герой и снова возник хитрый мытарь? Осталось лишь смутное воспоминание о том, как негромкий голос Хоры превращал меня в домашнего сурка. Интересно, в кого превращались магнаты и правители, складывая свои регалии к ногам Речного Старца?

Выбраться отсюда я мог только перебравшись через скальную гряду. Когда-то двум маленьким беглецам это удалось. Но мы потратили на лазание по скалам целый день, а сейчас почти сумерки. Уходить надо иначе, красиво, как учил господин Качуров. Что у меня есть? Зажигалка, карманный резак, коммуникатор. Шнурки, большой кусок нетканой материи. Сделать параплан и сигануть на головы буканьеров? Они все поумирают. Со смеху. Да и невысоко здесь, это не колодец локуса с его восходящими потоками, к отраде бездельников, любителей полетать на конусе, да и потоки... Конус! Вот оно. Привет господину Качурову, этому он нас тоже выучил. Сварить подобие конуса из этой тряпки можно легко, батарейка в зажигалке свежая. А сильный злой ветер, бьющий из расщелины, что неподалеку за нашими спинами, тоже к моим услугам. Да и тянет он в сторону

гряды. Если перенесет через скалы, там до стоянки недалеко.

Хора с интересом наблюдала, как я набросился на материю с ножом, выдирая шнуры, прикидывая на глазок места креплений. Мне показалось, что прошло много времени, но пыльный шар солнца все еще проглядывал сквозь ущелье, к которому примыкали склады. Крики, шум и треск доносились из помещений терминала, бу-каньеурская орда разгулялась не на шутку.

— Конус может поднять двоих, — сказал я, но Хора лишь покачала головой.

— Поспеши, они еще не добрались до машин.

Я обвязался крепежными шнурами, растянул конус, свернулся в гармошку и двинулся по камням к расщелине. Посмотрел назад. Хора уже пробиралась к спуску. Махнула на прощание рукой, легкое движение, и она исчезла, оставив за собой слабый шорох осыпающихся камней.

Не дойдя до края нескольких шагов, я остановился. Даже отсюда чувствовался напор, сила воздуха, бьющего из огромной щели. Много лет тому назад дыра была меньше, помню, недалеко от нее росло деревце. Никаких следов. В сезон пылевых бурь свирепые ветры истирают камни похлестче наждака. Вот и сейчас видно, как песчинки срывает с края и уносит вверх.

Сколько такостоял, не знаю. Я не герой и не воин духа, чтобы очертя голову прыгнуть в бездну с пустыми руками. Но делать-то нечего...

Шум, идущий со стороны площадки, стих. Значит, Хора уже внизу и ее увидели. Ладно, руки у меня не пусты, а сжимают связку шнурков, а насколько глубока эта бездна, лучше узнать сразу. Я сделал шаг вперед и бросил гармошку конуса в воздушный поток.

За секунду или две, пока ветер его раскрывал, я успел обругать себя наисочнейшими ганзейскими ругательствами и в короткий миг озарения понял, что большего

идиота мир не видел и скорее всего больше не увидит, поскольку здесь мне и раскинуться косточками по острым камешкам. Но тут конус с громким хлопком раскрылся и так сильно рванул вверх, что чуть руки не вырвало из плеч. Не успел я сосчитать до трех, как уже парил высоко над круглой площадкой портала. Ветер сносил в сторону скального барьера, глаза заливало потом. Меня поднимало все выше и выше, пот наконец высох, я перевел дыхание, посмотрел вниз и увидел, как неспешно идет Хора по серым плитам, как струятся ее белые одежды чистым потоком среди грязной пестроты буканьеров, медленно окружающих ее, берущих в кольцо...

Но тут ударил боковой порыв ветра, я рефлекторно вытянул шнур, продетый сквозь прорези, подтянул крайние, и уродливый конус, превратившись в безобразный параплан, быстро перенес меня через гряду. Немного подергал шнурами. Удивительное дело, нехитрая самоделка оказалась вполне управляемой. Спланировал прямиком на стоянку тяг, но в последний миг параплан вышел из-под контроля, и я крепко приложился плечом к ажурной ограде. Хорошо, что она не оказалась под током. Обрезав шнуры, освободился от перевязи. Глянул на подстанцию. Можно выключить силовую установку или разбить управляющие блоки. А смысл?

Я пожал плечами, зашипел от боли в ключице и подошел к ближайшей кабине. Она, разумеется, была заперта, но что такое замки после таких приключений!

Подняв тягу, я с большим трудом удержался от соблазна подлететь на низкой высоте к порталу, спикировать прямо на поле и, подхватив Хору, улететь победителем. Да-а... Один меткий выстрел, и нет победителя. А стрелять эти разбойники умеют. К тому же велено мне было отправляться в Уруч, а не совершать подвиги.

Вот я и не стал геройствовать. Так захотела она. И я улетел. Вскоре выяснилось, что впопыхах я забрался в

старую тихоходную машину. Но тем не менее без приключений добрался до города, а когда ввалился во дворец Управляющего, то мне показалось, что я и не покидал его. Сатян и Теодор по-прежнему сидели за столом. Впрочем, теперь его покрывала скатерть с золотистой бахромой. Емкая бутыль, укутанная благородной пылью винных подвалов, была почти пуста. Из-за этого, наверное, у старичков слегка заплетались языки, когда они радостно приветствовали мое появление.

Речной Старец велел подсаживаться, а Сатян щелкнул ногтем по бутыли и подмигнул. Но, выслушав мой рассказ о вторжении букиньеров, оба мгновенно отрезвили.

— Черта с два они перехватили твой вызов! — грозно зарычал Теодор и опустил на скатерть могучий кулак. — Это какая-то двуличная сука из Фиска на сторону подмахивает. Я выясню, кто навел этих головорезов, и полетят головы, одна, две, много голов...

— Не надо считать головы, — взмолился я. — Там Хора осталась, ей нужна помощь!

Старец замер с полуоткрытым ртом, выпучил глаза, а потом спросил испуганно:

— Она просила ей помочь?

— Ну, не то чтобы просила... — замялся я.

— Так смени штаны и не пугай меня больше, — он шумно выдохнул, а потом обратился к Сатяну: — Каков нахал, а! Собрался моим девочкам помогать.

Пошевелив бровями, Сатян плеснул себе вина, повертел бокал, любуясь игрой алмазной грани, отпил.

— Похвально, когда молодой человек беспокоится о девушке. Не понимаю, что в этом плохого.

— Извини, Михель, — Теодор улыбнулся, — трудный день, тяжелый характер, много событий сразу. Это я виноват, напустился на тебя. Забудь. О Хоре не беспокойся. Думаю, там уже все в порядке. Сейчас посмотрим...

Снова панно отъехало в сторону, открыв монитор. Старец велел дать ему картину портала. Секундная рябь сменилась испуганным лицом служащего, который сообщил, что связи нет, идут помехи.

— Глушилка, — сказал я.

— Слышал? — рявкнул Старец. — Там глушилка, разберись.

— Сейчас включу защищенный канал, — торопливо пробормотал служащий.

Несколько минут ничего не происходило. Теодор сердился, обещал кары, одну страшнее другой, но мне казалось, что он волнуется не из-за Хоры. Наконец появилось изображение. На мониторе возникли картинки сразу с нескольких десятков камер, размещенных в залах, переходах, аппаратных и на площадке.

— Вот эту, — указал пальцем Теодор.

Теперь на мониторе застыло лишь одно изображение. Сатян, тихо подошедший к нам, выронил бокал. Звонко разлетелся хрусталь, но я даже не обернулся.

— Там что, резня была? — тихо спросил Сатян.

Площадку освещали мощные светильники. В их теплом желтоватом свете было видно, что букиньеры не выбрались с территории портала. Бойцы в силовых панцирях, женщины, долговязые подростки и, кажется, дети, все они так и остались на поле. Вряд ли кто уцелел в транспорте, его металлический корпус чернел из-за огромных пробоин, а в одном месте рваный металл был выворочен наружу, по-видимому, взорвались батареи.

Тела лежали повсюду. Бойцы, заваленные трупами в пестром рванье, старая женщина, мертвой хваткой вцепившаяся в оторванную ногу бойца, дети и взрослые, пронзенные клинками, раздавленные и размазанные внутренности на стальных плитах... В зале терминала мертвых было не так много, но кровь на стенах выглядела страшнее.

— А где же Хора? — прохрипел я. — Я не вижу ее тела.

Легкие шаги за спиной и ее голос:

— Так я тебе что, мертвая больше нравлюсь?

И рассмеялась.

15

Нам отвели прекрасную четырехкомнатную каюту. Я подозреваю, что капитан уступил свою. Ну и славно. В мягком кресле сидеть очень удобно. Ключница еще немного побаливает. Небольшую ссадину я залил антисептиком и больше о ней не думал. Да, это не тесные кельи лихтера, на котором Сатян и я прибыли сюда. Загрузка идет быстро, скоро откроется окно, и через полдня мы окажемся на месте. Всего два дня на Параисо, а теперь снова в Метрополию. Но не жалким беглецом, а на роскошном лайнере. Из соседней комнаты доносится слабый шум. Это Хора переодевается к обеду. Сейчас зайдет Сатян, и мы вместе пойдем в обеденный зал.

Теперь все хорошо. А вот вчера был один страшный миг, когда я рассматривал тела букиньеров и с холодным отчаянием ждал...

Но она пришла, все стало хорошо. Разумеется, я тут же вцепился в нее, требуя немедленно рассказать, какая сила покарала негодяев. Хора смеялась, просила дать ей хотя бы полчаса, смыть с себя пыль и перекусить, но я был неумолим. Теодор добродушно посмеивался и велел ей не дразнить меня.

— Я видела, как ты перелетел через скалы, — сказала Хора. — Никогда бы не решилась, скорее умерла от страха. А вот это, — грациозный взмах руки в сторону монитора, на котором застыла картина площадки, усеянной мертвыми телами, — это, поверь, нетрудная работа.

— Ты их убила? — только и спросил я.

— За кого ты меня принимаешь?! — Хора капризно надула губы, но потом улыбнулась. — Нет, конечно. Я и жука обидеть не могу. Они сами друг друга поубивали.

Сатян и Теодор переглянулись. Кажется, и я начал догадываться, какие силы скрываются под нежным обликом моей подруги.

— Ты показала им танец смерти. — Я понимающе покачал головой.

— А разве есть такой танец? — искренне изумилась Хора. — Впервые слышу о такой гадости!

Речной Старец с большим интересом уставился на меня.

— Твои идеи меня немного пугают, мой мальчик, — сказал он. — Есть, конечно, размах, но немного гуманизма в твоем образовании не повредит, я так думаю.

— Какой это был танец? — продолжал настаивать я.

— Никаких танцев, — строго ответила Хора. — Танцы не для всякой швали. Им достаточно песен. Вот я и спела. Целых четыре баллады. О храбром воине, который завоевал любовь богини в неравной схватке и сам стал равен Богу, о десяти любовных подвигах букиньюера Роха Вильи, о предательской любви двух семей, а когда пропела о сыне храбреца Залкара, они словно взбесились... Устала, сил нет. Рато обошлась бы двумя-тремя куплетами.

— Но ведь тебя могли случайно...

— Что ты, они как раз защищали меня друг от друга.

Хора зевнула, прикрыв рот ладошкой, извинилась и ушла. Все это следовало обдумать. Но мысли опять не хотели цепляться друг за друга, я принялся ходить по залу, кружил под колоннами, мне почему-то стало не хватать воздуха. Я вышел на площадь перед дворцом и уселся на ступени. Вскоре я заметил, что с двух сторон рядышком со мной пристроились Теодор и Сатян.

Вечер. Окна домов ярко освещены. Тишина. Ночная птица в саду пробует голос. Мимо нас ковыляет одинокий прохожий с клюкой. Кажется, я его уже сегодня видел.

— Ну хорошо, — вдруг заговорил Сатян. — А если бы твоя могучая девица не справилась с разбойниками. Что тогда, ансамбль песни и пляски на них натравишь?

— Яду в тебе много, — ответил Теодор. — Надо бы тебя на караимские пляжи отправить: отдых, не поверишь, такие чудеса творит!

— Или нагрянут исполнители, а ты не успел добраться до начальства, — не унимался Сатян. — Стишок им прочитаешь собственного сочинения?

Старец только крякнул.

— Стишок, говоришь, — обещающе протянул он. — Будет тебе сейчас стишок!

Он поднес ладонь ко рту и что-то тихо сказал в нее. Я успел лишь заметить на его указательном пальце перстень многополосного коммуникатора, и тут вдруг такое началось...

Балюстрада на балконе напротив распалась на штыри, а штыри удлинились, изогнулись и составили парabolicкую решетку экранной защиты, которая тут же замерцала в небе над Уручем. Со стороны парка на площадь с густым урчанием выкатилась тяжелая бронетяга, башня ее ощерилась во все стороны грозными жерлами генераторов плазмы. У одинокого прохожего внезапно выпрямилась спина, стремительное, еле заметное глазу движение, и вот он прикрывает нас своей клюкой, чудесным образом превратившейся в двуствольный луч-мет дальнего боя. А после того как над домами со свистом прочертят три огненные линии набирающие высоту орбитальные бомбарды, Речной Старец, искоса глянув на Сатяна, дал отбой учебной тревоги и поблагодарил всех за отличную службу.

Через полминуты, а может и того меньше, дворцовая площадь снова приобрела тихий, захолустный, мирный, одним словом, вид. И даже одинокий прохожий, как ни в чем не бывало, продолжил свою долгую прогулку. До очередной тревоги, я так полагаю.

— Все, — сказал Сатян. — Сдаюсь. Ты меня победил. Твой последний довод королей просто неотразим. То есть красота, конечно, страшная сила, но пара пушечек никогда не помешает. Чисто из эстетических соображений, разумеется.

— Ну а для чего нам оружие, если не для эстетики, — хохотнув, отозвался Речной Старец.

Они немного помолчали.

— И все-таки не понимаю, — задумчиво протянул Сатян. — При такой силе к чему тебе долгие разговоры. Для чего ты потратил на нас столько времени? Разве мало у тебя друзей-приятелей или просто купленных? Ты же нас мог размазать одним движением брови!

— Времени у меня мало, — ответил Теодор. — Но это не повод, чтобы тратить его на имитацию работы. Для меня главное — запустить машину, и если она эффективно работает, то не надо соваться во все дыры с руководящими указаниями. А насчет движения брови... Ну зачем мне тебя размазывать? Во-первых, в молодости мы помогали друг другу, а я не забываю это и ценю. Во-вторых, я тебе очень благодарен за то, что ты присматривал за моим племянником и доставил его к порогу родного дома целым и невредимым.

— Какого племянника? — вскинулся Сатян.

— Так ведь Михель — мой племянник, — пояснил Теодор и ласково потрепал меня по плечу.

Боль в ключице смазала торжественный момент. Что за ерунда? С каких это пор у меня появился дядюшка? Впрочем, о родне я ничего не знал или не помнил. Пока Теодор рассказывал Сатяну, как долго он искал меня,

как он сожалел, что мы давным-давно в портале разминулись буквально на минуты и какая блестящая судьба была мне уготована, не удари я тогда с Параисо, в голове моей опять зазвенело, но сейчас это были фанфары.

До меня дошло наконец, что с таким забойным дядюшкой мне и братья Хаген не страшны. Что мне братья, возликовал я, но тут мысли пошли кривыми путями, картины, рожденные воображением, были необычными, и я вообще перестал связно рассуждать. Просто сидел, тупо глядя перед собой. Между тем разговор между Сатяном и Теодором неожиданно перешел на другую тему, и я насторожился.

— А девушки, случайно, не твои дочки, — спросил Сатян. — Я имею в виду, генетические.

— Нет, я проверил исходный материал до восемнадцатого колена...

— Ну, со времен Расселения сколько архивов утеряно.

— Индексы в норме, это главное.

— Но зачем тебе... — Слабый кивок в мою сторону.

— В нем все дело. Я хотел зафиксировать линию нашего рода. Причем естественным путем, уже без вмешательства в геном. Появление племянника несколько смешало карты, но если вмешался случай, я не стал идти против судьбы.

Мне показалось, что слово «племянник» он произнес с некоторой иронией, но в угаре сияющих перспектив я не обратил на это внимания. Сатян же что-то тихо у него спросил, Теодор улыбнулся. Искоса бросив на меня взгляд, покачал головой и так же тихо пробормотал о каких-то непредвиденных загрязнениях исходного материала.

— А что же твои красавицы? — спросил Сатян. — Которая из них...

— Все. Если пойдет正常но, у него будет девять жен.

— Я видел только пятерых. Ты думаешь, он справится с таким гаремом?

— Четверо решают кое-какие проблемы, — сказал Теодор. — Они скоро вернутся на Парадисо. Трудностей не предвижу, у них гормональная совместимость только с ним. Вот это был самый ответственный тест, но все прошло успешно.

Я так понял, что дядя намерен мне сосватать всех девиц оптом. Вот так подарок! То не было даже мыслей о том, чтоб забраться к какой-нибудь шлюшке в постель, то вдруг сразу изобилие! Представил себя в окружении девяти прекрасных женщин. Очень возбуждающая мысль. Что он имел в виду насчет гормональной совместимости, любовный напиток, что ли?

— Насколько я знаю, — с сомнением протянул Сатян, — даже неофициальное многоженство допускается лишь в самых высших кругах Канцелярии.

— Ну и что?

— Ах, вот как... Неплохой свадебный подарочек. Я бы даже сказал, радикальный.

— Ты быстро соображаешь. Я сделаю Мика своим наместником в Метрополии. Для начала. Завтра же отправлю вас туда. Назначаю тебя его советником, регентом, консортом, ну, сам придумай название. Защиту обеспечу, остальное — тоже.

— Осталось главное — уговорить невесту, — пробормотал Сатян. — Звучит заманчиво, но вряд ли Канцелярия встретит эту новость с восторгом.

— С вами полетит Хора. Проблем не будет. Через несколько дней пришлю на всякий случай Рато и Лию, остальные прибудут, когда ты наведешь порядок в Метрополии.

— Да-а, — задумался Сатян. — Порядок я наведу. Тем более с такими девицами. Что ж, рад за Мика, он славный парень и будет, надеюсь, славным... Кстати, как мы его

назовем: Верховным Правителем, Великим Канцлером, Примасом Анклава?..

— Не надо цинизма, — проворчал Теодор. — На месте разберетесь. Имена ничего не значат, а принципы управления я тебе изложил. Начнешь развиться, строго накажу. Лучше не шали. На твое место сразу же появится великое множество претендентов, ждущих вакансии.

— Насчет имен — вопрос тонкий. А место... Нет такого места, за которое я цеплялся бы зубами.

— Знаю. Потому и ценю... И терплю твои шуточки.

— Хорошо. Самый последний вопрос: почему сам не явишься с треском и блеском? Ведь Анклав перед тобой на тарелочке лежит, протянул руку — и он твой. Может, устал?

Теодор долго сопел, хмыкал, потирал нос, словом, вел себя совершенно неподобающе для могущественного дядюшки. Как-то несерьезно, между прочим, он вдруг взял и назначил меня хозяином Метрополии, словно вспомнил о дне рождения и подарил подвернувшуюся под руку недорогую безделушку. Может, это какой-то грандиозный розыгрыш, но кто кого разыгрывает и для какой цели? Вряд ли штабеля трупов на площадке портала являются частью веселой шутки. Хотя что мы знаем о шутках судьбы?

— Я не достоин, — заговорил наконец Теодор. — Не знаю, окажется ли достойным Мик, ему еще предстоят испытания и искушения, но мои грехи перевешивают добрые дела. Власти не боюсь, она для меня — инструмент. Будь я очередным в династии, не было бы проблем. Но для сакрализации власти основатель должен быть безгрешен. А в царстве красоты — вдвое. Пусть даже поначалу он не различает добро и зло. Чистая доска, что может быть лучше!

— Мытарь на троне, — хохотнул Сатян. — Такого еще не бывало. Впрочем, если мытарь собирает долю власти-

теля, то рано или поздно он потребует свою долю мытаря. Далась, однако, тебе эта красота! Между прочим, за что тебя прозвали Речным Старцем?

— Ты уже задал самый последний вопрос.

— Прости, если допустил бес tactность.

Теодор долго молчал, а я все думал: когда же он узнал о моем существовании? Кстати, прав-то, наверное, оказался я, а не Сатян: облава в локусе шла на меня. Волшебная история в современном исполнении: оборванец превращается в богача одним движением пальца старого чародея.

— Я же говорю, много на мне грехов, — тихо, почти шепотом, сказал Теодор. — Моя работа... Грязная работа, что и говорить. Знал бы ты, какую я проводил селекцию клонов на эмбриональной стадии! Что делать, отбор — беспощадный процесс. Вот и пришлось методом проб и ошибок портить тысячи, десятки тысяч в месяц. Все заработки шли на клонаторы. У меня не хватало средств даже на утилизатор. Отработанные эмбрионы я спускал в реку, и ее кровавые воды долго пугали кротких пейзан.

Меня в те дни лихорадило от обилия впечатлений, я не до конца понял суть работы Теодора. Расплачиваться за непонимание пришлось много позже. А тогда события стремительно рванули вперед, и вот пассажирский лайнер скоро доставит нас к цели.

Пришел Сатян, забавно выглядевший в долгополом черном сюртуке из настоящей шерсти. Он был похож на советника влиятельного торгового дома. Если подумать, приблизительно так оно и было. Из своей комнаты выпорхнула Хора. Она покружилась перед зеркалом, спросила, как ей идет платье с глубоким вырезом. Мы с Сатяном, не сговариваясь, закатили глаза и протянули обморочное «О-о-о».

Действительно, хоть ей и очень шло белое, в красном она была убийственно неотразима. Словно живое пламя окутывало ее тело. Сердце мое вдруг защемило от беспричинного страха, но в следующий миг я выбросил из головы дурацкое предчувствие огненной беды.

— Я быстро закончу, — сказала она и снова исчезла в своей комнате.

— Быстро? Так у женщин не бывает.

Сатян улыбался, но как-то натужно.

Мне показалось, он чем-то озабочен. Ясное дело, столько событий, столько невероятных падений и взлетов меньше чем за неделю. К тому же ему теперь по чину следует быть озабоченным, хотя название чину мы еще не придумали.

— Кажется, я что-то упустил из виду. — Он почесал переносицу.

— Теодор всегда был хитер на выдумку. У него в любом плане меньше трех, а то и четырех ловушек не было. Слишком все быстро и просто сейчас утряслось, не его стиль. И вот еще... Ты не помнишь, как полное имя Хоры.

— Разумеется, помню. Терпсихора — ее полное имя.

— Та-ак, — мрачно протянул Сатян. — Лия — это Талия?

— Ну... Да, а что?

— Так-так... Стало быть Эрато, Эвтерпа, Каллиопа, Мельпомена, Урания... Забавно, он даже имена подобрал соответствующие. Они тебе нравятся?

— Еще бы! — Я самодовольно ухмыльнулся. — Всех пока не видел, но вот Мена, скажем, очень хорошенькая...

— В какой-то старой книге я прочитал о том, что от брака Мельпомены и речного бога Ахелоя родились сирены.

— Разве? Но я же не речной бог.

— А вот это точно! — Он рассмеялся.

Тут явилась Хора в сиянии изумрудов и сапфиров на пламенеющем одеянии, и мы отправились в обеденный зал. Мне нравилось внимание, которым мы были окружены. Обед тоже великолепен, но я пока еще не научился на практике оценивать тонкость вкуса суфле из контрабандных трюфелей, а стоимость полусухого «Шамплиона» поражала лишь воображение, но не желудок. Со временем научусь. Все вдолбленное в меня холодное знание прайсов на произведения искусства, на редкие и ценные предметы, все, что было раньше содержимым обучающих панелей по товароведению, теперь, слившись с чувством прекрасного, которое не поддается оценке, сделает жизнь мою богаче, полнее.

После обеда мы послушали музыкантов, главным достоинством которых было то, что они очень старались. Я удобно расположился в обитом натуральной кожей кресле и, прикрыв глаза, пытался вспомнить: а что же я упустил из виду?

Во мне еще с утра вызревали слабые ростки беспокойства, медленно крепло ощущение, будто оставил на Параисо какой-то пустяк. Надо было сделать, узнать, разглядеть, и тогда, возможно, вся цельность, ясность нынешнего положения станет очевидной во всем совершенстве и красоте. Но ухватить за кончик нити все не удавалось. И чем больше я размышлял, тем меньше красоты находил в событиях последних дней. Немного раздражало, признаться, новое чувство, сбивающее привычную систему оценок. Правда, мироздание стало ярче, сочнее; обостренное восприятие знакомых сочетаний образов и звуков сейчас могло привести к неожиданному выплеску эмоций, новые глубины смыслов обнаруживались в словах, на которые прежде я бы не обратил ни малейшего внимания. Фальшив? Неискренность? Обман? Не было этого в словах и поступках дядюшки Теодора. Случись такое, Сатян первым бы унюхал неладное. Жизнь

моя раньше была простой и ясной, а теперь внезапный дар порождал мелкие трещины сомнений. Я искал и находил в событиях последних дней что-то некрасивое, незавершенное, возможно, постыдное.

И вот, когда вздрогнул лайнер, доставив нас в Метрополию, поднялись щиты и грянул приветственный марш, подобающий встрече лайнера первого класса, я наконец вспомнил, что так и не повидал отца.

Чужие долги

Пролог. Кто подарки нам принес?

Шуба, колпак и красный нос — этого вполне хватит, чтобы тебя приняли за Деда Мороза, Санта Клауса, Папашу Ноэля или любого другого прикурка, взявшегося за хлопотное дело потешать детишек на радость их воспитателям. А вот и посох, и большой мешок с подарками, так что все в порядке. Пора, пора их раздавать. С каждым часом Новый год становится все ближе, а добрая половина человечества уже перевалила в следующий, двадцать второй век. Я принадлежу, наверное, к недоброю, раз застрял в двадцать первом...

В зеркале моя кривая улыбка облагорожена большой белой бородой, от которой несет пылью и свербит в носу. Кровать скрипит, пьяное бормотание и дрыганье ногами сменяется могучим храпом. Хозяин шубы и колпака, наверное, видит сны, в которых он скачет с детворой вокруг елки. Это мне стоило двух бутылок первача дедовской выгонки. Кстати, минут двадцать назад позвонил дед, скептически хмыкнул, увидев мой наряд, поздравил с наступающим, велел не суетиться и отключился.

Пора. Лифт, конечно, не работает. Редким по нынешним временам снегом занесло панели батарей на крышах, растаять он еще не успел, а батареи сели еще днем. Впрочем, ближе к полуночи городская управа обещала вклю-

чить свет, несмотря на то что годовую норму выбрали еще в ноябре.

На центральных улицах светло как днем. Витрины магазинов ярко освещены. В праздники хозяева не жалеют горючего для генераторов, в такие дни и ночи торговля идет вовсю, ну а инспекторы тоже люди и в такие дни смотрят на нарушения сквозь пальцы, в которых зажаты кредитные карточки.

Я иду медленно, спокойно, патрульные провожают меня веселыми взглядами. Народу на улицах мало, все сидят сейчас в своих уютных жилищах в кругу семьи...

В прошлом году этот праздник я встречал у деда на заимке. Тощка прыгал со скамьи на большую медвежью шкуру, кувыркался на ней, чуть не сшибая елку, пытался дотянуться до высоко подвешенных стеклянных шаров, невесть откуда раздобытых дедом, а мы сидели за столом и нарезали тонкими ломтями дедовы мясные припасы. Объявись у нас тогда инспекторы контроля, за кабаньи окорока и копченых перепелов отвечать пришлось бы всерьез... Ну да плевать мы с дедом хотели на инспекторов: сынуля был доволен, а это главное.

Неприятности начались после Нового года. Вдруг объявились какие-то серьезные тетки и сказали, что Комиссия по образованию снизила возрастной ценз, и теперь тестировать деток малых на профпригодность будут не с шести, а с четырех лет. Тощке уже скоро пять... Еще говорили что-то насчет нового распределения обучающих ресурсов, а потом вручили повестку и велели не опаздывать.

Да, лучше не опаздывать... Вот когда мне было шесть лет, родители на две недели позже вернулись с пущины, а бабка, старая, выжившая из ума прога сидела с утра до вечера в Сети и совершенно выпала из времени и только иногда впадала обратно, чтобы покормить меня. На родителей тогда сильно нажали, намекали, что Реестр хоть

и велик, да квоты не бездонны, и пусть у меня хорошие данные, но все приличные места по нашему региону уже выбраны, надо было раньше суетиться... Намек родители поняли, но взятку сунули как-то коряво, попались и в итоге оказались на принудработах, а меня отдали на воспитание в семью баптистов-переселенцев. Много лет спустя меня нашел дед, о котором я ничего не знал. И не мудрено: он сбежал от бабки, когда мне и года не было...

В тест-холле Комиссии Тошке понравилось. Там все сверкало, переливалось, на стенах бегали, прыгали и кривлялись персонажи из детских комиксов, большие диваны и маленькие пуфики окружали пальмы — почти как настоящие. Да-а, денег у них хватает...

Нас проводили в лабораторию, меня усадили в глубокое кресло, а Тошке велели подышать в разноцветные трубочки. Он послушно дул в них, потом пересел за стол с мониторами и стал тыкать пальцем в разложенные перед ним предметы, следуя указаниям строгой толстой женщины в белом халате. Она говорила с сильным акцентом. Наверное, американка... А в это время чин в форме старшего инспектора устало жаловался мне на то, как некоторые безответственные родители накачивают своих детей перед тестами церебростимуляторами, надеясь, что интеллектуальный допинг поможет их чадам попасть в более высокие разряды Реестра профессий. «Но вы, — сказал он мне немного погодя, — сознательный родитель, у вашего сына все чисто, а показатели весьма неплохи. И даже более чем неплохи», — добавил он, глянув в планшет, который держал в руке.

Толстая женщина ласково погладила Тошку по голове, улыбнулась мне, сверкнув неестественно белыми зубами, и ушла.

Я работал тогда на небольшом предприятии по переработке рыбной муки в кормовые добавки. Хотя и был в свое время неплохим специалистом по спутниковым ан-

теннам. Но где-то очень далеко серьезные дяди решили, что в наших краях следует развивать туризм. Выкупили у хозяина заводик и прикрыли его. Полгода я сидел без работы. Потом наехали какие-то шустрые индусы, вырубили затопленный лес у побережья и принялись строить отели. Я устроился электриком в большой офис, который вырос у старого порта, как гриб в сырую погоду. Платили хорошо, я стал доплачивать соседке, чтобы она не только кормила и присматривала за Тошкой, но и водила гулять. У меня накопились на счету вполне приличная сумма, и я собрался завести свое дельце. Но все пошло наперекосяк...

В конце августа меня вызвали в Комиссию по образованию и стали выпытывать, какие у меня соображения относительно будущего моего ребенка. Ну, я им прямо сказал, что в жизни ни разу не пользовался дотациями, зарабатываю неплохо и через пару лет устрою его в частную школу. На это мне принялись долго и терпеливо втолковывать, что сейчас идет пересмотр Реестра, вычеркнуты одни профессии, добавлены другие и что не все частные школы получат лицензию на новые обучающие технологии. «А образовательные ресурсы, — назидательно говорил мне суровый юноша, — не беспредельны». «Это вы насчет того, — спросил я, — что дети глупеют от загрязнения воздуха и воды, что ли?» Юноша очень испугался, замахал руками и заявил, что такие зловредные слухи должны пресекаться самым суровым образом, поскольку все Объединенные Комиссии тщательно следят за здоровьем подрастающего поколения.

Дальше — больше. Он добавил как бы невзначай, что мой сын показал весьма неплохие результаты, и поэтому его воспитание не может быть лишь моей обязанностью. «Комиссия по образованию, — торжественно сказал он, — берет на себя дальнейшие заботы по его профориентации». «Какой ориентации», — тупо спросил я, не понимая, к чему он ведет. И тут в кабинете объявился еще

один инспектор, пожал мне руку и поздравил с тем, что мой сын попал в высшие разряды Реестра. А это означает весьма высокий шанс получить специальность управляющего, а то и топ-менеджера. Перед мальчиком открывается возможность работы в техноцентрах, а со временем, кто знает, он может вернуться сюда в качестве Полномочного Представителя...

Мелкий снег таял в воздухе, идти по скользким плитам было тяжело, да еще мешок за плечами тянул назад. На машине, конечно, было бы удобнее, но меня бы тогда останавливали на каждом перекрестке. Через мост я перебрался в компании с веселыми японцами, которых в наших краях становилось все больше и больше. Ну, куда им деться, бедолагам, если половина их островов под воду ушла! Это они сейчас так веселятся, а лет десять назад ходили как прибитые... За мостом японцы рассосались по своим якоториям жрать сырую рыбу, а я направился к светлому пятиэтажному зданию, которое виднелось в конце проспекта.

Снег перестал таять. Неужто кончилось потепление и реки снова встанут? Это мне сейчас ни к чему!

У ворот я улыбнулся в глазок наблюдения, спел частушку про горбатого Деда Мороза и залепил глазок грязным снежком. Ворота распахнулись, и вышел удивленный охранник. На его вопрос, к кому это пожаловал Дед Мороз, я без лишних слов приветственно взмахнул посохом и опустил тяжелую дубинку прямо ему на голову. Ну ничего, скоро очухается.

Подниматься по лестницам в толстой жаркой шубе с мешком было нелегко. Лифт здесь, конечно, работает, но ключи от него, наверное, у охранника, а пошарить в его карманах я сразу не сообразил.

На третьем этаже, там, где спальни, вдруг распахнулась дверь дежурки и появилась воспитательница. В полумраке она все же разглядела мое одеяние и сердито

сказала, что я спьяну все перепутал и школа для недоразвитых вовсе не здесь, а сейчас я должен исчезнуть со своими подарками, пока она не позвала охрану. Пришлось оглушить ее мешком.

Я человек мирный и чту законы. Но Боже упаси кому-либо встать между мной и моим ребенком. Чужой хлеб и с медом горек — это я навсегда запомнил.

Стало быть, в сентябре Тошку забрали в Центр профориентации. Поначалу я воспринял это нормально. Мало у кого ребенок обучался в Центре. Большие надежды, радужные перспективы... Навещал его каждый день, в родительские часы. Я там все облизил, обнюхал. Да, со школой не сравнить, даже частной. Здесь и техника новая, и еда качественная, а каждому ребенку по комнате полагается — ну, вообще, прямо как большим начальникам. С детишками и не занимались даже, только играли с ними, кормили. Им вроде нравилось, только когда я уходил, у Тошки глаза наливались слезами, но тут же набегали воспитательницы, тормошили, совали игрушки, развлекали-отвлекали...

И все бы хорошо, да через два месяца мне заявили, что детей скоро переведут в другой Центр, а вот куда, пока еще неизвестно. Может, в Европу, а может, и в Америку. Вот приедут эмиссары Комиссии, проведут последние тесты и тогда примут окончательное решение. Я начал было шуметь, но меня быстро поставили на место, пригрозив лишить права общения. Ну, тогда я стерпел. Стиснул зубы и принял ходить по инстанциям, но везде мне вежливо объясняли: инвестиции в профориентацию настолько велики, что родители просто не могут покрыть страховку рисков. В управлении статистики я потребовал, чтобы мне сообщили сумму страховки. Немолодая китаянка тут же развернула ко мне монитор и показала цифры. М-да, с моими грошами лет двести надо работать и копить... «И что же, много найдется родителей,

у которых такие денежки водятся», — спросил я. «Есть такие родители, — сочувственно ответила китаянка. — И если Комиссия сочтет целесообразным, то перспективного ребенка отдадут именно в такую семью на шестилетнее или двенадцатилетнее воспитание». А потом она полушепотом добавила: мне же лучше, если мой сын выбьется в элиту, а в таких семейках, которые могут покрыть страховку, связи и деньги решают все.

Вот тогда и я решился...

Дед Тарас, выслушав меня, обложил по-черному и Объединенные Комиссии, и всех, кто решает за нас, где что сеять, а где что жать, и велел перебираться к нему. Зиму пересидим, а потом уйдем на север, поближе к вольным городам-резервациям. Там и жизнь проще, и контролеров меньше. А что касается инспекторов, так они к нему на заемку не наведываются, а ежели кто нынче сумеется без спроса, то найдется чем встретить. С этими словами он полез в подполь и, перемежая кряхтение крепкими матюгами, вытащил завернутый в промасленную мешковину ручной пулемет и цинку с патронами.

Дверь в спальню открылась без скрипа. Тошка спал, сбросив одеяло. Я достал из мешка приготовленную одежду и принялся одевать его спящего. Вскоре он проснулся, увидел меня в слабом свете ночника и радостно засмеялся. А когда я стянул с себя красный шарик носа и нацепил на него, то он и вовсе зашелся смехом. Я прижал палец к губам и быстро напялил на него шубку и меховую шапочку.

Охранник у ворот еще не пришел в себя. Тошка спросил, почему этот дядя заснул здесь, а я ответил, что дядя сильно устал. Водки напился, неожиданно заключил Тошка.

Свернув в переулок, мы оказались в неосвещенном квартале. Здесь лишь в редких окнах горели свечи. Мешок стал немного легче, в нем осталась лишь канистра с топ-

ливом. В мутном небе висел тусклый фонарик луны, а потом снег пошел гуще, перестал таять, и все вокруг побелело. Вот и веку конец, подумал я и, наверно, вслух повторил эту тосклившую мысль. «Да ты чего, папка, — дернул меня за рукав Тошка, — какой же это конец, наоборот, двадцать второй век только начинается!» Я увидел его веселые, все понимающие глаза и вдруг успокоился. Пока он со мной, а значит, еще не все потеряно...

Тут и уличное освещение включили, управа все-таки держала слово.

Так мы и шли: я, одетый Дедом Морозом, мой сынишка, наряженный маленьkim Новым Годом, а когда добрались до сарая на берегу давно уже не замерзающей реки, в котором была припрятана старая моторка, над городом ярко вспыхнули фейерверки, возвещая полночь...

В хорошую погоду выхожу с работы пораньше, не дожидаясь сменщика. Домой иду пешком. Игарка — город небольшой, сто тысяч жителей для наших мест звучит внушительно, но я-то помню, какие они, настоящие города...

Огромные, чистые, все сверкает, несетя и жужжит. Всякой твари там дышится легко, живется уютно, и проблем никаких, если не ищет приключений, не нарушает порядок и движется в общем спокойном ритме. У кого-то мозги заклинивает от этих ритмов, и с каждым днем им все труднее держать улыбку и настраиваться на позитив. Запросто могут сорваться и пойти вразнос. Тем, кто окажется рядом, жестоко не повезет. Другие без натуги улыбаются везде — на улице, в квартире, во сне и в сортире. Мозги у них шустрые, нацеленные только на успех. Осторожные по ступенькам вверх лезут медленно, с оглядкой, а кто борзеет, коллеги улыбчивые по мозгам так дают, что извилины еле успеют ногам скомандовать — ходу, и

быстро! Как говорит мой сменщик Дима, цивилизованное общество любит свободу, но вольности не терпит.

Погода в наших краях сложная. В ритм заполярной смены дня и ночи войти легко, но когда задует «басмач» — сиди тихо. Кто и почему назвал так южный ветер, не знаю, в сетях не нашел. Можно поспрошать старожилов, но какие здесь старожилы?! Самый старый чел из знакомых — дядя Костя, сосед по октalu. Невысокий жилистый старишок, на первый взгляд — песок из него сыплется, а на второй — не-ет, разве что щебень или булыжники. Крепкий дед. Так он в городе всего три года живет, с сыном Серегой и внуком. Пару раз, правда, я случайно услышал, как Серега его вроде Тарасом назвал, но могло и показаться. К тому же мало у кого какие местные прозвища были. Когда они вписывались в нашу площадку, Нинка из блока напротив поначалу косилась на них. Потом перестала, когда Серега настроил нам левые каналы.

Серега мужик неплохой, молчаливый немного. Он с Нинкой сейчас плотно шлифы трет. И парень у него, Дениска, тоже ничего, не лезет во все дыры, не пристает с вопросами.

Для детей нашего октала внутренний дворик, огражденный блоками, составленными восьмиконечной звездой, само собой, маловат. Вот они по крышам и бегают, прыгая с одного на другой или перебегая по доскам. Играть где-то надо. Вне двора — там детишки всякие шляются, да не поодиночке, а ротами. Все время делят территорию, и когда рота на роту идет, лучше держаться подальше. И наши никуда не денутся. Когда подрастут и двор им станет тесен, тоже начнут драться за жизненное пространство. Впрочем, у меня нет детей, и это не мои заботы.

На спутниковой карте октал — забетонированная пустошь, а на ней восьмиконечные звезды, словно серые

снежинки на сером фоне, которые видны только из-за теней. Или колеса — если приглядеться к тонким, как нити, оградам между блоками по внешнему контуру.

Кто и когда короба пять на пятнадцать решил приспособить для новоселенцев — тоже нет информации. Поговаривали, что очень давно здесь держали китайцев на принудиловке. Верится с трудом. Поставить блоки стена к стене рядами, да еще в несколько этажей, и вся забота — выпускай утром на работы, а вечером загоняй на лежку. Как в старом фильме о побоище в таком изоляте, о разборках местных и китайцев.

Кстати, в октале китайцев по пальцам сосчитать, а в нашей звезде и одного хватит. Лет двадцать назад их было в городе тысяч пятьдесят, а то и больше. Почти все куда-то дружно отвалили. Кажется, в Африку. Осталось немного работяг. Ну и смотрящие за хозяйством представители «триады».

Судоремонтный и все лесопилки под ними, торговые площади тоже, да и с вольным городом Норильском у них большие связи. Но лучше ими не интересоваться — ни делами, ни деловыми китайцами. Целее будешь.

Дня не проходит, чтобы в разговоре кто-нибудь в сердцах не обругал свою конуру. На приличный домик или даже на квартиру в чистом районе надо копить лет десять — двадцать. Взять кредит? В наших краях слабоумных нет, а если и найдется, кто же такому денег даст? Мне-то проще, семьи нет, детей вроде тоже, так что по карману жилье получше. Могу и на квартиру легко наскрести, но в центре слишком много внимательных глаз, там крутятся слишком большие деньги и ходят слишком серьезные люди. С моими левыми приработками пока лучше быть от них подальше. Идти сразу на большой хапок — не мое, проще и здоровее иметь не постоянный, но верный навар. Можно, конечно, нарваться во время ходки, но кому риск поперек горла, у того север поперек жизни.

Словом, в блоках тоже нормально. Одинокие снимают его на двоих, а семейным в самый раз, если семья не такая большая, как у Ашотика. У Петровых, что справа, дочка. Она с внуком дяди Кости вместе в школу ходит. Один из блоков пустовал, мы хотели его под склад приспособить, но нам не разрешили и опечатали его. Печать, разумеется, загадочно исчезла, и блок сейчас забит старым хламом. Даже крышу блока заняли большие ящики, в которых Ашотик собирался выращивать арбузы. А дядя Костя как-то притащил с судоремонтного обрезки труб и соорудил детям качели. Когда погода сходила с ума, скрип качелей проходил сквозь любые стены. Смазывай шарниры не смазывай, даже сквозь гром слышно. Хитрый Ашотик привинтил к ним скобы, и при первых же сигналах погодного оповещения кто в это время ближе, фиксировал качели железным прутом.

Детям они быстро надоели. Роторщик Николай, вернувшись после вахты, хотел их раскурочить, но Серега присмотрелся к конструкции, подвигал туда-сюда сиденье из труб, на небо поглядел, настынивая что-то. Попросил Ашотика сдвинуть немножко скобы и зафиксировать так, чтобы линия, идущая через верхнюю перекладину и центр сиденья показывала бы во-он туда...

Не знаю, откуда он успел раздобыть декодер, но к вечеру у нас была спутниковая антенна, которую никакой коммунальщик за антенну не признает. Заодно и не скрипит. Все, кто хотел, подключились к леваку каналов на триста или больше, кто же их считает, если платить не надо. Захотели, естественно, все: левак — святое дело. И вот почти два года у нас есть чем убить время долгой зимней мерзью, когда морозов настоящих нет, а ветер сырой все равно к кишкам подбирается. Дети, я заметил, с интересом смотрят обучающие каналы. Это понятно, в школе у них унылая бесплатная обязаловка из общедоступной сети.

Жители нашей звезды подобрались приличные, буйных нет. Когда начинается погодное буйство — мое место на метеостанции. Я должен следить, чтобы системы оповещения работали в любом режиме. Иными словами, если вырубится питание и аварийное тоже полетело, вручную выставить на табло красный баннер. Включить вспилку, работающую на сжатом воздухе. А когда в баллоне кончится воздух, вручную крутить сирену для тех, у кого коммуникатор не работает. И еще связаться с каждой роторной бригадой для подтверждения приема сигнала. Сирена — отдельная песня, даже, я бы сказал, поэма. Литая, тяжелая, ей как минимум лет двести. Исторический музей с удовольствием забрал бы ее у нас, но кто отдаст. Был в городе музей, посвященный вечной мерзлоте, да сам стал историей, когда в начале прошлого века все начало таять и заливать. Говорили, будто именно эту сирену использовали для сигнала тревоги, предупреждая о налете речных бандитов в неспокойные семидесятые. Мелькнула однажды мыслишка списать ее как испорченную и толкнуть одному любителю старины, но в маркетсетях ничего о ней я не нашел, поэтому цену не знаю. А лучше не продать и жалеть, чем продешевить и пожалеть. В общедоступных базах по Игарке тех лет мало информации, все больше о битве за Курилы 2074 года, и еще о том, как Западное Объединение Государств навязало Восточному Альянсу всемирный пакт о ресурсах. Променяли свободу за пайку, как сказал Дима.

Помещение метеостанции — каморка на верхнем этаже самого высокого здания, которое одни называют городской управой, другие — магистратурой, третьи — мэрией. Над зданием два больших экрана. Один из нормальной пленки, по нему крутят рекламу. Другой — тоже панель, вернее, щит, составленный из длинных створок треугольного сечения. На сторонах призм размещены три картинки, и когда створки одновременно врашаются, то

поочередно их видишь. В обычные дни, правда, всего две картинки, на одной изображен городской герб, на второй — портрет городского головы. Привод, вращающий эти призмы, находится над моей головой, в бетонном коробе. Короб уходит вверх, сквозь потолок, и выпирает из крыши метров на пять такой башенкой, на которой держится мачта с экранами. Во время большой непогоды сильный ветер давит на конструкцию, и короб начинает скрипеть. Когда-нибудь его вырвет из перекрытия и унесет к чертям.

В коробе есть технологические ниши, прикрытые стальными штоками. Есть где припрятать кое-какие хорошо и компактно упакованные товары. Тем более что ключ-карта у меня есть. Сейчас там пусто. Вчера вечером на городской ленте частных объявлений опять появились слова «Буксы горят» — сигнал не делать лишних движений и временно тормознуть все ходки. Товара нет, и неизвестно когда будет. Я как-то посмотрел в Сети, что такое «букса», узнал, что песок в буксы сыпать нельзя, но не понял, какое отношение старинный рельсовый транспорт имеет к моим маленьким деловым операциям?

При желании можно через второй люк выбраться на крышу, но кто в здравом уме туда полезет? Ограждения никакого, сильный порыв ветра — и, как говорит Дима, редкая тушка долетит до середины Енисея.

Для профилактических работ есть другой выход на крышу к площадке с перильцами. Прежде чем крутить сирену, я должен открыть люк, подняться по выдвижной лесенке и вручную специальным шкворнем выставить третью картинку, которая и не картина вовсе, а просто красный квадрат. Каждое новое начальство собирается демонтировать старое железо, но половина ветряков всегда на ремонте, на аккумуляторной станции маховики не меняли уже лет пять, а бюджет к тому моменту, когда просочится сквозь нужных людей, превратится в ручеек.

В итоге латают только самое необходимое железо, без которого никак. Это я точно знаю, потому что мой сменщик Дима подрабатывает в ремонтной мастерской.

Если горожане узнают, как часто приходится чинить вакуум-насосы, сколько маховиков ставят на профилактику и на каком износе работают оставшиеся — все генераторы раскупят. Лучше не знать, спокойнее будет. Да и горючку всю труба забирает, себе дороже левый соляр добывать. Раньше умельцы на врезке подрабатывали. Сейчас туруханский участок трубы держат такие серьезные люди, что никто даже не знает, кто они. Если поймают кого на врезке, в горючке и утопят.

За работу свою я держусь. Место не хлебное, и надо еще приглядывать за пожарной сигнализацией. Но и не пыльное. До сезона погодных взрывков ходи себе через день, а то и через два. Договоришься с Димой о подмене, и на неделю куда-нибудь махнешь по реке, как бы рыбки половить. Да и люди здесь на этажах трутся влиятельные. Одно слово услышишь, другое — вот и есть о чем подумать, прикинуть, какие новые расклады ожидаются в управе, и нельзя ли, например, под шумок занять подсобку электриков. Пару раз возникал у меня соблазн быстрое дельце провернуть с теми, кто информацию в деньги оборачивает, но это не риск, а глупость — языки здесь еще быстрее укорачивают.

На остальных шестнадцати сосредоточено городское управление, полиция, суд, тюрьма в подвале и налоговое ведомство. Характерно для наших мест — одни и те же люди поочередно крутятся то там, то здесь, а некоторые и не вылезают из своих кабинетов, пока не сменится власть. Или, попросту говоря, до тех пор, пока представители самых жирных корпораций и влиятельных группировок не зажрутся и забудут, чья рука их кормит. Тогда, как полагается, выборы, немного стрельбы и народные гуляния после выборов. Придешь на работу, а в лифты и

не влезешь, особенно в грузовые — выкидывают прямо с мебелью. Новое начальство начинает новую жизнь с новой обстановки. На здоровье, за все платят те же самые корпорации и группировки. К тому же у меня есть карта от пожарного подъемника, лифтами не пользуюсь. В хорошую погоду, естественно.

Дима, с которым мы вместе снимаем блок, как-то пытался объяснить хитрый расклад сил, которые позволяют Игарке и большой территории вокруг оставаться как бы нейтральной зоной между вольными городами и Восточным Альянсом. Но я пропустил его слова мимо ушей. Мы тогда сидели за сколоченным из дюймовых досок столом, рядом с качелями, и я пытался отыграть у Сереги дюжину пива. Дима хоть и китаец, но в маджонг не режется принципиально, хотя любит смотреть, как играют. Наверное, когда-то крупно продул. По-русски говорит лучше всех нас. Дядя Саша как-то поинтересовался, откуда у него московский выговор, но Дима лишь махнул рукой. Может, его занесло сюда из столицы Альянса, подумал тогда я, отвлекся, и в итоге мне пришлось идти за второй дюжиной. Посидели хорошо: Нинка вынесла рыбки вяленой, тут и Ашотик объявился, притащил хитросущеного мяса с неприличным названием. Дима снова завелся на политику. Пивом не пои, дай потрапаться о правах и притеснениях. Ему хором велели заткнуться. А дядя Саша сказал, что он, наверное, вместе с языком подцепил всяких идей, гипноканалы, адский продукт, невесть чем мозги шпигают. Точно, согласилась Нинка, когда она пыталась китайский выучить, не могла сыр есть, и от молока нос воротила, а вот насчет притеснений ничего ей в голову не приходило ни на каком языке.

Потом Ашотик в двух словах разложил: у кого больше власти, у того и больше прав. На свободных территориях вещи запросто называешь своими именами, не опасаясь, что обиженные начальники обложат тебя со всех сторон

лоерами, так как лоеров нет. И можно не ждать неприятностей от ювенильной полиции, если твое дитя вдруг криво пукнет.

— Будь моя воля, всех начальников спустил бы вниз по Енисею в гробах, — добавил он. — И юпов за ними.

— Среди них попадаются, наверное, хорошие люди, — задумалась Нина.

— А хороших людей, — добродушно ответил Ашотик, — в хороших гробах.

2

Датчик движения опять барахлит, в прихожей темно. На самом деле прихожая — это полутораметровой ширины коридор, идущий из конца в конец блока. Два мужика, напившись пива, с трудом разойдутся, если одному в санузел, а другой возвращается оттуда. Моя комната — первая, и поэтому слабой мутти от армированного оконца хватало, чтобы не споткнуться о пустые коробки из-под пива, в которых я держу одноразовую посуду. Ну а в сканер я попаду с закрытыми глазами — палец дырку не пропустит.

Когда ставили жилблоки, выходов во дворик не имелось. Народ у нас щустрый, с ходу пробили лазы в пенобетоне, а там и двери появились. Кто соорудил небольшое крылечко, кому хватило и приступка. Но можно увидеть и глухие стены — сразу видно, что блок или не заселяли, или там с давних пор живут угрюмые люди, не уверенные, что завтрашний день встретят на том же месте. Но вот, к примеру, я тоже не знаю, где встречу. Разве это повод зарываться в берлогу?

В клинья между блоками кто хлам сваливает, а кто парничок поставит. Что там у него растет — никого не касается. С внешней стороны между торцами наварены

прутья, а поверх сетка из нержавейки, не сунешься. К нам и не суются. Ворья здесь не любят, если поймают — прибьют, да так, что и в тюремные подвалы сажать будет некого. Могут и в реку скинуть.

Разогревать ничего не стал, по дороге перекусил у Нинки в «Чифане». У нее появилась новенькая девица на раздаче. Свеженькая, глазки блестят, недавно, значит, в городе. Подмигнешь — сразу начинает попкой вертеть. Наливой такой попкой, я бы даже сказал, задорной. Нинка пару раз глянула косо на меня, но даже не хмыкнула. Все правильно, я же молчу, как она с Серегой шлифует. Что было, то прошло, погуляли в свое время и забыли.

Достал из холодильной панели банку темного пива. Надувной диван слабо скрипнул, когда я упал на него и вытянул ноги. Сейчас пойдет новая серия «Принца Датского». Край пленки слегка отстал от стены, но мне лень вставать. Потом приkleю. Надо купить рулон приличной пленки, у моей краски заметно сели, яркость никакая. Работает, и ладно, осталась от прежнего жильца. Помню, в детстве у третьих или четвертых приемных родителей все стены были оклеены пленкой. У родителей мозги задвинулись на образовательных каналах, и мне покоя не давали, наташивая с прицелом на школу для управленческой элиты.

Точно, четвертые. Мы жили в Лионе, в богатом старом доме с прислугой. Меня, десятилетнего оболтуса, тошило от учебных программ, и я быстро наловчился перенастраивать декодер на развлекательную. Но эти гниды, оказывается, поставили в комнате точки наблюдения и поймали меня как раз в момент, когда я, раскрыв рот, смотрел закрытый немецкий канал. Пока дворецкий и повар крепко держали за руки и голову, добрые мадам и месье натирали мне рот и глаза мылом для вразумления. До сих пор, когда вспоминаю, глаза щиплет от досады. Ну а я позаимствовал из школьной лаборатории масляной

кислоты и плеснул им в спальню. Сейчас-то понимаю, что хорошее образование не помешало бы, но тогда я глупо радовался переводу в другую семью. Там за меня взялись всерьез, я немного подтянулся. На мои шалости смотрели сквозь пальцы и не наказали, даже когда застукали в кровати служанки.

Вскоре тесты показали, что мои инвестиционные индексы резко пошли вниз. Способностей никаких. Языки быстро усваиваю, но кого ими удивишь?! Нашел подходящий гипноканал — и через месяц лопочешь на любом. Да еще вворачивая такие обороты, которых не помнят и местные. Не используешь — забудется еще быстрей. Если же начал общаться, то скоро все вбитые в мозги слова и выражения сами собой выскакивают, словно всю жизнь провел среди местных. Какие-то шутки вылезают, цитатки из книг, которых не читал... А когда языки накладываются, то есть новый освоил, а старый еще не забыл, вообще потеха — брякнешь невпопад, а тебе и говорят — это из Мольера, это из Унамуно, молодец, мальчик, классику знаешь, умestно цитируешь.

Дело кончилось распределением по очередникам средних разрядов. Я оказался на юге Испании, прожил несколько лет в Кордобе. Веселая семейка обеспеченных инвалидов особо меня не тиранила. У них, кстати, я погодил язык жестов. После землетрясения девяносто второго года начались пиренейские беспорядки. Семейство Кинтано разорилось. Меня должны были распределить в новую семью. Но уже в глазах рябило от чехарды родителей, которые менялись, как на карусели. И сбежал от юпов по пути в местное отделение «Счастливого детства». Неожиданно для себя просто взял и вышел из кабины подвески, когда двери начали закрываться, а сопровождающие пристегнулись. Перешел на встречную линию, вскочил в первую попавшуюся кабину, проехал немного и еще раз поменял маршрут. В спокойные времена пой-

мали бы через час, а то и быстрее. Но в городах все еще пошаливали, регулярные службы неохотно отвлекались от своих дел, а выглядел я старше своих лет. И еще удачно стянул куртку работника коммунального контроля, так что на меня никто не обращал внимания. Пару раз прикидывался глухонемым.

Добрался до Барселоны, там примкнул к компании русских байкеров. Три месяца гоняли по европейским городам, язык выучил без всяких программ, жил не тужил, пока не попал в облаву под Прагой. Мне как раз исполнилось шестнадцать — сразу чип в плечо и на общественные работы с принудительной учебой. Работы не потные, со временем я даже продвинулся в управляющие среднего звена — такая уютная ямка, в которой трепыхаются молодые честолюбцы, не прошедшие перинатальных тестов, или вроде меня, не оправдавшие инвестиционных ожиданий. Лет через двадцать есть шанс выбиться в статусные разряды, чтобы к старости заработать право на усыновление дотационно перспективного ребенка, если своего не завел и, конечно, если твой тебе же по карману. Иначе отберут.

Размеренная жизнь быстро утомила. Хватило трех лет тупой карьеры среди тупых карьеристов, чтобы во мне начали бродить опасные мысли о поджогах, взрывах и записи в клуб молодых политиков. И когда на сервисную станцию, которую я инспектировал на предмет энергосбережения, въехали байкеры, все прелести ухоженного быта мгновенно поблекли. Пока им меняли батареи, я подошел к вожаку и спросил, не слышал ли он, где в последний раз видели «Диких охотников»? Вожак вытаращился на мой офисный костюмчик, словно увидел воплощение своих детских кошмаров, помотал головой и позвал кого-то.

Через мгновение моя голова оказалась между могучими сиськами Клавы. Клавы, с которой руль о руль

немало намотал по дорогам и дамбам, распугивая мирных горожан свистом моторов. У нее была кличка Огнемет и характер такой же. После того как я перевел дыхание от ее объятий, Клава рассказала, что «Охотники» разделились на две группы. Одна ушла на север к Голландскому морю, по слухам, там начали всплывать дома, есть на что посмотреть. А куда ушла другая — не знает. Сама отстала из-за аварии, подлечилась и примкнула к «Викингам». Но здесь становится тесно, ребята хорошие, но скучные, без огонька, и она подумывает, не рвануть ли далеко на восток, а оттуда еще дальше на север? Слово за слово, и через час я спустил все свои сбережения на мощный трехкиловаттный байк с новенькими батареями, через два — расчипался у знакомого санитара. А через три дня мы проскочили таможенный кордон Западного объединения и, как сказала Клава, вырвались на оперативный простор.

Полгода вместе накручивали по дорогам Альянса. Состыковались с какой-то вялой группой экобайкеров, быстро их разогнали. Когда перебрались за Урал, успели надоесть друг другу. Расстались легко и весело: у Клавы появился богатый жених, я же примкнул к новой группе. Погулять на свадьбе не удалось, молодожен Гриша оказался из серьезных, и мне намекнули, что вой моторов, звон колес и шипастые куртки должны уйти в прошлое вместе со мной. Причем я — быстрее. В романтическом сериале Клава догнала бы меня на сверкающем байке. Но романтиков видел только на пленке. И даже придуманных не любил — каждый романтик норовит передать мир по-своему, и чтобы я в нем знал свое место, вкалывая добровольно и с песнями во имя его, романтика, идеалов.

По Альянсу мотал вдоль и поперек, много чего повидал. Потихоньку собрал свою группу, небольшую, но авторитетную. Крупно пошлили под Тамбовом, пришлось бросать машины — и тихим ходом в разные сто-

роны. Ребята неплохие, девчата еще лучше, жаль было разбегаться. По крайней мере, я научил их, как свободу любить.

Подался в Красноярск, неплохо устроился, оброс связями, почистил язык — некоторые партнеры странно реагировали на словечки, подхваченные у байкеров. К этому времени я по-русски говорил, как на родном. Родной же венгерский забыл начисто, да особо и не помнил: кажется, в три или четыре года меня забрали от биопредков, а учить заново нет повода. Подумывал о своем деле, но тут в городе начали прижимать нечипованных. Перестал думать о деле и рванул в сторону вольных городов. Под новый, две тысячи сотый год добрался до Игарки. Решил осмотреться, подкопить деньжат и двинуть дальше. Но как-то пролетели шесть лет, и ничего.

Под воспоминания я задремал, а когда открыл глаза, Гамлет, бодро орудуя стальными манипуляторами, под финальные аккорды разделывал очередного злобного биомеха. Человечество спасено, в который раз. Продолжение завтра в то же время. Жаль, джойстик где-то завалился, а то попробовал бы вытащить боковик, в котором побеждает биомех.

В городе сейчас делать нечего, все веселые заведения откроются часа через два. Походил по каналам, ничего интересного не нашел, остановился на релаксе и снова чуть не задремал под тихое шуршание зеленой травы на склоне горы и бренчание струн. Но тут и за стеной легонько зашуршало, словно у Димы комната превратилась в склон зеленой горы, потом раздались звуки, как будто двигают столик. Привел в гости подружку... Я глянул на часы — какая, к черту, подружка, ему давно пора быть на работе.

Не поднимаясь с места, я стукнул кулаком в стену и крикнул:

— Сосед, смену проспал?

Тишина. Вроде дверь щелкнула в прихожей. Кто же такой смелый днем по октalam промышляет? Я сдернул с крючка у двери шокер, отодвинул панель и высунулся в коридор. Дверной датчик сработал, свет горит. Никого. Если и был гость непрошеный, то либо сбежал, либо у Димы затаился. На всякий случай подошел к его двери, подергал. Заперто. Вернулся к себе, и на пороге комнаты выключился. А когда включился, то обнаружил, что лежу ногами в прихожей, а головой упираюсь в холодильную панель. Причем голова на своем месте, руки-ноги тоже. Ничего не болит, только легкое изумление — как я здесь оказался и кто меня так ловко уделал. Шокер по-прежнему в кулаке. Сам себя нечаянно оприходовал?

Поднявшись, осмотрелся. Вроде все на месте, да ничего особо ценного на виду нет, все нычки в надежных местах. Запер дверь, сел на диван и минуту шевелил мозговой мышцой. Самое вероятное, решил в конце концов, кто-то влез к Диме, а когда я шумнул, ворюга затаился в сортире и оттуда достал меня сонником.

Полез за пивом, чтобы эта мысль легче усвоилась, тут бибикнул вызов, и сквозь траву на пленке проявилась усатая физиономия дяди Миши, с которым вчера лаялись из-за старых детекторов дыма на этаже, где располагались полицейские службы. Веселый старик Майкл Гибсон. Пару раз меня выручал, когда я, пивка перебрав, немногого дебоширил в игровых залах. Но когда дело касалось хозяйственных вопросов, такого ловчилу я еще не видел. Майор в полицейском управлении занимается техобеспечением. Проворачивая с ним мелкие делишки со списанным оборудованием, надо держать ушки на макушке, а то еще должен ему останешься. Я включил связь.

— Ты ведь живешь на Гравийке, октал четырнадцать, блок три?

— Ну, живу пока. Будто сам не знаешь.

— Твой сосед — Ди Мадоу?

- Живет такой.
- Уже нет, — сказал дядя Миша.
- В смысле? — не понял я.
- Приезжай на опознание, Иштван. — Он вздохнул и пошевелил седыми усами. — Хотя там и опознавать нечего...

3

Следующий день развалился на лохматые куски.

Вот мы с дядей Мишой и его напарником поехали опечатывать комнату. Машину оставили подальше от ворот, и пока шли к нашему окталу по зигзагам бетонных плит, я чувствовал себя неуютно под косыми взглядами встречных — люди в форменных фуражках здесь появляются очень редко, как правило, ночью, в свете прожекторов, с мощной воздушной поддержкой и под зычные команды из мегафонов.

Я хотел рассказать о том, что кто-то вроде здесь ковырялся, но передумал — все было цело, чисто, прибрано и лежало на своих местах, диван и кресло сдуты и аккуратно сложены, и даже на печном диске ни пятнышка пригоревшего жира. Дима хоть и ругал мировой порядок, персонального хаоса не терпел. Пару раз и меня пытался приучить, ненавязчиво намекая, что куртке лучше висеть в нише для одежды, а мусор хорошо бы сразу в утилизатор, а не копить в прихожей, а я ненавязчиво посыпал его на один веселый иероглиф. Он не обижался.

Вот трудный разговор с мелким начальником из управы, которому все до одного места, и сдохни на его глазах полгорода — все так же будет раскачиваться в кресле и нудеть насчет того, что годовой бюджет прописан, вот и круться как знаешь, хочешь — сам тяни за двоих, но больше, чем на треть прибавки не рассчитывай, хочешь —

ищи нового сменщика, но такого, чтобы не лез в вакуум-камеры, потому как теперь за раскуроченный маховик и спросить не с кого.

Вот я досиживаю вторую смену и пытаюсь выбросить из головы увиденное на аккумуляторной станции. Длинное здание без окон, уходящие в полутьму камеры маховиков. Набирающих энергию, отдающих энергию и не работающих. Над ними гудят трансформаторные конусы, тянутся трубы, время от времени где-то начинает выть один из множества насосов, обеспечивающих вакуум. Мастер ремонтной бригады каждое второе слово перемежал связками, отвечал на вопросы невнятно. Выяснили, что Диму втянуло в камеру, внешняя обмотка ленточного маховика лопнула и концами изрубила, словно блендером, в розово-серый фарш. Это я и сам видел, и еще карточку пропуска, которая отлетела к потолку и прилипла к свисающим мясным фестонам. По ней и опознали. Эх...

В конце дня собрались во дворике, детей разогнали по блокам, каждый принес, что смог, помянуть. Пришли Ашотик с женой, Нинка, Серега с отцом и дядя Саша, пришли Петровы. Не было Николая, да его мы неделями не видим, он работает на роторных болотоходах, добывает из вечной мерзлоты горючий лед, вахты у него длинные.

Пить я умею. Но все эти события меня немного взвинтили, иначе бы не болтанул насчет незваного гостя. Ашотик тут же спросил, не связаны ли они между собой? Когда точно меня оглушили, и во сколько произошел несчастный случай на станции?

— В камерах проверили освещение? Есть такие лампы, дают стробоскопический эффект, — сказал Ашотик. — Я видел фильм...

— Какой к черту эффект, — завелся я, но дядя Костя дернул меня за рукав.

— Ты, Ваня, не горячись, Ашотик дело говорит. Я тоже видел этот фильм. Поменяли лампы на мигающие, и полосы на маховике будто застывают, понял? Чел полез в камеру, думал, не работает, его и размазало.

Они вдвоем стали выпытывать, какие там люки, кто рядом находился, то есть как это не люки, а поворотные шлюзы, а какая там сигнализация, то есть как это хреновая сигнализация... Но тут Нинка вмешалась.

— Нашли время в дюодики играть, — сказал она. — Лучше подумайте, кто его хоронить будет и где?!

Все замолчали, а она посмотрела на дядю Сашу.

— Александр Максимович, его отпеть надо. Он хоть и китаец, а православный, я крестик у него видела. И еще он ездил в Потапово на исповедь.

«Ты-ты откуда знаешь?» — чуть не спросил я, но во-время прикусил язык. Серега косо глянул на нее, но тоже смолчал.

— Отпеть надо, — вздохнул дядя Саша. — Но я не могу. Было мне прещение, и ныне извергнут из сана.

Случись это в другое время, разговор пошел бы в сторону — прошлое каждого из нас не для чужих ушей и глаз. Но все перекрутилось, непонятная смерть Димы выбила из колеи, да и выпили основательно. Слово за слово, дядя Саша и рассказал, как служил в приходе под Тамбовом и как прившая шпана стала разорять храмы, а вскоре и вовсе распоясалась, начала разбойничать. Как-то вернулся он с всенощной, а вместо дома одни головешки. Вся семья сгорела. Выяснил он, кто злодейство учинил, скрутил всех поодиночке и властям сдал. Но по закону ничего им не вышло, отмазались вчистую, а потом еще и над ним издевались. Не выдержал, взял грех на душу, и топором свое правосудие свершил. Отсидел на карантине, вышел до срока за примерное поведение, расчипался и бродил по миру, пока не нашел приют среди добрых людей. Дядя Костя помог

ему устроиться на судоремонтный, и с тех пор он здесь коротает свой век.

Нинка пустила слезу, жена Ашотика тоже пригорюнилась. Петровы молча переглянулись, потом поднялись. Им рано утром выходить, пояснил Петров, на рыбзаводе опять сдвинули часы работы.

Тут и дядя Саша встал со скамейки, покачнулся, ухватил за плечо дяди Кости и велел не предаваться унынию.

— Все в Божьей воле! — ткнул он пальцем вверх и попал в перекладину качелей. — А я спать пойду.

Дядя Костя тоже принял немало, но держался крепче. Поддерживая друга, он проводил его до блока, постоял, сделал пару шагов в нашу сторону, передумал и ушел к себе. Мы еще немного посидели, Ашотик на своем начал что-то выговаривать жене, та огрызнулась, и еще долго из-за двери раздавались их громкие голоса. А потом и Нинка поднялась. Глянула на Серегу. Тот смотрел в сторону. Вздохнула, и ничего не сказав, ушла.

Ну, ничего, помирятся. Серега мужик нормальный, хоть и молчун. Лишнего не скажет, не в свои дела не полезет. Ага!..

— Как у тебя с работой? — спросил я.

Он почесал мочку уха.

— Нормально, да?

— Вроде того.

— Димы нет, мне теперь сменщик нужен. Срочно.
Место хорошее.

Серега положил стакан.

— Утром поговорим.

— Чего же утром? — Язык у меня стал немного заплеться. — Давай сейчас!

Серега мягко намекнул, что дела лучше обсуждать на трезвую голову. Мне показалось, что он на меня обиделся, и я долго рассказывал ему, какой он хороший человек

и какая у него замечательная семья, а он долго убеждал меня идти спать и в итоге, наверное, убедил, потому что утром я проснулся на своем диване. Во сне я гонял на верном байке по узким доскам на крышах блоков, уходил от погони, но не мог оторваться — блоки тянулись до горизонта, движок шумел все громче и громче...

Разлепив глаза, обнаружил, что таймер включил новостной канал, а там репортаж о прорыве дамбы под Хьюстоном — вода гудела, как байк на горной дороге, и эхом отдавалась в голове.

Собрав себя по частям, добрался до работы. Там у меня еще оставалось пиво, и к концу второй смены я держался бодро. А тут еще ко мне поднялся дядя Миша и принес ягодной настойки. Я уступил ему кресло, а сам пристроился на ящике со старыми огнетушителями.

Мы помянули Диму. Настойка оказалось крепкой, и меня снова повело. Дядя Миша рассказывал, как несколько лет назад Дима хотел устроиться на работу к ним в отдел и даже проработал несколько дней, однако не поладил с начальством, стал бороться за справедливость, плюнул и быстро уволился. Никто не успел понять, чего же он хотел.

— Но парень был толковый, — сказал дядя Миша. — Он мне кухонный утилизатор починил, лучше нового стал, до сих пор рубит все в пыль.

Я спросил, а точно ли несчастный случай? Не такой человек Дима, чтобы бестолково сунуться в работающую камеру. Или борцы за справедливость долго не живут, а?

Дядя Миша только рукой махнул.

— Бардак там. Месяца не пройдет, чтобы кого-нибудь не изувчило. Все разваливается, техника старая. На ремонт тратят столько, запросто новую станцию построить.

— Может, он начал вопросы лишние вопросы задавать по деньгам? Пошел поперек «триады»...

— Упертым он был, да, но не дураком. А триаде, по-твоему, делать нечего, как свое имущество портить! Отрезали бы язык...

Он замолчал, сообразив, что сказал лишнее. Тут уже я махнул рукой, — кто же не знает, кому принадлежит городское электрохозяйство!

— Откуда он к вам перебрался? — спросил дядя Миша. — По нашей базе он проходит за последние пять лет. Не рассказывал, откуда приехал, что делал? Бывает, живет человек, никого не трогает, а вдруг объявляются старые дружки, выставляют незакрытые счета, он начинает метаться, по ошибке лезет, куда не надо. Девушка у него есть?

— Говорил, есть в городе подруга.

— Кто такая?

— Не знаю. К себе не приводил, со мной не знакомил.

— Да-а... — протянул дядя Миша. — Все же странно получилось: утром мы на него запрос получили, а днем раз — и нет человека.

— Какой запрос?

Он задумчиво разгладил усы, посмотрел, осталось ли в бутылке.

— Теперь не имеет значения. Запрос на него пришел, об экстрадиции, — пояснил дядя Миша.

— Э-э, момент. — Тут до меня начало доходить, а когда дошло, хмель выветрился из головы, словно и не пил. — Какая еще на хрен?.. С севера выдачи нет!

— Когда как. Запрос от очень убедительной организации. Ты мне поверь, им надо будет — нас с тобой вот прямо выдадут, в блестящей упаковке и с бантиком сверху.

— А бантик зачем? — Я тупо уставился на него.

— Для красоты.

Минуту или две я переваривал слова об экстрадиции. Мое представление о вольности нашего края дало тре-

щину, из трещины полезли кошмары — мелкие и не очень.

— Из Норильска тоже выдают? — спросил я, пытаясь улыбнуться, но, наверное, неудачно, так как дядя Миша слегка отодвинулся.

— Из Норильска не выдают, — сказал он. — У них свои порядки, они нам не чета, мы где-то посередке болтаемся. Начальство приказывает, мы исполняем. Приказывают быстро и без шума — идем и оформляем.

— Вот Диму быстро и оформили.

— Меньше болтай, целее будешь, — посоветовал дядя Миша. — Меня из-за твоего дружка обещают с работы выгнать и весь отдел вдогонку, чтобы никому скучно не было. Перееду на старости лет к вам в окталы.

— И у нас жить можно.

— Ну да... — грустно согласился он. — Ты вот не забудь, если начнут интересоваться покойником, спрашивать, мне сразу сообщи. Или родственники, ну, ты понимаешь.

Хитер дядя Миша. Сначала слезу выжмет сочувствия, а потом легонько так попросит на него поработать, клювиком подолбить. За спасибо и стакан наливки, ага.

— Столько лет никто не объявлялся, а сейчас вдруг придут наследство делить? — Я покачал головой. — В чем его обвиняют, кстати?

— Не знаю, в запросе никаких подробностей. Ребята говорят, он, наверное, из этих, акционеров. Прямое действие, бум-бум. Подорвал трубу или столичного чина. А я думаю, что на самом деле он подрабатывал проводником. Потерял товар для важного пупыря, или увел у пупыря нужного человека, вот его и...

— Да не был он проводником! — Я даже привстал с места, но опомнился и упал обратно.

— Ладно, мне пора, — сказал дядя Миша. — Может, и повезло ему, что успел своему китайскому богу душу отдать.

— Он христианин.

— Да? Тоже ничего, — и зашлепал по винтовой лестнице вниз, к лифтам.

А я наполнил стакан холодной водой и вылил себе на голову. Чуть было не проговорился. Не был Дима проводником. Потому как это я — проводник.

4

Вечером Серега пригласил к себе в блок — попить чайку. Уютно у них, чисто, не то что у меня. Нинка, наверное, помогает прибираться. Я не любитель чая, но дядя Костя заварил душистую крепкую смесь, и после пары глотков вся хмельная муть исчезла. Дед с внуком ушли в соседнюю комнату смотреть какую-то военную передачу. Сквозь тонкую перегородку было слышно, как они спорят, кто лучше уделает оборонную платформу — стратосферный истребитель или лунная баллиста.

— Днем из пятого октала человек приходил, интересовался свободной комнатой, — сказал Серега. — Спрашивал, будешь ее занимать или как?

— Времени не теряют, однако. Слушай, мы вчера договорились насчет работы?

— Ты скажи, что за работа хоть?

Пока я рассказывал, сколько положено в месяц, сколько за сверхурочные во время штормов, как подрабатывать, подменяя в свободную минуту дежурных из комендантского этажа, которым надо сбегать домой, и про другие маленькие хитрости, он постукивал указательным пальцем по краю чашки и разглядывал в ней чаинки.

— То есть не круглосуточная? — спросил он, не поднимая глаз.

— Когда «басмач» приходит, бывает, и ночью надо посидеть на всякий случай. Но в остальное время — как

договоримся. Летом вообще можно на часок-другой заскочить — и свободен. Кстати, десять процентов выдают юнионами.

— По какому курсу? — оживился Серега.

— По балансному. Один за тысячу рублей или за сто юаней.

— Нормально.

— Для кого как. Николай больше зарабатывает на болотах, но ты давно его видел? Там вахты меньше двух недель не бывают, а таять начнет, так и весь месяц. Зато у нас с приработками на стороне без проблем. Тут главное, чтоб твой ком всегда при тебе и на связи. Сделаю заодно тебе полный доступ, выведу основные датчики на домашнюю пленку. Ты меня прикроешь, я тебя. Мы с Димой, мир праху, друг дружку подменяли. Я на рыбалку иногда выезжал на два-три дня, он, бывало, на неделю исчезнет.

— Заманчиво, — пробормотал Серега. — Насчет свободного времени тоже хорошо.

— Ну давай, прямо завтра и заходи!

В комнату вошел дядя Костя, принес чайник со свежей заваркой. Я быстро сообразил, что они эту тему уже терли и он не одобряет. Разговор у них пошел медленный, спокойный, но напряг просто висел над чашкам. А когда Серега сказал, что ему невместно приносить домой меньше, чем дед с судоремонтного, я решил заканчивать чаепитие. Но дядя Костя велел не обращать внимания на семейный совет, тем более что я ему причина и у него еще будут ко мне вопросы. Я хлебнул еще чайку и повеселел. Стариk намекал, чем дальше от начальства, тем спокойнее, Серега напирал на то, что у него будет больше времени заниматься с сыном, а когда дядя Костя обратился ко мне, смешно двигая губами, то я улыбнулся ему, как потом сказал Серега — лучезарно, и заснул прямо на табурете. Или не заснул, потому что слышал, как старик ругает Серегу за то, что я одну заварку пил, и как зовет

внука и велит принести лимон, минералки и перечный соус. Не знаю и знать не хочу, что за коктейль они намешали, но в чувство меня привели быстро.

Но когда я спросил, где бы таким интересным чаем разжиться, дядя Костя только подмигнул. Обижаться не стал, кто знает, может, я этот чай в одной из ходок и привез.

Через неделю Серега уже спокойно мог меня подменить, хотя нужды пока не было. Он быстро усвоил все наши нехитрые обязанности, иногда приходил на час, а то и на два раньше. Дома делать нечего, пояснил он. Ну, я не против. Хоть на всю смену. Раньше, бывало, с электриками, что в другом конце нашего этажа, в маджонг или «две шестерки» время убиваешь. Они парни суровые, как говорится, в нарды без костяшек играют. Вот и пришлось мне после первого знакомства доску им новую покупать, старую сломал о голову самого сурового. Познакомились ближе — оказались нормальными ребятами. Еще ближе — выяснил, дурью часто балуются. Я перестал к нимходить, и свою дверь на этаже стал запирать. Они, кажется, не заметили даже.

Серега притащил из дома раскладной лежак и пристроил его за стойкой с оборудованием. Тесновато, но уютно. В мою смену лежу на нем, слушая музыку. Огоньки на стойке подмигают, на всю стену большая пленка — с краю ползут сведения от метеобуев, остальную площадь занимают несколько карт. Сверху на одной — ежеминутно обновляется картинка нашего края со спутника, на другой — ежечасная материала, снизу еще две — справа работает в тепловом диапазоне, а слева на опережение — показывает расчетную картинку погоды ровно на сутки вперед. Разрешение у нее, конечно, получше, чем у тех, что в сетях, здесь каждое мелкое облачко, каждый сквозняк фиксируются и обсчитываются.

Когда на материковой появляются желтые полоски и медленно растут, закручиваясь в нашу сторону, жди через три-четыре дня «басмача». По городским каналам прогноз погоды пойдет раньше новостей, я проверю, работает ли механика, комендант примется увещевать электриков, а те огрызаться... Пока все спокойно, на карте края, если иметь доступ, при хорошем увеличении можно увидеть новые протоки, прикинуть, где обойти шиверы, а где лучше не рисковать. Дима сделал нам доступ, но сказал, что дольше трех-четырех минут в день лучше им не пользоваться и ни в коем случае не сохранять в системе масштабированную картинку. Да мне и минуты в неделю хватало найти нужное место. И сохранять ни к чему, когда можно ручным комом щелкнуть, а дома картинку вывести и хоть часами изучать.

Присматриваясь к Сереге, я прикидывал, не взять ли его в долю? Мало говорит, мало пьет, а если и выпьет, вообще молчит. От начальства держится подальше. От любого. Вот и с дядей Мишой разговора душевного у них не получилось. Старик пытался по-свойски так поговорить, но Серега сказал, что у него голова болит и он до начала смены полежит немного.

Дядя Миша немного обиделся, а когда он ушел, я намекнул сменщику, что с полицией лучше дружить. Пригодится в случае чего.

— Батя мой говорит, — сказал Сергей, — дружбы по нужде не бывает. А на всякий случай надо иметь под рукой ствол потолще.

— Прав дядя Костя. — Я не стал возражать. — Но кости по-разному ложатся. А майор Гибсон вроде нормальный дед.

— Хитрый он. И не просто хитрый, а с вывертом.

— У него работа такая.

— Мы-то на него не работаем, нам выворачиваться не надо.

Правильно он все видит, и дядю Мишу с ходу пробил. Но будет ли он дома держать язык за зубами? А если дяде Косте не понравится, что я сыночка втягиваю в рисковое дело? С Димой все было проще: на ходки его звать — себя не жалеть. Он мог согласиться, но при этом все мозги закантовал бы своими идеями. И неизвестно, как бы себя повел ночью, когда тихо-тихо, не дыша, ползешь на веслах мимо таможенных понтонов. Вдруг запоет во весь голос «Алеет восток» или палить начнет во имя справедливости?

Заказов нет, спешить некуда. Когда буксы гореть перестанут, тогда и подкачусь к нему с предложением. Надо будет почаше в гости заходить, дядю Костю при случае пощупать, как он к левым делам относится. Дед правильный, жизнь знает, с ним лучше не ссориться. Чаек у него тоже располагает к душевному разговору, главное, не налегать на заварку.

Но все разложилось проще. К Сереге стал забегать сын. Его школа рядом, а в столовой при управе кормят хорошо и практически даром. Начальники туда не ходят, еду к ним приносят в кабинеты молодые официантки, все, как на подбор, грудастые, есть за что подержаться.

Я сначала напрягся, когда еще и дядя Костя пришел — внука домой отвести. Но потом прикинул, что все в жилу. Войдет Серега в долю, сам будет следить, чтобы парень ненароком лишнего не увидел или, не дай бог, испортил. Бывают всякие товары, однажды я ходил туда с мамонтовой костью, а обратно — с китайским сервисом ручной работы. Очень дорогое и хрупкое старье на любителя, причем не запрещенное, и заработал, как от трех ходок с оружейным фтором.

Сами-то жители Игарки в разговоре всегда называют его вольным городом, но кому, как не проводникам, знать цену этой вольности. Вверх и вниз по реке — таможенные кордоны, воздушное пространство тоже перекрыто, и

любой товар, идущий хоть на Дудинку, хоть в Норильск, досматривается. Официально они и не таможенники вовсе, а наблюдатели от каких-то служб экономической безопасности Западного объединения государств. Чтобы недозволенные технологии или там новые огневые системы не расползлись без контроля. А поскольку грузы идут туда-сюда потоком, то всякая мелочь, бывает, неделями томится, пришвартованная к pontonам. Серьезные люди давно нашли общий язык с наблюдателями, поэтому хоть танкеры с нефтью могут перегонять... Ну, тут я приврал. Нефть на жестком мировом контроле, с ней игры плохо кончаются. А вот сжиженный газ из горючего льда пока на полный контроль не поставили.

Когда дядя Костя опять зашел за внуком, мы как раз под чаек заговорили о трубе и горючке. Я вспомнил Диминны слова о том, что вольные города держат статус только из-за обслуживания трубы и за сырье, которое они поставляют.

— Прав был покойник, — вздохнул дядя Костя. — Не всякий здесь вкалывать будет, даже за длинные юнионы. Сейчас, говорят, полегче стало, а лет двадцать тому назад по «Закону о капле бензина» многих сильно поприжали. А кого и закопали, понял?

Покосился на Серегу, который что-то показывал Дениске на спутниковой карте, и вполголоса сказал:

— Так и не похоронили по-человечески... Нехорошо.

— Майор Гибсон говорит, там хоронить нечего. Вот я думаю, раньше Дима все о политике рассказывал, про мировые расклады, а мы не слушали его. А теперь в голову его слова лезут то об одном, то о другом.

— Бывает. Смерть, она как кислота — одно разъест, другое останется.

Дядя Костя велел внуку собираться, но тот заупрямился. Его было не оторвать от карт, особенно от той, где медленно, еле заметно для глаза, шевелились полосы

вероятного таяния мерзлоты, двигались тонкие линии прогноза затопления и медленно расползались пятна болот.

— Давай, парень, собирайся, — поторопил дядя Костя. — Тебе через неделю проект сдавать, а ты даже не начинал.

— Какая тема? — спросил Сергей.

— Ну, там про экологию, про экономию топлива, ну, чтобы бороться с перерасходом.

— Ха! — сказал я.

Вся семья дружно уставилась на меня.

— Случай вспомнил, насчет экономии. — Я махнул рукой.

Давным-давно, когда я был зачипованным офисным барбосом, ходил по разным конторам и проверял картриджи систем микроклимата — нет ли перерасхода энергии, выключают ли их в нерабочее время. Однажды во время проверки ввалился в кабинет какого-то начальника и обнаружил, что, несмотря на выходной, он так вкалывает со своей ассистенткой, аж брызги летят. Для школьного проекта точно не подойдет, хотя они выключили все, что светилось и работало. Наверное, для экономии.

— А пусть Николай расскажет, как горючий лед добывают. Ты нарисуешь схемы там, картинок добавим, на пленке красиво получится, — сказал дядя Костя. — У меня как раз завалился где-то кусок работающей. Наклеим на лист...

Сергей ткнул пальцем в карту.

— Николай сейчас вот где-то в этих местах. И вряд ли через неделю вернется с вахты. Ругался, снова подняли норму добычи этих, клатратов метана.

Я как раз пытался вспомнить, как горючий лед называется. Николай однажды притащил кусок. Лед и лед, только грязный и какой-то мягкий, но горит здорово. Потому что в нем метан растворен. И роторы я видел, их

у дяди Кости на судоремонтном латают. Огромные, словно ходячие дома-фабрики на плоских ногах, каждая нога размером с три блока, рядом уложенных. Ступни-опоры похожи на большие понтоны, в болоте не утонут. И ротор, как чертово колесо, а вместо кабин ковши. В новостях я видел, как эти ходячие многоэтажки плюх-плюх по болоту, потом ротор начинает загребать все вокруг и внутрь закидывать. Там вроде газ выделяют и сжижают. Газ в основном идет в Норильск, к хозяевам роторов, но немного и нам перепадает.

— Не, пленку нельзя, — сказал Дениска. — Наставник говорит, никаких пленок, чтобы проект можно было потрогать. А про метан рассказывал, что из-за его выбросов начались потепление и затопление. И что оползни и болота тоже из-за него. Он раньше в экологической гвардии работал, говорит, чуть катастрофа не случилась.

— Тыфу ты, — нахмурился дядя Костя. — Они уже сюда добрались.

— Дед, он не гвардеец, его давно уволили, из-за ранения.

В шутку предложил сделать маленькую сирену. Показал нашу старушку и вовремя поймал за руку, когда он собирался крутануть ручку. Серега начал объяснять сыну, как работает система оповещения.

— Слушайте, — сказал я. — Если на пленке нельзя, сделайте вертушку, как у нас на крыше. На нее любой рисунок наклеишь. Даже три рисунка. Сам нарисуешь, значит, своими руками сделал. Крутить лучше моторчиком или вручную — вот тебе и экономия, и экология.

Серега сразу понял, о чем я говорю, и повел сына смотреть поворотный механизм.

— На крышу только не выходите, — крикнул я им в люк.

Дед тоже полез за ними, а когда они спустились, сказал, что у него где-то завалялись профили как раз треугольно-

го сечения. Нарежет их и принесет, а все остальное тоже подберет — свалка у них на ремонтном большая. А я пообещал завтра вечером зайти к ним, помочь. Заодно с Серегой поговорю. Пока они топтались над моей головой, я глянул на ленту частных объявлений и увидел слова «Ручник снят», что означало заказ и встречу с заказчиком.

5

Но в тот вечер зайти к ним не удалось.

Обычно на контакт с заказчиком уходит не больше часа. Подъехал, проследил издали, как посредник берет товар, убедился, что поблизости никого подозрительно-го и за ним шпана не увязалась. Уходишь с площадки и через полчаса на пару секунд пересекаешься с посредником в одном из городских туалетов или прямо на улице, если товар компактный. Сложнее, когда нужно провести человека — тут на весь день мороки, пока его возят с места на место, дожидаясь ночи. Я редко берусь за вызов. Платят очень хорошо, но если поймают... Лучше об этом не думать. Пугливый проводник много не заработает, а бесстрашный долго не живет.

Посредник уже подходил к «Чифану», а я с противоположной стороны улицы изучал карту города на переходе. На условленном месте сидит мужик, ждет. Лицо кого-то напоминает... Возможно, встречались, точно не помню, но какое-то дермо с ним было связано.

На всякий случай я отошел от карты и двинулся по переходу. Посредник, даже не посмотрев в мою сторону, выбросил бутылку с водой в мусоросборник, прошел мимо харчевни и скрылся за углом. Спустя минуту пискнул ком. Я не отозвался, значит, посредник выйдет на связь завтра в это же время. Теперь поинтересуемся, что за типаж.

Нинка с кем-то говорила по кому, спиной к залу. Официантка плеснула мне кофе. Оглядевшись по сторонам, я двинулся к угловому диванчику, где расположился заказчик. Крупный мужик в дорогой куртке. Явно натуральная кожа. Часто поглядывает на ком. Тоже не из дешевых. Приезжий, судя по всему, светит дорогие вещи не в самом спокойном районе. Он глянул на меня, не обнаружил в руках бутылку с водой, снова уставился в витрину.

— Не возражаете?

В это время вечерние заведения практически пустые. У кого закончилась смена, те рассосались по домам — душ, немного передохнуть, сменить одежду и потом завалиться куда-нибудь посидеть или встряхнуться. Он снова посмотрел на меня, на этот раз внимательнее. Пожал плечами. Оценив как согласие, я развалился на диванчике и понюхал черную жижу, которую здесь называют кофе. Минуту или две он ерзal на месте, перекладывая ком из руки в руку, переводил глаза с дверей на улицу и обратно. Отодвинул пустой бокал с недопитым коктейлем и явно собрался уходить. Тут я заметил у него на шее большую родинку, похожую на гантель. И сразу вспомнил, у кого ее видел и когда.

Охранники выводили меня из банкетного зала, а он подошел, благоухая дорогим бухлом, щелкнул по носу и пальцем так небрежно пошевелил охранникам — выкиньте малыша. Если бы мои руки были свободны, я бы дал ему в нос, но меня держали крепко. Пришлось ногой. И не в нос. Жених сложился пополам, тут за меня взялись крепко, но я отделался парой сломанных ребер и уполз живым. Сколько же лет с тех пор прошло?

Тут бы мне дождаться, пока он уйдет, а потом и самому отвалить. Терпение для проводника — хлеб, вода и воздух. Нетерпеливый проводник может слишком рано выйти из укрытия и нарваться на засаду. Или сдуру рванет

сквозь цепи понтонов, не дождавшись сигнала прикормленного человека из обслуги наблюдателей. В итоге потеряет товар. Пойманый проводник уже и не проводник вовсе, больше к нему никто с заказом не сунется. Для наблюдателей просто праздник, когда поймают неловкого ходока. Долго и со вкусом оформляют протоколы изъятия, тщательно описывая каждую изъятую единицу. И отпускают, даже пальцем не тронув. Управе, куда идут протоколы, автоматом отписывается — меры приняты. Местным властям мы неинтересны, не те деньги и товары через нас проходят. А вот хозяин товара может сильно расстроиться. Не успеешь быстро возместить ущерб, то сломанными ребрами не отделаться. И упаси боже, если он как-то связан с «триадой». С ней шутки плохи, деньгами не откупишься, им главное — не потерять лицо, а поэтому так могут обезобразить твое личико, что ни один хирург-пластик близко не подойдет. Еще хуже — потерять человека. Могут объявиться кровники, и проводник исчезает, чтобы вскоре всплыть вверх брюхом в тихой заводи. Вот я и работаю с любым грузом только до пересылки, дальше везут и ведут другие ходоки. В Норильске из-за этого ни разу не был, зато голова на месте и остальные части организма.

Но сейчас я забыл о делах и, слегка подаввшись вперед, чтобы ловчее опрокинуть на него столик, спросил:

— Отдыхать приехал в наши края? Один или с Клавой?

Он на миг застыл в этаком, я бы сказал, полуподъеме, прищурился. Помотал головой, хлопнул комом по столешнице и расхохотался.

— Малыш Ванечка! — вскричал он. — Вот так встреча! Рад тебя видеть!

Или я ничего не понимал, или Гриша действительно рад был встрече. Он подозвал официантку и заказал бутылку дорогого изюмного вина. Вообще-то я ждал нормальной драки, но он так искренне улыбался, так сует-

ливо потирал руки и все повторял насчет судьбы, которая сводит и разводит людей, что я немного обмяк.

Слово за слово, вторую бутылку заказал я, и после общих разговоров о судьбах человечества, грядущих катаклизмах, цен на топливо и местных достопримечательностях он поскучнел и сказал, что с Клавой они вот уже несколько лет как расстались. Она поймала его в момент, как он выразился, осквернения супружеского ложа с двумя юными служанками.

Я зажмурился, представляя эту картину, а главное — ее последствия.

— Не верю, — сказал я. — С Клавкой такие шутки плохи. Если бы застукала, от тебя остались бы одни головешки.

— Они только и остались, — ответил он.

И рассказал, что за недолгие годы совместной жизни Клава основательно влезла в его дела. Возглавив совет директоров, лихо развернулась и за два года удвоила прибыль компании. Его такая жизнь вполне устраивала, тем более на людях она держалась скромно, все успехи приписывала ему. В итоге оказался практически голый и на улице.

— Все акции на нее переписал, — горестно повторил Гриша. — Все активы, дом, страховки — когда она успела их оформить, не понял. Мои лоеры против ее акул сявками оказались. Два процесса, одни другого разорительнее. Потерял все и еще должен оказался. Хотел поплохому, ничего не вышло, у нее сильная охрана, не подберешься.

— Да-а, — протянул я. — Не повезло тебе. А может, и повезло, живой ушел.

Сочувствие и злорадство слоились во мне, не смешиваясь. Пришлось взять еще бутылку, чтобы проверить ощущения. В харчевню начали подтягиваться посетители, становилось шумно. Я подозвал официантку и спро-

сил, есть ли свободные места наверху. Мы переместились на второй этаж, там все столики отделены друг от друга звуковым занавесом.

— Большими делами она сейчас крутит, — завистливо сказал он. — Взяла ребенка перспективного, своего все откладывали, да не успели. В политику собралась. Но ничего, я тоже поднимусь, тогда припомню...

— Тебя-то сюда как занесло? — поинтересовался я.

Он стал жаловаться на тесноту и зажатость в больших городах. Все зарегламентировано, каждый кусок на счету, все потоки под тройным контролем, а у него остались хорошие связи, есть ходы на серьезных, а здесь можно развернуться, если с умом организовать нужных людей, которые могут доставить нужные вещи в нужное место.

— Это ты о чем? — спросил я, быстро трезвея.

— Да ладно, тут все промышляют, кто чем горазд. Игарка фактически перевалочный узел, мечта контрабандиста. Почти легальный бизнес.

Тут он стал мне рассказывать про ходки, объяснять фискальную политику Западного объединения и Альянса, а я таращил на него глаза, сильно подозревая, что он в курсе моих занятий и попросту издевается. Но посредник не мог сдать меня, не в его интересах. Скорее всего не с кем пообщаться мужику, вот и чешет языком.

Я глубокомысленно покачал головой.

— А-а, так ты хочешь подработать, как его, проводником?

— Нет, это мелочевка, курочка по зернышку. — Он ухмыльнулся. — Вот объединим проводников в структуру, обеспечим постоянной работой, наладим защиту — понимаешь, какие пухлые пойдут юнионы?

Вид у меня был, наверное, глупый. Он пристально посмотрел на меня и наполнил бокалы.

— Мне понадобятся люди, на которых я могу опереться, — сказал он. — У нас с тобой знакомство состоялось

неудачно, но раз начали с драки, то ведь можем закончить дружбой?

— Ага, — только и ответил я, сделал маленький глоток и опустил бокал. — Ты хочешь создать профсоюз ходоков?

— Гораздо лучше! — вскричал он, потомтише добавил: — Не профсоюз, а холдинг. Прозвоню цепочки, сделаю пару заказов, а там и схему выстроить можно. Кое-какие нычки остались, начну ходки вдвойне оплачивать, сами ко мне прибегут.

— Ну да, жди, сейчас сбегутся проводники легкими прыжками. То ли он придуривается, то ли мне извилины трамбует.

— Прибегут, значит? Я слышал, их всего-то полтора человека.

Тут я, конечно, преуменьшил, но не намного. Его реакция была ожидаемой.

— Вся информация у меня под контролем, — самодовольно сказал он. — На самом деле их больше, и скоро всех подключу к делу. Потом еще новых наберем, обучим.

— С такими замесами тебе и у нас тесно будет. Может, зря ты расчиповался?

— Я и не думал! Зачем отказываться от благ цивилизации? Полный доступ к информационным каналам, кредитные линии, мгновенная связь, медицинский контроль... Да мало ли что!

— Э-э... Так ведь у нас системы не работают!

— Сегодня не работают, а завтра, глядишь, заработали, — подмигнул он. — Главное, быть в деле, когда начнется реконструкция. Не вечно же север будет вне зоны процветания. Но об этом пока молчок!

— А мне зачем говоришь?

— Я же сказал, люди нужны. Помещение под офис я присмотрел, на днях оформлю. Обязательно заходи, по-

говорим. Ты ведь здесь давно, ходы-выходы знаешь, по ходу должность помощника твоя. Гостиница «Северный олень», спросишь на ресепшене господина Макарова. А ты где живешь?

- В окталье.
- Это что, типа пентхауза?
- Почти...

6

Следующие два дня прошли беспокойно, к соседям зайти никак не получалось. Не мог даже во дворике посидеть, возвращаясь домой замотанный, сразу валился спать. Посредник уверял, что моего имени заказчик не называл, товар компактный, какие-то дорогие лекарства. Возможно, встреча с Макаровым действительно случайна. Его планами можно пренебречь, и не такие шустрики пытались время от времени свои порядочки наводить. Ходоки, они как горючий лед, всегда должны быть подальше от света и огня, держаться в холода. Иначе от малейшей искры погоришь. Поэтому на всякий случай я аккуратно тормознул посредников, а для этого каждому приходилось назначать место и время встречи, придумывать отмазы, убалтывать, одним словом.

Больше всего не понравились Гришины намеки насчет реконструкции. Тема длинная, месяца не проходит, чтобы слухи о ней снова не начали ходить. С годами привыкаешь, как к разговорам о новой волне затопления, или, наоборот, о великой суши, вызванной очередным потоплением. И майор дядя Миша Гибсон своими откровениями насчет выдачи утешил!

Ничто не вечно, и статус Игарки тоже пересмотрят в любой момент, если решат, что момент настал. Вынул я свои нычки из надежных до сегодняшнего дня мест и

аккуратными порциями конвертнул в юнионы. С мелким барахлом, которое жалко оставить, пришлось повозиться. Вывел катерок, записанный за одним посредником, и смотался километров на двадцать вверх по реке, почти к таможенным кордонам. И горючку жаль тратить, и лишний раз светиться не хотелось, но запас карман не рвет. Жизнь иногда кривым боком поворачивается, тогда каждой мелочи будешь рад. Километров пять лесом, к давно открытому схрону — тоже забава средненькая. Идешь сквозь бурелом, того и гляди — в овраг свалишься, сам почему-то вспоминаешь, кому из знакомых девок по пьяному делу мог лишнее сболтнуть?..

В общем, когда я появился у соседей, моя помощь не требовалась. Сереги дома не оказалось, лишь дед с внуком и дочка Петровых. Дядя Костя возился у стола с заправочным чайником и пиалой, гоняя кипяток из одного сосуда в другой.

— Чаю будешь? — спросил он. — Я тут напек шанежек, подсаживайся.

— Спасибо, я уже поел.

В центре комнаты стояла мощная конструкция. Деревянная рама почти в человеческий рост, профили треугольного сечения, нарезанные метровыми полосами, ровненько стоят впритык друг к дружке.

— А куда моторчик пристроили? — заинтересовался я.

— Нету моторчика, — сказал Дениска. — У нас все экономно. Юлька, ручку отдавай!

Он выхватил из ее рук изогнутую под прямым углом стальную трубку с насаженной с краю рукояткой от зонта. Пока он пристраивал трубку к отверстию в нижней части рамы, Юля смотрела как зачарованная на створки, беззвучно шевелила губами и словно что-то чертила в воздухе указательным пальцем.

— Ага, — она почесала кончик носа, — не больше трех...

— Держи раму, — скомандовал Дениска.

Было заметно, что он крутит ее изо всех сил. Створки дернулись и с легким скрипом повернулись, образовав новую плоскость.

— Сюда мы наклеим постер с нашей школой. А на другие стороны большие распечатки наставника и директора. — Тут он развернул два листа, на одном молодой парень в свитере, с тонкими усиками и разноцветными бровями, на другом — мужик постарше в застегнутом наглухо мундире экологического гвардейца.

— Не понял! Он вот так при параде по школе ходит? С «абаканом» наперевес?

— Старая картинка, — пояснил Дениска. — Мы ее в Сети нашли. У него точно такая на стене в кабинете висит.

— Понятно... Моторчик — говоришь нет?

Я присел глянуть на привод. И впрямь — нет мотора. Поперек идет вал, явно из черенка лопаты. В него вбиты большие гвозди без шляпок, три ряда вдоль. Под каждой призмой ходят три штырька. Створки сидят на толстых пластиковых дисках, в которых я узнал подставки под пивные кружки. Из Нинкиной харчевни? В дисках сквозные прорези, при повороте вала гвоздь без шляпки входит в прорезь, сдвигает створку на нужный угол и выходит. Разобравшись с поворотным механизмом, я выпрямился и обнаружил, что Дениска и Юля сидят за столом и с хрустом уплетают домашнее печево.

— Да-а... — восхищенно протянул я. — Тебе, дядя Костя, не ржавые корыта ремонтировать, а в конструкторы надо податься.

Дядя Костя хмыкнул, кривовато улыбнулся и после недолгого молчания сказал:

— Кому-то и корыта надо чинить. А модель придумал, нарисовал и рассчитал Денис. Моя помощь — подай,

принеси. Ну, там нарезать и сварить пластик тоже. Я — руки, он — мозг.

— Подумаешь, — промычал Дениска, дожевывая ша-некку. — Я сначала хотел лазер сделать. Не боевой, конечно. Отец не разрешил. Сказал, капсулы фтора не до-стать.

Правильно, что не разрешил, подумал я. Хотя насчет капсул не стоит горячиться. Доводилось возить малые партии, может, и ему придется. Товар хлопотный, но платят хорошо.

— С такой головой тебе прямая дорога в Высшие ре-естры, — сказал я.

— Пусть сам свою дорогу выберет, когда шестнадцать стукнет, — недовольно пробурчал дед.

— Тоже верно. Я вообще-то к Сереге зашел, погово-рить надо.

— Он Нинке массаж делает, — сказал Дениска и за-хихикал.

— Какая она тебе Нинка! — рыкнул дядя Костя. — Нина Павловна, или, на худой конец, тетя Нина.

— Ага-ага, — закивал Дениска и чуть не подавился крошками.

— Сказать, чтобы к тебе зашел? — спросил меня дядя Костя.

— Не, я сейчас спать упаду. Завтра вечерняя смена моя, приду пораньше.

Но и на следующий день нормально поговорить с Серегой не удалось. На картах начали проступать слабые, но устойчивые признаки надвигающегося атмосферного фронта. Через пару недель жди «басмача», а потом начнется штормовой сезон. Сидел до упора. До того как небо начнет играть в потоп, по реке пойдут сильные туманы. Половина сенсоров на кордонах ослепнет, другую половину осторожный проводник обойдет, поскольку нужный человек осторожного проводника подскажет за-

ранее, где чисто, а где не очень. Но деньги вперед, как водится. Пока все тихо, можно пару ходок сделать, тем более что главный посредник начал дергаться — заказы уплывали мимо. С Гришой я не встречался. Один из посредников по моей просьбе сунулся в гостиницу, но там сказали, что постоялец выбыл.

Несколько раз мы пересекались с Серегой на перемене. Он даже как-то пришел на час раньше, успел рассказать о том, что Дениска с проектом попал в первую тройку и дочка Петровых тоже. Вдруг, как назло, объявился дядя Миша и понес какую-то пургу насчет дырявых рукавов от брандспойтов. А когда наконец у меня выпала дневная смена, я дождался, когда Серега после работы вышел во дворик. Хотя никого из соседей не было, предложил ему зайти ко мне и поговорить об одном интересном деле.

Но только мы поднялись со скамьи, как в дверном проеме своего блока показался дядя Костя и сказал:

— Тут человек один пришел, хочет поговорить.
— Ладно, подходи, когда сможешь, — вздохнул я.
— Он и с тобой хочет поговорить. И вообще со всеми жильцами звездочки.

— Коммунальщик? Гони его!..
— Не надо меня гнать, — сказал коренастый невысокий человек, выходя во двор из-за спины дяди Кости.

Его лицо было знакомым, и серый, плотно облегающий костюм казался неуместным. Память сработала, и я сообразил почему — в мундире экогвардейца он выглядел более стройным.

Удалось собрать всех, кто оказался дома. Пришли крайне недовольные Серега и Нинка, пришел дядя Саша, последним явился Ашотик, причем не в обычных своих трениках и майке, а в приличном костюме и даже при галстуке. Он важно представился Ашотом Гургеновичем и вручил гостю визитку. Одна такая у меня где-то валя-

ется, там все буквы в словах «Ритуальные услуги высшего качества» светятся разными цветами и оттенками. Петровых дома не оказалось, Николай еще не вернулся с вахты.

Детей прогнали со двора по блокам.

— Я наставник средних классов школы, в которой учатся ваши дети, — начал гость. — Хотел познакомиться с родителями...

— Ближе к делу, Павел Богданович, — перебил его дядя Костя.

Бывший гвардеец, а ныне наставник косо глянул на него.

— Прежде чем дать делу официальный ход, — мягко сказал он, проведя ладонью по коротко стриженным седым волосам, — мне крайне важно знать, почему Юлия Петрова вот уже второй день не посещает школу?

Наверное, так положено, подумал я. Ученик пропускает занятия, наставник выясняет, по какой причине.

— Вы бы к Петровым зашли, — проворковала Нинка. — Если у вас ком не работает.

— Комы не отвечают — ни родителей, ни Юлии. Я два дня к ним хожу. Кажется, их нет дома.

Все посмотрели в сторону двери блока Петровых. Обычно матовое оконце у них всегда светилось, но сейчас было темным.

— Мало ли, — сказал Ашотик. — В гостях где-нибудь. Когда мои заболели и почти неделю в школу не ходили, никто не звонил, не приходил.

— Какой еще официальный ход? — вдруг спросил молчавший до сих пор дядя Саша. — В чем дело, мил человек? Ты, слушаем, не из юпов будешь?

Павел Богданович вздохнул.

— Нет, я не хочу, чтобы ювенильная полиция нагрянула сюда и все перетрясла.

— Постойте, постойте! — вскричал Ашотик. — Какая-такая полиция? Нет здесь юваных полицаев, здесь свободная территория!

Сережа переглянулся с отцом. Меня немного испугала стальная искра, на мгновение мелькнувшая в глазах дяди Кости.

— Пока свободная, — многозначительно сказал наставник, подняв палец. — Время сложное, лучше заранее принять меры.

«Какие меры», — хотел спросить я, но промолчал. Детей у меня нет, и лезть поперед родителей в дела школьные неуместно.

— Вот какая ситуация, — сказал гость. — Юлия Петрова защищила проект по математике, и, к сожалению, ее работу неосторожно выложили в школьную сеть. Оттуда она попала в общую.

— Велика проблема, — сказал Ашотик. — Мой старший сделал макет надгробия в виде тессаракта. Последнее место — разве справедливо?

— Да-да, — закивал головой наставник. — Забавный проект, юмор оценили. Господин директор у нас молодой, обидчивый, ему не понравилось, что на надгробии его инициалы стояли.

— Что такое теса... теса... — громким шепотом спросил дядя Саша у Сереги, но тот лишь плечом дернул, не сводя глаз с наставника.

— Если кто-то увидит Петровых или знает, как с ними связаться, попросите, чтобы они срочно, как можно скорее встретились со мной. Иначе их начнут искать другие люди.

— Тыфу ты! — гаркнул дядя Саша и, поднявшись со скамейки, навис над гостем. — Никак охотники в наших краях появились. А ну руки на стол!

— Что? — удивился наставник.

Но я удивился, наверное, еще больше, когда обнаружил дядю Костю за спиной наставника, а в его руке невесть откуда появился тяжелый молоток.

Нинка открыла рот то ли завизжать то ли выругаться, но пока она выбирала, Серега быстро охлопал гостя со всех сторон, не поленившись проверить штанины. Помотал головой, значит, чистый пришел.

— Слушайте, — сказал наставник, — не знаю, за кого вы меня принимаете...

— Не обижайтесь, — миролюбиво сказал Ашотик. — Мы вас, Павел Богданович, в лицо, конечно, знаем. Но сами говорите, время сложное, всякое случается.

— Вы не понимаете...

— А вы нам объясните. — Голос Ашотика стал медовыем. — Мы попробуем понять.

Наставник обвел глазами всех, кто сидел и стоял вокруг него, покосился на молоток.

— Хорошо, — сказал он. — Сам я в математике не очень силен, но со слов директора понял, что девочка нашла механическое... Или скорее геометрическое доказательство теоремы Ферма.

— Ой! — Нинка прижала ладонь ко рту. — Неужели модулярные эллиптические кривые... — и замолчала.

Тут все уставились на нее, а у Сереги челюсть попросту отпала.

— Ну это... — сказала Нинка. — Я передачу видела. Про доказательство гипотезы Танаямы — Шимуры...

Я хотел спросить, а тебе-то зачем, но вопрос настолько явно стоял в глазах всей компании, что и спрашивать незачем.

— Просто интересно, — смущенно улыбнулась Нинка. — В школе я математикой увлекалась.

— Тогда, может быть, вы объясните, как на основе модели механического стенда для рекламы, кстати, про-

ект вашего сына, — кивок в сторону Сергея, — она пришла к выводам, в которых лично я ничего не понял.

Нинка задумалась.

— Вращающиеся равносторонние треугольники составляют плоскость... площадь поверхности... ага, площадь поверхности — квадратные единицы, а всего сторон три — если будет больше, то вращаться не смогут... Нет, не пойму логики, что-то явно тут есть, но что? — Она почесала кончик носа. — Нужна алгебраическая топология, наверное, а я все забыла.

Молчание становилось неприличным, когда Серега кашлянул в кулак и ласково сказал:

— Ты забыла, а мы и не знали вовсе.

— Момент, — озарило меня, — так ведь и Юлька могла видеть передачу про этого, ну, про теорему!

— Видите, девочку надо срочно найти, — вмешался наставник.

— Не видим, — хмуро сказал дядя Костя, поигрывая молотком.

— Почему такая спешка? — спросил Ашотик. — У родителей отберете, чтобы передать более достойным и обеспеченным?

Говорил он спокойно, я бы даже сказал — вкрадчиво. Но интуиция подсказала, если наставник ошибется с ответом или соврет, то здесь его и закопают. Под качелями. Кажется, и он ощущил угрозу.

— Городские власти могли бы назначить стипендии для особо одаренных, — быстро заговорил он. — Никаких изъятий, она остается в семье в случае изменения статуса города.

— То есть управа дает деньги на стипендии? — поинтересовался я.

Интересный расклад. Девочку хватились на днях, а чтобы попасть к нужному человеку, не самому большому, на прием, надо за неделю записываться и ждать, когда тебе

придет по кому извещение о дне и часе. Даже серьезным хозяевам крупных предприятий доводилось ждать — серьезных много, баланс держать надо, а раз не сумел решить вопрос в неформальной обстановке, то терпи.

— Пока еще нет, — честно ответил наставник. — Но господин директор готовит список стипендиатов, и завтра с утра...

— Завтра среда, никого не принимают.

— Его примут, — вздохнул наставник. — У него связи.

— Директор такой молодой, — сказал Ашотик. — Ему хоть двадцать пять есть?

— Не знаю. Не интересовался, — сухо ответил наставник.

— Мне доводилось слышать, — задумчиво продолжал Ашотик, — о молодых сотрудниках одного фонда. Тех, кто проштрафился, направляют в свободные города. Начать послужной список с нуля. Второй шанс. Он, случайно, не из СД?

Я вздрогнул. Воспоминания о работниках фонда «Счастливое детство» не из приятных. Во время распределений именно они принимали решение, с кем и где тебе жить, с их лиц никогда не сходили идиотские улыбки. Похожие на кукол с насмерть отштампованным выражением лица, они пугали своим холодным добродушием.

— Хорошо, — прервал молчание дядя Костя. — Если со стипендиями дело выйдет, все будет нормально. Примите прощения за грубость обращения. Я провожу вас. Машину вызвать?

Наставник выдохнул явно с большим облегчением и поднялся.

— Спасибо, моя тут недалеко. Насчет Петровых все же...

— Обязательно скажем, чтобы к вам зашли, — кивнул Ашотик.

Дед провел наставника сквозь блок, послышались голоса у внешней ограды, быстрые шаги по бетонке, и

вскоре загудел мотор. Вот сейчас самое время Серегу отозвать в сторонку и поговорить, когда соседи разойдутся. Но никто не двинулся с места.

Вернулся дядя Костя, сел напротив Ашотика.

— Ну, что скажешь? Списки, да. Понял?

— Вот и я подумал — с этого обычно начинается, — мрачно сказал Ашотик. — Теперь в покое не оставят.

— Ладно, Бог дал день, Бог даст и пишу. Петровы у родни гостят, завтра обещали вернуться. Узнаем, что к чему. Пошли домой, — обратился он к сыну, — тут надо мозгами пошевелить. Всем спокойной ночи!

С тем и разошлись. Поговорить с Серегой опять не удалось.

А Петровы так и не появились.

7

До конца дневной смены оставалось еще много времени, впрочем, и дел хватало — погода шла по графику прогноза, с небольшим отставанием, осталась неделя до веселых денечков. Проверил давление в баллоне волилки, впрыснул немного смазки в подшипники ручной сирены, выставил в аппаратуре режим самопроверки на каждые полчаса. Прикинул — самому подергать рычаги поворотного механизма на крыше или поручить Сереге, тут он сам и пришел, да не один, а с дядей Костей.

— Что так рано? — удивился я.

— Поговорить надо, — сказал дядя Костя. — О жизни нашей непростой.

Он присел на выступ, а Серега вытащил свой лежак и подвинул ко мне.

— Ты парень молодой, — начал старик. — Друзей-знакомых много...

— Дядя Костя, — перебил я, — давай без титров.

— Давай, — согласился он. — Короче, нет ли у тебя выхода на какого-нибудь надежного проводника?

«Да вы что, сговорились!?» — чуть не сказал я.

Оценил юмор ситуации — уговори я Серегу на той неделе, сейчас в помещении метеостанции сидели бы два проводника.

— Уходить надо, — продолжал дядя Костя. — Начали к детям присматриваться, значит, счет на месяцы, а то и на недели пошел. Потеряем статус, тут же охотники появятся, потом и юпы, понял? От охотников еще отбьемся, а вот... — Он покачал головой.

— Не понимаю. Дети большие, кто их отберет?

— Не понимаешь, потому что своих нет, — сердито сказал дядя Костя. — До шестнадцати лет могут любого запросто. Из вредности, за недолжное воспитание и все такое... Вчинят долг за упущенную выгоду, будешь всю жизнь отрабатывать.

— Да ладно ворчать, — вмешался Серега. — Давай по делу.

Но по делу опять не удалось, словно тот, кто распоряжается событиями, решил немного поиграть со мной. В коридоре громко чокнулся лифт, и тут же к нам без стука ввалился майор дядя Миша Гибсон.

— Какие люди! — сказал он. — Вы-то мне и нужны.

С этими словами он плотно прикрыл нашу дверь и, не дожидаясь приглашения, плюхнулся на лежак, прислонился к стойке с аппаратурой и закрыл глаза. Вид у него был несколько помятый, пуговицы расстегнуты, под курткой выпирала рубчатка легкой брони. Седые волосы торчали во все стороны, фуражку он явно забыл в кабинете или там, где нужна броня.

— Нашлась пропавшая девочка? — спросил он расслабленным голосом. — Или ее родители умнее всех вас оказались и уже гуляют по Норильску?

Мысли у меня пошли одновременно разными путями, но сошлись в одну точку. Судя по окаменевшим лицам Сереги и дяди Кости, их подозрения оказались неподалеку. Дядя Костя как-то хищно повел зрачками из стороны в сторону. В поисках молотка, что ли?

Майор открыл один глаз, криво ухмыльнулся в седые усы.

— Спокойно, горожане, полиция на страже порядка! — прогудел он. — Вы бы присели, Тарас Петрович, и внучке Сереже велите, чтобы не дергался.

— Тяжелый день, дядя Миша? — спросил я. — Может, пивка? Это мои соседи вообще-то...

— День просто дерньмо, — согласился майор Гибсон. — А ты посмотри на своих соседей. — Он открыл второй глаз, но при этом рука, словно случайно, легла на рукоять сонника, торчавшего из открытой кобуры.

Я посмотрел. Дядя Костя обмяк на выступе, лицо его посерело, а Серега опустил голову.

— Мне все равно, кто вы и откуда, — сказал майор. — Только я тоже в деле, ребятки. В мои годы ничего не светит, как статус города поменяют — все, сливай горючку, пенсия в зубы и свободен. А какая у нас пенсия, если зарплата по чистым сетям не проходила, э? За наличняк, за каждую честно заработанную годами честной службы копейку придется заполнять налоговые декларации, чтобы на чип перевели. Где справедливость, э?

Дядя Костя... Или дед Тарас? В общем, сосед приободрился и подмигнул сыну... Или внучке? Какая разница при таком серьезном развороте.

— Времени у нас сколько осталось? — спросил дед.

Майор что-то невнятно пробормотал, кажется, по-английски. Я его здорово подзабыл, поэтому не понял, что имеет в виду, говоря о каких-то суставах.

— Времени совсем нет, друзья мои! — торжественно возгласил он. — Сегодня вечером в новостях сообщат,

Западное объединение выдало большой кредит Альянсу на развитие инфраструктуры. Вернуть не смогут, все знают, но не скажут в новостях. Рассчитываться будут серой зоной, то есть нами. Такими темпами лет через десять — пятнадцать и вольных городов не останется. Кстати, у вас в Приморье быстро всех зачиповали?

Мои соседи переглянулись.

— Три-четыре месяца, — сказал Серега.

— У нас столько нет. Сейчас начали составлять списки лиц, подлежащих иммобилизации.

— Э-э? — не понял я.

— Чтобы город не покидали, — мрачно сказал дед Тарас.

— Вот именно. Добрые люди намекнули, что я тоже в списке. Хотя маленьких детей у меня нет, да и больших тоже, но у меня были небольшие проблемы, когда я жил в Перте. Думал, давно обо мне забыли, но ошибался. Чем цивилизованнее общество, тем, маму его, злопамятнее.

— Неосторожное обращение с казенным имуществом? — улыбнулся я.

— Молод еще над старшими потешаться. — Майор кряхтя поднялся с лежака, застегнул пуговицы. — В Норильск пойдем вместе.

— Вместе так вместе, — согласился дед Тарас. — Проводник нужен.

— А чего его искать? — удивился чертов дядя Миша Гибсон. — Наш Ванечка — лучший проводник в Игарке.

Ну что тут сказать? Я лучше промолчу. Держался целых три секунды и только с четвертой начал обкладывать майора на пяти или шести языках одновременно.

Когда матюги закончились, дядя Миша немного подождал и, увидев, что я иссяк, предложил говорить по деньгам.

— По делу, — взвился я. — Какие могут быть дела со старым, болтливым...

— Цыц! — гаркнул дед Тарас. — По деньгам договоримся. Сейчас мы домой, за... — косо глянул на майора. — За Антошкой. Встречаемся через три часа и быстро уходим.

Дениска оказался Антошкой. Кривовато они все же замаскировались, если дядя Миша их сразу пробил. Или знал, но держал при себе? Возможно, на любого жителя в полицейских базах лежат файлики, а в них кто мы на самом деле и откуда, как звали и где меняли имена, когда расчищались и почему. И главное, сколько у нас детей, какого возраста и способностей. Возможно, информация о моих перемещениях тоже хранится. На всякий случай.

— Быстро только кошки родят, — сказал я. Здесь командиров нет, кроме меня. Думаете, все просто? Тогда прыгайте сами.

— Он прав. — Майор качнул головой. — Тянуть нельзя, но и спешить опасно. Сколько дней надо ходку готовить?

— Не знаю, — честно сказал я. — Сматря что везти. Людей редко вывожу. Те, кто вывозит — не больше двух за ходку.

— Нас трое.

— Четверо, — поправил деда Сергей.

— Думаешь, она с нами пойдет? — скривил губы старик.

— Четверо, — повторил Сергей. — И еще соседи.

Дядя Миша поднял голову от своего кома.

— О чём вы? Сколько душ набирается?

— Много. Соседи сразу поймут, в чём дело. Но если есть время...

— Нет, Тарас Петрович прав, надо торопиться. Мне надежный человек сейчас стукнул — на днях прилетят эмиссары Федерального банка, начнут тотальный аудит.

Ванечка постарается и за двойной тариф хоть сто человек зараз перевезет.

— Хоть тысячу. Но не в Норильск, а на остров через Протоку. У меня катер на два человека вообще-то. Третий в ногах ляжет, если что. Места мало, но ваш Антошка влезет.

— Ты... это, его Дениской зови, — поморщился дед Тарас. — Он уже и не помнит своего настоящего имени.

— Как только контрольные пункты усилият, никто не проскочит. Надо сразу, и как можно больше людей. Тут нельзя лишь о себе думать. У кого не хватит средств, я помогу. Без процентов.

Я где стоял, там чуть не упал. Дядя Миша, который не только за юнион или юань, а даже за рубль удавится, потом еще продаст свой труп, перепродаст и толкнет по частям, превратился в доброго добрячка? Подозрительно. Нет, еще хуже — пугает. Кто его знает, может, решил подстраховаться на случай, если на дно булькнем. На том свете юнионами не откупишься, как говорит Александр Максимович.

— Чем больше нас будет, — поспешил развеять мои предположения майор Гибсон, — тем легче на новом месте приживемся, свое дело начнем. — Норильск не любит нищебродов. Вместе и отпор дадим, там тоже жулья хватает. Насчет катера не думай, мы тебе такую посудину добудем, полгорода вывезешь.

Он подмигнул деду Тарасу. Тот задумался, одобрительно кивнул.

— Это можно, — сказал он. — Надо посмотреть, что есть на плаву. Приметил одно корытце, на нем всю Тошку школу легко вывезти. Наставник, по-моему, тоже задергался, на север смотрит...

— Какой еще наставник? — насторожился майор.

Когда ему рассказали о вчерашних посиделках в нашем дворике, Гибсон помрачнел.

— Вот сучья масть, — сказал он. — Позавчера он заходил к нам со списками, кого из города не выпускать, а кого сразу забирать. И все напирали, чтобы девочку поскорее нашли. Зачем же к вам приперся, э?

Он сердито посмотрел на нас, щелкнул пальцами.

— Понятно, решил дернуть сразу за все ниточки, посмотреть, кто засуетится, куда побежит, а кто и на девочку выведет. За вашим октalom, наверное, присматривают. Аккуратненько собирайтесь, и чтобы сразу все вместе, не опаздывая и не отставая. Правильно говорю, Иштван?

— Правильно, — вынужден был согласиться я.

Какой все же подлюган наставник, своих учеников продает. А мы уши развесили. Правда, дед с Ашотиком насчет списков чухнули сразу.

— Кстати, он ничего про твоего сменщика не спрашивал?

— Про Диму? Покойник-то с какого боку?

— Мне сказал, будто он недели две назад у них в школе проводку менял и вроде расспрашивал учеников, кто чем интересуется, какие каналы смотрит. Может, он на охотников работал наводчиком и его конкуренты убрали.

— Кто убрал? — спросил Серега.

— Те, кто охотников нанимает. Серьезные теневики тоже заинтересованы в... долгосрочных инвестициях.

По тому, как сжались кулаки Сергея, я сразу понял, что он подумал о своем сыне.

— Хорошо бы копнуть поглубже, но время поджимает, — сказал Гибсон.

Глянув на карту, я прикинул скорость движения фронтов — времени действительно оставалось немного.

— У нас три дня, — сказал я. — Сейчас рано, не уйти даже на лодочке. Скоро пойдут туманы. Не позже чем послезавтра покажете мне плавсредство, тогда уточню время и место сбора. Слишком большая посудина за-

стрянет на шиверах, лучше что-то типа моторного понтона.

— Договорились. — Майор повернулся к двери, но передумал. — Я, наверное, смогу достать полный список отмеченных для задержания. Кого в первой сотне узнаете, предупредите.

— Столько не потяну, — сказал я. — Да и не успеем обговорить со всеми.

— А со всеми и не надо. Десяток наберите, у них тоже окажутся знакомые в первой сотне.

— Нет, — уперся я. — Нереально. Максимум полсотни. Оплата вперед и сразу. С каждого по двести юнионов. Знакомым скидка, по сто с носа.

— Жадный ты, — покачал головой дед Тарас.

— Ходка-то в один конец, — ответил я и добавил: — Дети бесплатно.

8

Днем я прошелся по городу, перекусил, а вернувшись домой, выставил наугад канал и тупо уставился в пленку. Какие-то раскрашенные по голому телу девицы бегали друг за дружкой с ведрами воды.

Мысли шли тяжело, как лодка идет новой протокой, и неизвестно, что впереди — река или болото, а края протоки сужаются. Поддавшись общему настроению, я тоже решил свалить, пока не прикрутили гаечку. Даже подумывал, кто из знакомых девушек может составить компанию вольному проводнику. Одна точно вцепится в меня мертвой хваткой, но ее темперамент несколько утомлял, да и брать с собой — это обязательство, потом быстро не отделаешься. Другие... Вдруг все согласятся? Воля волей, но сил для гарема не хватит, к тому же, по слухам, девушки в Норильске все как на подбор красавицы. Пришел к

выводу, что спешить не надо. Если незаметно проведу такую ораву беглецов, то могу так же тихо вернуться. Денег хватит надолго, глядишь, еще кого успею вывезти, пока тут начнут порядок наводить. Еще неизвестно, как народ примет новость, могут быть волнения, глядишь — опять левачок. Детей у меня нет, трогать поначалу не станут, ну, воткнут чип, так ведь не привыкать... Веселый нонконформист плавно превращается в унылого приспособленца, эх. Я немного пожалел себя, не заметил, как задремал, и встрепенулся, когда позвонили в дверь.

Включил глазок: там Ашотик нетерпеливо переминается с ноги на ногу.

Когда я вышел к нему, он уважительно пожал мне руку и сказал:

— Нас ждут в порту.

— Ага, уже! — сообразил я. — Ну ладно. Душ приму только.

В порт мы проникли через южную сторону, там в высокой сетчатой ограде зияли большие отверстия. Некоторые из них кое-как заделаны пластиковыми решетками, другие бесстыже топоршились проволочными завитушками. Мы нырнули в одну из дыр и стали пробираться сквозь нагромождения контейнеров. За ними возвышались башни из огромных барабанов — с кабелями и пустых, вышли на асфальтированную площадку, исчерканную рельсами, и подошли к мостовому крану. Ашотик помахал кому-то рукой и полез по узкой лестнице наверх. Я не успел спросить, что мы здесь делаем, судоремонтный дальше, но он уже гремел по металлическим ступенькам над головой. Желтая краска лохматилась от старости и осыпалась под ногами.

Через два пролета вышли к решетчатой кабине подъемника. Подъемник скрипел, дергался, но благополучно пополз до верхней площадки, где нас встретили дед Тарас и дядя Саша.

— Выбирай, — сказал дед и широким жестом обвел акваторию.

Отсюда видны все доки и причалы судоремонтного. Огромный ротор возвышался в самом дальнем конце. Искрящаяся сыпь сварочных машин покрывала его сверху донизу. Я видел, как такие громады доставляют сюда на огромных моторных платформах, похожих на плоты, составленные из понтонов. Впечатляющее зрелище.

— Сегодня подогнали, — пояснил дед Тарас. — Обычно их на месте чинят. Наверное, и Николай скоро объявится.

— Кстати, не его ротор? Жаль.

— Да-а, на таком можно полгорода вывезти, и ни одна собака не остановит. — Глаза его загорелись. — Подлатать, и вперед!

— Платформа ушла на Дудинку, — покачал головой дядя Саша. — Своим ходом придется топать.

— Не получится, — сказал Ашотик. — Через горы не пройдем. Быстро догонят, возьмут штурмом.

— Как тебе вон то корыто? — Дядя Саша показал на судно, похожее на большую баржу с тремя высокими надстройками на палубе. — Старая плавучая электростанция, раньше ее на Диксоне использовали.

— И реакторы на ходу? — удивился Ашотик. — Слушай, такую увести — свой город можно основать.

— Реакторы давно вырезаны, вместо них емкости под сжиженный метан, — сказал дед Тарас. — Там охрана, не подойдешь. Видишь, рядом с вертолетной площадкой будка, а чуть дальше — еще одна.

— Где же вертолеты?

— Портовый давно списан, а тот, что на ремзаводе, хозяин медведей гоняет с гостями. Охотник херов.

— Жаль...

— Умеешь водить?

— Умею. Я ведь не только по гробовым делам, хотя покойники — самые благодарные клиенты. Раньше был пилотом турбинных вертушек. Это семейное. Мой дед еще на «акулах» летал, он разбился на Курилах, в бою.

— Обидно?

— Немного есть. Но на кого горб ломать, если не на своих.

Я краем уха прислушивался к их разговору, разглядывал суда — с таким тоннажем легко переть напролом по Енисею, сметая таможенные кордоны. Неподалеку от нас разбирают сухогруз. Часть обшивки у него содрана, обнажены рангоуты, переборки, или как их там. Жалкое зрелище. На его фоне еле заметен небольшой кораблик, накрытый чехлом. Сидит неглубоко. Рубку вообще не видно. Похож на речной трамвай.

— Что за мелкий кораблик вон там, рядом с вышкой?

Дед Тарас приложил ладонь козырьком ко лбу, пристяжался.

— А это бывший плавучий бордель господина Бу, — сказал он.

— Тот, что сожгли в прошлом году, — вспомнил я. — Как его...

— «Благоухающий сад небесных покоев», хе-хе. Внутри все в порядке, двигатели новые, батареи свежие, осталось корпус покрасить, каюты шелком обить, а лежаки бархатом обтянуть. Ну, еще фонарики разноцветные. Они любят фонарики.

— Тыфу ты, скотство! — плонул дядя Саша. — Такой и не грех увести.

— Годится, — сказал я. — Два дня на все. Людей сможете провести незаметно?

Ашотик и дед Тарас переглянулись. Старик кивнул.

Дома я опять полез в душ. В последние годы за несколько дней до «басмача» у меня почему-то начинают чесаться-

ся руки и ноги. Сходил однажды к врачу, выложил пять юнионов за полный анализ. В общем, велено беречь сосуды, а так — частный случай метеопатии. Не страшно.

Волосы не успели высохнуть, как объявился Серега и сказал, что Ашотик приглашает отметить общее дело. Я поморщился — примет особых у проводников нет, но чем меньше говоришь перед ходкой, тем лучше. Обижать соседей тоже не хотелось. Может, больше и не встретимся.

Стол во дворе ломился от бутылок и качественной закуси. Наверное, вытрясли все запасы. Поначалу сидели, настороженно поглядывая по сторонам, выпили, расслабились. Сыновьям Ашотика и Дениске-Антошке разрешили немного посидеть со взрослыми, а потом велели идти спать.

— Будут они спать, как же, — сказала жена Ашотика. — Сейчас найдут свои игровые каналы...

— Пусть играют. Мало ли... — начал было дед Тарас и замолчал.

— В новостях передавали, скоро нефть и газ не будут нужны, — увела разговор в сторону Нинка. — Термоядерные станции начнут строить.

— Их столет начинают, — сказал Серега. — Деньги проедят, на выхлопе ноль, опять закроют до лучших времен.

— Я слышал, лунная база на термояде работает. — Ашотик разлил вино по бокалам. — Хотя зачем он нужен, непонятно, солнечной завались. Ну, давайте выпьем за энергичных людей.

Слегка пригубив, я поставил бокал. Перед ходкой стараюсь не пить, голова должна работать на форсаже.

Серега взял апельсин, покрутил его перед глазами и спросил:

— Вообще-то про лунную базу есть новая информация? Я искал на днях — все двухлетней давности. Раньше

в сетях было много лунных сайтов, недавно искал — ни одного не нашел. Только биржевые индексы.

— Они, наверное, независимость объявили, — сказал Ашотик. — Лунное королевство. Нет, лунная республика. Или империя. На империю не потянут, — с сожалением добавил он. — Народу мало. Сколько их там, сотни тричетыре?

— Лет тридцать тому назад — около шестисот человек, — неожиданно сказал дед Тарас.

Вздохнул, налил себе минералки, отхлебнул.

— Я готовил заброску буровых турбин. С «ВосточногоГ», был у нас тогда космодром на Амуре.

— А я где был тогда? — спросил удивленно Серега. — Почему не помню?

— Ты у своего отца спроси, если найдешь его...

У Нинки глаза полезли на лоб, значит, она еще не в теме.

Неловкое молчание, дядя Саша горестно опускает глаза, Ашотик пытается разрядить обстановку.

— С тех пор, наверное, они размножились, — предположил он. — Может, их там тысячи. Детей-то у них никто не отбирает...

И снова тишина.

— До Луны не доберемся, — сказал дядя Саша. — Далеко, и денег столько не набрать.

Никто даже не улыбнулся.

— Слухи, между прочим, уже пошли. — Дед Тарас глянул на нас из-под бровей. — Многие не верят, а кто и радуется, мол, порядок будет.

— Это кто? — поднял голову дядя Саша. — Не Петька ли, из трансформаторного?

— Он. Дети у него давно выросли, у самого руки из ушей растут, а лезет всеми командовать.

— Управлеңец, — сказал, как выплюнул, дядя Саша.

Нинка уперлась кулаком в подбородок и задумчиво проговорила:

— А я вот думаю, если бы мамка не сбежала со мной, годовалым ребенком? Стала бы известным ученым. Мне математика легко давалась. Вместо того чтобы мыкаться по территориям, получила бы хорошее образование и сейчас не мусолила вонючие юани и рубли в «Чифане».

— Каждый сам выбирает свою... — начал Ашотик, но договорить ему не дали.

— У меня был выбор?! — перебила Нинка. — Мамаша больше года на одном месте не сидела, а когда мне шестнадцать стукнуло, взяла и померла. А когда я своего отца нашла, он меня даже на порог не пустил.

— Своего ребенка отдашь, если придется? — спросил дед Тарас.

Нинка не ответила. Поднялась с места и ушла в свой блок, дверь оставив приоткрытой. Серега дернулся за ней, глянул на деда, тот посмотрел на него. «А я что говорил», — читалось в глазах старика.

— Я сейчас... — пробормотал Серега и исчез за Нинкиной дверью.

Разговор опять вернулся к Луне, от нее перешли к погоде, от погоды к проклятым чинушам из управы, которым скоро хвосты подпалят, но нам от этого не легче... Ашотик рассказал анекдот, его жена незаметно исчезла. Вернулся Сергей и мрачно уселся на скамью.

— Остается? — спросил дед.

Серега кивнул.

— Тебя не отговаривала? — прищурился дед Тарас.

— Даже не пыталась. Только спросила, а не жалею, что здесь оказался?

У них пошел тяжелый разговор, полный намеков и недомолвок, а потом Серега неосторожно сказал, что в одном она, может, и права — у сына могла быть другая жизнь, и в будущем он стал бы великим человеком.

Дед ухватился за горлышко бутылки, я успел схватить его за руку.

— Да тебе что за дело до чужих людей, будь они хоть трижды великими? — спросил дядя Саша.

— Почему чужими?

— Потому. Кто тебе скажет, кем он станет? Про тайну усыновления забыл? Думаешь, новые родители от добродетели большие деньги вкладывают в детишек. Долгосрочные инвестиции, мать их ети, прости Господи! Если дитя твое не тобой взращено, то как оно в свой черед родительский долг исполнит?

— Так ведь они все равно при родителях, хоть и приемных. И главное, Александр Максимович, ребенку хорошо. Я для примера говорю, — быстро добавил он, глянув на деда.

— Золотом судьбу не обманешь, — горестно сказал дядя Саша. — Пресечется род человеческий, ибо гнусность это и грех.

— Ну, не знаю...

— Не знаешь, так помалкивай! — рявкнул на него дед.

Он успокоился и отдал бутылку. Стоит собраться разным поколениям за одним столом, как рано или поздно начнут выяснять, кто кому должен. Я вот никому ничего не должен и в такие разговоры не влезаю, рано или поздно дискуссия завершается хорошей дракой.

У нас закончилось мирно. Ашотик вовремя свернулся тему на ходку, все заговорили шепотом, а я спросил у Сереги, успеет ли он собрать одно устройство. На черном рынке есть комплектующие. Надо лишь настроить правильно и крепеж усилить, чтобы не сорвало ветром. Он пообещал сделать к завтрашнему дню.

Тут выяснилось, что завтра уже наступило, и мы разошлись по домам.

В помещении метеостанции было тесно. Утром объявились дед Тарас и Серега. Вскоре пришел и Ашотик. Многозначительно похлопал по кому и показал пальцем себе под ноги. Понятно, майор Гибсон скинул ему списки. Вместе с дедом они хотели вывести их на одну из карт, но я молча покрутил у виска. Тогда Серега сбежал домой и притащил неровно обрезанный кусок пленки. Прижал ее скотчем к двери, наклеил декодер, поколдовал с комом, и терминал заработал. Уточнил у меня параметры антирадарного излучателя и тепловой маскировки и исчез. Зато начали появляться незнакомые люди, я так понимаю, из списка. Дед и Ашотик поочередно приводили их через пожарный подъемник, о чем-то шептались, потом провожали. Я плотно изучал карты — фронт надвигался, редкие облака над городом завтра сменятся плотным туманом, ветер стихнет, и у нас будет несколько часов выбраться отсюда. Надо уточнить, какой трассой вести плавучий... э-э, ковчег, чтобы вывести на стремнину, не разбив его на перекатах. Как добираться от Дудинки до Норильска — решу, когда минуем кордоны.

После обеда вернулся Сергей с большим пластиковым боксом. К этому времени поток визитеров иссяк. Сколько же их приходило? Человек двенадцать, не больше. Семейные, удвоим число, плюс дети, еще удвоим, с запасом. М-да... как раз до полусотни набегут, хорошо, если друзей-знакомых не приведут... Взять деньги, исчезнуть? Нет, марку проводника ронять нельзя. Так ведь больше не будет ходок, вползла коварная мыслишка, но я ее придавил.

Сергей открыл бокс и показал шипастую тарелку антирадарного излучателя, а потом достал свернутый в плотный моток длиннющий шнур теплового гасителя. Батарея в фирменной упаковке, значит, свежая.

— Должно хватить, — сказал я. — Дед покажет, куда отнести. Сегодня вечером установишь, а завтра уйдем.

Он кивнул и начал собирать бокс. Тут, как всегда без стука, вошел дядя Миша майор Гибсон. Посмотрел на тарелку, перевел взгляд на меня.

Я в двух словах объяснил, для чего нужны эти устройства. Он уважительно поднял брови.

— Молодец, дело знаешь, — ободрил майор. — У вас что?

— У нас все в порядке, — сказал Ашотик. — По сигналу через час все будут на месте сбора.

— Молодец... э-э... Ашот Гарегинович.

Ага, Ашотик, оказывается, не менял свои реквизиты. Или Гибсон не в курсе.

— Внизу все мечутся, как травленные, — сказал майор. — Послезавтра ждут аудиторов.

— Завтра нас в городе не будет. — Я помог Сергею захлопнуть бокс. — Так что спите спокойно, как дорогой товарищ.

— Пошути еще. — Майор показал кулак. — Я уже собрался. Где и во сколько встречаемся?

Дед задумчиво почесал кончик носа. Ашотик вскочил с лежака и показал пальцем на потолок:

— Пока точно не решили, завтра с утра разошлем по комам сообщение.

Гибсон нахмурился, оглядел комнату, покачал головой.

— Едительные, да? Ну ладно, тогда до завтра.

И развернулся к выходу. Ашотик придержал дверь, пропуская майора. Дед Тарас проводил его хмурым взглядом, но промолчал. Мы с Серегой подняли бокс в короб и спрятали в одной из ниш. До конца смены я прогонял аппаратуру, еще раз поднялся и проверил ручную систему. Все воспринимали это как должное, хотя я им говорил насчет ходки в один конец. Кого-то ведь все равно сюда

поставят, а уж техника, столько лет проработавшая, не должна подвести после нашего исчезновения.

Мне представилась картина — по Енисею плывет караван судов, больших и малых, конца краю ему не видно, а когда в Игарке появляются аудиторы, то город пуст, как в фильмах ужасов. На такое стоило бы посмотреть. А пока надо уточнить одну важную деталь. Я не хотел отсюда напрямую связываться с нужным человеком, но время поджимало. Пришлось рискнуть. Хорошо, что он оказался дома, а не на службе, при наблюдателях. Короткий разговор о погоде и о рыбалке, но если он всплывет во время расследования, может дорого обойтись. Но, судя по бодрому голосу, ему в голову не пришло. В общем, рыбалка нормальная. Что означало — режим на таможенных понтонах пока не усилен. Шансы проскочить выросли.

Дед Тарас прислушивался к моему разговору, потом спросил, на что ловлю, на червя или... На деньги, ответил я. И в двух словах пояснил: проводник хорош не тем, что дорогу знает, а связями, которые в нужный момент помогут на верную дорогу выйти.

Некоторое время я пытался вспомнить, не оставил ли чего-то мало-мальски ценного дома. Вроде нет, все в схроне. Деньги в поясе, пояс на мне, и в нем еще есть место для пополнения. Дед Тарас словно прочитал мои мысли и достал из-под лежака толстый конверт.

— Ровно четверть оплаты, — сказал он. — Остальное завтра принесут, перед отходом.

Я сунул конверт в карман, прижал клапан с липучкой.

— Считать не будешь? — удивился Ашотик.

— Успею, — пообещал я. — Ладно, я пошел отсыпаться, завтра длинный день.

Заскочив домой, я пересчитал юнионы. Все точно, и даже если больше ничего не заплатят, мои накопления

удвоились. С таким капиталом и в Норильске развернуться не проблема. А заплатят, то тем более. Спрятал в надежном месте, позвонил знакомой, пригласил в гости. Мимо. Много работы. Позвонил другой — та же картина. Ладно, погулять не получилось, тогда хоть отосплюсь. Посмотрел очередной эпизод сериала. Еще раз прокрутил в голове завтрашний день. И заснул.

Утром опять принял душ, соорудил основательный завтрак, посмотрел местные новости — все спокойно, никаких происшествий, мы уверенно смотрим в будущее, новое здание театра обязательно достроят в этом году и все такое прочее.

Вышел во дворик — как в молоке, не видно даже кашелей. Скоро туман немного поднимется, можно будет передвигаться по городу, не держась за стены. У соседей тихо, наверное, выдвинулись на место сбора. Сменил одежду. Проверил пояс, карманы, все нужное на месте. Пошарил по каналам — где-то наводнения, где-то засуха, все под контролем, прогресс крепчает, успехи успешных людей — пример для подражания.

Пискнул ком. Я дождался второго сигнала, вывел изображение. Лицо Ашотика на всю пленку. Отключил, оставил только звук.

— Помнишь дыру в заборе, жду тебя рядом. Как можно быстрее, ситуация изменилась.

— Сильно изменилась?

— Непонятно. Нужен твой совет.

— Жди.

Чертыхаясь, я выполз наружу. Хорошо, видимость заметно улучшилась. Но до порта я добирался почти час. Медленно пошел вдоль бесконечного забора, взглядаваясь в дыры. Наконец впереди замаячила темная фигура.

— Давай скорее, — ухватил меня за рукав Ашотик. — Лезь.

— Ты первый.

Он пожал плечами и нырнул в пролом. Я выждал немного, затем последовал за ним. Ашотик повел меня к чернеющим строениям, похожим на блоки. Вблизи это оказались штабеля контейнеров.

— Куда мы идем? — спросил я. — Судно вроде в той стороне.

— Уже пришли, — сказал он и втиснулся в узкий проход.

Мы оказались на площадке, зажатой со всех сторон большими морскими контейнерами. Толпились люди. Много людей. И дети. Они молча смотрели на меня.

— Почему они здесь? Где Сергей с техникой?

Толпа немного раздалась, и ко мне притиснулся Серега.

— В порту какая-то суматоха, — сказал он. — Дед и дядя Саша должны вот-вот вернуться, расскажут, что там происходит.

— Давай выйдем отсюда, — сказал я, — и так тесно.

Пронесся слабый шелест.

— Спокойно, — сказал Ашотик. — Проводник с нами, все в порядке. Делайте, что он скажет, и все будет хорошо.

Мы вылезли наружу, Серега присоединился к нам.

— Кстати, а где наш майор? — спросил я. — Сейчас он бы пригодился.

Ашотик нагнулся к моему уху и прошептал:

— Не пришел твой майор. Я назначил ему место встречи у ротора. Так он не пришел, зато объявились какие-то люди.

— Охрана порта?

— Непохоже. Или сдал майор нас, или его накрыли.

Послышались осторожные шаги. Я сунул руку в карман и чуть не выругался — шокер оставил дома.

— Пст, — раздался слабый звук.

— Мы на месте, — тихо отозвался Ашотик.

Из тумана вышли дед Тарас и дядя Саша.

— Ну, что там у вас? — дернулся Ашотик.

— Непонятно. Охраны нет, это какие-то чужие бойцы.

— Триада? Охотники?

— Триада подвалила бы на десяти грузовиках и открыла пальбу, чтобы привлечь к себе внимание. Охотники работают в одиночку. В цивильном, и не полиция, выходит.

— Майора Гибсона среди них не видел? — спросил Ашотик.

— Вроде нет. Они лезут во все дыры и щели, явно не местные. Такими темпами будут обшаривать территорию месяца два.

— Но почему они начали с ротора? — задумался Ашотик.

— Может, потому что он с краю, — предположил дядя Саша.

— Не важно, — сказал я. — Что дальше делать будем, отцы?

— Сколько у нас есть времени? — спросил Ашотик.

— Часов пять-шесть, не больше. К этому времени должны быть на воде. Ветер начнет сдувать туман по реке. Пойдем вместе с туманом.

— Давайте так, — сказал дед Тарас. — У меня тут в подсобке припрятана одна игрушка, я легонько шумну с той стороны, отвлечу их внимание, а вы людей грузите. Вернусь, сразу отчалим. Двигатели на ходу, все работает.

— Какая игрушка? — спросил Серега. — Реактивный огнемет, что ли?

Дед хихикнул.

— Ты что, старый? Ладно, этих не жалко, а если на роторе метан остался? Весь порт на воздух поднимешь.

— Не бери греха на душу, — сказал дядя Саша. — Бог милостив, что-нибудь да придумаем.

— Можно наших... пассажиров куда-нибудь отсюда перевезти? На время, — спросил я Ашотика.

— Запросто, — ответил он. — Тут недалеко мой автобус стоит, все влезут.

— Какой автобус? — машинально спросил я, но тут же догадался. — Напугал, наверное, детей.

— Напугаешь, как же! Они по очереди стали в гроб ложиться, друг дружку отпихивали.

— Значит, вывези всех и затаись с ними где-нибудь. Я попробую найти Гибсона. Не найду, позвоню в полицию, скажу — хотят ротор угнать. А там посмотрим.

— Не уверен, что это хорошая идея, — задумался Ашотик.

— Есть другая? Нет? Тогда выводи людей, меня подвезите до перекрестка, я на секунду заскочу домой и в управу.

— Минутку, — сказал дед Тарас. — Вот остальная часть.

И сунул мне увесистый пакет.

— Знаешь, дед, подержи его немного у себя. Вернусь, заберу.

— Хорошо. Ждем от тебя сигнала.

Ашотик быстро вывел людей с территории порта. Беглецы шли тихо, дети, даже самые маленькие, не шумели. Я прикинул — действительно, с соседями почти пятьдесят человек. И судя по толщине пакета — все оплачено. На мгновение опять мелькнула грязная мыслишка — исчезнуть с деньгами, но так же быстро исчезла. Дети на меня смотрели с надеждой, неудобно все-таки...

Длинный черный автобус с занавешенными черными окнами медленно катил по туманной улице. Жаль, никто не видел этого жуткого зрелища, улицы пусты, словно все жители города и впрямь исчезли. У перекрестка я выскоцил и быстрым шагом двинулся к окталу. Все же,

наверное, деньги надо было взять, подумал я, открывая дверь.

А когда очнулся, даже обрадовался, что не взял.

10

Второй раз за последнее время, и, наверное, в третий раз вообще в жизни, меня вырубали сонником. Проваллялся, наверное, недолго, потому что на пленке шли утренние новости. Я привязан к единственному деревянному стулу, а на моем диване развалился бывший Клавкин муж Гриша и смотрел прогноз погоды.

— Добрейшее утрецко! — радостно сказал Гриша, увидев, что я дергаюсь, пытаясь освободиться от веревок. — А я все ждал, когда ты домой придешь.

— Ограбление? — промычал я, когда язык начал слушаться.

— Обижаешь, Ванечка, — протянул он. — Видишь, я даже твой поясок не распатронил.

Двумя пальцам он брезгливо поднял с дивана мой нательный пояс и помахал перед моим лицом. Мозаика начала потихоньку складываться.

— Я предлагал тебе сотрудничество? Предлагал. А ты погнушался со мной работать.

Подвигав губами и языком, я почувствовал, что они в норме.

— Ты выписался из гостиницы.

— Правильно. И снял роскошный офис. И если бы ты сам пришел в гостиницу, а не подослал какую-то сяяку, то тебе сообщили бы адрес и вручили конверт с авансом. Думаешь, я не знал, кто ты?

Макаров покачал поясом, словно гипнотизируя меня.

— Так бы и сказал, — пробормотал я. — А вязать зачем?

Он бросил пояс, встал и, направив на меня сонник, другой рукой медленно потянул за кончик веревки. Через секунду я был на ногах, а стул занесен над головой незваного гостя. Через другую — сонник упирался мне в живот, и я медленно опустил стул на пол. Уселся на него, прикинул, нет ли в пределах досягаемости чего-нибудь острого или тяжелого. Шокер далеко, висит под зонтом у двери. Три, даже четыре шага, не успею.

— Мне надо, чтобы ты взял контракт на вывоз, — сказал он. — Три человека — мать, отец, ребенок. Плачу вдвойне.

Мозаика рассыпалась. Мне казалось, он имеет отношение к людям, обыскивающим порт. Какого же тогда черта?! Что я теряю? Поторгуюсь, наобещаю все, что захочет, а через пару часов пусть ищет меня.

— Я людей не вывожу, — сухо ответил я, предлагая начать торг. — Не мой профиль.

— Ну да, ты возишь, например, редкоземельные элементы из Норильска, а для Норильска счетные ячейки кубит-машин. Мамонтовая кость, дурь всякая не в счет, так, прикрытие. Кстати, островок ваш пересыльный затопило, высокая вода пошла.

Вот сучья масть! Когда же он успел глубоко копнуть? Простому бандюгану, которого Клава прогнала в пинки, такое не по зубам. Да и серьезный пока не пропишется на месте, пока не покажет силу... Что-то нечисто.

— Кого вывозить и когда?

— Нормальный разговор! — Он одобрительно прищекнул. — Дело срочное. Сегодня-завтра у вас появятся эмиссары, аудиторы и прочие. С подкреплением, сам понимаешь. И всех вас быстрышко приобщат к цивилизации.

— То есть зачищают.

— Ну да. Получите все гражданские права в полном объеме. И обязанности, кстати, тоже. И мне надо, чтобы

клиенты не запаниковали и с перепугу не наделали глупостей. Они обязательно придут к тебе.

— С какой радости? Есть же еще проводники.

— Полторы штуки? — повторил он мои слова при первой встрече.

Я улыбнулся.

— Других нет. Один сидит за драку в общественном месте, другой пропал месяц назад, причем сам, без посторонней помощи. Третий и четвертый, скажем так, временно изъяты из обращения. Технический вопрос решили быстро. А вот ты чистенький, словно кто-то предупредил. Конечно, могу прямо сейчас вызвать полицию. Найдем у тебя мешок дури, или, еще хуже, контрафактных лекарств. Но это все несущественно. Главное — клиенты тебя знают. Собственно, они твои соседи.

— Петровы, значит.

— Именно! — Он вскочил с места и стал ходить по комнате. — На тебя они выйдут раньше, чем мы на них. На самом деле тебе и вывозить их не надо. Втолкуешь, что для их же блага со мной встретиться, и нет проблем.

Он с сомнением посмотрел на меня. Вздохнул.

— Нет, искусство влияния и убеждения не твоя стихия. Следовательно, ты им ничего не говоришь и просто ведешь ко мне. Взамен — вознаграждение, размер которого тебя приятно удивит.

— Что будет с родителями?

— Тебя волнует эмоциональная сторона вопроса? Исключительная ценность девочки позволит сделать исключение для родителей. То есть контакты не будут запрещены, в разумных пределах, разумеется.

— Ага! Работаешь на государство?

— Долго же ты соображаешь, — улыбнулся он.

— Хорошо. А на какое?

Его улыбка несколько увяла.

— Тебе не все равно? Или ты сотрудничаешь, или предложение насчет вызова полиции остается в силе. Будешь доказывать, что ни в чем не замешан и мирно смотришь японские сериалы для сексуально неустойчивых дебилов.

Гриша засмеялся, а я ощущил на языке вкус мыла, словно в детстве, когда приемные родители меня поймали во время просмотра немецкого канала и по-своему решили очистить от грязных мыслей. Точки наблюдения у меня поставил?

Я рассмеялся в ответ, но каким-то дребезжащим смехом, и тут же тяжелым ботинком ударили его по коленной чашечке. Кулаком по затылку — и он на полу. Сорвав со стены пленку, я закатал его как в ковер, прихватил веревкой и, тяжело дыша, упал на диван.

Надо сказать, он быстро пришел в себя и стал извиваться как червь. Я смотрел, как он дергается, пошарил глазами в поисках сонника и понял, что оружие осталось у него в руке, а рука вот-вот освободится. Самое тяжелое, что оказалось под рукой — пивная банка. Я не успел ее схватить, когда он выдернул сонник.

Щелчок. Но вместо того чтобы вырубиться, я все еще сидел на диване и смотрел, как из дырочки во лбу медленно вытекает кровь.

— Вовремя я пришел. — Голос из коридора заставил поднять глаза.

— А, дядя Миша, — слабо сказал я. — Хорошо, что это вы. Я как раз хотел полицию вызвать. В порту...

— Я знаю, — сказал дядя Миша. — Сейчас мы с тобой поедем в порт, и ты мне покажешь, где они прячутся. А то ребята с ног сбились.

От мозаики не осталось даже камешка.

— Давай-давай, — торопил майор Гибсон. — Их по любому будут ждать, все суда на выходе из акватории блокируются.

— Твои люди у ротора бегают?

— Мои, из управления. Им тоже жить надо, вот и суетятся, чтобы всех оптом накрыть. Премии там, бонусы.

— Неужели поделившись с ними?

Он задумался.

— Ты прав. Сделаем еще лучше. — С этими словами он спрятал револьвер и поднял сонник. — Мы с тобой их возьмем, на двоих и поделим. Усыпим всех. Детей отдельно, взрослых отдельно.

— А взрослым что — дырка во лбу?

— Смысл? Поспят немного — и свободны. Детишкам будет хорошо, за ними присмотрят серьезные люди, а не болваны вроде этого.

Гибсон небрежно пнул завернутое в пленку тело. Говорил он спокойно, я бы сказал, добродушно, но глаза у него были пустые. Может, и усыпит. А потом концы в воду, буквально. Вместе со мной.

— Пошли, и без глупостей! — Он попятился назад, направив на меня сонник.

— Зонтик надо взять, — сказал я.

— Обойдешься без шокера, — ухмыльнулся он.

Я хотел выругаться, но не успел. Глаза дяди Миши Гибсона вдруг удивленно вылезли на лоб, и он мягко повалился лицом вперед и со стальной спицей в затылке.

— Вот я точно вовремя, — сказал Дима.

К моей чести, надо сказать, я не упал в обморок, не вскричал «Не может быть!», словом, не проявил нормальной человеческой реакции.

Только тихо спросил:

— А тебя кто убьет? — и тут же добавил: — Ну да, ты уже мертв, это неактуально.

Переступил через труп дядя Миши, через труп Гриши, отметив в уме, что трупы рифмуются, и открыл панель фризера.

— Какие напитки предпочитают покойники в дневное время?

— Пиво у тебя дрянь, — улыбнулся Дима и быстро присел.

Банка пролетела у него над головой и шмякнулась об стену.

Я засмеялся. Сначала тихо, потом все громче, и никак не мог остановиться.

Дима сочувственно посмотрел на меня, потом ущипнул.

— Ай, сволочь, больно ведь!

— Я живой, — сказал он.

— Кто же был тем фаршем?

— Меня хотели затолкать в камеру, но я оказался изворотливее. Грех не воспользоваться ситуацией. Надо было срочно исчезнуть.

— Где ты прятался? И здесь так удачно возник?

— На крыше пустого блока. Весь дворик как на ладони. Ну и качели...

— Не понял.

— Через спутник вышел на точки наблюдения. Кто-то поленился и подключил их напрямую. Декодеру на пять секунд.

— Ты видел, кто меня глушанул, когда тебя... того?

— Извини, я не хотел.

— Ах ты! — Я замахнулся.

— Бить покойников — плохая примета.

— Для кого? Ладно, пойдешь с нами? Мне оставаться нельзя.

— Нет, я останусь. Вещички кое-какие возьму и на дно.

— Что ж не усидел на крыше? Майор бы увел меня, а ты спокойно мог забрать все, что нужно.

— Мог. Твои дела — не моя война. Но это несправедливо, а значит — неправильно.

— И на том спасибо.

— Спасибо — слишком много, — ухмыльнулся он. — Помоги мне собрать вещички, и мы в расчете.

Оказавшись в своей комнате, он отодвинул кровать, свернул коврик, и мы вдвоем подняли тяжелую бетонную плиту, под которой открылся тайник. Из тайника появился ящик, в ящике промасленная мешковина, а в ней завернуты изделия из каталога «Хеклер и Кох». И много коробок с патронами. Я подержал в руке ухватистый пистолет-пулемет с глушителем и положил на место.

— Забирай, если нужно, — сказал Дима. — У меня такого добра на две роты.

— Обойдусь.

— Тогда сотри свои отпечатки.

— Верно. Кстати, а как же «не убий»?

— Грешен! Но за мои дела мне и отвечать. А когда все грехи человечества пытаются размазать тонким слоем по всем людям, какая-то теплохладность выходит блядская, прости Господи! — И он размашисто перекрестился на икону, висевшую в углу.

Мы упаковали его арсенал в спортивную сумку, и он направился к выходу.

— Встретимся еще? — спросил я.

— Не знаю. Все вольные резервации терпят до поры до времени. Пока там замешаны интересы разных групп, ситуация стабильная. Стоит одной получить преимущество, вот как с Игаркой случилось, то сразу продаст всех с потрохами мировому порядку.

— Что за суэта с детьми, не в курсе?

— Дети — самый ликвидный товар. Пока тут неразбериха, на них стойку и сделали. Ты представляешь, сколько богатеньких папаш выложат за них любую цену, которую запросят. Разумеется, все будет оформлено так, что тысяча адвокатов тысячу лет будут искать малейшую

зашепку и не найдут. Деньги-то все равно вернутся с процентами, захочет выросший ребенок или нет. Налогами все возьмут. Выгодное вложение капитала в условиях рыночного социализма! Вольные города, кстати, тоже на него работают. И ты тоже на него работаешь. Невидимый винтик системы.

— М-да, покойником ты был приятнее... Сам что будешь делать?

— Попробую внести немного здорового хаоса в миропорядок. Жаль, нет времени, я бы с тобой поговорил основательно. Понадоблюсь, спроси у Нины, где меня найти.

Вид у меня был, наверно, глуповатый, поэтому он хлопнул по плечу и сказал, что пора быстро уносить ноги. Внешняя дверь хлопнула. Может, он мне приснился? Рад проснуться, да трупы мешают.

Я пытался одновременно решить несколько задач. Как вывезти толпу людей, если в порту облава, а на реке засада? Что за дела у Нинки с Димой, личные или нет? Какую кашу заваривает Дима и придется ли мне ее расхлебывать?

В доме стало душно, я вышел во дворик и увидел, что туман поднялся еще выше. А по двору кружит пьяный Николай и громко выражает свое недоумение короткими словами.

Увидев меня, он радостно взревел, обнял так, что дыхание сперло, и заорал:

— Куда все подевались?

Усадил его на скамейку и рассказал все как есть. И про ходки, и про негодяйского Диму, и про сволочугу Гибсона, и о том, что сейчас полсотни хороших людей трясутся от страха за своих детей в черной машине с гробом внутри.

Услышав про гроб, он вздрогнул и немного проторезвел.

— Не дадим хороших людей в обиду! — зарычал он. — Всех ко мне на ротор, до Норильска дойдем, никто не остановит.

— Это твой ротор стоит в порту?

— Нет, — приуныл Николай. — Вахту на вертушке привезли, завтра другую закинут.

— Сколько человек берет вертушка? — спросил я.

— Зараз всех берет, большая, вся роторная команда набивается.

Я медленно выдохнул.

— Где сейчас вертушка?

— На зарядке.

— Это где? — терпеливо продолжал я.

— Управу знаешь? Напротив заправочная станция для грузовозов, а за ней — зарядка вертолетных батарей. Эх, а я вести их не умею, — пригорюнился Николай.

— Не беда. Хочешь в Норильск?

— Что я там потерял? Мне и здесь хорошо.

Он уронил голову на столик и захрапел. Я поцеловал его в макушку и кинулся в блок за комом. Заодно прихватил шокер и пояс.

Ашотик понял меня с полуслова.

— Буду там через пять минут.

— Вы где?

— У тебя в гостях.

— Ясно, бегу, встречаемся на заправочной.

И только выскочив на улицу, сообразил, что он имел в виду.

* * *

Двигатель почти не слышен, машина идет на небольшой высоте. Вместо кресел ряды жестких скамеек. Но места много, вертушка, рассчитанная на сорок здоровенных роторщиков, легко вместила сорок девять обычных

горожан. Дети, правда, распоясались, начали скакать по скамьям, но дед Тарас быстро их приструнил.

Ашотик вел машину уверенно, что-то напевая на неизвестном языке. Рядом, в кресле второго, сидел дядя Саша и всматривался в планшет, по которому ползла зеленая точка. Мы поднялись над туманом, и далеко впереди показались горы.

Я пристроился рядом и закрыл глаза.

Пожарный подъемник вмешал трех человек, эвакуация немного затянулась. Как они все втиснулись в помещение метеостанции и умудрились ничего не сломать — до сих пор не понимаю. Одним словом, мы постепенно переправили всех вниз, и когда вышли из тумана к вертушке, все было устроено в лучшем виде. Заправщики со связанными руками сидели на полу туалета, а пандус вертушки гостеприимно опущен.

Ашотик вернул мне шокер, а дед Тарас спросил, не нашел ли я майора? Нашел, ответил я, он не придет. Дед ничего не сказал.

Жаль, что Петровы исчезли. Было бы красиво. Очень в духе сериалов: умненькие дети, девочка и мальчик, Юля и Денис, то есть Антон, да какая разница, вместе летят навстречу солнцу или там к далекому горизонту. Символ рода — надежда на лучшее будущее. Ой, не могу, от пафоса аж глаза щиплет...

Когда-то Дима жаловался, что сейчас нет героев. Может, оно и к лучшему. Где герои, там бардак. А мне нужна воля, а не хаос. Герои всегда норовят оплатить чужие долги, а разве это правильно? Все-таки, как говорил Гамлет, рассекая из плазмотрона Стальную Офелию, воля — не делать, что хочешь, а не делать того, чего не хочешь. А как же долг? Не знаю. За чужие долги расплачиваться тоже неправильно.

Наверное, последние слова я произнес вслух, потому что дядя Саша вдруг сказал:

— Чужих долгов не бывает.

Не открывая глаз, я покачал головой.

Не знаю. Сейчас все эти высокие слова — от усталости и стресса. Деньги выдались лихие. Надо думать о том, как устраивать жизнь на новом месте. Остальное приложится. И кто знает, может, когда-нибудь эта вольная жизнь мне надоест, и я вернусь, найду Диму, и мы вместе посмотрим, можно ли сыпнуть еще немного песка в буксы...

Аргус

Сигнал тревоги пришел слишком поздно. Теперь уже никто не узнает, вышли из строя сенсоры, десятилетиями болтающиеся без профилактики на дальних рубежах, или разладились детекторы гипертранзита в системе орбитальной защиты.

Фиолетовые вспышки в холодном сером небе увидели многие. Но только один человек понял, что они сулят колонии на Гиперборее.

Мастер Бааг был, наверное, самым старым из поселенцев. Вместе с моим отцом он участвовал в сражениях Четвертого Передела. Тогда погибли миллионы и миллионы людей, были испепелены десятки миров. А скольких уинки перебили наши каратели, никто и не считал...

После долгих и кровопролитных боев за центральные сектора наступило затишье. Схватка за сферы влияния оказалась слишком разорительной для всех. Ресурсы выбрали до самого донышка. Поэтому мирные договоры подписывали, переписывали, не понимая, чего добивается противник, но все же мелкие стычки в пограничных зонах обе стороны гасили быстро и беспощадно, чтобы они снова не переросли в большую войну. По слухам, правда, иногда пропадала связь с колониями на периферии второго галактического рукава, исчезали и колонии, но в спорных секторах часто шалили рейдеры мародеров, списывали на них...

Колонию на Гиперборее основали более сорока лет назад, сразу же, как настало мирное время или по крайней мере то, что мы называли миром. После краткого образовательного цикла меня, четырнадцатилетнего бездельника, отец пристроил к Мастеру Ваагу. Мне-то хотелось в управленцы или, так и быть, старостой купола. Но для конкурсных вакансий требовалось не вылезать из учебного блока, проходить долгие, нудные испытания без всякой гарантии на приличную должность и, главное, красивый шеврон. А в это время мои сверстники уже при деле, пользуются уважением колонистов, девушки приглядываются к ним, выбирая, с кем просто повеселиться, а с кем завязать семейные узы. Нет, долгая учеба не по мне, решил тогда я, и никогда не жалел об этом.

Зимние месяцы на Гиперборее тянутся бесконечно. Но потом грозы над перевалами, тысячами молний возвещают начало сезона теплых дождей, в ливневых струях быстро тает многометровый снежный покров, долина внизу превращается в озеро. Жизнь его коротка. Вскоре вода сносит ледяные заторы, озеро растекается ручьями и речками, оставив после себя толстый слой плодородного ила. Три, а то и четыре урожая масличного тростника можно снять, пока не вернутся холода. А к этому времени уже много-много маленьких колонистов возвещают своим криком о том, что колония растет и скоро понадобятся новые помещения. Так что работы нам с Ваагом всегда хватало.

Поселение располагалось на четырех пологих холмах. Жилые купола, которые ярус за ярусом заселяли семьи, старые и новые, примыкали друг к другу. К соседним куполам вели переходы, зимой там было не протолкнуться. В теплое же время дети любили носиться на роликах по их длинным пустынным тоннелям.

Как только погода позволяла нам выйти на поверхность без термоборбы, в которой много не наработаешь, мы с Мастером брались за сборку жилья. Вскрывая очередной контейнер, Бааг долго разглядывал плотно прижатые друг к другу упаковки с универсальными панелями, цеплял наугад лапу манипулятора к ближайшей упаковке, а потом долго ворчал, если конфигурация панели его не устраивала.

Выпотрошенные контейнеры оттаскивали тягачом в долину. Их огромные пустые кубы приспосабливали под хранилища сырья, ангары для полевой техники или укрытия от дождя. В каждом из них могли встать, не потеснив друг друга, с полтысячи колонистов.

Да столько человек и не набралось бы в первые годы поселения! Я поначалу удивлялся, зачем доставили такую гору контейнеров, составивших еще один холм, пятый. Но через несколько лет, когда я уже гордо носил на левом плече шеврон Механика, меня заботило, что мы будем делать, когда иссякнут запасы универсальных панелей.

Из двенадцати конфигураций упов составляется жилье на любой вкус — от прямоугольных коробок, которые предпочитали потомки беглецов со Старой Земли, до овальных или сотовых блоков для переселенцев с освоенных миров Федерации.

Панели квадратные, прямоугольные, угловые, ровные и изогнутые, некоторые с прозрачными вставками из небьющегося лексита, пяти- и шестиугольные... Толщина у всех одинаковая — пятнадцать сантиметров. Впрочем, даже полуметровые квадратные упы мы поднимали вдвоем без особого труда. Частенько приходилось монтировать вручную целые секции — манипуляторы всегда нарасхват, особенно на полевых работах во время сбора урожая.

Матовые поверхности трудно, практически невозможно поцарапать или испачкать. Из таких же панелей собраны купола. Карбоновая пленка хорошо держала перепады температуры, сырость и палящее солнце ей ни почем. Но все же после того, как сдирали шершавый пластик упаковки, надо внимательно следить, чтобы на торцы не попал мусор.

Я пересчитывал разноцветные заглушки стыковочных узлов, симметрично располагавшихся на торцах, проверял на совместимость разъемы энергопроводки, вытягивал телескопические муфты вентиляционных контуров... Сперва у меня просто рябило в глазах от выступов, контактных щеток, дырок самого разного диаметра и арматурных стержней, проходящих сквозь легкий, но очень прочный материал панели. Вскоре я научился с одного взгляда определять, какими упами можно закруглить стену, как быстро нарастить секцию или даже ярус, надо ли ставить заглушки и почему нельзя трогать игольчатые контакты, даже если питание еще не подключено. Мне нравилось ритмическое пощелкивание стыковочных узлов, когда шла стяжка захватов. Мне казалось, я уже все знаю... до первого некондиционного упа.

Вдруг обнаружилась панель с неправильными стыковочными узлами, сечение трубок не совпадало ни с одной стандартной конфигурацией, а кое-где вместо съемных заглушек чернели нашлепки карбоцемента. Тогда я громко обвинил изготавителей упов в криворукости, но Бааг одернул меня.

— Мало знаешь, много горячишься, — сказал он. — Попадутся еще такие, складывай отдельно, тоже пригодятся.

— Разве это не брак?

Мастер покачал головой и объяснил, что упы вообще-то предназначались немного для других целей. Раньше из таких универсальных панелей собирали орбитальные

станции, жилые модули рейдеров, форпосты для исследователей или базы на планетах с агрессивной средой. Да и много всякой всячины. А еще раньше из них на Старой Земле строили большие умные дома, добавил он, помолчав. Но об этом давно забыли, забыли и о Старой Земле. Ее гибель так и осталась неотомщенной...

— Отец говорит, что мир с уинками дороже мести.

— Он добрый человек. А ты, Иван, должен с уважением отнестись к его словам, и не только потому, что он твой отец. — ответил Вааг. — Да, Владимир очень храбрый человек. Я его должник. Твой отец дважды спасал мне жизнь. Но я не знаю, возможен ли мир с уинками. Они чем-то похожи на людей, но не люди. Они похожи на собак, но не собаки. Мы для них даже не еда. Так, помеха на их пути. Или еще хуже. Мне кажется, они ведут войну на истребление только против нас. А вот Владимир думает иначе, он считает, что можно с ними по-людски договориться. Надеюсь, твой отец прав, а я нет.

Мой отец ошибался, но ему повезло, он не дожил до черных времен. А вот Мастеру Ваагу пришлось убедиться в своей правоте.

* * *

Возникли и тут же растаяли яркие пятна в облачном небе. Снег на окружающих долину горах, стены куполов и лица людей на миг словно охватило красно-синее пламя.

Вааг прикрыл глаза ладонью. Первое ранение он получил, когда вражеские истребители вынырнули из транзита в обычное пространство вблизи от Барнарда-6. Они успели своими фиолетовыми лазерами изрешетить старый грузовоз, приняв его, наверное, за тяжелый крейсер. А потом заработало оборонное кольцо, и никто из нападавших не ушел. В тот раз уинкам не повезло, их раскошматили вчистую. Но потери были и у нас. Об этой

стычке, незначительном эпизоде долгой войны, я знал лишь потому, что обломок истребителя задел кабину управляющего модуля, в котором сидели как раз мой отец и Вааг. С тех пор фиолетовый цвет вызывал у Мастера неприятные воспоминания.

И в тот день он понял, что означает это зарево в небе — уинки сожгли орбитальный блокгауз, а заодно и пристыкованный к нему единственный челнок колонии.

Управляющий, выслушав Ваага, недоверчиво покачал головой, но Мастер попросту оттолкнул его в сторону и по линии общей связи приказал всем немедленно спасаться в горах.

— Почтенный, не болен ли ты? — вскричал Управляющий. — Через неделю теплый сезон кончается, снег уже на склонах, а ты людей из домов гонишь! А детей куда?

— Не знаю. Уходить надо всем, — сказал Вааг, падая в кресло. — Смерть пришла.

Силы оставили его. Через год ему исполнилось бы восемьдесят лет, но он знал, что не доживет до юбилея.

— Времени не осталось, скоро уинки будут здесь, — прошептал он, потом, кряхтя, поднялся и заковылял к выходу.

Управляющий так и не поверил ему, не поверили и многие из колонистов. Я знаю, кто остался, я видел и слышал, о чем они говорили в последние минуты перед тем, как транспортные корабли уинки повисли над колонией. Словно длинные щупальца протянулись к земле, и тысячи, десятки тысяч закованных в кольчужный пластик бойцов хлынули из десантных желобов...

Вааг не успел предупредить меня, но теперь это не имеет значения.

В роковой день и час я проверял цепи в новой секции. С визорами на висках, растянувшись на узком лежаке, я

подключился к дому. Каморка терминального узла расположена в скалистом основании Второго Купола. Двум в ней уже тесно, впрочем, там и одному делать нечего. Универсальные панели, объединенные в систему, — своего рода большой дом, — настраивались на саморегуляцию. А дальше сами поддерживали нормальную температуру в помещениях, очищали воздух, управляли биосенсорами, которые отслеживали состояние здоровья колонистов, реагируя на каждый чих. При необходимости дом подключался к фармацевтическому модулю и добавлял в воду нужные витамины или лекарства. Сканеры идентификации ни разу не ошиблись, хотя по молодости лет мне пару раз хотелось добавить слабительного в тот момент, когда Леон, ухаживающий за моей сестрой, подходил к питьевому крану.

Мало кто из колонистов, буквально два-три человека, знали о терминальном узле, откуда можно наблюдать за всем, что происходило в помещениях и в окрестностях куполов. В каждую из панелей встроено несчетное количество сенсоров, эффекторов, анализаторов. Можно легко контролировать каждый вздох или всхлип любого жителя колонии, манипулировать им, если позволят приличия. Приличия не позволяли. Создатели упов заложили в свою продукцию большой ресурс жизнеобеспечения. Вааг частенько повторял, что мы не задействовали и сотой доли их возможностей. Просто нет в этом нужды. К тому же многие цепи и каналы заблокированы еще со времен Исхода.

Много лет прошло с тех пор, как Мастер впервые позволил мне с помощью контактных визоров подключаться к паутине контуров, пронизывающих упы. До этого времени я и не подозревал, что в мастерской за щитом распределителя находится люк. За ним по узкой винтовой лестнице можно спуститься к кожуху реактора. А оттуда уже через другой люк подняться по скобам, вбитым в

гладкие стены бетонного колодца. И наконец, третий люк. Ключ от него находился у Мастера, а потом он передал его мне. Но лишь только после того, как я завершил учебу и стал Механиком. Позже я узнал, что подключаться к узлу можно практически из многих точек резервного контроля, но к чему лишние вопросы колонистов?

С тех пор прошло много лет. Навсегда ушел отец, я стал в семье старшим, а потом и у меня появилась своя семья. Теплые и холодные сезоны сменялись незаметно в трудах и днях, там и внуки пошли...

Чем больше упов мы наращивали, тем лучше они работали, становились умнее. Лет десять тому назад активизировали голосовое управление. Еще через год мы соединяли два купола галереей из нестандартных панелей, накопившихся со времен прибытия. Дом стал отвечать на вопросы, в нем сформировалась псевдоличность, и забот по контролю и ремонту стало гораздо меньше.

Все же раз в месяц, а потом с каждым годом все реже и реже, я забирался в терминалный узел и пристраивал к вискам контакты визоров. И всякий раз первое мгновение пугало, было по нервам — у меня словно открывались тысячи глаз и вырастали тысячи ушей, я видел и слышал, что происходило в каждой комнате, от красивого личика и крика новорожденного в родильном блоке до шуршания черной гусеницы, обедающей мох на камнях близ окон первого яруса. Мгновение спустя подключались остальные сенсоры, на сетчатку ложилась проекция всех помещений с бесконечной лентой параметров. Я не обращал внимания на зеленую рябь чисел, игнорировал пульсирующие линии схем и панели графиков... Дом прекрасноправлялся сам и при необходимости производил мелкий ремонт своими силами. Общаться с псевдоличностью было не интересно, личность оказалась неразговорчивой и односложно отве-

чающей на вопросы, сама же вопросы не задавала. Но правила, невесть кем установленные, требовали санкции Мастера или Механика на дистанционное управление манипуляторами.

Крайне редко, на моей памяти, кажется, всего один раз, дом запросил помощи, и когда я подключился, он выделил красным цветом место повреждения периметра. Вскоре выяснилось, что из-за слабого землетрясения, которое мы даже не почувствовали, в стыке треснула изолирующая обмазка, и вода стала затекать под основание куполов. Проблемы другого рода решались или не решались, в зависимости от обстоятельств. Иногда приходилось санкционировать санитарную обработку помещений: в разгар теплого сезона дети тащили домой не только растения, но и всякую мелкую живность, не всегда безобидную.

Кошки и собаки в Куполах почему-то не прижились, а в сезон холодов выжить им было трудно. Впрочем, Леон уверял, что видел одичавших котов в предгорьях, и уговаривал мою сестру отправиться с ним на поиски, но сестра благоразумно посоветовала ему сначала определиться со своим семейным положением, а потом искать приключений или котов.

Собаки же вымерли от каких-то собачьих хворей, спасти их не удалось. К тому же их немного было. Наша семья привезла с собой двух беспородных щенков, мы играли с ними в первые месяцы, не обращая внимания на неодобрительные взгляды колонистов. Потом щенки подросли и во время теплого сезона пропали в зарослях бархатистого кустарника, погнавшись за похожим на ушастую мышь зверьком.

Много времени контроль не занимал — несколько минут на проверку контрольных точек, минуту или две на утверждение графика профилактических работ. Но

если наращивалась новая секция, тут волей-неволей приходилось немного попотеть. Суммарная мощность процессоров возрастала, а некондиционные упы могли вдруг забарахлить только во время работы в общем режиме. А могли не барахлить, это как повезет. Однажды пришлось даже разбирать переборки целого яруса для замены конфликтной панели. Вааг долго ругался, когда обнаружил, что причиной сбоя оказался большой рыжий таракан. Вечный спутник человека застрял в сопле дентандера, давление на линии подскочило, а обходной канал не работал, так как его перекрывала заглушка на неиспользуемые фрагменты.

Тогда-то я и предложил Мастеру Ваагу не возиться с расстыковкой упов и активизировать заблокированные цепи, благо у него есть допуск к командам. В ответ он подозрительно ласковым голосом поинтересовался, если я такой умный, то не составлю ему список всех эффекторов, заложенных в панели? Потом добавил, что из упов строили не только умные дома, но и сооружения для особых нужд, а спецификаций на эти нужды у него нет, да и ни у кого в колонии тоже не найдется.

— Кажется, из упов собирали модули для разведчиков, — сказал он. — Значит, есть и система дезактивации. Если задействовать... Тогда просто так в помещение не войдешь, пока по тебе будет ползать хоть один микроб.

— Вот и хорошо, — легкомысленно ответил я. — Тараканы исчезнут...

— Тараканы, может, и исчезнут, но тебе придется каждый день раз десять принимать душ. Термообработка, конечно, ультрафиолет, ну, литра два пойла, укрепляющего иммунитет. Иначе не попадешь домой. И так каждый раз, когда выйдешь хоть на миг из купола. А еще, по слухам, на оборонные кольца они тоже шли. Не опознает тебя чип-геном, и дверь лазером слегка поджарит твою шкуру. Исчезнут не только тараканы...

С тех пор я выкинул из головы мысли об активизации цепей, которые мерцали еле заметной серой паутиной на проекциях визора.

Предполагалось, что после Баага я стану Мастером и возьму в ученики не одного, а двух будущих Механиков — колония быстро росла — и крепко вобью в их головы все запреты. Потом, когда наступит пора сдавать дела, покажу им резервные точки подключения. Наши маленькие секреты... Я даже присмотрел двух толковых парней, одним из которых был мой внук.

Мастер Бааг ушел навсегда. Но у меня никогда не будет учеников — навсегда ушли все. Не знаю, повезло ли мне, но когда уинки обрушились на нас, мои домашние, стар и млад, находились в поле. Поэтому я не видел, как их убивают. А многих жителей колонии смерть настигла в доме, и тысячами глаз я видел тысячи смертей.

Потом я утешал себя тем, что кто-то мог спрятаться в горах. Слабая надежда...

Сезон холодов уже давал о себе знать внезапными порывами снеговея, а люди без запасов еды, топлива и без оружия не продержатся в пещерах и недели. Но даже если чудом выживут, конец один. Уинки, судя по всему, намерены здесь капитально обосноваться. Пока Колониальное бюро на далеком Марсе обратит внимание на долгое молчание Гипербореи да пока там будут выяснять, откуда ближе подогнать крейсер и по какой статье бюджета проводить расходы, от наших косточек не останется и следа, а память о колонии исчезнет вместе с нами.

Уинки похожи на больших собак, стоящих на задних лапах. Круглые глаза, вечно помаргивающие веки, оскал, похожий на улыбку... Когда люди впервые столкнулись с ними на каменистых отмелях Саладина, эта улыбка показалась им дружелюбной. Но заблуждение длилось

не больше минуты, контактную группу сожгли ручными лазерами, и потом долго в хрониках повторяли запись, на которой фиолетовые лучи кромсали тела землян под жизнерадостное потякивание уинки. Это было давно, очень давно.

А в тот день они ворвались в купола, вырезав отверстия прямо в панелях, и сейчас эти места на визоре словно кровоточащие раны обведены красной каймой. Купол за куполом захлестывали волны десанта, уинки растекались по ярусам, никого не оставляя в живых. Слабое сопротивление не могло их остановить.

Я видел, как технолог Сергей стрелял из охотничьего игломета, прячась за колоннами пресса. Уинки не могли в него попасть, а он убивал их одного за другим десятками, но потом в отсек хлынули сотни...

Я видел, как старая Астхик ошпарила кипятком двух уинки, которые первыми сунулись в комнату ее годового внука. Я видел, как широкоплечий агроном Николай и его сын вооружились тесаками и успели зарубить нескольких врагов в тесном проходе от лаборатории к складу. Эх, как свистела в воздухе тяжелая сталь, с каким хлюпающим звуком разваливались тела уинки... Но слишком много их было.

Смерть обреченных людей страшна вдвойне, потому что я не мог помочь им. Находясь одновременно везде, я сумел воспользоваться всего лишь одним манипулятором, подключенным к разгрузочной линии. Стальным крюком размозжил головы троим, но четвертый сообразил полоснуть лучом по тросу подвесной тележки.

Тогда я сорвал с головы контакты визора, сунул их в карман и поднялся наверх, чтобы встать плечом к плечу с последними защитниками колонии и разделить их судьбу. Уже в холле нулевого яруса я понял, что в жилой сектор не попасть. Уинки захватили весь купол, их лай уже слышен за дверью...

* * *

За три дня я собрал информации об уинки больше, чем люди собирали за двести лет войны. Ретранслятор уничтожен вместе со всем железом, болтающимся на близких и дальних подступах к планете, значит, в ближайшее время передать сведения я не смогу. Возможно, когда-нибудь человек выбьет этих собак с заснеженных равнин, и если уцелеет хотя бы одна универсальная панель, запись о событиях 43 года станет достоянием человечества.

Когда я снова тысячами глаз увидел, что творится в моих стенах, первым побуждением было взорвать реактор. Схема охлаждения простая: достаточно перекрыть вентили здесь, здесь и вот здесь, на резервной линии, и вскоре расплавленный металл сердечника потечет в водяной бассейн, ударит тугой пар во все стороны, разнесет купол, потом начнется неуправляемая реакция...

Команды не прошли. Все системы дома заточены на обеспечение жизнедеятельности, на выживание. Я пробовал и так, и этак, но дом сопротивлялся. Его псевдоличность игнорировала все мои попытки разом покончить с захватчиками. Дом вдруг стал разговорчивым, в какой-то миг мне пришлось даже выслушать небольшую лекцию о неэффективности теплового взрыва сердечника.

Тогда я попытался убедить его в том, что месть — дело правое, но в итоге нашего безумного диалога, похожего на разговор с самим собой, понял, что разблокировать предохранители невозможно, а управление реактором дублировалось автономной системой.

Вскоре уинки нашли люк, ведущий в реакторную шахту, и проблема отпала сама собой. В нашей технике они немного разбирались и сразу же перехватили управление.

Если верить страшноватым легендам, которые рассказывают на дальних рубежах во время долгих зимовок, давным-давно уинки были клонированы некой мо-

гущественной расой некробионтов якобы из клеток мертвой собаки, запущенной в космос нашими далекими предками. И будто бы перед тем, как сгинуть, некробионты натаскали их на человека... Сказкам этим мало кто верил, но, присматриваясь к уинки, я волей-неволей задумывался, нет ли в них доли истины, может, и впрямь это воздаяние человеку за неведомые грехи отцов?

Один из этих псов двуногих, слишком толковый, даже начал присматриваться к упам. Он водил своим черным носом над пробоинами, моргал часто-часто, разглядывая внутреннее строение панелей, трогал когтистой лапой серебристые жилки цепей и пытался вытянуть чипы. Мне это не понравилось. Если не остановить, так он и до терминального узла доберется. Некоторое время я потратил на попытки активизации серых линий. Но дом объяснил мне, что это всего лишь резервная система медицинского контроля.

«Но есть хоть какое-нибудь оружие?!»

«Оружия нет».

«Должно было что-то остаться для самоликвидации».

«Самоликвидация не предусмотрена».

«Запрос на активацию резервных систем».

Система допусков сработала мгновенно. Теперь я видел, какие ресурсы в моем распоряжении. Небогато. Где же вкладыши пиропатронов? Где лазерные точки? Куда делись обоймы иглометов? Даже в нестандартных упах не оказалось ничего подходящего для мести. Но словно в издевку система дезактивации для модулей разведки оказалась в полном порядке. Если задействовать ее, то... Нет, ничего не выйдет!

Сканеры не опознают входящих и попросту заблокируют двери. Уинки пройдут сквозь дыры, выжженные в корпусе. Но вот база данных разведмодулей оказалась очень полезной.

С любопытного уинки, сующего свой мокрый нос куда попало, я начал расплату. Он весьма удачно полез в утилизатор санитарного блока, и мне оставалось лишь выключить привод крышки. Когда во все стороны полетели кровавые ошметки, несколько капель крови попали на открытую тест-панель анализатора. Вскоре на карте генома уинки не осталось ни одного белого пятна. Оцифровка всех соединений заняла не больше часа, а через пару дней еще с одним незваным гостем произошел несчастный случай. Тандемный масс-спектрометр помог разобраться и с белковым составом. А кассеты фармсинтезатора были заправлены под самую завязку.

Псевдоличность дома теперь молчит, я потерял счет попыткам возобновить диалог. Возможно, изначальная установка на поддержку жизни вступила в конфликт с тем, что я сотворил. Но выбора у него не было — мертвый человек имел большую власть над универсальными панелями, чем живая собака.

Уинки и впрямь устраиваются здесь всерьез и надолго. Корабли прибывают и отбывают, выгружаются большие и малые грузы, вблизи от купола появились приземистые сооружения из неровных плит вроде пенобетонных. Штырь с торчащими во все стороны шипами — скорее всего ретранслятор.

Все, что можно в куполах демонтировать, они разобрали и сложили в большом ангаре, туда же оттащили вещи колонистов. Возможно, для будущих исследователей. А в помещениях, где люди ели, спали, жили, одним словом, теперь бесконечными рядами стоят пластиковые ячейки, в которые с трудом мог бы влезть человек. Но ячейки не предназначались для людей.

В один из дней корабли уинки привезли щенят, великое множество щенят. Шерстяные колобки ползали

по коридорам, где раньше не смолкал детских визг и смех, залезали во все щели, копошились перед куполами в снегу... Впервые я увидел самок уинки. Они возились с приплодом, следили, чтобы сильные получали больше еды, а слабых выносили на мороз, возвращая только самых выносливых. Потом чуть подросших детенышней погрузили на воздушные судна, похожие на плоские дирижабли, и увезли на восток. А самых крепких и агрессивных ждали десантные корабли. Очевидно, Гиперборею превратили в базу для расселения по всему сектору.

Во мне накопилось много информации, стратегическая ценность ее велика. Но к тому часу, когда люди вернутся на Гиперборею, я надеюсь, она будет интересна только историкам.

Вирус делает свое дело, и через несколько лет сработает генетическая бомба, которую я заложил под цивилизацию уинки. Когда они поймут, что бесплодие поразило все их миры, будет поздно. Клонтехникой они, кажется, так и не овладели, тысячи моих глаз наблюдали, как щенятся их суки.

Время от времени я развлекаюсь, устраивая маленькие сюрпризы. То свет внезапно начнет пульсировать в такт помаргиванию их глаз, а это уинки очень не нравится, особенно щенятам. Иногда горячая вода начинает заливать помещение, а несколько раз я весьма ловко подводил лужи к оголенной проводке. Но они постепенно наводят порядок, комнату за комнатой, ярус за ярусом.

Я не боюсь, что они меня найдут. Долгие дни, пока все помещения не были очищены от следов бойни, один из моих тысяч глаз все время смотрел на обугленный труп, лежащий в холле у стены. На височных долях черепа еще можно увидеть овальные следы от контактов визора. Дом успел подключить меня за несколько секунд до того, как

в холл ворвались уинки. Этих секунд хватило, чтобы полностью вобрать мою личность.

Время идет, генетическая отрава расползается от мира к миру, вот и щенков становится заметно меньше.

А ведь когда-то я любил собак.

Детство Астхик

Вокруг, куда ни бросишь взгляд, расстилается прекрасный огромный город. В центре города находится Храм. Широкий двор Храма обнесен зеркальной стеной, вернее, огромными овальными зеркалами, служащими забором. Широкий двор засажен низкорослой пушистой зеленою травкой. Зеркала расположены таким образом, что солнечные лучи собираются во дворе и ярко освещают его.

В середине двора на круглом барабане дремлет Пастан, большая рыжая кошка. Если позвать ее, она приоткроет узкий глаз, затем второй, покатает зрачками из одного в другой,мяукнет и снова заснет.

Астхик любит играть с ней. Она разрешает Астхик играть и терпеливо наблюдает, как младшая сыплет песок на барабан, рядом с хвостом. Песчинки гудят на туго натянутой коже, подпрыгивают... Пастан вытягивает лапы, опрокидывается на спину и позволяет младшей погладить себя по животу — младшая робко тянет руку и, не веря глазам, трогает мягкую сверкающую шерсть. Пастан никому не разрешает трогать себя, только Астхик, ведь волосы Астхик похожи на шерсть ее котенка. Астхик — маленькая девочка, очень красивая, с черными, как смоль, волосами, которые вьются крупными локонами. У нее большие выразительные глаза карего цвета. Пастан знает, что Астхик скоро покинет Двор Хранителей. Ей не жалко младшую. Она забыла, что такое жалость с тех пор,

как ее приплод был раздавлен тяжелыми, харкающими огнем колесницами Хранителей, а она сама прошла через семь кругов памяти. Ей не жалко младшую, но волосы Астхик напоминают шерсть одного из котят. И еще она знает, что Астхик назначена в Сопредельное навечно вместе с братом.

Пастан, прищурив глаза, смотрит в сторону.

Астхик оборачивается за взглядом кошки и видит себя, идущую от стены. От зеркала, хитро улыбаясь, отделяется и направляется к Астхик точная ее копия — тоже лицо, волосы, только глаза изумрудного цвета — это ее брат-близнец Азарас. В зеркальных складках замигали, запрыгали цветные пятна. Седраг не любит, когда младшие подходят к зеркалам.

В руках у Азараса трубка для харканья, он хочет стрельнуть в Пастан, но Пастан замечает это, и Азарас прячет трубку за спиной. Он подходит к барабану, на котором лежит Пастан, наклоняется к земле, набирает в руку горсть песка и начинает сыпать его на барабан, рядом с хвостом кошки. Азарас протягивает руку к кошке, чтобы погладить, но та исчезает, растворив в воздухе. Ей безразличен Азарас.

Астхик села на барабан. Азарас присел рядом и осторожно дотронулся пальцем до ее плеча. Она вздрогнула, но ничего не сказала. Ей показалось, что она видит дом и двор в последний раз — и зеркальные стены, и красный песок у стен, и нависающие над двором грузные крепления Неба, и овал дома... в последний раз.

Она знает, что все кажущееся — случится. Она встает и сбрасывает руку Азараса. Младший обижается, но она, не обращая на него внимания, медленно идет к дому, в дверях которого появляется Сохранитель Седраг, одетый в белые ниспадающие одежды и головной убор. Астхик оборачивается, берет Азараса за руку и говорит: «Сохранитель Седраг и тебя призывает!» Но Азарас вырывает

руку с видимым недовольством, в котором можно прочитать его мысли: «Я не маленький, нечего вести меня за руку».

Астхик первая входит в помещение, тихий прохладный коридор которого выложен камнем. Плиты звенят под ногами. Астхик не оборачивается, но она знает, что за ней неотступно следует всевидящий зрак Сохранителя Седрага. Ее догоняет Азарас, и в зал они вступают вместе.

Младшие удивлены — зал полон Сохранителями, а на большом ложе восседает Хранитель. Младшие только однажды видели Хранителя, когда Великая Вода чуть не залила зеркальные стены.

Седраг встает на некотором расстоянии от Астхик.

— Вот они! — Голос Седрага громок и высок.

Сохранители выстраиваются в ряды прощания, и младшие, еще не понимая смысла происходящего, идут к ложу Хранителя.

Астхик становится страшно. Она вспоминает ночные рассказы в комнате младших о Колесе и Очищении, невероятные истории о прохождении кругов памяти, она помнит глаза младших, которые были назначены в Сопредельное...

Хранитель поднимается с ложа, и Азарас чуть не прыскает со смеху: он не высокий, почти по пояс младшему, круглоголовый. Издали он казался больше и страшнее. Хранитель замечает веселье Азараса и прикрывает веки. Рядом с ним возникает еще один Хранитель — такой же маленький и смешной.

— Я всегда был против этого, — не словами говорит Хранитель-первый и так же отвечает Хранитель-второй: — У нас нет выхода.

Астхик слышит и понимает.

Седраг поднимает руку, и от руки в сторону детей идет огромный поток света. Он доходит до девочки и окуты-

вает ее. С каждым мгновением Знание наваливается сверху, давит на затылок, длинной мохнатой гусеницей вползает в мозг и жжет спину. Азарас пока безмятежен, но вот и он перестает улыбаться.

— Бедные дети, — молча говорит Хранитель-второй и исчезает.

А за ним исчезает и первый.

Обернувшись к Сохранителям, Азарас вскидывает в прощальном жесте руку и, заметив серьезные глаза Седрага, подмигивает ему. Седраг вздрагивает, протягивает руку в огненный вихрь, вынимает из него два пальца мальчика, и Азарас чувствует, что потерял частицу Знания.

Младшие оказываются внутри огненного вихря, их внутренности взрываются от жара, испепеленные тела рассыпаются в прах и разлетаются в вихре по всем кругам памяти, унося с собой Знания, чтобы в огненном вихре на какое-то время слиться со своими Монадами, а затем оставив Монады, облачиться в материю и собраться в неуязвимую плоть, чтобы принять бремя существования на Земле.

Хранитель-первый смотрит в глаза Хранителю-второму и видит в них горе — дети Хранителя-второго погибли, растерзанные голодной толпой во время Великой Воды.

— Жаль малышей, — говорит слышимо Хранитель-второй.

— Мне жаль девочку, — отвечает Хранитель-первый. — Я видел ее назначение. Кровь, кровь, кровь...

— Она не спасет...

— Нет, не спасет и не искупит...

Хранители исчезли. По кругам памяти распадалась, дробилась, растиралась слабо трепещущая душа той, которой суждено было выйти в Сопредельное грозными именами Астхик, Астарты, Ашторет, Иштар, Исиды...

Ладонь, обращенная к небу

Славится мастерами Восточное побережье. Имена великих умельцев, достойных упоминания в годовых записях, прозвучали от степных курганов пограничных окраин до четырех морей, омывающих теплые земли благословенного края. А лучшие из лучших жили в селении Логва, которое насчитывало около тысячи домов в дни процветания, в смутные же — переписи не велись.

Кого ни назови — пример для подражания. Мастер Тайшо из Логва был возвышен из деревенского старости до придворного чина второго советника благодаря своей мудрости. Во времена Второй династии, когда наследные войны разорили край и люди впали в дикость, мастер Гок, как указано в записях, отложил инструменты и взял в руки двузубое копье, чтобы истребить мятежников и вернуть трон законному наследнику. Рядом с трактиром, что близ перевала Цветов, на могильной плите еще можно разобрать надпись, гласящую, что здесь погребен мастер Пагун, отдавший за бесценок родовое имение, чтобы выкупить своего ученика из плена у северных кочевников.

С тех пор свитки годовых книг заполнили не один и не два зала архивных палат, хотя многие записи стали кормом для грызунов во времена смут и волнений. Воинские подвиги забыты, торговые дела в почете, а на улицах мальчишки распеваю песенки не о богатырях пограничья, а про удачливых купцов и хитрых посредников между людьми и большеглазыми дьяволами из Фак-

тории. Но все же имя Ганзака из Логва, лучшего мастера молитвенных беседок, знают даже в столице. Люди состоятельные в праздничные месяцы толпились у его ворот, чтобы заказать беседку — поминальную или же свадебную, не отказывал он порой и простолюдинам, когда выпадали свободные дни, ну и чтобы ученики набили руку.

В девятый месяц четвертого года правления под девизом «Спокойствие и достаток» у дверей мастера заказчики простояли бы втуне — Ганзак отбыл на север, и даже староста деревни, выписавший подорожную, не знал, когда он вернется.

Поговаривали, что Ганзак отправился ко Двору, но, как сказано, «люди сегодня скажут одно, завтра другое — верить им или своим глазам?»

Между тем мастер и впрямь шел в столицу. Его сопровождал подмастерье Идо, вооруженный деревянной палицей с медными шипами. Идо прибыл из провинции Саганья, дабы постичь искусство пилы, рубанка и резца. За два года он в совершенстве овладел пилой, и мастер уже решил, что ученику можно дать первые уроки владения простым рубанком, а лет через шесть подготовить к испытанию. Но Звезды и Небо решили иначе.

Преемником мастера Ганзака должен был стать его внук Отор. Родители Отора пропали во время большого наводнения, и дед взял малыша к себе. С детства Отор тянулся к резцу, а когда ему исполнилось две шестерки, то он вырезал первую молитвенную беседку, хоть и игрушечную, но сработанную по всем канонам и даже тихо звенящую, если выставить ее на сильный ветер. Умения Отора изо дня в день росли, он в считанные месяцы обучался тому, на что другим приходилось тратить годы. «Когда он станет мастером, стружка из-под его резца и то будет на вес серебра», — с гордостью говорил Ганзак, как бы случайно показывая поделки внуку заказчикам.

Самым молодым из мастеров назвали вскоре Отора, и слава его росла изо дня в день. А потом его пригласили в столицу, и это была высокая честь не только ему, но и роду Ганзака.

* * *

Дорога в столицу проходила через деревню Фогва, там мастер и подмастерье решили заночевать, потому что идти ночью было опасно. После того как Наследник обратил благосклонный лик к большеглазым дьяволам, на дорогах появились лихие люди. Неспокойно стало и в больших городах. Хотя торговлю с чужаками можно было вести только в Фактории и только с высочайшего разрешения считанным лицам, народ все же волновался. Поэтому трактирщик, прежде чем подать вино и овощную закуску, попросил сделать отметку на подорожной у старосты.

— Не тот ли вы мастер Ганзак, который славится молитвенными беседками для нового крыла в Западной столице? — спросил староста, разглядывая подорожную.

— Имя моего мастера известно повсюду, — заявил подмастерье Идо. — Ночь близка, отдых короток, мастеру не пристало тратить время на пустые разговоры.

— Да-да, — вежливо наклонил голову староста, поставил какую-то закорючку на подорожную и вернул ее мастеру. — Кажется, я слышал еще что-то о вашем уважаемом родственнике...

Не отвечая, Ганзак пошел к выходу, а Идо, злобно посмотрев на старосту, поспешил открыть ему дверь.

Ночью, после короткого ужина, когда они укладывались спать, мастер Ганзак все же сделал замечание ученику за невежливый тон в разговоре со старостью. Идо признал свою неправоту, потом он сказал, что готов утром

извиниться перед старостой и что он может даже сейчас пойти разбудить этого достойного человека и принести свои извинения... Бормотание его становилось все тише и неразборчивее, а потом и вовсе стихло, сменившись храпом.

Мастер Ганзак лежал на матрасе, набитом свежей соломой, и смотрел в низкий потолок, по которому бегали пятна света от костра во дворе, пробивавшиеся сквозь щели ставен.

С тех пор как появились большеглазые дьяволы, правила и приличия истончились, установления, согласно которым жили испокон веку, дали трещину. Никто не знает, откуда пришли высокие большеглазые чужаки. Одни говорят, что они опустились с неба на огненных птицах, подобно тому, как предки людей в легендарные времена прибыли сюда и поселились в благословенном kraю. Другие — будто бы чужаки вылезли из-под земли, а потому являются посланниками демонов, поэтому с ними же нельзя иметь никакого дела, все одно кончится плохо и себе в убыток. И еще ходят слухи о том, что Наследник благоволит к чужакам не по своей воле, а только по принуждению знатных родов, ищущих выгоды в торговле с большеглазыми. Три шестерки лет тому назад, когда дьяволы впервые объявились среди людей, дело чуть не кончилось мятежом. Тогда всем чужакам повелили не выходить за пределы Фактории, людям же без особого дозволения с ними запретили общаться. Но разве удержишь алчного купца, шустрого городского воришку или любопытствующего бездельника! Вот и наладилась тайная торговля. В обмен на самоцветы и черную смолистую глину, которую добывали в карьерах для лекарей и алхимиков, чужаки расплачивались хорошим серебром, отлитым в виде плоских кружков. Серебро это немедленно переливали в обычные денежные слитки, потому что за хранение таких кружков могли отрезать уши.

Один такой кругляш Ганзаку показал Сокан, его дальний родственник, который служил при Дворе в охране. Как-то наведавшись в гости во время отпуска и выпив несколько больших чаш выдержанного вина, Сокан рассказал, что в свое время ученые после долгих бесед с чужаками составили секретный доклад, в котором призывали Наследника всех большеглазых дьяволов перебить, а тех, кто с ними общался, сослать на поселение в горы или в пограничные войска. Наследник, однако, решил иначе — огненное копье, что подарили ему чужаки, перевесило секретный доклад.

Утром мастер и ученик перекусили холодным мясом с острой приправой и двинулись в путь. Вблизи от местечка Бангва, известного своим просяным пивом, им пришлось остановиться у заставы.

— Дальше одним идти нельзя, — сказал начальник стражи, проверив подорожную. — Подойдут еще путники, торговые люди, тогда я дам охранников, чтобы провели вас к следующей заставе. На перевале Благоуханной Роши шалят разбойники, так что вышел приказ собирать всех путников в караваны и выделять охрану. Пока можете отдохнуть в трактире моего зятя. Трактир сразу же за оградой заставы, и там целых три молитвенных беседки.

— Какие еще днем разбойники! — закричал Идо, воинственно размахивая палицей. — Наверное, ты говорился со своим зятем и нарочно задерживаешь путников, чтобы подзаработать. Смотри, если узнает об этом твое начальство!..

— Прошу прощения за моего непутевого ученика, — поспешил вмешаться в разговор мастер Ганзак. — Он молод и не знает приличий, но говорит не со зла. Примите в знак извинения небольшое пожертвование в местный храм.

— Да, я вижу, горячий он парень. — Начальник стражи принял из рук мастера медный пруток, связанный

узлом. — Из такого получится хороший воин в пограничных войсках.

— Все же нам спешно надо попасть в столицу не позже чем через три дня, — продолжал мастер, доставая из кошеля еще один пруток. — Разбойники нам не помеха, добра у нас с собой почти и нет, кроме инструментов для молитвенных беседок.

— Мастер Ганзак известен повсюду, — заявил Идо. — Его имя охраняет лучше всякой стражи. И мастера могут проезжать везде.

— Кто не знает мастера Ганзака! — воскликнул начальник. — Одного прутка вполне достаточно для храма. Но, досточтимые, эти разбойники и впрямь люди невежественные и могут даже не спросить ваших уважаемых имен, а попросту отрежут головы.

— Мы пойдем не дорогой, а через рощу, — сказал мастер. — Можем написать расписку, чтобы к вам не было лишних вопросов о наших головах.

— Не надо расписки, — ответил начальник и отодвинул засов в дверце больших ворот. — Будет жаль, если с вами что-то случится. Но я догадываюсь о причине вашей спешки.

Недалеко от перевала мастер и его ученик остановились передохнуть. День был жаркий, и они присели в тени скалы, нависающей над дорогой. Вскоре Идо заметил, что из-за деревьев кто-то следит за ними.

— Эй, разбойник, — крикнул юноша, — у нас нет ничего, чем бы ты мог поживиться. Кроме вот этой дубины!

С этими словами он вскочил и завертел палицей над головой.

Из рощи показались люди в клетчатых рубашках, вооруженные косами и пиками. Подмастерье Идо кинулся на них, но предводитель разбойников легко выбил его

оружие, и не успела бы птица-трубач прокричать трижды, как путников связали и поволокли в гору.

Лагерь разбойников находился в заброшенном храме на самой вершине среди зарослей орешника и дикого винограда. Пленников привязали к столбам, врытым посреди лагеря.

— Ну, посмотрим, что за добро в ваших узелках, — проговорил предводитель.

— Денег почти и нет, — разочарованно произнес другой разбойник, вываливая содержимое кошеля и узлов на каменные плитки. — Только инструменты.

Третий разбойник поднял один из рубанков размером с его мизинец и засмеялся. Он собрался уже запустить его, подобно камню, в ущелье, но разбойник, чьего лица не было видно из-за широкополой соломенной шляпы, что-то прошептал предводителю, и тот прикрикнул на смешливого.

— Ты нес игрушечные инструменты на продажу? — спросил мастера предводитель, поддевая носком сапога крошечную стамеску. — Кому нужны такие маленькие штуки?

— Невежественные люди, — ответил за мастера ученик Идо. — Этим инструментам цены нет. В роду мастера Ганзака искусство изготовления пил, резцов и рубанков передается из поколения в поколение. Мастер Ганзак покупным инструментом не пользуется, а свой не продает.

— А мы и не собираем покупать, — сказал смешливый разбойник. — Мы их отберем вместе с вашими глупыми головами!

Он выхватил длинный нож и замахнулся, но предводитель поймал его за руку.

— Так ты действительно мастер молитвенных беседок? — спросил он Ганзака.

— Если тебе знакомо мое имя, помоги нам избежать гибели, — с достоинством ответил мастер.

Предводитель развязал пленников и проводил к каменным скамьям, расставленным во времена незапамятные по всему двору.

— Ваше явление к нам — бесценный дар Неба. — Предводитель усадил мастера на скамью, предварительно смахнув с нее пыль рукавом. — Мое прозвище Ленивый Тигр, сам я из купцов и стал разбойником случайно, убив в схватке прежнего вожака. Мы все должны помогать друг другу, как предписано в установлениях. Прошу явить ваше мастерство и не отказать в благоволении.

— Я готов помочь вам в меру моих слабых сил, господин Ленивый Тигр, но сейчас спешу в столицу по неотложному делу. Даю слово, что на обратном пути не стану уклоняться от встречи с вами.

— Ваше слово — подлинная драгоценность, и все же обстоятельства вынуждают просить вас задержаться. Такой именитый мастер легко справится с нашим пустяковым дельцем. Потом мы постараемся наверстать упущенное время, если это представится возможным.

Предводитель подал знак своим людям, и вскоре инструменты и все остальное имущество путников было аккуратно собрано и уложено в лакированный короб, который с поклоном вручили мастеру Ганзаку.

В чем заключалось дельце, о котором говорил разбойник, выяснилось очень быстро. Ганзака и его подмастерье отвели во внутренний дворик, а потом за руинами главного здания по лестнице из темного камня все поднялись на самую вершину горы. Там они увидели молитвенную беседку, которой было немало лет, и все эти годы оказались на ней не лучшим образом.

— Что же вы сразу-то не объяснили... — пробормотал ученик Идо, а мастер так глянул на него, что тот прикусил язык.

— Проще сделать новую молитвенную беседку, чем эту привести в порядок, — заявил наконец мастер после долгого раздумья.

— Это уж как вам будет удобно, — великодушно отозвался предводитель. — Можно новую беседку, а можно попробовать старую в порядок привести. Но до тех пор, пока у нас не будет беседки в хорошем состоянии, мы почтительно просим оставаться нашими гостями.

— Хорошо, — кивнул мастер. — Посмотрю, что можно сделать. Но пусть никто не мешает нам, а если понадобятся помощники, я скажу.

Мастер Ганзак медленно обошел беседку, осторожно срывая длинные плети выиона, обвившего столбы и балясины, потом подозывал Идо и велел ему очистить пол беседки от пыли и проросшей травы. Разбойников, сунувшихся было помочь, он прогнал. После того как с четырехладонной крыши смели мусор и палые листья, мастер простучал стальным наперстком все элементы беседки и послал одного из разбойников за предводителем.

— На самом деле здесь работы немного. День, от силы полтора. Возможно, мы успеем в столицу. Когда нас вели в лагерь, я услышал ржание коней.

— Как только работа будет исполнена, я подарю вам двух жеребцов, подобных ветру, — пообещал Ленивый Тигр.

— Вы собираетесь вступить на путь праведности? — спросил мастер. — Иначе зачем вам молитвенная беседка?

— Кто знает, куда заведет нас судьба, — уклончиво ответил разбойник, отведя глаза в сторону.

Разложив инструменты на плоском камне, мастер велел ученику замерить толщину колонн, а сам взобрался по приставной лестнице наверх, проверить, в каком состоянии зазоры между деревянными пальцами.

— Нам повезло, — сказал он негромко ученику, спустившись вниз. — Дерево пропитано маслом холодного отжима, крыша не сгнила. И звуковые пластины сделаны с запасом. Кое-где обломаны, но можно соразмерно подогнать. Иначе пришлось бы сушить древесину три, а то и четыре месяца.

— Никогда не видел четырехладонных крыш, — заметил Идо.

— Старинная работа. Только во времена Второй династии стали делать шести- или восьмиладонные беседки. Раньше с этим было строго, но потом появились уступчивые мастера, которые сейчас по прихоти богачей делают даже беседки о двенадцати ладонях. Но это все преходящая мода. Великий мастер Гок говорил, что человеку хватает двух ладоней, обращенных к небу. Того же достаточно как для молитвенных беседок, так и для храмов.

— Как вы думаете, мастер, разбойники нас отпустят?

— Если я буду думать о таких пустяках, то не смогу настроить беседку, а ты никогда не овладеешь мастерством, если станешь отвлекаться во время работы.

Смешливый разбойник, присматривающий за мастером, с интересом наблюдал, как Ганзак сменил наперсток на молоточек, который тоже надевался на палец, только с помощью двух колец. Одна из сторон молоточка была сделана в виде головы буйвола с прямыми рогами. Стукнув по той или иной детали беседки, мастер прислушивался к звону бронзовых рогов. Таких молоточков было несколько, и каждый звенел по-особому.

Кое-где мастер аккуратно прошелся рубанком, так насмешившим разбойника. Тонкая стружка вилась из-под рук Ганзака то подобно длинному локону городской красавицы, то полоске вощенной бумаги. Кистью из жесткой щетины подмастерье проходился по всем щелям и трещинам, вычищая древесную пыль, которая в изобилии полетела после того, как мастер надел рукавицу из кожи

зеленой гадюки и принял шлифовать тонкие пластины железного дерева, словно зажатые между деревянными пальцами ладоней, составляющих крышу.

Так и прошел весь день — звон молоточка, шелест рубанка, скрип резцов и стамесок, потом снова простояивание, рубанок, молоточек, рубанок, рукавица... Ближе к вечеру мастер послал за Ленивым Тигром.

— Работа сделана, — объявил мастер. — Надеюсь, уважаемый предводитель сдержит свое слово.

— Непременно, — заверил Ленивый Тигр. — Осталось только убедиться, что молитвенная беседка и впрямь исправна. Скоро начнется ветер, да и Вторая луна как раз в зените.

Мастер и ученик переглянулись и не смогли сдержать улыбок.

— Ваше сомнение было бы оскорбительно для меня, — добродушно сказал мастер, — если бы оно хоть в малейшей степени задевало мое достоинство. Сомневаться в моем мастерстве — это всего лишь веселая шутка, очень смешная в силу своей неуместности, хотя и неумная.

— Мне кажется, это вы хотите меня оскорбить, — заметил предводитель, но тут один из разбойников, чье лицо скрывалось в тени широкополой соломенной шляпы, поднял руку, и все замолчали.

Тут и пришла пора вечернего ветра.

Ветер сердито протискивался сквозь узкие щели, рассыпался на струйки и обтекал тонкие пластины, заставляя их трепетать. Звук поначалу напоминал трель одиночной цикады, потом возник еще один и еще один... Пение ветра словно исчезло, растворилось в сумерках, но зазвучало в каждом из тех, кто стоял поблизости.

Ленивый Тигр и еще двое разбойников неверными шагами приблизились к беседке и вошли в нее. Усевшись на пол, они обратили скрещенные ладони к небу и замерли, вслушиваясь в музыку, идущую сквозь них.

Мастер Ганзак тоже ощущал прилив благодатной мелодии, взывающей к добру, умеренности и покою. Вместе с тем он прислушивался — не прозвучит ли фальшивая нота, исказжающая небесный замысел, не обратится ли доброе послание в свою противоположность.

Но тем и славен был мастер, что все его творения отличались безупречностью.

Чуть позже, когда ветер ослаб настолько, что молитвенная беседка перестала откликаться звучанию небес и людей, Ленивый Тигр и его разбойники сошли вниз и устроили в честь мастера Ганзака пир. А утром предводитель, как и обещал, подарил мастеру двух резвых скакунов, чтобы они с подмастерьем успели в столицу вовремя.

Не успели мастер и его ученик скрыться за перевалом, как разбойник, скрывающий свое лицо, откинул шляпу на затылок. Если бы путники увидели его, то удивлению их не было бы предела. Круглые глаза и бледная кожа выдавали в разбойнике большеглазого дьявола.

Ленивого Тигра и его людей вид чужака не удивил.

— Вы довольны, господин? — спросил Ленивый Тигр.

— Держи серебро, — голосом, подобным скрипу несмазанной петли, сказал большеглазый дьявол. — Напрасно отпустили мастера, — добавил он.

— Слово Ленивого Тигра равно весу этого серебра, — заявил предводитель, взвешивая в руке тяжелый мешочек. — Впрочем, если господин удвоит вознаграждение, мы можем догнать мастера.

— Ты дал ему лучших коней.

— Да, действительно... Но вряд ли мастер приведет сюда правительственные войска. Ему сейчас не до этого, а завтра нас здесь не будет. Кстати, что господин собирается делать с молитвенной беседкой?

— Я заберу ее отсюда.

Разбойники недовольно заворчали, но Ленивый Тигр взглядом приказал им замолчать.

— Я слышал о ваших повозках, летающих подобно ночным птицам. Но моим людям не нравится, что вы забираете беседку. Не оскверняются ли этим наши места?

— Хорошо, я дам еще серебра, — проскрипел чужак.

— Вот это велиководный господин! — вскричал Ленивый Тигр, а потом обратился к разбойникам: — А вы чего встали, бездельники? Живо сворачивайте лагерь, мы уходим к Черной реке. Все, что не сможем забрать с собой — сжечь.

И больше о Ленивом Тигре и его людях мы ничего не слышали.

В столице мастер Ганзак и подмастерье остановились в гостином дворе недалеко от дворца Наследника. Коней они удачно сбыли хозяину гостиного двора, вырученные деньги пригодились на взятки чиновникам и надзорителям. Последние слитки пришлось отдать тюремщику, чтобы он устроил свидание с Оторм. Впрочем, мастер знал, что легко может занять средства под залог или в рост, ибо его имя — лучше всяческих рекомендаций. Тут еще выяснилось, что можно было и не спешить, — дело получило огласку, и разбирательство оказалось долгим.

Внука заточили в отдельном помещении в самом дальнем конце тюрьмы для опасных преступников. Ученика Идо внутрь не пустили. Тюремщик долго гремел ключами, ворчал невнятно о подкупе и ужасных карах за это, о своем добросердечии и наконец открыл дверь.

— Скоро я вернусь, и чтобы здесь никого из посторонних не было, — произнес тюремщик и исчез в темном коридоре.

Мастер Ганзак чуть было не прослезился, увидев внука в тюремной одежде. Но сдержался и лишь поинтересовался, не голодает ли тот.

— Мне приносят еду, — пробормотал Отор, опустив голову и стыдясь поднять глаза.

— Завтра или послезавтра ученые вынесут приговор, — сказал Ганзак. — Если бы я знал, кого из них подкупить, чтобы он выступил в твою защиту...

— Защитники будут, — еле слышно отозвался внук. — Сам Наследник потребовал решения по справедливости.

— Вот как? — поднял брови старый мастер. — Значит, правду говорят, что Наследник благоволит к большеглазым дьяволам и тем, кто общается с ними?

Отор ничего не ответил, да в этом и нужды не было. Кое-кто из молодежи тянулся к чужакам, как домашний муравей на сладкое. Добро бы еще просто для торговли! Ради наживы алчные люди готовы были рискнуть и рисковали, зарабатывая втрое, вшестеро против обычного. Чужаки серебра не жалели. Хуже приходилось неосторожным юнцам, которые, пробираясь к Фактории, вступали в разговоры с большеглазыми дьяволами, насыщая свое любопытство. После этого одним из них жизнь казалась пресной, обычай — скучными, а друзья и родственники — людьми недалекими. Другие пытались подражать большеглазым дьяволам в манере разговора, в поведении, громко смеялись в присутствии старших, отказывали в воде младшим, сомневались в установлениях и канонах и даже осуждали деяния предков, правда, шепотом и лишь в кругу себе подобных.

— Кто в столице самый лучший законник? — спросил мастер Ганзак.

— Не знаю, — уныло ответил Отор. — Может, дядюшка Сокан знает...

— Ну, я и сам могу найти законника. Приходил ли к тебе Сокан?

— Два раза. Приносил вина, сластей. Он и рассказал про Наследника.

— Хорошо. Даже если приговор будет суров, я дождусь твоего возвращения из ссылки. Помни о своем долге —

тебе надлежит похоронить меня. Если тебя не будет рядом, я не смогу отпустить душу, обратив ладони к небу.

— Это старые предрассудки... — начал было Отор, вскинув голову, но мастер перебил его:

— А если ты снова будешь охаивать обычаи предков, то люди скажут, что я умер, обратив ладони к земле.

Отор вздрогнул и снова опустил глаза.

Лучший законник нашелся в тот же вечер. Мастер договорился об оплате и пошел разыскивать Сокана. Подмастерье Идо сторожил комнату и кошель с деньгами, которыми их ссудил хозяин гостиного двора, узнав, кем является его гость.

Сокан обнаружился в таверне, где обычно собирались стражники из дворцовой охраны после обходов и служб. Он уже изрядно выпил подогретого вина и, завидев родственника, вскочил с места, опрокинув скамейку. Разносчик вина сделал ему замечание и тут же получил в ухо. Кто-то вступился за разносчика, началась драка, причем Сокан в это время был уже на улице вместе с мастером, забыв при этом расплатиться за выпитое.

— Таковы столичные нравы. — У него слегка заплелся язык. — Никакого уважения к служилому люду. Прислуга распоясалась. А все эти большеглазые дьяволы мутят воду!..

— Ты можешь устроить встречу с кем-нибудь из учеников?

Тут Сокан споткнулся и чуть было не улетел в канаву.

— А вот этого не надо. — Он почтипротрезвел. — Подкупить ученого мало кому удавалось. Можно все испортить. Решение будет по справедливости.

— Это тебе сам Наследник сказал? — недоверчиво осведомился мастер Ганзак. — У тебя такой высокий чин?

Сокан обвел мутным взглядом улицу, освещенную гирляндами разноцветных фонариков над увеселительными домами.

— Кто я такой, чтобы со мной разговаривал Наследник? — хитро прищурившись, произнес он. — Я знаю свое место, и если будет воля Неба — возвышусь до начальника стражи. Или буду изгнан из дворца, если сила земли превзойдет небесное предписание. Но у меня есть уши, а во дворце много языков, в том числе и болтливых. Однако нам надо выпить хорошего вина за благополучное разрешение...

В палату, где собирались ученые, Отора привели в новой одежде. Увидев это, мастер Ганзак приободрился — опасных преступников облачают в рубище и заковывают в тяжелые цепи.

Ученые сидели за четырьмя длинными столами по шесть человек. Столы были расставлены квадратом, а в середине — небольшая узкая скамья для подсудимого. Посторонних в зал не пустили, лишь мастеру да чиновнику по особым поручениям, которого прислал Наследник, позволили занять места у стены.

Вопросы, которые задавали ученые, мастеру были непонятны. Отора спрашивали о том, сколько времени он учился искусству создания молитвенных беседок, знает ли он отличия между школами Северных княжеств и традиционных канонов Логва, использует ли он при варке лака цеженые или вываренные масла, какими камнями затачивает инструменты и какими правит...

Отор отвечал быстро и без запинки, порой увлекался и подробно рассказывал, что именно надо добавлять в рыбий клей, чтобы тот высыпал как можно медленнее и не протухал при этом. Слушая внука, мастер Ганзак порой улыбался в седую бороду, гордясь его знаниями, а порой хмурился, когда внук слишком откровенно делился секретами мастерства. «Впрочем, — успокаивал себя мастер, — книжникам вряд ли придется когда-либо брать в руки музыкальный молоток или рубанок, да и стары они,

чтобы учиться высокому мастерству. Вопросы и ответы никто вроде не записывал, но кто знает, не сидит ли писарь за ширмами?..»

Потом один из ученых так же благожелательно спросил, какой инструмент лучше — рубанок из яблони со стальным лезвием или саморежущие палочки из Фактории?

Тут вмешался другой ученый и сказал, что саморежущие палочки никуда не годятся, потому что они как бы ошкуривают дерево толстыми слоями, тогда как для тонкой работы всегда можно изменить высоту лезвия рубанка.

— У саморезов тоже можно изменять глубину, — сказал Отор. — Там есть особое кольцо...

Он замолчал, а мастер Ганзак чуть не застонал. На его глазах внук признался не только в общении с чужаками, не только в незаконной мене или торговле, но и в использовании запрещенных предметов.

Ученый в халате, расшитом большими красными с золотом цветами, посмотрел на мастера и, словно угадав его мысли, проговорил:

— Мы знаем, что мастер Отор пользовался многими инструментами чужаков, но не вменяем это в вину. Инструменты — всего лишь предметы, вещи. Хитроумие их создателей опасно, но лишь со временем, когда потребность в этих инструментах станет подобна неутолимой жажде. И ради приобретения нужных и ненужных вещей могут произойти великие несчастья, которые обычно происходят во времена нарушения канонов и установлений.

— Однако он все же нарушил предписания, — сердито заметил другой ученый и принялся ворошить свитки, лежащие перед ним.

— Суть не в нарушении, а в желании нарушить, — заявил третий. — Следует отличать умысел от случая.

В кодексе о наказаниях Второй династии говорится о четырех умыслах и восьми нарушениях, за которые полагается...

Мастер Ганзак дождался перерыва и попросил вызвать на слушания законника, чтобы тот мог дать вовремя нужный совет. Некоторое время ученые спорили о том, следует допускать законника в палату или нет.

— Дело-то простое. — Ученый в цветастом халате вдруг обратился к мастеру Ганзаку: — Мы тут собрались просто немного поболтать, увидеть старых друзей. Хотите — пригласим вашего законника. А то сразу вынесем приговор и не будем отнимать время друг у друга?

— Вот это я называю серьезным нарушением канона судопроизводства, — вскричал ученый с заплетенными в косицу седыми волосами. — Чем тогда вы отличаетесь от большеглазых дьяволов, ищущих, как бы внести сомнения в наши обычай, подорвать устои?!

— Я испытывал вас, — рассмеялся ученый в халате. — На самом деле мы ни на волос не отступим от процедуры. К сожалению, шум об этом деле поднялся большой, и слишком много людей заинтересованы в том или ином решении.

На третий день привели законника, и если до той поры мастер Ганзак понимал лишь каждое шестое слово, то теперь он вообще перестал что-либо понимать. Время от времени законник вставлял свои толкования канонов, но стариk все больше убеждался в том, что деньги потрачены напрасно и внук непременно будет осужден за то, что встречался с чужаками.

Между тем законник осторожно поворачивал разговор в сторону дозволенных отношений с большеглазыми дьяволами, о благе, которое может принести с соизволения Наследника торговля с ними, и наконец намекнул на интерес армейских к оружию чужаков.

— Вот-вот, — сказал ученый с косицей, — об этом и я говорил Наследнику. Стоит только начать, как не успеем опомниться, и чужаки будут маршировать по нашим улицам со своими огненными копьями наперевес. А потом они начнут диктовать нам законы.

— Большеглазых дьяволов немного, и они смертны, — возразил ученый в халате. — Их можно убить стрелой или копьем. Они такие же, как мы...

Тут он как бы поперхнулся, но возмущенные взгляды присутствующих заставили его извиниться за то, что он посмел сравнить чужаков с людьми.

— И наконец, — продолжил ученый с косицей, — мы готовы принять новое, если оно полезно и приемлемо. Мы судим в итоге не намерения, а дела.

— Мастер Отор славен именно делами, — произнес законник. — Достаточно посмотреть на его работы, и все станет ясно.

— Да, тут я соглашусь с вами, — откликнулся ученый с косицей. — Молитвенные беседки очищают помыслы, избавляют от страхов и наполняют покоем. Сколько безумия приносили неслышные звуки вечерних ветров при Второй луне, пока великие мастера времен легендарных правителей не научились подавлять музыку страха, злобы и враждебности мелодиями Высокого Неба! И все же слишком много в мире остается порочного, установления нарушаются, каноны подвергаются сомнениям... Поэтому нужда в мастерах была и будет неизбывна. Слава и почет им. Однако спрос с них тоже особый. Так пройдем же в храм Западного придела и посмотрим на работу мастера Отора.

— Давно пора, — сказал кто-то из ученых.

Мастер Ганзак не раз бывал во дворце Наследника и знал, что в лабиринтах его строений запутаются даже старожилы. Но храм Западного придела ему был знаком.

Много лет тому назад он ставил в нем молитвенные беседки и был удостоен щедрости из рук Наследника. Теперь, правда, он узнавал не все переходы, некоторые лестницы показались ему слишком крутыми, а коридоры — длинными. Когда они вышли на площадку перед храмом, он увидел сооружение, по очертаниям похожее на беседку, только почему-то укутанное белым холстом.

Холст развернули, и перед ними действительно оказалась молитвенная беседка, выполненная, как сразу отметил Ганзак, с большим мастерством и изяществом. Он приблизился к ступенькам, провел пальцем по древесине, слегка щелкнул ногтем по ближайшей колонне. Изъянов не было, но все же что-то беспокоило его. Сосчитал ладони на крыше — восемь, как принято, и все обращены к небу.

— Не следует ли привести моего внука? — спросил он.

— Ни к чему, — заметил ученый с косицей. — Как раз время вечернего ветра. Сейчас все станет ясно.

И впрямь — загудело в высоких деревьях, захлопали ставни, роем сердитых ос налетел ветер, и молитвенная беседка запела в ответ. Мелодия ее была глубже, сильнее, чем все, услышанные мастером до сих пор. Покой, который навевала музыка, усыплял, желание творить добро, напротив, возбуждало, требовало от него сумасбродств, умиротворения же он не чувствовал вовсе. И еще ему показалось, что возвращается молодость, он силен и статен, все ему по плечу...

Когда ветер стих, мастер Ганзак понял, почему книжники стояли в отдалении от беседки. Лишь законник был рядом, и его лицо казалось таким же потерянным, разочарованным, как, наверное, у Ганзака.

— В чем же дело? — прошептал мастер.

Молоточек появился в его руке, он снова обошел беседку, простукивая колонны, пластины, дотянулся и до крыши.

— Он сделал ладони полыми! И колонны тоже. Но зачем?

— Ему так посоветовали большеглазые дьяволы, — ответил ученый с косицей. — Они любят давать советы юношам. Беседку мы предадим огню, а вот как быть с людьми?

Приговор вынесли сразу. Отор выслушал молча, старый мастер тоже не сказал ни слова. Как потом заметил дядюшка Сокан, по нынешним временам с Оторм обшлись сурово, и Наследнику это вряд ли понравится. Но влияние ученых при дворе очень велико, идти против них он не посмеет.

Наказание воспоследовало сразу же за приговором. Исполнитель двумя ударами деревянного молота раздробил кисти рук Отора, и потерявшего сознание внука отдали деду.

В Логва они возвращались долго. Наняли повозку, старая кобыла еле плелась, а вознице все было ни почем, и он останавливался возле каждого трактира. К тому времени как они добрались до дома, пальцы Отора зажили, кости худо-бедно срослись, но было ясно, что он никогда уже не сможет взять в руки инструмент. Тем не менее Отор казался веселым, шутил с родственниками и даже пробовал играть на барабане.

А через три дня в комнату Ганзака прибежала служанка с криком:

— Младший господин повесился!

* * *

Прошли годы.

Подмастерье Идо успешно выдержал все испытания, его молитвенная беседка удостоилась похвалы шести мастеров, и сам он наконец стал мастером. Не желая

расставаться со старым Ганзаком, он переехал к нему в имение и помогал учителю справляться с горем.

Впрочем, мастер Ганзак ничем не выдавал своих чувств. Был все таким же приветливым и радушным к гостям, улыбался в ответ на веселую шутку и не жаловался на жизнь. Работу свою не оставил, и даже порой ночью из мастерской можно было услышать голоса инструментов. Правда, после того как миновали все положенные сроки траура, он частенько стал отлучаться из дома, порой на неделю, а то и на две. Мастера Идо беспокоили его отлучки, но, уважая волю старика, он не спрашивал, куда и по какой надобности тот уезжает, зная, что, если надо будет, Ганзак обо всем поведает сам.

Так оно и вышло.

В четвертый месяц девятого года правления под девизом «Спокойствие и достаток» мастер Ганзак опять собрался в дорогу, но на сей раз предложил Идо сопровождать его. Заказчиков в это время было немного, и он оставил грубую работу своему подмастерью, дальнему родственнику из Саганьи, который заодно прислуживал в саду.

На сей раз Ганзак велел запрягать большую повозку. Из амбара, в котором хранилась высушенная древесина, достали заготовки для беседок, крепежный материал, отдельно погрузили плитки рыбьего клея, котелок для варки лака и сундучок с инструментами.

По дороге старый мастер рассказал, что собирается завершить одну работу, а затем отойти от дел, оставив Идо мастерскую, имение и все, что накопилось за долгие годы.

После слов благодарности мастер Идо спросил, не собирается ли Ганзак уйти в какой-либо горный храм или стать отшельником, на что старик улыбнулся, огладил бороду и сказал, что приобрел небольшой домик, где и поселится. «Кто же тогда в последний час расправит ла-

дона мастера и обратит их к небу?» — поинтересовался Идо, но ответа не дождался.

А вскоре ему стало не до расспросов, потому что заставы пошли одна за другой, взгляды начальников стражи становились все более и более суровыми, а подорожные бумаги чуть ли не пробовали на зуб. Иногда повозку останавливали воины из засады, проверяя, кто следует и есть ли право на поездку. Идо догадывался, в чем причина таких строгостей, и догадки его превратились в уверенность после того, как из-за поворота показались словно выросшие из болотной низины островерхие, оскорбляющие взор своей уродливостью башни большеглазых дьяволов.

— Неужели досточтимый мастер поселился в Фактории? — вытаращил глаза Идо.

— Это странное предположение, — ответил Ганзак. — Кто же в здравом уме станет жить с чужаками? Неподалеку от Фактории много новых деревень, в которых Наследник дозволил селиться отдельным людям.

— Вот оно что, — только и вымолвил мастер Идо и молчал весь остальной путь.

Новый дом старого Ганзака стоял на взгорье. Это было небольшое строение, которое в Логва сошло бы за флигель в родовом имении. Но мастерская при доме все же имелась, и две служанки управлялись с хозяйством.

Отсюда вся Фактория была видна как на ладони.

Междуд островерхими башнями тянулась стена высотой в три человеческих роста, в некоторых местах виднелись округлые, неприятного вида ворота, сквозь которые не прерывно сновали фигурки не то людей, не то дьяволов.

За оградой мастер Идо разглядел дома чужаков, если, конечно, грубые, напоминающие короба жилища с прорезями в стенах можно назвать домами. Некоторые были высотой с тридцатилетнюю ель — там, как пояснил Ганзак, склады и службы большеглазых.

Еще одна стена в середине Фактории опоясывала странное сооружение, похожее на стог сена или на растянутый клубок из серебряных нитей. Над этим сооружением воздух мерцал и переливался, словно невидимый глазу костер разогревал его изнутри.

— Если верить чужакам, это место, откуда они появляются и куда исчезают, — сказал Ганзак, когда Идо спросил его о назначении странного сооружения.

— Неужели здесь пробита дыра в земную плоть? — ахнул Идо.

— Не знаю. Больщеглазые утверждают, что они прибыли из мест, где одна луна. Под землей же, как известно, нет ни одной.

— Лживость дьяволов известна... — пробормотал Идо. — Но откуда мастер знает столь много о чужаках? Неужели им дозволено выходить за пределы Фактории?

— Я общаюсь с ними, — просто ответил Ганзак. — До первой заставы они могут ходить свободно, а со временем Наследник разрешит им свободно передвигаться по всему благословенному краю.

Мастер Идо вздрогнул и осенил себя защитным знаком.

— Осмелюсь тогда спросить, что привело уважаемого мастера в эти места?

— Очень скоро ты узнаешь о моем замысле, — сообщил Ганзак. — А пока прошу лишь доверять мне.

Доверие мастера Идо к старому учителю было велико, но и удивлению не имелось предела. А когда в дом без приглашения стали захаживать чужаки, то его обуял страх: не повредился ли мастер Ганзак рассудком от горя?

Между тем не прошло и нескольких дней, как мастер начал работу над молитвенной беседкой, а Идо, словно в былые времена, помогал ему.

Старый мастер охотно беседовал с большеглазыми дьяволами, и хотя голоса их были невыразимо скрипучи,

слова они выговаривали правильно. Иногда Ганзак доставал музыкальные молоточки и спрашивал чужаков, какие звуки им слышны, а какие проходят мимо ушей. Несколько раз старый мастер просил своего бывшего ученика расставить звучащие пластины не из черного, а из красного дерева вдоль стен, так, чтобы они не были видны гостям, а сам наблюдал за их поведением. Идо невольно прислушивался к разговорам, и вскоре он понял, что дьяволы в своей неуемной жажде покупать и продавать не пожалеют серебра за молитvenные беседки, которые в их краях пользуются небывалым спросом.

— Что, если дьяволам тоже доступно понимание добра и зла? — заметил однажды мастер Идо. — Молитvenные беседки улучшат их природу, возможно, они обращаются к установлениям и канонам, и тогда справедливость восторжествует, не так ли?

— У них есть понимание добра и зла. — Мастер Ганзак не прерывал своей работы. — Но ни к чему улучшать их природу.

Тонкий локон стружки вился у его уха, склоненного к пластине красного дерева.

— Тогда они такие же люди, как мы, — воскликнул Идо, удивляясь своей храбрости.

— Ты это понял гораздо быстрее, чем я. Горжусь тобой, — отозвался Ганзак. — Чужаки равнодушны к нашим канонам и установлениям, потому что у них свои установления и каноны. Возможно, мы действительно из одного корня. Но если они во имя своей корысти не уважают наши обычаи, то не следует ли с ними поступать так, как они поступают с нами?

— Разве мы в силах наведаться к ним? И правильно ли это — уподобляться дьяволам в их поступках?

— Это неправильно, — вздохнул мастер Ганзак. — Но дух моего внука требует отмщения, и я не могу отступиться от замысла.

— Но ведь так вы нанесете ущерб своим тропам небесного пути?

— Я уже нанес.

И мастер Ганзак поведал мастеру Идо, как он долгими ночами вынашивал план мести, как добился разрешения поселиться близ Фактории, как искусно распустил слухи о готовности служить большеглазым за вознаграждение и как многое он узнал о чужаках, собирая по крохам сведения и беседуя с ними.

— Их земля и впрямь под единственной луной. Но злые ветры там не дуют в вечернюю пору.

— Отчего же им нужны молитвенные беседки? — удивился Идо.

— Для украшения. Для похвальбы богатством.

— Это... это возмутительно, — оскорбился мастер Идо.

— Да! Более того — это кощунство. Но ради мести я готов принять и такое искривление пути. Тебе же не следует знать, как именно я обработаю пластины и полости молитвенной беседки. Им нужен образец, а потом неживая прислуга чужаков изготовит двенадцать раз по двенадцать точно таких беседок, а потом еще столько и еще...

— Что это даст? Я так понял, что у них нет злых ветров.

— Эти беседки станут звучать при любом ветре, при любом движении воздуха и наполнят неслышной музыкой сердца большеглазых, сея раздор и смятение.

— Кто-либо испытал на себе их действие?

— Двое из чужаков, что приходили ко мне, уже говорят о недомогании, еще один перестал выходить за пределы Фактории, отдавшись пьянству. И это только грубо обработанные пластины и небольшие полости внутри заготовок!

— А в каком масле вы собираетесь выварить древесину? Холодный отжим подойдет ли?

— Думаю, обойдемся восковой растиркой. Великий мастер Гок советовал...

После того как они немного поспорили о способах нанесения воска, речь зашла о достоинствах и недостатках клея, сваренного из хрящей речного толстобрюха, по сравнению с морским, а потом служанка внесла горячее питье и холодные закуски.

Мастера вышли отдохнуть в маленький сад и уселись на скамью. Хотя Вторая луна в эти дни не стояла над головами, мастер Идо по привычке сложил руки на коленях ладонями вверх. Тут он заметил, что у мастера Ганзака одна ладонь тоже обращена к Небу, но вторая — к земле.

Грусть мастера Идо стала безмерной.

Филократ в гостях у Мидаса

— Слух, многократно умноженный, обращается в миф, а миф — это знание в кривом зеркале предрассудков, — произнес хозяин, отрезая от холодной телятины небольшой ломоть.

— Слух всегда основывается на факте, даже если факт вымыщен, — ответил гость.

Мидас отложил нож, отпил из кратера вина и посмотрел на Филократа. Гость был юн, но учтив, а слава о нем опережала его передвижения.

— Мое богатство всегда не давало покоя соседям и завистникам, — сказал царь. — Они пытаются очернить мое имя, но тем самым приносят мне известность. А это залог успеха в торговых мероприятиях.

— Но пристало ли владыке марать руки торговлей?

— Владыке не обязательно заниматься торговлей самому. Для этого есть доверенные лица.

. — Да, это во благо, — согласился гость, — торговля способствует миру. До определенного часа. Я рад, что вымыслы о вас остались вымыслами.

— Иначе и быть не могло. Даже если предположить, что возможно обращение любого материала в золото одним прикосновением пальца, то последствия этого вполне представимы. Допустим, я (видите, я допускаю, что могу быть таким чудодеем) действительно получил от Силеня такой дар. Что бы воспоследовало? Я прикасаюсь к глиняному черепку, и он обращается в золото. Я при-

касаюсь к этой прекрасной груше... — С этими словами Мидас взял большую желтую грушу и с удовольствием надкусил ее.

— Итак, я беру грушу — и ломаю зубы о металл. И так далее. Но будем последовательны.

Филократ кивнул, соглашаясь быть последовательным.

— Допустим, я беру в руки кратер... — Мидас отпил еще глоток, — и он становится золотым... Впрочем... — царь повертел в руке кратер, — он и так золотой, но дело не в этом. Вопрос: превратится ли в золото вино в чаше? Это главный вопрос. Допустим, превратится. Следовательно, в золото превращается не только то, до чего я дотрагиваюсь, но и то, чего касается то, до чего я дотрагиваюсь. Если я беру плод со стола, то в миг прикосновения к плоду не только он, но и стол должен стать золотым. Но, если рассуждать здраво, и пол, на котором стоит золотой стол, и дом, в котором находится пол, должны превратиться в золото. А на чем стоит дом? Упростим наши рассуждения: я выхожу во двор и опускаю руки в реку, в море, касаюсь земли. И что же? Море, река, земля, вся земля, превращаются в золото? Почему же они до сих пор не превратились?

«Вода, — подумал Филократ и вздрогнул, — впрочем, об этом он не может знать. Это будет описано через три тысячи лет, и это тоже будет вымысел».

— Итак, — потер руки Мидас, — мы доказали абсурдность первой посылки. Предположим, в золото превращается только то, к чему прикасаюсь я сам, но не то, чего касается то, чего касаюсь я.

Филократ поморщился, громоздкая конструкция была неприятна для слуха.

— Тогда достаточно проявить осторожность, и все проблемы решены. Можно есть ножом, носить двойные перчатки — первый слой, сплетенный из тонкой золотой

проводки, второй — тканевый. Кстати, а во что превратится золото, если я прикоснусь к нему?

— Вот этого вы не должны были говорить! — сказал Филократ, поднимаясь с ложа.

— Вы оскорблены? — поднял бровь Мидас. — Я так и знал, вы из этой вонючей своры Хранителей. Ну и что теперь?

— Теперь все, к чему ты прикоснешься, обратится в железо!

Филократ сбросил плащ, развернул крылья и взлетел. Сделал круг над дворцом и, провожаемый криками восхищения, исчез в небе.

Мидас сидел неподвижно и смотрел на море. Затем он отпил из кратера и внимательно посмотрел на сосуд. Золото оставалось золотом.

— Глупец, — пробормотал он, — не знаю, из какого ты времени, но сущий глупец. Кто не знает, что железо — это не медь и не бронза, железо много полезней золота, ибо у кого много железа, у того много отличных мечей и копий, а значит, и золото никуда не денется. И к тому же, — добавил он, шевеля пальцами в тонкой перчатке телесного цвета, — оно значительно легче золота.

Теперь перчатка была железной.

Содержание

Деревянные облака	5
Возвращение мытаря	198
Чужие долги	278
Аргус	364
Детство Астхик	381
Ладонь, обращенная к небу	385
Филократ в гостях у Мидаса	412

**Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
 правообладателя запрещается.**

Литературно-художественное издание

16+

**Геворкян Эдуард
Деревянные облака**

Сборник

**Компьютерная верстка: Р.В. Рыдалин
Технический редактор О.Л. Серкина**

**Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры**

**Подписано в печать 10.02.14. Формат 84x108 1/32.
Усл. печ. л. 21,84. Тираж 2000 экз. Заказ №260.**

**Наши электронные адреса: WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru**

**ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, стр. 3, ком. 5**

**Отпечатано в ОАО «ИПП «Правда Севера».
163002, г. Архангельск, пр. Новгородский, 32.
Тел./факс (8182) 64-14-54, тел.: (8182) 65-37-65, 65-38-78
www.ippps.ru, e-mail: zakaz@ippps.ru**

Эдуард
Геворкян

ДЕРЕВЯННЫЕ ОБЛАКА

www.ast.ru

ISBN 978-5-17-083754-8

Эдуард
Геворкян

ДЕРЕВЯННЫЕ
ОБЛАКА

Эдуард Геворкян — публицист, критик, один из основателей легендарного журнала «Если», литературно-философской группы «Бастион» и, конечно же, замечательный писатель, автор широко известных «Времен негодяев», «Правил игры без правил», «Темной горы», «Черного стерха». В сборнике представлены повести и рассказы мэтра отечественной фантастики, выходившие ранее только в журналах и альманахах.

ЛАБИРИНТ

ЗВЕЗДНЫЙ